

Х. М. АСТРАХАН

БОЛЬШЕВИКИ

**И ИХ
ПОЛИТИЧЕСКИЕ
ПРОТИВНИКИ**

В 1917 году

Х. М. АСТРАХАН

**БОЛЬШЕВИКИ
И ИХ
ПОЛИТИЧЕСКИЕ
ПРОТИВНИКИ
В 1917 году**

Из истории
политических партий в России
между двумя революциями

ЛЕНИЗДАТ • 1973

В монографии кандидата исторических наук Х. М. Астрахана предпринято комплексное исследование истории основных политических партий России в период между Февральской буржуазно-демократической и Октябрьской социалистической революциями. В книге подробно рассмотрены взаимоотношения и борьба большевистской партии с ее антиподом, прямым и главным врагом — кадетами и с меньшевиками и эсерами — этими «ближайшими», по выражению В. И. Ленина, противниками большевизма.

Опираясь на широкий круг архивных и печатных источников и на работы советских историков, автор прослеживает во всей конкретности сложную, полную драматизма политическую борьбу в России в переломный для истории страны период. Судьбы партий рассматриваются в органической связи с борьбой классов, с изменением в ходе революции отношения масс к отдельным партиям.

Монография содержит много нового. Политические платформы, стратегия и тактика политических партий анализируются в свете отношения классов и партий к социализму и его перспективам в России. Исследованы состав, организационные основы, численность партий, их пресса и публицистика.

Книга помогает глубже понять причины банкротства буржуазных и мелкобуржуазных партий, закономерность победы ленинской партии большевиков в октябре 1917 года.

**ЧТОБЫ ПОНЯТЬ РАЗВИТИЕ РУС-
СКОЙ РЕВОЛЮЦИИ, ВСЕГО НЕОБ-
ХОДИМНЕЕ... ИЗУЧИТЬ, КАКОВЫ БЫ-
ЛИ ГЛАВНЫЕ ПАРТИИ, ИНТЕРЕСЫ
КАКИХ КЛАССОВ ОНИ ЗАЩИЩА-
ЛИ, КАКОВЫ БЫЛИ ВЗАИМООТНО-
ШЕНИЯ ВСЕХ ЭТИХ ПАРТИЙ.**

В. И. Ленин

ВВЕДЕНИЕ

Победа Великой Октябрьской социалистической революции радикально изменила положение политических партий в России. Революция смела правительственный блок буржуазных и мелкобуржуазных партий и поставила у власти большевиков — партию революционного пролетариата. Совершилось событие всемирно-исторического значения. Впервые после Парижской коммуны 1871 года к власти пришел рабочий класс, полный решимости окончательно победить буржуазию, построить социалистическое общество в России и проложить всему человечеству путь к социализму и коммунизму.

В. И. Ленин считал, что всестороннее исследование причин победы большевистской партии над контрреволюционной коалицией буржуазных и мелкобуржуазных партий — это «интереснейший исторический и политический вопрос»¹. Таким он остается и поныне.

Идеологи буржуазии пытаются представить победу большевиков в октябре 1917 года как «случайность», отрицают ее закономерность. Советская историческая наука, воссоздавая на основе марксистско-ленинской методологии подлинную историю Великого Октября, изобличает буржуазных, реформистских и ревизионистских критиков Октябрьской революции, раскрывает значение опыта нашей партии для торжества благородного дела освобождения трудящихся всего мира.

Исследование истории Великой Октябрьской социалистической революции включает в себя в качестве

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 4.

центральной проблемы рассмотрение взаимоотношений и борьбы политических партий в России между февралем и октябрём 1917 года.

Всего в то время в стране насчитывалось несколько десятков политических партий¹, в том числе партии: революционного пролетариата (большевики); мелкой буржуазии (меньшевики, эсеры, трудовые народные социалисты, максималисты, анархисты, бундовцы и др.); буржуазии и помещиков (кадеты, радикал-демократы, земельные собственники и др.); буржуазные и мелкобуржуазные националистические партии (их было особенно много в национальных районах страны²). Большинство второстепенных буржуазных и мелкобуржуазных партий тяготело или к кадетам, или к меньшевикам и эсерам.

В. И. Ленин неоднократно, до и после победы Октября, отмечал, что научное познание закономерностей революции требует одновременного рассмотрения, сопоставления позиций всех партий. Он говорил: «Никогда нельзя забывать смотреть в целом на отношения всех партий вместе»³. Именно под этим углом зрения написана брошюра В. И. Ленина «Политические партии в России и задачи пролетариата» (апрель 1917 г.). Дав классификацию главных групп политических партий, определив, какой класс представляет каждая группа, В. И. Ленин сопоставил, далее, отношение этих групп партий к злободневным теоретическим и политическим вопросам. Ленинские положения, строго научные, лаконичные и вместе с тем предельно ясные, убедительно показали правоту большевиков, вскрыли несостоятельность и фальшивость позиции их противников — партий буржуазии и мелкой буржуазии.

В предлагаемой вниманию читателей работе принято комплексное исследование политических партий, наиболее активно проявивших себя на общественной арене России в 1917 году, в период от Февраля до Октября.

¹ На выборах в Учредительное собрание в ноябре 1917 года, как указано в статистической сводке, приведенной Н. В. Святицким, конкурировало 17 общероссийских политических партий (см. Н. В. Святицкий. Итоги выборов во Всероссийское Учредительное собрание. В кн.: «Год русской революции». М., 1918, стр. 107).

² На Украине, например, насчитывалось около 20 партий, из которых половина — националистические (см. М. Г. Рафес. Два года революции на Украине (Эволюция и раскол «Бунда»). М., 1920, стр. 9—11).

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 496.

В поле зрения — основные партии России. В работе прослеживаются взаимоотношения и борьба партии большевиков с ее антиподом, прямым и главным врагом — кадетами и с меньшевиками и эсерами — этими «ближайшими», по выражению В. И. Ленина, противниками большевизма¹. В соответствии с ленинским методом, история политических партий рассматривается в целом, комплексно. Большевистская партия с ее идеологией и программой, политической платформой и практической деятельностью, внутривнутрипартийной жизнью противопоставляется враждебным ей партиям.

При рассмотрении идеологии партий особое внимание уделено показу принципиально различного отношения большевиков и их противников к вопросу, который В. И. Ленин считал наиболее существенным, — о социализме и его перспективах в России². Именно в отношении к назревавшей социалистической революции, в определении судеб социализма в России наиболее отчетливо проявилась классовая природа политических партий. Вокруг этих вопросов развернулась особенно острая борьба.

В связи с анализом политической деятельности партий на разных этапах революции — в период двоевластия, после июльских событий, в канун Октября — рассматриваются платформы и действия большевиков и противостоявших им партий по вопросам, выдвинутым революцией на первый план, — о власти, о войне и мире, о земле, сопоставляется отношение каждой из партий к массам.

В разделах книги, посвященных внутривнутрипартийной жизни, анализируются наиболее существенные, обусловленные природой партий, моменты их жизни и деятельности: членство в партии, социальный состав послефевральского пополнения, организационное строение партии.

К. Маркс писал в 1860 году, что если знать историю всех партий того времени, когда действовал Союз коммунистов, «то приходишь к заключению, что в этом XIX столетии наша партия выделяется своей чистотой»³. Сравнивая Союз коммунистов с его политическими про-

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 134.

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 194.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 30, стр. 403.

тивниками, Маркс с гордостью говорил: «...у нашей партии больше ума и характера»¹. То же самое с полным основанием можно сказать о ленинской партии большевиков. Сопоставление ее с другими партиями, действовавшими в России в 1917 году, по одним и тем же параметрам, показ всех этих партий крупным планом делают особенно очевидными величайшие достоинства партии революционного пролетариата, ее превосходство над политическими противниками.

Судьбы партий рассматриваются в настоящей работе в органической связи с борьбой классов российского общества, с изменением в ходе революции отношения масс к отдельным партиям. Буржуазные историки обходят или искажают этот вопрос. Победа Октябрьской революции объясняется ими, с одной стороны, нерешительностью, робостью и ошибками кадетов, меньшевиков и эсеров, с другой — напористостью «жаждавших власти» большевиков. Что же касается народных масс, то они, в изображении многих буржуазных «советоведов», пребывали в состоянии пассивности, чем, дескать, и воспользовались большевики². В советской исторической литературе убедительно опровергнуты эти и подобные измышления, обстоятельно рассмотрены объективные условия, обеспечившие победу пролетарской революции в России³. Здесь же мы кратко остановимся на развитии

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 30, стр. 403.

² «В то время как все население в целом было пассивным, — пишет американский буржуазный историк А. Мейер, — вооруженные отряды большевиков организованно и быстро стали захватывать стратегические пункты, арсеналы, центры связи и важные опорные пункты в столице России» (А. Мейер. *Leninism Harward*, 1957, р. 176). В том же духе говорится об Октябрьской революции в книжонке некоего П. Федченко, изданной в Мюнхене: «Пассивность масс дала возможность сравнительно небольшой кучке матросов и солдат под предводительством большевистской партии произвести переворот и захватить власть в Петрограде» (П. Федченко. Новая «История КПСС». Мюнхен, 1960, стр. 49). Несостоятельность этих измышлений раскрыта в трудах: Л. С. Гапоненко, А. Н. Сахаров, Г. Л. Соболев. *Великий Октябрь и его современные буржуазные критики*. «Вопросы истории», 1969, № 1; «Против буржуазных фальсификаторов истории и политики КПСС». М., 1970; «Великий Октябрь в работах советских и зарубежных историков. Сб. статей». М., 1971; «Критика буржуазной историографии советского общества». М., 1972.

³ См. И. И. Минц. *История Великого Октября*, т. 1. М., 1967 (гл. 1, 2); А. Л. Сидоров. *Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции*. М., 1970, и др.

классового сознания рабочих и крестьян России в 1917 году¹.

Беря курс на социалистическую революцию, большевистская партия исходила не только из наличия в стране экономических предпосылок, но учитывала и то новое в социально-психологическом настрое масс, что появилось в результате свержения самодержавия: стремление их (сознательное — у передовых рабочих, инстинктивное — у большинства народа) к коренному переустройству общественной жизни. Ознакомление с эволюцией общественного сознания пролетарских масс в марте—октябре 1917 года позволяет лучше оценить значение воспитательной и организаторской деятельности партии по подготовке масс к борьбе за победу социалистической революции.

Научно-методологической основой и незаменимым источником изучения истории политических партий России в 1917 году являются труды В. И. Ленина. Его взгляды на развитие борьбы классов и партий в России дают ключ к исследованию различных аспектов этой проблемы. В работах В. И. Ленина «О задачах пролетариата в данной революции», «Политические партии в России и задачи пролетариата», «Партии на выборах в районные думы», «Политическое положение», «Уроки революции», «О компромиссах», «Удержат ли большевики государственную власть?», «Пролетарская революция и ренегат Каутский», «Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата», «К четвертой годовщине Октябрьской революции», «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», «О нашей революции» и многих других дана глубокая научно обоснованная характеристика политических партий России и их деятелей на различных этапах революции. Труды В. И. Ленина служат надежным ориентиром для историков-марксистов, занимающихся исследованием Октябрьской революции.

Важное значение для уяснения узловых проблем Великой Октябрьской социалистической революции имеют документы Коммунистической партии, посвященные 50-летию Октября, 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, 50-летию образования СССР, документы и

¹ Этот вопрос только с недавнего времени привлек внимание историков. См., напр., Г. Л. Соболев, В. И. Ленин о психологии революционных масс Петрограда в 1917 г. В кн.: «В. И. Ленин в Октябре и в первые годы Советской власти». Л., 1970.

материалы международного коммунистического движения, в частности Совещания коммунистических и рабочих партий 1969 года.

Изучение политических партий России 1917 года в советской литературе в основном велось в плане разработки истории отдельных, главнейших партий. Деятельность же этих партий в целом рассматривалась обычно в общих трудах по истории Октября. Лишь в последнее время появились работы, в комплексном плане освещающие историю политических партий России в 1917 году. Особо следует отметить книгу большого коллектива авторов «В. И. Ленин и история классов и политических партий в России»¹, в которой на основе богатейшего ленинского теоретического наследия и важнейших трудов советских историков прослеживается история классов и партий в России с конца XIX века до 30-х годов XX века.

Из всех политических партий России наиболее детально исследована многогранная деятельность партии большевиков, ее работа по подготовке и проведению социалистической революции. Это естественно. Партия большевиков оказала определяющее воздействие на развитие событий в России в 1917 году (факт, признанный в ходе революции даже ее врагами²). Торжество Октября и величайшие успехи рожденного им общественного строя обусловили устойчивый, неуклонно возрастающий интерес к истории партии, возглавившей первую в мире победоносную социалистическую революцию.

Достижения нескольких поколений советских ученых в исследовании истории большевистской партии в период подготовки и проведения Октябрьской революции³

¹ В книге «В. И. Ленин и история классов и политических партий в России» (М., 1970), в главе «Классы и партии в Октябрьской революции» (авторы К. В. Гусев, Л. М. Спиринов, А. М. Соколов), впервые в сводном виде рассматриваются судьбы классов и партий в период Октября.

² Видный кадетский деятель В. Д. Набоков писал в сентябре 1917 года, что психология большевизма была «наиболее ярким и наиболее действенным фактором» полугодовой истории русской революции (В. Д. Набоков. Шесть месяцев революции. «Вестник партии народной свободы» (далее: ВПНС), 1917, № 19, стр. 2).

³ Историографический обзор литературы см. в работах: М. Е. Найденов. Великая Октябрьская социалистическая революция в советской историографии. «Вопросы истории», 1957, № 10; Е. Н. Городецкий. К характеристике историографии Великой Октябрьской социалистической революции (1917—1934 гг.). «История СССР», 1960, № 6; И. Ф. Петров. Освещение некоторых

в известной мере отражены в 3-м томе «Истории Коммунистической партии Советского Союза»¹. Сопоставление его с изданным в 1929 году IV томом «Истории ВКП(б)»², первым обобщающим трудом по истории партии в рассматриваемый период, дает наглядное представление о развитии историко-партийной науки за четыре десятилетия, разделяющие появление этих трудов.

Прежде всего, сделан значительный шаг в изучении теоретической деятельности партии большевиков в период подготовки Октября.

В «Истории ВКП(б)» далеко не в полном объеме раскрыто то новое, что внес В. И. Ленин в 1917 году в теорию социалистической революции. Не упомянуты даже теоретические работы В. И. Ленина, написанные осенью 1917 года.

В «Истории КПСС» вопросы теории получили более обстоятельное освещение. Подчеркнуто значение Апрельских тезисов как выдающегося вклада в теорию социалистической революции, нового шага вперед в ее развитии. Специальный раздел посвящен программным работам В. И. Ленина, написанным в преддверии Октября: «Государство и революция», «Грозящая катастрофа и как с ней бороться», «Удержат ли большевики государственную власть?». Отмечено, что эти работы вооружили партию новыми теоретическими выводами, умножили ее силы в борьбе за торжество пролетарской революции. Обстоятельнее и четче, по сравнению с тем, как это было сделано в 1929 году, освещены вопросы тактики партии на различных этапах подготовки Октября. В частности, глубоко раскрыт ленинский план вооруженного восстания.

проблем Октябрьской революции в историко-партийной литературе. «Вопросы истории КПСС», 1962, № 5; И. И. Минц, В. А. Куманев. Научная литература по истории Октября. «Вестник Академии наук СССР», 1964, № 11; Г. Н. Голиков. Великая Октябрьская социалистическая революция в советской исторической литературе. В кн.: «Очерки истории исторической науки в СССР», т. II. М., 1966; В. М. Водолагин. Октябрьское вооруженное восстание в советской исторической литературе. М., 1967; Е. И. Тепляшина. В. И. Ленин — вождь Октябрьского вооруженного восстания (Историографический обзор). М., 1970.

¹ «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 3, кн. 1 (март 1917 — март 1918 г.). М., 1967.

² «История ВКП(б)». Под общей редакцией Ем. Ярославского. Т. IV. М., 1929.

В то время, когда создавался IV том «Истории ВКП(б)», вопросы партийного строительства в 1917 году были разработаны еще слабо. Авторы 3-го тома «Истории КПСС», опираясь на значительно больший круг источников и обширную литературу (о местных партийных организациях, о большевистской печати и пр.) и проведя дополнительно специальные исследования, впервые установили динамику роста партии с марта по октябрь 1917 года, ее социальный состав, уточнили расстановку партийных сил по отдельным районам, воссоздали картину организационной структуры партии в канун Октября.

Выход в свет 3-го тома «Истории КПСС» — книги, наиболее полно отразившей руководящую роль большевистской партии в период Великой Октябрьской социалистической революции, способствует дальнейшему изучению этой важной темы.

Первые брошюры о буржуазных и мелкобуржуазных партиях были опубликованы в 20-х годах. В то время кадеты, меньшевики и эсеры еще сохраняли некоторую опору в стране, и обращение к прошлому этих партий имело актуальное политическое значение. С середины 30-х годов число публикаций о политических партиях уменьшилось. В течение примерно двух десятилетий вышло всего лишь несколько небольших статей. С середины 50-х годов эта тематика вновь привлекает внимание исследователей. Появляются обстоятельные статьи и монографии по истории непролетарских партий в 1917 году, которые намного расширили научные представления о враждебном социалистической революции лагере¹.

В зависимости от объекта исследования литература о непролетарских партиях в России с марта по октябрь 1917 года может быть сгруппирована следующим образом: а) работы о меньшевиках, б) об эсерах, в) о блоке этих партий, г) о кадетях, д) о непролетарских партиях в целом.

Первые брошюры о меньшевиках И. В. Вардина и

¹ Историографический обзор литературы о мелкобуржуазных партиях см.: Л. М. Спирин. Историография борьбы РКП(б) с мелкобуржуазными партиями в 1917—1920 гг. «Вопросы истории КПСС», 1966, № 4; «В. И. Ленин и история классов и политических партий в России» (гл. V); К. В. Гусев. Советские историки о крахе партии эсеров. В кн.: «Великий Октябрь в работах советских и зарубежных историков». М., 1971.

С. Диманштейна¹ вышли в начале 20-х годов. В них очень кратко, на 4—5 страницах, рассказано о переходе меньшевиков в 1917 году на сторону буржуазии и борьбе их против социалистической революции. В 1925 году была опубликована книга И. Вардина «Революция и меньшевизм» — критический очерк о деятельности меньшевистской партии в 1917—1923 годах. В первой главе — «Февральская революция» — рассмотрены течения в меньшевизме во время войны; на значительном фактическом материале, почерпнутом в основном из периодической печати, показано, что в 1917 году усилия меньшевиков, равно как и эсеров, были направлены на «утверждение единовластия буржуазии»².

Несколько работ о меньшевиках появилось в 1930—1932 годах. О союзе меньшевиков с буржуазией конспективно говорится в брошюре Д. Эрде³. П. Н. Лепешинский в своей брошюре показал, как меньшевики «докатались до роли контрреволюционного фактора в прямом смысле этого слова»⁴. В сборник «Меньшевики-интервенты»⁵ вошли статьи, опубликованные в прессе в связи с состоявшимся в 1931 году судебным процессом над Союзным бюро меньшевиков. В работе И. И. Минца «Меньшевики в интервенции»⁶ аргументированно показана контрреволюционная деятельность меньшевистских лидеров начиная с июльских дней 1917 года.

В 1932 году вышла брошюра П. П. Гришина «Меньшевики и Октябрьская революция»⁷. Она уступает брошюрам на аналогичную тему, выпущенным в начале 20-х годов, в живости изложения, но в ней больше фактического материала, имеется постраничный справочный аппарат. П. Гришин показывает, что практическая деятельность меньшевиков по укреплению буржуазной власти явилась результатом немарксистской оценки ими движущих сил революции. В начале 30-х годов было опубликовано несколько статей, разоблачающих

¹ Ил. Вардин. Партия меньшевиков и русская революция. М., 1922; его же. Против меньшевизма! Тверь, 1924; С. Диманштейн. Кто такие меньшевики. Харьков, 1923.

² Ил. Вардин. Революция и меньшевизм. М.—Л., 1925, стр. 28.

³ Д. Эрде. Меньшевики. Харьков, 1930.

⁴ П. Лепешинский. Меньшевики. М., 1931, стр. 63.

⁵ «Меньшевики-интервенты. Сб. статей». М.—Л., 1931.

⁶ И. Минц. Меньшевики в интервенции. М.—Л., 1931.

⁷ П. П. Гришин. Меньшевики и Октябрьская революция. М.—Л., 1932.

контрреволюционную деятельность меньшевиков в период Октября¹.

В последующие три десятилетия специальных работ о меньшевиках не появлялось. Только в 1968 году вышла монография Н. В. Рубана о борьбе большевиков против меньшевиков в период подготовки и проведения Октябрьской революции². Автор прослеживает эволюцию партии меньшевиков от реформизма к прямому предательству интересов рабочего класса. Он показывает, что меньшевики, неспособные занять самостоятельную позицию ни по одному важнейшему вопросу революции, постоянно колебались между пролетариатом и буржуазией и в конечном счете переметнулись на сторону последней, предав интересы рабочего класса. Оппортунистической политике меньшевиков противопоставляется революционная, отвечающая интересам трудящихся масс линия большевистской партии. Книга опровергает домыслы буржуазных пропагандистов, будто меньшевики сошли с исторической арены из-за преследований со стороны Советской власти, убедительно показывая, что «меньшевики еще до Октября остались без масс, а для политической партии это и означает ее гибель»³. По сравнению с политикой меньшевизма, раскрытой достаточно полно, идеология и внутренняя организация этой партии изложены в монографии менее обстоятельно.

Первые работы об эсеровской партии появились в 1922 году в связи с состоявшимся тогда судебным процессом над правыми эсерами⁴. А. В. Луначарский широко привлек труды В. И. Ленина для раскрытия антинародной политики эсеров в 1917 году. Он верно подметил, что небывалый численный рост эсеровской партии после свержения царизма объяснялся не достоинствами ее, а недостатками: путанностью программы, эклектизмом в теории, политической неразборчивостью⁵.

¹ См. М. Югов. *Меньшевики в 1917 году*. «Историк-марксист», 1931, № 22; Б. Горев. *Меньшевики в Октябрьской революции в Петербурге*. «Каторга и ссылка», 1932, кн. 11—12.

² Н. В. Рубан. *Октябрьская революция и крах меньшевизма (март 1917—1918 г.)*. М., 1968.

³ Н. В. Рубан. Указ. соч., стр. 6.

⁴ См. А. Луначарский. *Бывшие люди*. Очерки истории партии эсеров. М., 1922; Ю. Стеклов. *Партия социалистов-революционеров (правых эсеров)*. М., 1922; М. Покровский. *Что установил процесс так называемых «социалистов-революционеров»*. М., 1922.

⁵ См. А. Луначарский. Указ. соч., стр. 20.

В содержательной брошюре М. Н. Покровского показано, что эсеры в 1917 году фактически отреклись от основного своего программного требования — социализации земли (вопрос, получивший дальнейшую разработку в советской историографии об эсерах). Некоторые положения брошюры вызывают возражение, например утверждение Покровского, что партия эсеров, став правительственной, «не стала *правлящей партией*». В. И. Ленин убедительно показал в статье «*Правящие и ответственные партии*», опубликованной 18 июня 1917 года, что «блок эсеров и меньшевиков есть *правлящая партия в России*»¹. Разоблачению контрреволюционной политики эсеров в 1917 году посвящена также брошюра Ю. М. Стеклова.

В 1929 году вышла рассчитанная на массового читателя брошюра об эсерах С. Черномордика². В последней главе — «Эсеры в Февральскую и Октябрьскую революции» — автор прослеживает эволюцию этой партии от социал-соглашательства к контрреволюции. В 30-х годах появилось еще несколько статей об эсерах³.

В 1968 году вышла наиболее крупная монография об эсерах — книга К. В. Гусева и Х. А. Ерицяна⁴. Авторы задались целью раскрыть антинаучную, псевдосоциалистическую, мелкобуржуазную сущность теоретических воззрений эсеров, рассмотреть внутреннюю историю кризиса этой партии, показать на конкретном историческом материале эволюцию эсеров от соглашательства к контрреволюции. Естественно, успешность решения поставленной задачи в значительной степени определила та часть книги, в которой рассматривается история эсеровской партии между Февралем и Октябрем, когда, собственно, она и превратилась в контрреволюционную силу. В посвященной этому периоду главе («Партия

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 32, стр. 355.

² С. Черномордик. Эсеры (Партия социалистов-революционеров). Харьков, 1929.

³ См. Э. Генкина. Разгром эсеровской партии большевиками. «Большевик», 1935, № 21; А. Агарев. Борьба большевиков против мелкобуржуазной партии эсеров. «Пропагандист», 1939, № 16. (Литература о левых эсерах — партии, окончательно оформившейся после победы Октябрьской революции, — здесь не рассматривается.)

⁴ К. В. Гусев, Х. А. Ерицяна. От соглашательства к контрреволюции (Очерки истории политического банкротства и гибели партии социалистов-революционеров). М., 1968.

социалистов-революционеров в период двоевластия и ее политическое банкротство накануне Октябрьской социалистической революции») собран значительный материал, разоблачающий соглашательскую деятельность партии с.-р. и окончательное превращение ее после июльских событий в антинародную, контрреволюционную партию. Приведенные факты раскрывают противокрестьянскую политику правых эсеров в аграрном вопросе, их попытки превратить Советы крестьянских депутатов в подсобные органы буржуазной власти, ориентацию эсеровских деятелей на союз с кадетами. Детально показан рост левой оппозиции в эсеровской партии. Но некоторые существенные стороны истории партии эсеров в 1917 году и тактики борьбы с ней большевиков не получили в книге достаточного освещения. Авторы обошли сложный и далеко не исследованный еще вопрос о составе и численности партии эсеров. Скупно и неясно изложена ее теоретическая платформа после свержения царизма.

Антинародная деятельность эсеров и борьба с ними партии большевиков в 1917 году рассматриваются в статьях В. В. Гармизы, К. В. Гусева, В. И. Кострикина¹.

Совместные действия меньшевиков и эсеров в 1917 году обусловили появление исторических работ, посвященных обеим партиям. Первой такой работой была небольшая по объему брошюра В. Быстрянского². Она дает в общих чертах характеристику идеологии обеих партий мелкобуржуазного социализма (их роль в «момент решительной схватки между трудом и капиталом не только консервативна, но прямо реакционна»³), показывает, что, несмотря на программно-тактические расхождения, меньшевики и эсеры тесно сотрудничали с буржуазными партиями против революционного пролетариата. В. Быстрянский использовал применительно к рассматриваемому периоду положения К. Маркса и Ф. Энгельса о мелкобуржуазных демократах, боящихся порвать

¹ В. В. Гармиза. Как эсеры изменили своей аграрной программой. «Вопросы истории», 1965, № 7; К. В. Гусев. Тактика партии большевиков по отношению к эсерам накануне Февральской революции и в период двоевластия. В кн.: «Большевики в борьбе против мелкобуржуазных партий в России (1910—1920 гг.)». М., 1969; В. И. Кострикин. Маневры эсеров в аграрном вопросе накануне Октября. «История СССР», 1969, № 1.

² В. Быстрянский. Меньшевики и эсеры в русской революции. Пг., 1921.

³ В. Быстрянский. Указ. соч., стр. 5.

с буржуазией, неспособных проводить твердую политическую линию.

В 1924 году были опубликованы лекции Н. Н. Попова о мелкобуржуазных партиях. Переход в лагерь контрреволюции меньшевиков и эсеров в 1917 году автор связывает с социальным составом этих партий, а именно — с преобладанием буржуазной интеллигенции среди меньшевиков, обывательских, погрязших в оборончестве элементов в верхах эсеровской партии (низы последней, указывает автор, составляли крестьяне, рабочие, солдаты¹).

В конце 50-х и в 60-х годах был опубликован ряд статей² о мелкобуржуазных партиях в период подготовки победы Великого Октября. В 1968 году вышла монография П. И. Соболевой «Октябрьская революция и крах социал-соглашателей»³. В первой главе рассматривается тактика большевиков по отношению к меньшевистско-эсеровскому блоку с марта 1917 года до корниловщины, в дни корниловского мятежа и в преддверии Октября.

¹ См. Н. Н. Попов. Мелкобуржуазные антисоветские партии (Шесть лекций). М., 1924, стр. 37.

² См. Е. И. Попов. Разоблачение большевиками предательской деятельности меньшевиков и эсеров в период подготовки Октябрьского вооруженного восстания. В кн.: «Доклады VII научной конференции, посвященной 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции», вып. 1. Томск, 1957; А. Н. Резниченко. Разоблачение большевиками соглашательской деятельности меньшевиков и эсеров в Сибири в условиях развития революции от Февраля к Октябрю 1917 г. «Труды Новосибирского инженерно-строительного института им. В. В. Куйбышева», 1959, т. 9; Д. В. Ознобишин. Борьба большевиков с соглашателями в Петроградском Совете (март 1917 г.). «Исторические записки», 1963, т. 73; Е. Бугаев. Классы и партии России в канун Октября. «Коммунист», 1966, № 16; С. Е. Хаскина. Борьба В. И. Ленина с мелкобуржуазными соглашательскими партиями в период от Февраля к Октябрю 1917 года. В кн.: «Ленин—Партия—Октябрь». Л., 1967; Л. А. Комиссаренко. В. И. Ленин об углублении кризиса партий эсеров и меньшевиков в послеиюльский период 1917 года. «Сборник научных трудов кафедр общественных наук, посвященный 100-летию со дня рождения В. И. Ленина» (Ленинградский электротехнический институт связи им. М. А. Бонч-Бруевича). Л., 1969.

³ П. И. Соболева. Октябрьская революция и крах социал-соглашателей. М., 1968. (Ранее автор опубликовала работу «Борьба большевиков против меньшевиков и эсеров за ленинскую политику мира (ноябрь 1917—1918 гг.)». М., 1965. Она начинается с рассмотрения борьбы большевиков с социал-соглашателями в марте—октябре 1917 года.)

Из крупных непролетарских партий, действовавших в России в 1917 году, наименее изучена история главной партии русской буржуазии — кадетов. Но в работах о русской контрреволюции в 1917 году, в частности в исследованиях Н. Ф. Славина, Н. Я. Иванова, В. Я. Лаверычева, Н. Г. Думовой¹, а также в работах, связанных с историей русской буржуазии², кадетам отводится большое место. Советские историки на богатом фактическом материале убедительно показали, что кадеты выступали в качестве главной партии русской буржуазии, в роли ведущей силы контрреволюционного лагеря. Это положение раскрывается также в докторской диссертации А. М. Малькова³ и защищенной в 1970 году кандидатской диссертации Н. Г. Думовой. В последней наряду с исследованиями политики кадетов рассматривается также социальный состав партии, борьба течений в ней⁴.

Помимо литературы об отдельных непролетарских партиях имеется несколько работ, объектом рассмотрения которых являются все эти партии в целом. Еще в 1922 году была опубликована брошюра И. Вардина «Политические партии и русская революция»⁵. В разделе «От Февраля к Октябрю» кратко рассказано о непролетарских политических партиях — кадетях, эсерах и меньшевиках.

¹ См. Н. Ф. Славин. Из истории политической подготовки корниловщины. «Труды Петрозаводского государственного университета», 1957, т. VII; его же. Из истории июльского политического кризиса 1917 г. «История СССР», 1957, № 2; Н. Я. Иванов. Из истории борьбы против «второй корниловщины». «Вопросы истории», 1960, № 11; его же. Корниловщина и ее разгром. Л., 1965; В. Я. Лаверычев. Русские монополисты и заговор Корнилова. «Вопросы истории», 1964, № 4; его же. По ту сторону баррикад (Из истории борьбы московской буржуазии с революцией). М., 1967; Н. Г. Думова. Малоизвестные материалы по истории корниловщины. «Вопросы истории», 1968, № 11.

² См. П. В. Волобуев. Пролетариат и буржуазия России в 1917 г. М., 1964; В. С. Васюков. Внешняя политика Временного правительства. М., 1966. Подробнее см. «В. И. Ленин и история классов и политических партий в России», стр. 254—256.

³ А. М. Мальков. Разгром большевиками кадетской контрреволюции в 1917 году (февраль—октябрь). Диссертация. М., 1959.

⁴ Н. Г. Думова. Провал политики кадетской партии в борьбе за власть буржуазии (февраль—октябрь 1917 г.). Автореферат канд. дисс. М., 1970.

⁵ Ил. Вардин. Политические партии и русская революция. М., 1922.

В 1965 году вышла объемистая монография В. В. Комина о буржуазных и мелкобуржуазных партиях России в период Октябрьской революции¹. В ней наряду с историей кадетов, меньшевиков и эсеров рассматриваются также менее значительные непролетарские партии: октябристы, радикал-демократы, народные социалисты (энесы), максималисты, анархисты. В монографии собран и систематизирован большой материал об этих партиях, об отношении каждой из них к вопросам о власти, о войне, к аграрному и национальному. Большое место уделено показу различных течений внутри партий меньшевиков и эсеров. Но автору не удалось соединить широкий охват темы с ее глубокой разработкой. В ряде случаев приведенный в монографии фактический материал лишь бегло комментируется и не получает обоснованной научной оценки. Слабость исследовательской стороны монографии сказалась и в том, что в ней обойдены вопросы о численности и социальном составе большинства рассматриваемых партий. Несмотря на эти и некоторые другие недостатки монографии (в известной степени они обусловлены трудностями, с которыми встретился автор, обратясь к проблеме, длительное время серьезно не разрабатывавшейся исторической наукой), выход ее в свет явился положительным фактом в историографии о политических партиях России 1917 года.

Наряду со специальными работами о политических партиях в 1917 году их деятельность освещается в общих трудах по истории Октябрьской революции и гражданской войны². Большое место политическим партиям, их платформам и социальному составу отведено в фунда-

¹ В. В. Ко м и н. Банкротство буржуазных и мелкобуржуазных партий России в период подготовки и победы Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1965.

² См. И. Ф. Петров. Стратегия и тактика партии большевиков в подготовке победы Октябрьской революции (март—октябрь 1917 г.). М., 1964; Е. Ф. Ерыкалов. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Л., 1966; «Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде», кн. I, II. Л., 1967; И. И. Минц. История Великого Октября, т. 2. М., 1967; «История Великой Октябрьской социалистической революции». М., 1967; Л. М. Спирин. Классы и партии в гражданской войне в России (1917—1920 гг.). М., 1968; А. М. Малашко. К вопросу об оформлении однопартийной системы в СССР. Минск, 1969; С. И. Мурашов. Ленинская партия — вождь Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1970, и др.

ментальном труде И. И. Минца. Краткая, но содержательная характеристика программных установок, теории и практики крупнейших политических партий России в предоктябрьский период дана в работе Л. М. Спирина. Особо следует отметить проделанную Л. М. Спириным работу по определению численности партий эсеров и кадетов в 1917 году.

Из обзора литературы о главных партиях России 1917 года видна различная степень изученности отдельных аспектов проблемы. Более основательно раскрыта политическая деятельность партий. Выяснение численности непролетарских партий, их социального состава только недавно стало привлекать историков. Недостаточно еще освещены теоретические платформы, на которые пытались опереться буржуазные и мелкобуржуазные партии в своей политике.

Между тем последний вопрос заслуживает большего внимания: необходимо обстоятельно знать концепции, опровержение которых составляло задачу большевиков в 1917 году. Некоторые из этих вопросов освещаются в настоящей работе.

Тема работы определила круг источников, положенных в ее основу. Это прежде всего документы и материалы самих политических партий.

Наиболее богата документальная база для изучения истории партии большевиков. Ее трудный и славный победоносный путь с марта по октябрь 1917 года прослеживается в работе на основании изучения как опубликованных, так и архивных источников.

Особенно важны протоколы VII (Апрельской) Всероссийской конференции, VI съезда, Центрального и Петербургского комитетов РСДРП(б), переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями¹, а также многочисленные сборники документов, выпущенные к 40-летию и 50-летию Октября в цент-

¹ «Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков). Петроградская общегородская конференция РСДРП (большевиков). Апрель 1917 года. Протоколы». М., 1958. (Далее: «Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б)...»); «Шестой съезд РСДРП (большевиков). Протоколы». М., 1958; «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918». М., 1958; «Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 г.». М.—Л., 1927; «Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями», т. 1. М., 1957.

ре¹ и на местах (республиканскими и областными издательствами).

Многие данные почерпнуты в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ), особенно в фонде Московского областного бюро (ф. 60); в Ленинградском партийном архиве (ЛПА) исследованы фонды Петербургского комитета большевиков (ф. 1), Выборгского, Петроградского, Московско-Заставского, 2-го Городского, Литейного районных и Новодеревенского подрайонного комитетов РСДРП(б) (фф. 2, 6, 1000, 1817, 1430, 13). Некоторые материалы выявлены в фондах Музея Великой Октябрьской социалистической революции и в других хранилищах архивных документов.

В работе широко привлекается большевистская пресса за 1917 год — Центральный Орган партии газета «Правда», печатные органы местных партийных комитетов, литература издательства ЦК РСДРП(б) «Прибой».

Изучение документов и материалов ЦК и ПК, некоторых районных комитетов РСДРП(б) и отдельных первичных партийных организаций за март—октябрь 1917 года позволяет проследить основные направления многогранной деятельности партии большевиков по руководству борьбой рабочего класса и его союзников за торжество социалистической революции в России, глубже исследовать некоторые сюжеты (состав пополнения партии в 1917 году, борьба большевиков губернских городов с объединительными тенденциями и др.), недостаточно еще разработанные в исторической литературе.

В числе источников по истории эсеровской партии в работе использован стенографический отчет III съезда партии эсеров², а также хранящийся в ЦПА ИМЛ фонд Центрального комитета партии с.-р. (ф. 274). Значительный материал, помогающий раскрыть путь партии эсеров от соглашательства к контрреволюции, содержится в официальных изданиях ЦК этой партии, прежде всего

¹ Укажем, в частности, сборники: «КПСС в борьбе за победу социалистической революции в период двоевластия. 27 февраля — 4 июля 1917 г. Сб. документов». М., 1957; «Коммунистическая партия Советского Союза в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции. 5 июля — 5 ноября 1917 г.». М., 1957.

² «Третий съезд партии социалистов-революционеров. Стенографический отчет». Пг., 1917.

в газете «Дело народа» и журнале «Партийные известия».

При изучении истории меньшевизма в марте—октябре 1917 года широко использованы документы и материалы, имеющиеся в фонде Центрального комитета партии меньшевиков (ф. 275) в ЦПА ИМЛ (протоколы Всероссийской конференции меньшевистских и объединенных организаций¹, меньшевистского объединительного съезда, заседаний бюро Организационного комитета и различные другие материалы). Оппортунистическая линия меньшевиков в 1917 году нашла также отражение в официальных изданиях партии, особенно в «Рабочей газете» и «Партийных известиях», материалы которых широко привлечены в работе.

Сравнительно мало сохранилось в архивах документов Центрального комитета кадетской партии, хотя он и располагал хорошо поставленным делопроизводством (съезды партии стенографировались, на заседаниях ЦК велись обстоятельные протоколы). В Центральном государственном архиве Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР (ЦГАОР СССР), в фонде П. Н. Милюкова (ф. 579) сохранились лишь единичные, разрозненные документы ЦК кадетской партии за 1917 год. Значительный интерес представляют имеющиеся в этом фонде отчеты Центральному комитету местных отделов кадетской партии. Скучность архивных документов в известной мере восполняется печатными изданиями кадетской партии. В частности, в органе ЦК кадетов «Вестнике партии народной свободы» помещались резолюции съездов партии, отчеты о заседаниях ЦК и принятых им решениях, данные о местных организациях кадетской партии. Буржуазные газеты, петроградские и московские, помещали подробные отчеты о съездах кадетской партии (в 1917 году состоялись VII, VIII, IX и X съезды). Эти и другие источники помогают раскрыть контрреволюционность главной партии русской буржуазии.

При освещении вопросов идеологической борьбы между большевиками и их политическими противни-

¹ Резолюции конференции и перечень представленных на ней организаций см. в кн.: «Всероссийская конференция меньшевистских и объединенных организаций РСДРП». Пг., 1917.

ками, достигшей в 1917 году большого накала, широко привлечена периодическая печать, публицистическая литература (особенно многочисленная у буржуазных и мелкобуржуазных партий¹). При этом основное внимание уделено показу принципиально различного подхода большевиков и их противников к использованию средств массовой информации, пропаганды и агитации.

Большевистская партия стремилась раскрыть рабочим, солдатам и крестьянам смысл и значение их революционного творчества, помогала им осознать необходимость свержения буржуазной власти и выбрать наиболее верный путь к достижению этой цели. В отличие от большевиков кадеты, эсеры и меньшевики использовали все средства пропаганды и агитации для того, чтобы дезориентировать трудящихся, отвлечь их от революционной борьбы и примирить с господством буржуазии.

Разнообразны и многочисленны источники, использованные при изучении эволюции классового самосознания рабочих и крестьян России в ходе революции, их отношения к политическим партиям. Это прежде всего документы и материалы организаций самих трудящихся (Советов, фабзавкомов, солдатских и крестьянских комитетов), резолюции по вопросам текущего момента, периодическая печать. Широко привлечены статистические данные итогов муниципальных выборов, отразившие рост влияния партии большевиков на массы в процессе развития революции.

При рассмотрении различных аспектов темы исследованы материалы архивов², а также опубликованные документы. Особенно большую ценность для изучения

¹ Около 150 названий брошюр выпустили в 1917 году два эсеровских издательства в Петрограде (Петроградская издательская комиссия партии с.р. и кооперативное издательское товарищество «Революционная мысль»), около 30 названий — издательство ОК меньшевиков «Рабочая библиотека», более 50 — издательство ЦК кадетской партии. Помимо того, в столице было около 20 формально беспартийных издательств, выпускавших литературу эсеро-меньшевистского и кадетского направлений.

² Помимо архивов, ранее упомянутых, привлечены материалы из Центрального государственного исторического архива СССР (ЦГИА СССР), Ленинградского государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства (ЛГАОРСС), Государственного архива Московской области (ГАМО), Центрального государственного архива Военно-Морского Флота (ЦГАВМФ), Центрального государственного военно-исторического архива (ЦГВИА), Государственного архива Пермской области (ГАПО).

проблемы представляет изданная Академией наук СССР десятитомная серия документов и материалов под общим названием «Великая Октябрьская социалистическая революция».

В книге широко использованы мемуары активных участников исторических событий 1917 года в России. Важные данные по рассматриваемым в работе вопросам почерпнуты в воспоминаниях руководящих деятелей партии большевиков, соратников В. И. Ленина, активных участников Октябрьской революции. В частности, большой интерес представляют воспоминания питерских рабочих, собранные в большом количестве в ЛПА (ф. 4000). Детальное изучение материалов этого фонда оказало существенную помощь при рассмотрении хода Февральской и Октябрьской революций в Петрограде.

Использована также мемуарная и историческая литература деятелей контрреволюционного лагеря — кадетов, меньшевиков и эсеров. Помимо воли их авторов, эти труды содержат подчас убедительное осуждение теории и практики врагов пролетарской революции и лишней раз свидетельствуют о великой правоте большевистской партии.

Успехи советской науки в изучении истории Октябрьской революции, огромный объем документального материала, опубликованного в последние годы, наличие разнообразных архивных и других источников делают возможным комплексные исследования истории политических партий России этого времени. Разумеется, в одной монографии трудно рассмотреть во всех аспектах историю даже основных общероссийских партий 1917 года. В предлагаемой работе исследуются некоторые важнейшие и менее изученные вопросы идеологии, политики и организации этих партий, позволяющие полнее раскрыть закономерность победы большевиков над их политическими противниками в дни Великого Октября.

I. ПОБЕДА ФЕВРАЛЬСКОЙ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ И НОВАЯ РАССТАНОВКА КЛАССОВЫХ СИЛ В СТРАНЕ

Глава первая ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ В РОССИИ И ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

В России, как и в других странах, политические партии образовались в период смены феодально-крепостнического строя капиталистическим, с выходом на арену общественной жизни буржуазии и пролетариата. В 1898 году, в преддверии буржуазно-демократической революции, было провозглашено образование Российской социал-демократической рабочей партии. Позднее, в ходе самой революции 1905—1907 годов, оформились буржуазно-помещичьи и мелкобуржуазные партии. За двенадцать лет, от первой до второй буржуазно-демократической революции, каждая из основных политических партий России достаточно полно раскрыла свою классовую природу, идеологию, свое отношение к царскому самодержавию.

Крайне правые, черносотенные группы и организации, представлявшие интересы крепостников-помещиков, являлись опорой царизма. Кадеты, главная партия либеральной буржуазии, находились в оппозиции к царизму. Они добивались экономических и политических реформ с целью предотвращения революции. Меньшевики и эсеры, представлявшие мелкобуржуазную демократию, были за ликвидацию самодержавия, но совершенно неверно, с оппортунистических позиций, оценивали движущие силы и перспективы грядущей революции. Только большевики, выражавшие интересы рабочего класса, последовательно выступали за свержение царизма, за гегемонию пролетариата в революции, за установление революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, за переход от буржуазно-демократиче-

ской революции к социалистической, к диктатуре пролетариата.

Победа Февральской буржуазно-демократической революции внесла коренные перемены в положение политических партий. Вместе с романовской монархией революция смела крайне правые, черносотенные организации. Сменившее власть самодержавия Временное правительство фактически возглавили кадеты. Большевики и эсеры, оказавшиеся в руководстве Петроградского и большинства других Советов, выбрали путь сотрудничества с буржуазным Временным правительством. Эти партии стали фактически (затем и официально) правящими партиями, деля вместе с кадетами власть в России. РСДРП (большевиков) была единственной последовательно революционной по отношению к буржуазии и непримиримой к оппортунистам партий.

Рассмотрим подробнее идейно-политические позиции упомянутых партий накануне революции, их действия во время революции и положение каждой партии на другой день после свержения царизма.

1. БОЛЬШЕВИКИ: САМОДЕРЖАВИЕ СВЕРГНУТО, РЕВОЛЮЦИЯ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Партия большевиков, основанная В. И. Лениным — гениальным продолжателем революционного учения К. Маркса и Ф. Энгельса, — вышла на историческую арену на рубеже XIX—XX веков. В то время рабочий класс России, относительно многочисленный, но сконцентрированный в важнейших промышленных и политических центрах, сохранивший связь с крестьянством, выдвинулся в авангард освободительного движения страны. В лице партии большевиков, возникшей на II съезде РСДРП в 1903 году, рабочий класс имел своего политического вождя. «Партия большевиков, — говорится в Тезисах ЦК КПСС, посвященных 50-летию Октября, — дала российскому пролетариату научную программу демократической и социалистической революции, политически организовала его и подняла на борьбу против самодержавия и капиталистического строя»¹. Благодаря гению Ленина партия уже в самом

¹ «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Документы и материалы». М., 1967, стр. 26.

начале своего исторического пути правильно определила ближайшие и отдаленные перспективы борьбы рабочего класса России.

Хотя Россия находилась только на пороге *буржуазной* революции, в стране, наряду с антагонизмом между народом и царизмом, развернулась борьба пролетариата против буржуазии. Учитывая эту особенность социально-экономического положения страны, В. И. Ленин пришел к выводу, что рабочему классу предстоит возглавить борьбу крестьянства, широких народных масс с целью свержения самодержавия, а затем повести беднейшее крестьянство, всех эксплуатируемых против буржуазии, к победе социалистической революции. Ленинский анализ показал, что буржуазная революция, назревающая в России — наиболее слабом звене империализма, открывает перед рабочим классом и его партией такие возможности воздействовать на ход событий в интересах трудящихся, каких не имели пролетарии ни одной страны в период буржуазных революций. Первая русская революция подтвердила правильность установок большевиков. Гегемоном революции действительно выступил пролетариат, а не буржуазия, как утверждали меньшевики — оппортунистическая фракция РСДРП. В. И. Ленин опроверг догматическую схему меньшевиков, согласно которой буржуазная и социалистическая революции непременно должны быть отделены длительным периодом капиталистического развития. В книге «Две тактики социал-демократии в демократической революции» он обосновал теорию перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, показал, что решительная победа над царизмом может означать только установление революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, будущее которой — социалистическая диктатура пролетариата.

Неудача первого штурма самодержавия не сломила духа партии, ее уверенности в неизбежности новой революции. Оставив поле боя последними, проводя в трудных условиях столыпинской реакции гибкую политику сочетания нелегальной работы с использованием легальных возможностей, большевики сохраняли связь с рабочим классом и настойчиво готовили его к роли вождя второй революции. В. И. Ленин объявил решительную борьбу меньшевикам, отвергавшим гегемонию про-

летариата в революции и вставшим на путь ликвидации революционной партии рабочего класса. VI (Пражская) Всероссийская конференция РСДРП в январе 1912 года подвела итог периоду пребывания в рядах формально единой РСДРП двух фактически самостоятельных партий: большевистской, революционной, и меньшевистской, оппортунистической. Меньшевики-ликвидаторы были исключены из партии. РСДРП(б) стала единой, свободной от фракционности, революционной партией. К середине 1913 года партия насчитывала до 30—50 тысяч членов¹, имела разветвленную сеть местных партийных организаций, тесно связанных с рабочими массами. К середине 1914 года партия большевиков вела за собой $\frac{4}{5}$ сознательных рабочих России, обеспечивая на деле единство рабочего движения².

Большевики оставались во главе революционного движения в годы первой мировой войны, когда большинство партий II Интернационала изменило социализму, скатилось к шовинизму. Это было трудное время. Царизм жестоко расправлялся с партией, призывавшей превратить войну империалистическую в войну гражданскую. Царская охранка выслеживала большевиков, бросала их в тюрьмы, отправляла в ссылку, на каторгу. Тысячи рядовых членов партии, преследуемых властями, вынуждены были то и дело менять место работы и жительства. Несмотря на поредение, в результате репрессий, большевистских организаций, жизнестойкий партийный организм продолжал функционировать. После каждого разгрома оставшиеся на свободе большевики принимались вновь формировать организацию, вербовать новых членов, устанавливать связи с другими организациями и с центром, нести лозунги партии в массы. Исключительная энергия и настойчивость большевиков в известной степени компенсировали их малочисленность. Большевики упорно и целеустремленно готовили рабочий класс к руководству назревавшей революцией.

Исключительное значение имела теоретическая деятельность В. И. Ленина в годы войны, дальнейшее исследование им законов развития революции в эпоху империализма. В августе 1915 года в статье «О лозунге Соединенных Штатов Европы» В. И. Ленин сделал гениальное открытие, обосновав возможность победы со-

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 34.

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 178.

циалистической революции первоначально в нескольких странах или даже в одной стране. В опубликованной в том же году статье «О двух линиях в революции» В. И. Ленин проанализировал перспективы предстоящей революции. Он считал бесспорным, что в Западной Европе созрели объективные условия для социалистической революции. Задачу же пролетариата России Ленин видел в беззаветно смелой революционной борьбе против царизма, увлекающей за собой все демократические массы, и главным образом крестьянство. Вместе с тем Владимир Ильич допускал возможность, что уже во время войны буржуазно-демократическая революция в России перерастет в социалистическую. В сентябре 1915 года в статье «Несколько тезисов» В. И. Ленин писал о том, что сделала бы партия пролетариата, «если бы революция поставила ее у власти в теперешней войне»¹. В. И. Ленин решительно осудил ошибочный и вредный тезис Троцкого, будто Россия стоит прямо перед *социалистической* революцией². Большевистской идее диктатуры пролетариата и крестьянства Троцкий противопоставил «рабочее правительство», будущность которого он связывал с мировой революцией. По существу это было отрицанием и демократии, и социализма. В. И. Ленин отстаивал идею гегемонии пролетариата в демократической революции — необходимой предпосылки дальнейшего развития революции.

Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 года подтвердила правильность стратегического плана большевиков. Гегемоном революции был рабочий класс. Выступление петроградских рабочих 23 февраля³ положило начало революции. Стачки, митинги, уличные демонстрации передовых рабочих вовлекли в борьбу против царизма весь пролетарский Петроград, а затем и солдат столичного гарнизона. 27 февраля восставшие свергли ненавистный царский режим. Изданный в тот день отдельной листовкой манифест ЦК РСДРП «Ко всем гражданам России» возвестил об исторической победе народа. Представители буржуазных и мелкобуржуазных партий в России пытались представить Февральскую революцию как чисто стихийное движение

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 50.

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 80—81.

³ Все даты в книге даны по старому стилю.

(тезис, подхваченный современными буржуазными историками). В советской историографии убедительно развенчаны эти измышления¹. Не отрицая элементов стихийности движения — фактора, присущего всякой революции, советские историки показали, что, во-первых, стихийные выступления петроградских рабочих 23 февраля были подготовлены всей предшествующей деятельностью революционных партий, прежде всего партии большевиков, целеустремленно и настойчиво готовившей рабочий класс и его союзников к вооруженному свержению царизма; во-вторых, стихийное выступление масс смогло перерасти в победоносную революцию только благодаря тому, что сохранившиеся кадры передовых рабочих, умудренные опытом 1905 года, воспитанные ленинской «Правдой», повели отсталую часть рабочих, а затем и солдатскую массу в бой против царизма². В-третьих, партия большевиков, располагавшая общероссийским центром (в ноябре 1916 года в Петрограде было воссоздано Русское бюро ЦК РСДРП) и разветвленной сетью организаций в столице, начиная от Петербургского комитета, кончая партийными коллективами и группами на многих предприятиях, имела большие, по сравнению с другими партиями революционного подполья, возможности для идейного и, в известной степени, организационного воздействия на развитие революции. Твердая решимость большевиков добиться полной победы над царизмом оказывала влияние на левые течения мелкобуржуазных партий. На многих предприятиях в Февральские дни вместе с большевиками — основной силой революционного подполья — действовали

¹ См.: «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 2. М., 1966; «Постановление Бюро отделения истории АН СССР». «Вопросы истории», 1972, № 8, с. 141—145; И. И. Минц. История Великого Октября, т. 1. М., 1967; Э. Н. Бурджалов. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967; его же. Вторая русская революция. Москва. Фронт. Периферия. М., 1971; «Партия большевиков в Февральской революции 1917». М., 1971; И. П. Лейберов. Свержение царизма. Л., 1967; Н. Я. Иванов, И. П. Лейберов, В. Е. Муштуков, Г. А. Почебут, И. С. Смолин. Петроградские большевики в трех революциях (гл. 2). Л., 1966.

² Символичен эпизод, рассказанный мастерским Главных железнодорожных мастерских г. Ревеля А. Бобровым. На другой день после свержения царизма он и двое его товарищей достали из тайника знамя, с которым выступали в 1905 году, и, к общей радости рабочих, водрузили его над мастерскими (ЛГАОРСС, ф. 6276, оп. 269, д. 29, л. 26).

межрайонцы, меньшевики-интернационалисты и левые эсеры.

В упомянутых здесь и в других специальных исследованиях по истории Февральской революции эти положения достаточно аргументированы. Остановимся лишь на некоторых моментах. Одним из свидетельств главенства большевистски настроенных рабочих в Февральской революции является тактика «снятия с работы», широко применявшаяся ими для вовлечения в борьбу против царизма новых отрядов трудящихся. Только в первый день революции, 23 февраля, были «сняты» рабочие девяти предприятий — почти пятой части всех баствовавших в тот день предприятий¹. Воодушевляя и подбадривая одних, подталкивая других, передовые петроградские рабочие вовлекли в борьбу против царизма и войны подавляющее большинство рабочих столицы, в том числе и тех из них, что лишь в годы войны переступили заводские ворота и доселе чурались «политики».

Воздействие революционного авангарда на ход Февральской революции выразилось и в том, что с первого дня революции основной ареной борьбы стал центр города — Невский проспект. Наблюдавшим за революцией со стороны могло казаться, что ежедневно прибывавшие с рабочих окраин народные волны перекатываются по центральным улицам и площадям хаотично, никем не руководимые и не направляемые. «Стихийная народная революция» — так характеризовал Февральскую революцию внефракционный социал-демократ В. Базаров. Стихийная потому, пояснял он, что «ни одна организация не может приписать себе чести руководства первыми днями революции»². Таков же взгляд на революцию трудовика В. Б. Станкевича³. Тот круг деятелей (меньшевики — депутаты Государственной думы, руководители рабочих кооперативов и т. д.), в котором вращались В. Базаров, В. Станкевич и им подобные, был действительно далек от борьбы, развернувшейся на улицах Петрограда. Более осведомленный Н. Н. Суханов

¹ См. подробнее Х. М. Астрахан. О тактике «снятия с работы» в Петрограде в первые дни Февральской революции 1917 г. В кн.: «Свержение самодержавия. Сб. статей». М., 1970, стр. 120—130.

² В. Базаров. Первые шаги русской революции. «Летопись», 1917, № 2-4, стр. 379.

³ См. В. Б. Станкевич. Воспоминания. В кн.: «Февральская революция. Мемуары». М.—Л., 1925, стр. 399—409.

(эсер, затем внефракционный социал-демократ), несмотря на свою неприязнь к большевикам, вынужден был выделить их роль в Февральской революции. Эсерам и меньшевикам, больше связанным с буржуазией, чем с борющимися массами, Суханов противопоставил ответственных руководителей большевиков. «Эти люди в эти дни, — писал о большевиках Суханов, — варились в совершенно иной работе, обслуживая технику движения, форсируя решительную схватку с царизмом, организуя агитацию и нелегальную печать»¹.

Само возникновение Советов в ходе революции ярко отразило руководящую роль в ней передовых сознательных рабочих. «...В феврале 1917 года, — указывал Ленин, — массы создали Советы, раньше даже, чем какая бы то ни было партия успела провозгласить этот лозунг. Само глубокое народное творчество, прошедшее через горький опыт 1905 года, умудренное им, — вот кто создал эту форму пролетарской власти»². 27 февраля, в день победы революции, состоялось первое заседание Петроградского Совета рабочих депутатов (с 1 марта Совет рабочих и солдатских депутатов). Потребовалось всего лишь 2—3 дня для того, чтобы рабочие почти всех столичных предприятий и солдаты многочисленных частей гарнизона избрали депутатов в Совет. Поистине с молниеносной быстротой идея создания Советов была подхвачена и реализована рабочим классом России.

Итак, Февральская буржуазно-демократическая революция протекала в основном так, как это и предвидели большевики. Гегемоном революции был рабочий класс. Он увлек за собой многомиллионное крестьянство и своим руководством обеспечил победоносный штурм царизма. Однако итог революции — решение ею вопроса о власти — оказался несколько неожиданным. В ходе революции большевики настойчиво боролись за создание Временного революционного правительства. К этому призывал, в частности, манифест «Ко всем гражданам России». Большевики поддерживали революционное творчество масс, направленное на создание Советов. В листовках, изданных большевиками 27 февраля³, со-

¹ Н. Суханов. Записки о революции, кн. 1. Берлин—Петербург—Москва, 1922, стр. 50.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 6.

³ См. «Революционное движение в России после свержения самодержавия. Документы и материалы». М., 1957, стр. 4, 5.

держался призыв к выборам в Совет. Но к руководству Петроградским Советом, как и большинством местных Советов, пришли представители меньшевиков и эсеров. Президиум Петроградского Совета состоял только из меньшевиков и эсеров, они преобладали в Исполкоме Совета. В большевистской фракции в момент ее создания 9 марта было 22 депутата, в конце месяца — 65¹. Эсеров и меньшевиков, выступавших в Совете сообща, было больше², и, главное, их поддерживало вначале беспартийное большинство депутатов Совета. 2 марта общее собрание членов Петроградского Совета вопреки возражениям большевиков одобрило большинством голосов предложение Исполкома о передаче власти буржуазному Временному правительству. В стране установилось двоевластие. Депутаты Совета, как и те массы, от имени которых они выступали, поверили соглашателям, твердившим о необходимости условной поддержки Временного правительства, «постольку поскольку» оно будет осуществлять взятые на себя обязательства³.

¹ См. «Известия Петроградского Совета», 29 марта 1917 г. В конце мая в большевистской фракции состояло 250, а в конце июля 400 человек (см. «Правда», 28 мая 1917 г.; «Рабочий и солдат», 24 июля 1917 г.).

² В начале апреля 1917 года в эсеровской фракции Петроградского Совета было 70 человек, в начале июня — 340 («Дело народа», 8 июня 1917 г.). Максимальная численность фракции в 1917 году, по данным ее председателя, составляла 400 членов («Партийные известия» (ЦК с.-р.), 1918, № 5-6, стр. 27). На заседаниях фракции в июле—октябре 1917 года, как видно из протоколов, присутствовало от 52 до 87 человек (ЦПА ИМЛ, ф. 274, оп. 1, д. 13, лл. 124—146). Фракция меньшевиков к началу июля насчитывала около 215 человек («Партийные известия» (ОК РСДРП), 1917, № 1, стр. 13).

³ Следует подчеркнуть, что широкие массы рабочих и солдат и после образования Временного правительства считали верховной властью в стране Советы. Даже решение общего собрания Петроградского Совета 2 марта образовать комитет для наблюдения за действиями Временного правительства (принятое для успокоения масс) рассматривалось рабочими и солдатами как проявление Советом его главенствующей роли. Московский Совет рабочих депутатов по праву органа власти, каким он себя считал, принял 18 марта 1917 года постановление, согласно которому «оплата работающих в исполнительных органах и учреждениях С. Р. Д. и штата служащих должна быть отнесена на государственные средства» (ГАМО, ф. 66, оп. 12, д. 25, л. 9 об.). Большой интерес представляет постановление Гельсингфорского Совета депутатов армии, флота и рабочих, принятое в ответ на отказ Временного правительства ассигновать средства на поддержание Советов. 17 мая этот

Преобладание меньшевиков и эсеров в Петроградском Совете было для многих неожиданным. Члены Петербургского комитета РСДРП(б), отмечал позднее А. Г. Шляпников, на другой день после создания Совета были поражены слабостью представительства в нем большевиков и «пытались выяснить причины, которые привели к такому положению»¹. Члены ПК В. В. Шмидт и В. Н. Залежский объясняли сложившееся соотношение сил в Петросовете тем, что меньшевики и эсеры, воспользовавшись занятостью большевиков руководством уличными боями, захватили лидерство в Совете². Это обстоятельство, а также преимущества меньшевиков-оборонцев, обусловленные их легальным положением, нельзя не учитывать при выяснении причин партийного состава Советов в начале революции. Но решающее значение имела объективная причина — мелкобуржуазность России. В. И. Ленин еще в 1914 году отметил, что в такой мелкобуржуазной стране, как Россия, «массовое движение рабочих не случайно, а неизбежно порождает мелкобуржуазное, оппортунистическое крыло в этом движении»³. Эта закономерность проявилась и в Февральской революции. Как уже отмечалось, передовая, в основном большевистски настроенная, часть рабочих, начав восстание, вовлекла в него остальную массу рабочих, а также широчайшие мелкобуржуазные слои населения. «Гигантская мелкобуржуазная волна, — отмечал В. И. Ленин, — захлестнула все, подавила сознательный пролетариат не только своей численностью, но и идейно...»⁴ Для революционного воспитания и организации недавно приобщившихся к политике масс требовалось время. Только настойчивая политическая и организатор-

Совет постановил: «Потребовать от Временного правительства признания за Советами и их исполнительными комитетами прав законодательных учреждений на местах, как таковые они должны быть финансированы из средств народной казны. На самое же Временное правительство мы смотрим как [на] исполнительный орган воли революционного народа, и действия Временного правительства должны быть подчинены Советам солдатских, рабочих и крестьянских депутатов» (ЦГАВМФ, ф. р-2063, оп. 1, д. 7, лл. 89—89 об.).

¹ А. Шляпников. Семнадцатый год, кн. 1. М.—Пг., 1923, стр. 203.

² См. «Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б)...», стр. 200—201; В. Н. Залежский. Первый легальный Пе-Ка. «Пролетарская революция», 1923, № 1(13), стр. 141.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 133.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 156.

ская работа могла обеспечить партии революционного пролетариата большинство в народе.

Большевистская партия сразу же после выхода из подполья развернула широкую агитационно-пропагандистскую и организаторскую деятельность. Восстановленный 5 марта 1917 года ЦО партии газета «Правда» с первого же номера стала призывать рабочих и солдат к продолжению революционной борьбы. «Пролетариат должен помнить, — говорилось в передовой статье первого номера, — что только с оружием в руках он может упрочить свои завоевания и довести дело революции до конца». В связи с решением Петроградского Совета возобновить работу на предприятиях «Правда» писала: «Революционная забастовка в Петербурге временно приостановлена, но Великая революция продолжается»¹.

Призывая к развитию революции, руководящие большевистские органы в России не смогли, однако, сразу после выхода из подполья правильно определить цели новой революции, ее перспективы.

Бюро ЦК РСДРП(б) в своем постановлении 4 марта выдвинуло в качестве очередной задачи революционной демократии «создание Временного революционного правительства демократического характера (диктатуры пролетариата и крестьянства)»². Это постановление исходило из «незаконченности» буржуазно-демократической революции в России. Многие большевики в центре и на местах не поняли того, что в лице Советов, в своеобразных условиях двоевластия, революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства уже осуществлена, и очередной задачей партии считали борьбу за дальнейшее развитие демократической революции. С приездом В. И. Ленина в Петроград эти неясности в определении политической линии партии на новом этапе революции были быстро устранены. Развернутая партией после выхода из подполья борьба за продолжение революции получила в ленинских Апрельских тезисах научное обоснование и ясную перспективу — переход к социалистической революции.

¹ «Правда», 7 марта 1917 г.

² «Революционное движение в России после свержения самодержавия», стр. 19.

2. КАДЕТЫ. ИХ ПУТЬ К ВЛАСТИ

Раскрывая причины, выдвинувшие на первое место во Временном правительстве партию кадетов, В. И. Ленин писал: «Власть досталась в руки партии капиталистов потому, что этот класс имел в руках силу богатства, организации и знания»¹.

Начало XX века в России, как и в других капиталистических странах, вступивших в стадию империализма, характеризовалось быстрым ростом экономической мощи буржуазии. Из года в год увеличивалось число монополий, подчинивших себе производство и сбыт в важнейших отраслях промышленности: металлургической, топливной, судостроительной и других.

Рост экономического могущества российской буржуазии сочетался с ее организационной консолидацией: созданием предпринимательских объединений и военно-общественных союзов, формированием политических партий. Все это побуждало буржуазию домогаться большего, чем ей предоставлял царизм, влияния в управлении государством. Заинтересованная в сохранении царизма в качестве щита против революционных рабочих, буржуазия в то же время была не прочь опереться на демократическое и даже на рабочее движение, чтобы в тяжбе с царизмом выторговать себе некоторые уступки. Политическое маклерство русской либеральной буржуазии наложило отпечаток на деятельность главной ее партии — кадетов. Партия образовалась в результате слияния двух либерально-буржуазных организаций: «Союза освобождения» и «Союза земцев-конституционалистов». В октябре 1905 года состоялся I съезд этих организаций, положивший начало существованию «конституционно-демократической» партии. В. И. Ленин писал: «Название «к.-д. п.» придумано для того, чтобы скрыть *монархический* характер партии»². Партия российской либеральной буржуазии, стремившаяся в сущности лишь к ограничению монархии конституцией, вместо того чтобы назваться в соответствии со своими политическими целями «конституционно-монархической», окрестила себя «демократической», рассчитывая таким дешевым приемом расположить к себе и привлечь на свою сторону народные массы. Характерно, что I съезд, принимая про-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 58.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 10, стр. 258.

грамму, не решился признать свой монархизм (революция была на подъеме, и ее исход еще не был предрешен). Лишь II съезд кадетов, состоявшийся в январе 1906 года, после поражения Декабрьского вооруженного восстания, открыто провозгласил верность монархии. Внесенный в программу § 13 гласил: «Россия должна быть конституционной и парламентской монархией»¹. Но дабы не оттолкнуть от себя этим демократические массы, II съезд принял второе, еще более демагогичное название партии — «партия народной свободы».

Кадеты постепенно стали ведущей партией российской либерально-монархической буржуазии. Другие буржуазные партии — «Союз 17 октября» (октябристы), образованный в конце 1905 года, и партия прогрессистов, созданная в 1912 году, ни своей организованностью, ни влиятельностью не могли соперничать с кадетами. В значительной степени это объяснялось специфическим социальным составом кадетской партии.

Октябристы представляли интересы крупных и средних капитализированных помещиков, банковских воротил, фабрикантов и заводчиков. Их лидерами были А. И. Гучков, связанный с московскими банками, и крупный екатеринославский землевладелец М. В. Родзянко. Партия прогрессистов выступала от имени капиталистов, преимущественно московских. Центральный комитет прогрессистов возглавляли буржуазный деятель И. Н. Ефремов, фабриканты П. П. Рябушинский и А. И. Коновалов. Соответствующим был и классовый состав этих партий. Кадетская же партия была связана не только с буржуазными и помещичьими элементами. Помимо либеральных буржуа и обуржуазившихся помещиков в кадетской партии, как ни в одной другой из тогдашних партий России, была широко представлена буржуазная интеллигенция, игравшая видную роль в руководстве партией снизу доверху (показательно, что губернские комитеты кадетской партии в университетских городах — Петербурге, Москве, Саратове, Харькове, Самаре, Казани, Риге — были наиболее деятельными).

¹ О программе к.-д. партии см.: В. А. Кувшинов. Разоблачение В. И. Лениным антидемократического характера программы партии кадетов. «Вестник Московского университета» («История»), 1971, № 3; С. В. Тютюкин. Оппозиция его величества (Партия кадетов в 1905—1917 гг.). В кн.: «В. И. Ленин о социальной структуре и политическом строе капиталистической России». М., 1970.

Это обстоятельство позволило кадетам с известным успехом выступать в роли «надклассовой» силы, ратующей за «общенациональные» интересы. В. И. Ленин отмечал опасность влияния на народные массы буржуазной интеллигенции, «непосредственно не участвующей в эксплуатации, обученной оперировать с общими словами и понятиями, носящейся со всякими «хорошими» заветами, иногда по искреннему тупоумию возводящей свое междуклассовое положение в *принцип* внеклассовых партий и внеклассовой политики...»¹.

Своей цели — превращения самодержавного строя в конституционно-монархический и перехода власти в руки либеральной буржуазии — кадеты рассчитывали достичь только легальным путем. Видный кадетский публицист А. С. Изгоев писал по поводу программы своей партии: «Ни вооруженного восстания, ни низвержения монархии — нет в этой программе и тактике»². В качестве «вождя общенациональной оппозиции» кадеты стремились овладеть массовым движением и, опираясь на него, выторговать у царского правительства уступки буржуазии. И если в момент своего возникновения, когда революция шла в гору, кадеты хотя бы на словах выражали сочувствие борющимся против царизма массам, то в дальнейшем всей своей деятельностью они стремились предотвратить новую революцию в России. П. Н. Милюков, по свидетельству члена кадетского ЦК А. Тырковой, аплодировал на заседании II Государственной думы П. А. Столыпину, с именем которого связано введение военно-полевых судов для расправы с революционерами³.

В начале мировой войны кадеты провозгласили свое «примирение» с царизмом. Однако поражение русских войск на фронте, усиление хозяйственной разрухи и, главное, оживление революционного движения в стране вынудили кадетов весной 1915 года вновь заявить о своей оппозиции. Но это была крайне умеренная, трусливая оппозиция. Конференция кадетов в июне 1915 года отклонила предложение представителей левого крыла партии выдвинуть лозунг о создании ответствен-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 40.

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 285.

³ См. А. Тыркова-Вильямс. На путях к свободе. Нью-Йорк, 1952, стр. 373.

ного министерства и ограничилась требованием сформировать «министерство доверия». Речь шла о замене дискредитировавших себя министров ставленниками буржуазии, способными обеспечить победу на фронте и предотвратить революцию в стране. Во имя создания «министерства доверия» в августе 1915 года при участии кадетов был оформлен так называемый «прогрессивный блок», объединивший все буржуазно-помещичьи фракции Думы за исключением лишь ярых черносотенцев. Несмотря на то что Николай II отверг предложения блока (о создании «правительства доверия» и др.), кадеты не решились сойти со стези легальности и апеллировать к массам. 29 сентября 1915 года московский отдел кадетской партии постановил «отложить счета с властью» до окончания войны¹.

На VI съезде партии кадетов в феврале 1916 года группа делегатов левого крыла пыталась толкнуть партию на путь более решительной борьбы с царским правительством. Но большинство съезда решило продолжать поиски соглашения с царизмом². 20 сентября того же года Милюков, выступая на заседании бюро «прогрессивного блока», отстаивал парламентские способы воздействия на власть³. Состоявшаяся в октябре 1916 года кадетская конференция — последняя перед революцией, — согласно донесению охранки, обнаружила присущий кадетам «непомерный страх перед революцией»⁴. Борьбу с правительством Милюков считал прерогативой думской оппозиции. Помимо нее, говорил кадетский лидер, «ни один класс населения, ни одна общественная группа не вправе выставлять своих лозунгов и самостоятельно начинать или вести означенную борьбу»⁵. 10 февраля 1917 года Милюков через «Речь» увещевал рабочих Петрограда остерегаться призывов к восстанию, назвав их «провокационными», и не бросать работы. Когда же вторая русская революция, вопреки «уговорам» кадетов, началась, все их усилия были

¹ См. В. С. Дякин. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны. Л., 1967, стр. 127.

² См. Б. Граве. К истории классовой борьбы в России в годы империалистической войны. М.—Л., 1926, стр. 310—313.

³ См. «Красный архив», 1932, т. 1—2 (50—51), стр. 91.

⁴ «Буржуазия накануне Февральской революции». М.—Л., 1927, стр. 147.

⁵ Там же, стр. 181.

направлены на спасение монархии. Даже 27 февраля утром, узнав о роспуске царем Государственной думы, кадетская фракция не решилась солидаризироваться с революцией. Собравшись в 2 часа 30 минут 27 февраля в Таврическом дворце, депутаты Думы объявили собрание «частным совещанием», подчеркивая этим свою лояльность по отношению к царизму. Предложение депутатов — меньшевиков и трудовиков образовать новую власть было отклонено. Милюков занимал выжидательную позицию. «Я не знаю, какие цели ставит себе это восстание и куда оно приведет, — заметил он в беседе со своими единомышленниками около 3 часов дня 27 февраля в Таврическом дворце. — Мы не хотим брать на себя ответственность»¹. Кадетский лидер предложил создать Временный комитет членов Думы «для восстановления порядка и для сношений с лицами и учреждениями». «Эта неуклюжая формула, — писал впоследствии Милюков, — обладала тем преимуществом, что, удовлетворяя задаче момента, ничего не предreshала в дальнейшем»² (он еще не исключал возможности соглашения Думы с царем). Предложение Милюкова было принято. Совещание поручило совету старейшин образовать Временный комитет Государственной думы. Комитет был сформирован в четвертом часу дня 27 февраля в основном из членов бюро «прогрессивного блока» во главе с председателем IV Думы М. В. Родзянко. Временный комитет не объявил себя властью. Только образование вечером 27 февраля Петроградского Совета рабочих депутатов вынудило кадетов подключиться к революции. Временный комитет Думы, наиболее деятельным членом которого был П. Н. Милюков, в ночь на 28 февраля выпустил воззвание, в котором сообщал, что «нашел себя вынужденным взять в свои руки восстановление государственного и общественного порядка»³. Думский комитет стремился остановить развитие революции, оттеснить Совет, сосредоточить всю полноту власти в своих руках. Милюков говорил об этом достаточно определенно. Выступая утром 28 февраля перед офице-

¹ См. Б. Авиллов. 27 февраля (Из личных воспоминаний). «Новая жизнь», 27 августа 1917 г.

² П. Н. Милюков. Воспоминания, т. II. Нью-Йорк, 1955, стр. 293.

³ «Революционное движение в России после свержения самодержавия», стр. 402.

рами 1-го Петроградского запасного полка, он заявил: «В настоящий момент есть единственная власть, которую все должны слушать. Это — Временный комитет Государственной думы. Двоевластия быть не может». Обращаясь к солдатам того же полка, Милюков внушал им, что они должны подчиниться распоряжениям, которые исходят только от Временного комитета Думы¹.

Но кадетам и их приверженцам не удалось превратить Временный комитет в орган власти. Не только рабочие, но и солдаты признавали власть Совета рабочих депутатов. Приказ Родзянко от 28 февраля, потребовавший от имени Временного комитета немедленного возвращения солдат в казармы и подчинения офицерам (в массе своей враждебно встретившим революцию), вызвал глубокое возмущение в столичном гарнизоне и ускорил появление знаменитого «Приказа № 1» Петроградского Совета, направленного на демократизацию армии. Так, желая отбросить революцию назад, думский комитет своими действиями добился лишь обратного результата и невольно содействовал укреплению авторитета Петроградского Совета.

Центральный комитет кадетской партии торопил думский комитет с провозглашением Временного правительства. Еще 1 марта Милюков настаивал на сохранении монархии, а на другой день кадетский ЦК признал необходимым отречение Николая II и немедленное оглашение состава правительства². Однако Временный комитет Думы, не располагая реальной силой, не мог быть источником власти. Сформированное им Временное правительство стало 2 марта властью только с согласия Петроградского Совета. В тот же день ЦК кадетов в воззвании к народу квалифицировал Временное правительство как единственный орган государственной власти в стране. О существовании Петроградского Совета кадетское воззвание даже не упомянуло. Кадеты настойчиво призывали граждан забыть «все различия партий, классов, сословий и национальностей» и сплотиться вокруг Временного правительства. «Граждане, — увещевало воззвание, — доверьтесь этой власти все до единого, соедините ваши усилия, дайте созданному Госу-

¹ См. «Как совершалась Великая русская революция». Пг., 1917, стр. 16, 17, 22.

² См. ВПНС, 1917, № 1, стр. 13.

дарственной думой правительству совершить великое дело освобождения России от врага внешнего и водворения в стране мира внутреннего, основанного на началах права, равенства и свободы»¹. Не имея реальной силы, чтобы приостановить дальнейшее развитие революции и принудить народ продолжать империалистическую войну «до победы», кадеты не скупились на обещания благ рабочим и крестьянам.

3 марта состав Временного правительства был обнародован. Буржуазия могла быть довольна. Из десяти министров шесть (П. Н. Милюков, А. И. Гучков, А. И. Коновалов, Н. В. Некрасов, В. Н. Львов, А. И. Шингарев) еще в 1915 году выдвигались «прогрессивным блоком» в состав «кабинета обороны»².

Итак, буржуазия добилась своего. Она получила власть. Но она пришла к власти не таким путем, как хотела: не в результате конституции, дарованной царем, а благодаря революции, свергнувшей его. Вместо того чтобы властвовать при царе, буржуазному Временному правительству предстояло делить власть с Советом рабочих и солдатских депутатов. И если с падением монархии кадеты еще могли примириться, то существования Советов — органов власти, таивших в себе угрозу капиталистическому строю, они допустить не хотели. Ликвидировать Советы, обеспечить своей партии главенствующее положение в стране — такова была цель кадетов. Этому была подчинена их интерпретация характера происшедшей революции, ее целей и перспектив.

Решительные противники революции в то время, когда она назревала и развертывалась, кадеты после ее победы стали претендовать на роль идейных вдохновителей и хранителей завоеваний революции. Тон задал Милюков. Выступая 2 марта около 3 часов дня в Екатерининском зале Таврического дворца с информацией о составе только что образованного правительства, Милюков в ответ на возглас из зала: «Кто вас выбрал?» — заявил: «Нас выбрала русская революция»³. Кадетская пропаганда стала прославлять революцию, усиленно подчеркивая «заслуги» своей партии в ее победоносном

¹ «Революционное движение в России после свержения самодержавия», стр. 420.

² См. «Утро России», 13 августа 1915 г.

³ «Как совершалась Великая русская революция», стр. 51.

исходе. Член ЦК кадетов А. Корнилов в лекции для агитаторов, прочитанной 20 марта 1917 года, заявил, что его партия, хотя и не участвовала в непосредственной борьбе на улицах, «имеет весьма реальную заслугу в деле приготовления этого победоносного движения». А. Корнилов приписал большую роль в идейной подготовке революции речи Милюкова в Государственной думе 1 ноября 1916 года¹. Через три недели после революции кадетский деятель скромно претендовал лишь на признание «доли идейного участия» его партии в революции, но вскоре кадеты стали изображать себя главными вершителями переворота. Член Петроградского комитета кадетов Н. Н. Розенталь ничтоже сумняшеся заявил 21 апреля на кадетском собрании, что «историческая» речь Милюкова в Думе означала фактически «начало этой революции». Кадетская пропаганда пыталась представить Милюкова «зачинателем революции», «первым, кто пошел на приступ старой власти»². При этом, разумеется, умалчивалось о том, что еще за две недели до Февральской революции Милюков пытался удержать рабочих от выступления. В действительности Милюков боялся революции не менее, чем явные монархисты. Родзянко с полным основанием писал позднее, что в речи Милюкова нельзя усматривать «желания свержения власти, желания переворота»³. Указывая на пагубность распутищины, повторяя слухи о стремлении царского правительства к сепаратному миру, Милюков добивался лишь отставки кабинета Б. В. Штюрмера, а не свержения царизма. Кроме того, лидер кадетов рассчитывал шумным выступлением в Думе привлечь к своей партии симпатии демократических элементов и вырвать их из-под влияния революционеров. Кадеты сознательно раздували значение речи Милюкова в Думе, смехотворно ставили ее в один ряд с восстанием рабочих и солдат в феврале 1917 года, с тем чтобы по праву якобы идейных вождей революции — роль, которую они себе приписывали, — навязать народу угодное им толкование целей, задач и перспектив революции.

¹ См. А. А. Корнилов. Партия народной свободы (Исторический очерк). Пг., 1917, стр. 28—29.

² См. «Речь», 23 апреля и 9 мая 1917 г.; А. А. Кизеветтер. П. Н. Милюков. М., 1917, стр. 4.

³ М. В. Родзянко. Государственная дума и Февральская революция. Ростов-на-Дону, 1919, стр. 35.

Таким образом, крушение царизма выявило полную несостоятельность программно-политических установок, которыми руководствовалась кадетская партия со времени своего возникновения. Партия, всегда выступавшая за мирное преобразование самодержавия в конституционную монархию, оказалась вдруг во главе правительства в революционной стране. Лидеры кадетов, застигнутые врасплох таким поворотом событий, стали спешно «исправлять» свое прошлое, пытаясь уверить народ, будто кадеты всегда были не монархической, а чуть ли не «революционной» партией. В то же время свои главные силы кадеты направляли на отстранение Советов от власти.

3. МЕНЬШЕВИКИ. ПОПЫТКИ ОБОСНОВАТЬ ПРАВО БУРЖУАЗИИ НА ВЛАСТЬ

Мелкобуржуазность России обусловила появление оппортунистического течения внутри партии рабочего класса. В. И. Ленин связывал с мелкобуржуазностью России тот факт, что массовое рабочее движение с самого его возникновения в стране, с 1895—1896 годов, разделилось на марксистское и оппортунистическое направления¹. Последнее было представлено «экономизмом», а после раскола РСДРП на II съезде в 1903 году — меньшевизмом. Выступая в роли рабочей партии, меньшевики, однако, вобрали в свои ряды малосознательных, оппортунистически настроенных рабочих, а также ремесленников, конторщиков, приказчиков, мелкобуржуазную интеллигенцию. Не случайно Бунд — мелкобуржуазная, националистическая организация, включавшая представителей этих же слоев из лиц еврейской национальности, — входил в состав меньшевистской партии на правах ее национальной организации. Меньшевики были влиятельны преимущественно в промышленно слабо развитых районах.

С самого своего возникновения меньшевизм вел политику подчинения пролетариата буржуазному влиянию. Не поняв особенностей русской буржуазно-демократической революции, развернувшейся в условиях империализма, когда буржуазия стала контрреволюционной силой, а в доведении революции до конца был заинтере-

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 97.

сован прежде всего рабочий класс, меньшевики решительно отрицали гегемонию пролетариата в революции. Брошюра меньшевика А. Мартынова «Две диктатуры», вышедшая в свет в конце 1904 года, имела своей целью внушить пролетариату, что он не может быть вождем буржуазно-демократической революции. Недаром брошюра получила одобрение не только Г. В. Плеханова и других меньшевистских лидеров, но и кадета П. Б. Струве¹.

После поражения революции 1905—1907 годов меньшевики в большинстве своем скатились к ликвидаторству, представлявшему, как указывал В. И. Ленин, в идейном отношении отрицание революционной классовой борьбы социалистического пролетариата вообще, и в частности отрицание гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции². Меньшевистские историки и публицисты пытались доказать рабочему классу, будто бы он потерпел поражение из-за того, что «крайними мерами» преждевременно оттолкнул от себя союзников из прогрессивной буржуазии и буржуазной интеллигенции. Так, меньшевик Е. Маевский обвинял Петербургский Совет 1905 года в том, что он «не остановил рабочих Петербурга от их нерасчетливого стремления захватным путем ввести 8-часовой рабочий день»³.

В организационном плане ликвидаторство проявилось в отрицании нелегальной революционной партии и попытке создать вместо нее легальную рабочую партию, которая, действуя заодно с либеральной буржуазией, добивалась бы через Государственную думу некоторых реформ.

Разрушая партию изнутри, ликвидаторы тем не менее продолжали выступать от имени РСДРП. Исключенные VI (Пражской) Всероссийской конференцией из партии, меньшевики-ликвидаторы и заграничные группы так называемых внефракционных социал-демократов (троцкисты, «впередовцы» и др.) ополчились на решения Пражской конференции, клеветнически утверждая, будто она привела к гибели РСДРП, изображая большевиков «узурпаторами», «самозванцами», а себя

¹ См. А. Мартынов. Великая историческая проверка. «Красная новь», 1923, № 2, стр. 244.

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 45.

³ Е. Маевский. Уроки 1905 года и революция 1917 года. Пг., 1917, стр. 13.

«поборниками единства», ратующими за объединение «всех фракций РСДРП». Демагогическими фразами о единстве, о «воссоздании» РСДРП оппортунисты прикрывали свою истинную цель: ликвидировать реально существующую революционную марксистскую партию.

Первая попытка в этом направлении была предпринята в августе 1912 года на созванной в Вене по инициативе Троцкого конференции меньшевиков-ликвидаторов, отзовистов и бундовцев. Конференция, по замыслу ее организаторов, призвана была сформировать партию, которая была бы достаточно сильной, чтобы противостоять большевистской. Но достигнуть этого не удалось. Конференция смогла лишь избрать Организационный комитет (ОК) «для восстановления единства». «Августовский блок», не имея опоры в массовом рабочем движении России, развалился вскоре же после образования.

Незадолго перед началом первой мировой войны лидеры меньшевиков предприняли новую антибольшевистскую акцию. По их инициативе руководство II Интернационала созвало 3 июля 1914 года в Брюсселе совещание, которое приняло внесенную Каутским резолюцию, предписывавшую большевикам объединиться с оппортунистами, что означало бы ликвидацию большевистской партии¹. Вместо бесславного «августовского» появился новый блок против большевиков, названный В. И. Лениным «третьеиюльским» блоком². С началом войны этот блок также распался. Плеханов скатился к открытому социал-шовинизму. Вместе с эсерами Авксентьевым и Бунаковым он стал издавать в Париже газету «Призыв», провозгласившую первостепенной задачей «оборону страны». Другой участник «третьеиюльского» блока, Троцкий, выпускал в Париже газету «Голос» (затем «Наше слово») центристского толка. Формально выступая против социал-шовинистов, он в то же время требовал единства с ними³. Троцкий пытался

¹ См. «Памятники агитационной литературы РСДРП», т. VI, вып. 1. М.—Пг., 1923, стр. 25—28.

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 126. Подробнее см. С. С. Шаумян. Победа большевизма над оппортунизмом и центризмом в революционном рабочем движении России (1912—1914 гг.). В кн.: «Из истории борьбы ленинской партии против оппортунизма». М., 1966, стр. 235—243; «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 2, стр. 453—456.

³ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 348—349.

сколотить новый беспринципный блок, но не смог сплотить даже редакторов и сотрудников «Нашего слова»¹. Часть из них тяготела к большевикам, другие — к меньшевикам.

Заграничный секретариат ОК (в него входили П. Аксельрод, И. Астров, Л. Мартов, А. Мартынов, С. Семковский), претендовавший на роль руководящего центра меньшевизма, долгое время после начала войны не мог выступить с определенной программно-тактической платформой. В августе 1915 года секретариат ОК рекомендовал в качестве очередного лозунга — «Всенародное Учредительное собрание для ликвидации войны и для ликвидации самодержавного (третьеиюньского) строя»². В этом лозунге, указывал В. И. Ленин, не было главного — социально-классового и политически определенного содержания. «Это, — писал Ленин, — вульгарная, буржуазно-демократическая фраза, а не центральный, не боевой, не пролетарский лозунг»³. Но и эта непоследовательная центристская позиция Заграничного секретариата ОК не разделялась меньшевистскими деятелями, членами ОК в России. Одни из них (Б. О. Богданов, Н. Череванин) открыто, другие (Б. С. Батурский, Б. И. Горев) с оговорками поддерживали оборончество.

Видный меньшевик И. Г. Церетели, находясь на поселении в Иркутске, выпустил в декабре 1914 и январе 1915 года по одному номеру «Сибирского журнала» и «Сибирского обозрения», в которых пропагандировал лозунг «ни побед, ни поражений», означавший на деле вариант соглашательского лозунга «обороны отечества». Меньшевистская фракция в Государственной думе во главе с Н. С. Чхеидзе, голосовавшая 26 июля 1914 года вместе с депутатами-большевиками против военных кредитов, вскоре повернула вправо, к оборончеству. Откровенно шовинистическую позицию заняли меньшевики, группировавшиеся вокруг редактируемого А. Н. Потресовым легального журнала «Наша заря» (позднее «Наше дело», «Дело») и газеты «Утро» (затем «Рабочее утро»). Входившие в эту группу меньшевики К. Гвоздев,

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 199—200.

² «Задача российского пролетариата». Письмо 1-е Заграничного секретариата ОК РСДРП, 21 августа (3 сентября) 1915 г. [Стокгольм], 1915.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 92.

М. Бройдо, Е. Маевский, не довольствуясь агитацией за «оборону отечества», стремились привлечь рабочих к практическому сотрудничеству с буржуазией. С лета 1915 года меньшевики-оборонцы развернули на предприятиях Петрограда агитацию за создание рабочих групп при военно-промышленных комитетах. 27 сентября состоялось первое общегородское собрание выборщиков по избранию Рабочей группы при Центральном военно-промышленном комитете (ЦВПК). Но большинство выборщиков поддержало предложение большевиков бойкотировать военно-промышленные комитеты. Только вторично созванное 29 ноября собрание, организованное оборонцами, избрало рабочие группы при Центральном и Петроградском военно-промышленных комитетах. Меньшевистские центры в России — ОК и думская фракция — фактически санкционировали сотрудничество меньшевиков с буржуазией в военно-промышленных комитетах¹.

Таким образом, в отличие от центристской позиции заграничных секретарей ОК большинство меньшевистских деятелей в России скатилось в начале войны к социал-шовинизму, оборончеству. В конце 1915 года В. И. Ленин писал, что «в главном, в связи с *массами* в России Мартов и К^о дают не только ноль, но минус. Ибо за ними нет ничего. Выборы доказали, что массы есть только у блока буржуазии и „Рабочего Утра“...»².

Только в 1916 году, на почве обострения революционного кризиса в стране, активизировались интернационалистски настроенные меньшевики. В Петрограде они объединялись вокруг так называемой Инициативной группы. Она образовалась перед войной из меньшевиков-партийцев (О. Ерманский, Г. Панков, А. Гриневич и др.)³. В начале войны эта группа поддерживала оборонцев, одобрила участие рабочих в военно-промышленных комитетах. Весной 1916 года Инициативная группа сделала крен влево, она предложила Рабочей группе ЦВПК публично высказаться за необходимость немедленного мира и потребовать от правительства начать

¹ См. А. Мартынов. Великая историческая проверка. «Красная новь», 1923, № 4, стр. 209, 214.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 92.

³ См. О. А. Ерманский. Из пережитого. М.—Л., 1927, стр. 121.

мирные переговоры¹. Предложение было отклонено. Под давлением рабочих Инициативная группа выпустила в августе 1916 года прокламацию, в которой известила, что «организованные меньшевики, стоящие на точке зрения Интернационала... постановили подавляющим большинством голосов Рабочую группу при Центральном военно-промышленном комитете отозвать»². Большевики-оборонцы не подчинились. В конце 1916 года они создали свой центр, «группу содействия», которую возглавил член ОК, секретарь Рабочей группы при ЦВПК Б. О. Богданов. В Москве меньшевики-оборонцы объединялись вокруг Рабочей группы Московского областного военно-промышленного комитета (секретарем ее была С. М. Зарецкая)³.

Тем не менее размежевание среди меньшевиков не дошло до окончательного раскола. Против этого был Заграничный секретариат ОК, продолжавший выступать от имени всего меньшевизма, а не только его левой части. Главное же, по коренному вопросу — о перспективах революции — меньшевики всех толков являлись сторонниками сотрудничества с буржуазией. К этому призывали рабочих как сторонники К. А. Гвоздева, так и Инициативная группа⁴. Но если первые делали упор на сотрудничество с буржуазией в ведении войны, то

¹ См. «Известия Заграничного секретариата ОК РСДРП», 10 июня 1916 г. В листовке, подписанной «Петроградская инициативная группа социал-демократов меньшевиков», выражался протест «против самозванного представительства интересов пролетариата Рабочей группой Центрального военно-промышленного комитета, которая не имеет на то мандата никаких организованных рабочих России и занимает в центральном вопросе современности, вопросе о войне, оборонческую позицию, не разделяемую большинством русских рабочих и враждебную интересам рабочего класса» (ЦПА ИМЛ, ф. 275, оп. 1, д. 35, ч. 1, л. 3об).

² «Красный архив», 1933, № 2 (57), стр. 69. Прокламация Инициативной группы была впервые опубликована в № 57 «Социал-демократа» 30 декабря 1916 г. Редакция ЦО РСДРП приветствовала этот шаг Инициативной группы и пожелала ей успеха.

³ ЦГАОР СССР, ф. ДП ОО, 1917, № 158, л. 10об. Имеются сведения о конференции сторонников ОК (меньшевистских и бундовских организаций 17 городов страны) в Москве 13—15 декабря 1916 года (ЦГАОР СССР, ф. ДП ОО, 1917, № 5, ч. 1, л. 22).

⁴ В резолюции, предложенной Рабочей группой ЦВПК для принятия на фабриках и заводах, отмечалось: «...рабочий класс, как всегда, будет поддерживать всякий действительный шаг буржуазных кругов по пути раскрепощения страны», будет подталкивать либеральную оппозицию «на более решительную борьбу с режимом» (ЦПА ИМЛ, ф. 275, оп. 1, д. 38, л. 30). Листовка Инициативной

вторые рассчитывали найти точки соприкосновения с буржуазной оппозицией «и не на почве обороны»¹. Большевики всех оттенков не видели другого выхода из революционного кризиса, обостренного войной, кроме как в установлении власти либеральной буржуазии. Пролетариат же, по мнению меньшевиков, призван был побуждать буржуазию к активным действиям против царизма, подталкивать ее к власти.

Пленники своей концепции, меньшевики ждали, что в России, как в странах Западной Европы, буржуазия будет вождем предстоящей революции и, естественно, наследует власть после свержения царизма. Февральская революция обескуражила меньшевистских лидеров. Не буржуазия, а пролетариат выступил гегемоном революции. Созданный восставшими рабочими и солдатами Петроградский Совет вместо подспорья буржуазной власти (каким его хотели видеть меньшевики) стал органом революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.

При создании Петроградского Совета руководящую роль в нем стали играть меньшевики в блоке с эсерами. В числе семи членов президиума, избранного на первом заседании Совета, было пять меньшевиков (Н. С. Чхеидзе, М. И. Скобелев, К. А. Гвоздев, А. Гриневич, Г. Г. Панков), один внефракционный социал-демократ (Н. Д. Соколов) и один перебежавший от трудовиков эсер (А. Ф. Керенский). Все они вошли в состав Исполкома Совета, избранного 27 февраля. Кроме них членами Исполкома стали меньшевики Н. Ю. Капелинский и М. Соколовский и внефракционные социал-демократы Ю. М. Стеклов и Н. Н. Суханов. С включением в состав Исполкома представителей от политических партий меньшевистское ядро Исполкома пополнилось 28 февраля членами ОК Б. О. Богдановым и Б. С. Батурским².

группы также указывала, что пролетариат «должен поддерживать буржуазию в ее требовании смены власти, перемены правительственной системы, демократического самоуправления, свободы коалиций и свободы печати» (Библиотека ИМЛ при ЦК КПСС, ЦА 18081
Р-356.)

¹ «Известия Заграничного секретариата...», 10 июня 1916 г.

² См. Ю. С. Токарев. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов и образование Временного правительства. В сб.: «Из истории Великой Октябрьской социалистической революции и социалистического строительства в СССР». Л., 1967, стр. 34.

Среди десяти представителей Исполкома, избранных солдатской секцией Совета, было три меньшевика: В. И. Баденко, Ф. Ф. Линде и А. П. Борисов¹. Всего в числе 36 членов Исполкома меньшевиков и представителей примыкавших к ним течений было 14.

Следовательно, в то время, когда в Петроградском Совете решался вопрос о власти, наиболее представительной в нем группой были меньшевики. Они выступили против предложения большевиков образовать Временное революционное правительство от партий, представленных в Совете рабочих и солдатских депутатов, и считали необходимым передать власть буржуазии. Причем одни предлагали создать коалиционное правительство из представителей Временного комитета Государственной думы и Совета, другие высказались за чисто буржуазный состав правительства. Так, при обсуждении вечером 1 марта в Исполкоме Совета вопроса о власти представитель ОК Батурский призывал к созданию чисто буржуазного правительства (это предложение было принято 13 голосами против 7). На состоявшемся же вслед за тем в ночь с 1 на 2 марта заседании ОК (присутствовало 12 человек) большинство высказалось за создание коалиционного правительства². Но когда утром 2 марта представитель ОК пришел в Таврический дворец с предложением создать коалиционное правительство, там уже была достигнута договоренность представителей Исполкома с думским комитетом о буржуазном составе Временного правительства. Меньшевики согласились с этим, отложив вопрос о создании коалиционного правительства на будущее.

Следовательно, в передаче Петроградским Советом власти буржуазному Временному правительству решающую роль сыграли меньшевики — члены Исполкома Совета. ОК в первом после победы революции воззвании, опубликованном 1 марта, пространно убеждал рабочих

¹ См. В. М. Миллер. Начало демократизации старой армии в дни Февральской революции. «История СССР», 1966, № 6, стр. 41.

² См. М. Рафес. Мои воспоминания. «Былое», 1922, № 19, стр. 195. Для определения мотивов голосования характерно высказывание «Известий Петроградского Совета» в передовой от 2 марта 1917 года о том, что отсутствие представителей Совета в правительстве может быть расценено буржуазией как стремление Совета... не ограничиваться демократическими преобразованиями, а осуществлять и социалистические.

в необходимости союза с буржуазией. «В этот момент, — говорилось в воззвании, — нам нужно дорожить каждым отрядом революции, как бы ни скромна была его роль во всенародном движении. И помня уроки 1905 г., будем спланировать народные массы во имя всенародной цели: окончательного разгрома старой власти и образования Временного правительства, которое создаст условия для организации свободной России». Воззвание меньшевиков рассматривало Совет как чисто профессиональную организацию, с помощью которой пролетариат сможет завоевать себе «возможно более прочное положение при новом строе», т. е. в условиях буржуазного порядка¹. ЦО меньшевиков «Рабочая газета» с удовлетворением отметила 7 марта, что «пролетариат и революционная армия своим поведением за первую неделю революции показали свою готовность не раскалываться и вести дело освобождения России вместе с либеральной буржуазией». В номере от 12 марта «Рабочая газета» утверждала, что передача восставшими рабочими и армией власти в руки либеральной буржуазии неизбежно должна была случиться «на той ступени политического и экономического развития, на какой стоит Россия». За поддержку Советами Временного правительства ратовал лидер меньшевиков И. Г. Церетели. Обращаясь 20 марта к рабочим — депутатам Петроградского Совета, Церетели говорил: «Вы поняли, что не настал еще момент для осуществления конечных задач пролетариата, классовых задач, которые еще нигде не осуществлены, но пробил час для полного торжества демократии, торжества, в котором заинтересован рабочий класс и одинаково с ним заинтересованы все живые силы страны». Одобрив передачу Советом власти буржуазному Временному правительству, Церетели продолжал: «Вы поняли, что совершается буржуазная революция, что она составляет этап социальной революции и что прежде всего надо укрепиться на этом этапе». Задачу пролетариата, вручившего власть буржуазии, задачу Совета Церетели видел в том, чтобы поддерживать Временное правительство («власть революционного правительства»). В противном случае, предостерегал оратор,

¹ См. «Известия Петроградского Совета рабочих депутатов», 1 марта 1917 г.

«темные силы смогут нанести революции удар из-за угла»¹.

Итак, Февральская революция опровергла меньшевистскую концепцию, согласно которой на смену царизму может прийти лишь власть буржуазии. Февральская революция зашла дальше обычной буржуазной революции, создав, наряду с Временным правительством — органом господства буржуазии и помещиков, Советы, олицетворявшие революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства. Получив в силу ряда обстоятельств преобладающее влияние в Петроградском Совете — ведущем органе революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, меньшевики под предлогом того, что Советы призваны быть лишь органами контроля за деятельностью Временного правительства и средством давления на него, стремились фактически отстранить Советы от власти.

4. ЭСЕРЫ. БЛОК С МЕНЬШЕВИКАМИ

В последнем десятилетии XIX века научный социализм в России одержал победу над утопическим социализмом народников. Но социальная почва, питавшая народничество, — многомиллионное крестьянство, опутанное остатками феодально-крепостнических отношений, — осталась. Под влиянием новой волны крестьянского движения в начале XX века оживилась деятельность народнических групп, усилилась их тяга к объединению. В начале 1902 года представители «Союза социалистов-революционеров», действовавшего в северных и восточных районах России, «Партии социалистов-

¹ «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», 21 марта 1917 г.

Небезынтересен диалог, состоявшийся между Чхеидзе и Церетели после окончания речи последнего:

Чхеидзе: Признаюсь, я боялся, как бы ты не расколодил аудиторию, когда упирал на буржуазный характер революции и говорил о революционности Временного правительства.

Церетели: Но ведь это же позиция Совета, который образовал Временное правительство по соглашению с думским комитетом.

Чхеидзе: Да, конечно, но в такой огненной форме мы этого не говорили...

(И. Г. Церетели. Воспоминания о Февральской революции, кн. I. Париж, 1963, стр. 36—37).

революционеров», объединявшей народников Юга, и представители «Аграрно-социалистической лиги» договорились о создании единой партии «социалистов-революционеров». С 1902 года под редакцией В. М. Чернова и М. Р. Гоца стала выходить газета «Революционная Россия» — официальный орган партии. С 29 декабря 1905 по 4 января 1906 года в Иматре (Финляндия) заседал I съезд партии, принявший программу и утвердивший устав партии с.-р. (эсеров).

Эпигоны народничества не могли взять на вооружение в неизменном виде его теорию. Марксистская критика, особенно работы В. И. Ленина, да и сам ход истории (развитие капитализма и рост рабочего движения в России) показали несостоятельность народнических концепций. Это вынудило эсеровских теоретиков попытаться модернизировать народническую идеологию, приспособить ее к новым историческим условиям. Из по-своему цельного учения народников — во-первых, отрицавшего господство капитализма в России, во-вторых, не признававшего авангардной роли фабрично-заводского пролетариата в революции и, в-третьих, считавшего возможным осуществить в стране непосредственно социалистический переворот — эсеры полностью взяли на вооружение лишь последний тезис. В отличие от ортодоксального народничества, эсеры признали в своей программе положительную роль капитализма, обобществляющего труд и производство и тем самым подготавливающего некоторые материальные элементы будущего социалистического строя. Это было уступкой марксизму: неизбежность социализма основывалась на объективном развитии экономики и классовой борьбы.

Но действие объективных факторов развития социалистической революции эсеры распространяли лишь на капиталистические страны Запада. Для России же, по мнению эсеров, вследствие ее экономической отсталости и сохранения общинного земледелия был предрешен «особый» путь к социализму. Вопреки марксистской теории, эсеры утверждали, что рабочие, крестьяне и интеллигенция образуют единый «трудовой народ», и на этом основании отвергали руководящую роль рабочего класса в революции. Приноравливаясь к интересам крестьянства, страдавшего от остатков крепостничества и от развивающегося капитализма и мечтавшего о том, чтобы разом избавиться от всякой эксплуатации, эсеры

объявляли себя сторонниками социальной революции, призванной утвердить в стране власть «трудовой демократии» и открыть путь к социализму.

Центральное место в эсеровской программе занимало требование социализации всех частновладельческих земель, т. е. «изъятие их из частной собственности отдельных лиц и переход в общественное владение и в распоряжение демократически организованных общин...»¹. Последние должны распределить земли по «уравнительно-трудовым» нормам между членами общин. Социализация земли, разъяснял один из эсеровских публицистов, — это «пользование огосударственной землей свободными общинами земледельцев, не прибегающих в обработке земли к наемному труду и переделывающих площадь своего землепользования между собою в зависимости от изменений семейного состава через определенное количество лет»². С проведением социализации земли эсеры связывали не только дополнительное наделение крестьян землей, но и начало социалистического переустройства общества. Социализация земли в сочетании с развитием кооперации должна была, по мнению эсеров, уже в пределах буржуазного государства послужить началом социалистических преобразований. Эсеровская аграрная программа, не являясь социалистической (социализация земли при сохранении товарного производства не могла изменить капиталистической системы хозяйства), была объективно прогрессивной. Ее осуществление привело бы к ликвидации помещичьего землевладения.

В годы революции 1905—1907 годов за эсерами шли мелкобуржуазные массы — крестьяне и средние городские слои, а также малосознательные рабочие, т. е. наименее устойчивая часть революционно-демократического лагеря. С поражением революции они отстранились от политики, снова уйдя в ограниченный мирок своих будничных интересов. Потеря эсерами массовой опоры привела к острому и длительному кризису партии. Еще на I съезде А. В. Пешехонов, возглавлявший литературную группу, входившую ранее в «Союз освобождения», предложил создать наряду с эсеровской партией легальную «народно-социалистическую» партию. Не получив

¹ «Полный сборник платформ всех русских политических партий». СПб., 1906, стр. 23.

² Г. Новоторжский. Социализация земли. Пг., 1917, стр. 6.

поддержки, Пешехонов и его сторонники (В. А. Мякотин, Н. Ф. Анненский, А. П. Петрищев) порвали с эсерами и летом 1906 года провозгласили создание народно-социалистической партии. В конце 1906 года съезд н.-с. (энесов) заявил об отказе от борьбы за республику и вместо подготовки крестьян к восстанию провозгласил своей задачей добиваться отчуждения за выкуп помещичьей земли в пользу крестьян. В. И. Ленин характеризовал эту партию как «полукадетскую» и метко заклеил матерый оппортунизм энесов термином «эсеровские меньшевики»¹.

Имелось в партии эсеров с самого ее возникновения и левое крыло. На I съезде представители левых выступали против программы-минимум, настаивая на провозглашении максимальной программы: осуществления наряду с социализацией земли социализации промышленных предприятий и немедленной реорганизации всей общественной жизни на социалистических началах. На учредительном съезде в Або (Финляндия) в октябре 1906 года левые оформились в самостоятельный «Союз социалистов-революционеров — максималистов». Основным методом борьбы «Союз» провозгласил индивидуальный террор. В годы реакции организации максималистов, ослабленные арестами, стали распадаться. Некоторые из членов организаций перешли к анархистам.

Деятельность руководящих центров эсеровской партии после состоявшихся в 1907 году II съезда и в 1909-м V Совета партии (после съезда высший орган партии) почти замерла. Новый подъем революционного движения, как отметило Поронинское совещание ЦК РСДРП (1913 г.), всюду прошел вне всякого влияния партии эсеров². Лидер эсеров В. М. Чернов говорил о периоде истории партии, предшествовавшем Февральской революции: «В течение крайне долгого времени... всякая партийная жизнь была почти прекращена для всех нас...»³ Другой деятель партии, В. М. Зензинов, свидетельствовал, что в 1910—1915 годах «лишь кое-где сохранились партийные организации, не связанные между собой в одно целое... За все годы войны почти нигде

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 396; т. 14, стр. 44, и др.

² См. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», т. I. М., 1970, стр. 389.

³ «Третий съезд партии социалистов-революционеров», стр. 426.

не существовало организаций партии с.-р., все попытки в этом направлении пресекались в самом начале и серьезного характера не носили»¹. Некоторые эсеровские группы вообще бездействовали (в Казани, например, эсеры, по словам одного из них, «никакой предреволюционной работы не вели. Жили простыми обывателями»²). Заметно активизировалась деятельность эсеров перед самой революцией. Так, эсеровская группа г. Сормово, никак не проявившая себя с начала войны, занималась в ноябре 1916 года типографию, стала выпускать листовки, распространять литературу. Число членов возросло с 12—14 в апреле 1916 года до 30 человек в конце года³. Были предприняты некоторые попытки связать эсеровские организации и группы, имевшиеся в Туле, Воронеже и городах Поволжья, с эсерами Петрограда и Москвы. Но и в столицах эсеровские силы не были достаточно организованы. В Москве лишь в начале 1917 года образовалось «Временное организационное бюро партии с.-р.»⁴. В Петрограде эсеровские группы время от времени заявляли о себе⁵, но сплоченной организации и здесь не было. Перед самой революцией, в феврале 1917 года, появилась листовка Инициативной группы с.-р., призывавшая старых и молодых деятелей взяться за воссоединение партии⁶. Февральскую революцию партия эсеров встретила дезорганизованной, ослабленной, малоактивной⁷.

¹ В. Зензинов. Из недавнего прошлого. «Дело народа», 13 августа 1917 г.

² Е. Грачев. Казанский Октябрь (Материалы и документы), ч. 1. Казань, 1926, стр. 30.

³ ЦПА ИМЛ, ф. 274, оп. 1, д. 26, лл. 85—98.

⁴ Там же, л. 98.

⁵ В марте 1915 года вышла листовка, обращенная к матросам и солдатам, за подписью: «Петербургская социал-революционная организация» (ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 530, д. 1127, л. 4). В феврале 1916 года выпустила первое воззвание к солдатам и матросам Северная военная организация партии с.-р. (ЦПА ИМЛ, ф. 274, оп. 1, д. 17, л. 5). Подробнее см. Л. М. Шалагинова. Эсеры-интернационалисты в годы первой мировой войны. В кн.: «Первая мировая война». М., 1968.

⁶ См. Э. Н. Бурджалов. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде, стр. 88.

⁷ В докладе департамента полиции от 25 февраля 1917 года отмечалось, что в столице имеются отдельные представители партии эсеров, а «организаций этой партии в Петрограде нет» (ЦГАОР СССР, ДП ОО, 1917, № 341, ч. 58, л. 42). См. об этом также В. Зензинов. Из недавнего прошлого. «Дело народа», 13 августа 1917 г.

¹ Организационный кризис усугубился разногласиями в области идейно-политической. Часть эсеров стала с начала войны на позиции оборончества. К «обороне отечества» призывала состоявшаяся летом 1915 года в Петрограде совместная конференция эсеров, трудовиков и народных социалистов. С проповедью оборончества выступала редактируемая В. Зензиновым «Народная газета», выходявшая зимой 1915—1916 годов в Москве¹. Напротив, эсеры, ближе стоявшие к рабочим, по многим вопросам поддерживали большевиков. В Петрограде левонастроенные эсеры вместе с большевиками бойкотировали выборы в рабочие группы военно-промышленных комитетов. В контакте с большевиками вели революционную деятельность сормовские эсеры.

В эсеровском центре за границей с началом войны определились три течения. Одно, возглавляемое Н. Д. Авксентьевым, — оборонческое, социал-шовинистское, другое, во главе с В. М. Черновым, — центристское (оно пользовалось поддержкой большинства эсеров в России), и лишь небольшая группа придерживалась интернационалистской линии. Представитель эсеров-интернационалистов М. А. Натансон вошел в организованную в 1915 году В. И. Лениным группу левых циммервальдцев.

В. М. Чернов, теоретик партии, в начале войны опубликовал (под псевдонимом Ю. Гарденин) за границей в газетах «Мысль» и «Жизнь» серию статей (в 1915 году они вышли в Женеве, а в 1917 году в Петрограде отдельным сборником под названием «Война и „третья сила“»), в которых излагал отношение партии эсеров к войне и путям выхода из нее. «Наш лозунг, — писал Чернов, — превращение внешнего, военного кризиса в кризис внутренний, революционный»². Чернов указывал на необходимость вмешаться в борьбу двух гигантских военно-политических трестов, решающих оружием спор о разделе мира, призывал превратить военный кризис в кризис революционный, отмечал важность восстановления Интернационала. На вопрос о том, какая страна способна начать революцию, он ответил так: «Почем знать — быть может, Россия. В ней не закончена,

¹ См. В. Зензинов. Из жизни революционера. Париж, 1919, стр. 80.

² В. Чернов. Война и «третья сила». Сб. статей. Пг., 1917, стр. 44.

оборвана, вогнана внутрь революционная встряска 1905—6 года»¹.

По этим заявлениям могло создаться впечатление, что, несмотря на непоследовательность, путанность теоретических взглядов, Чернов — противник империалистической войны и стремится к быстрейшему ее окончанию в интересах «трудовой демократии». В действительности же радикальные высказывания Чернова не что иное, как фразерство. Он не связывал борьбу за мир с революционной борьбой рабочего класса. Согласно эсеровской доктрине, отрицавшей гегемонию пролетариата в революции, Чернов противопоставлял обеим империалистическим группам в качестве «третьей силы» «трудовую демократию». С ее вступлением на арену борьбы (о необходимости руководства со стороны рабочего класса, свободного от оппортунизма, борьбой «трудовой демократии» Чернов умалчивал) эсеровский теоретик связывал надежды на окончание войны, восстановление Интернационала, начало эры социальных революций. По поводу статей Чернова В. И. Ленин заметил: «...краснобаи Гарденины и К^о хотят лечить социализм полным отречением от его единственной общественно-исторической основы, классовой борьбы пролетариата, и окончательным разбавлением марксизма филистерской, интеллигентски-народнической водицей»². За показной «революционностью» Чернова В. И. Ленин видел его родство с социал-шовинистом Б. В. Савинковым (печатался под псевдонимом Ропшин). «Революционер-то вы вроде Ропшина!»³ — с полным основанием указал Владимир Ильич Чернову в 1915 году. Деятельность Чернова и всего официального руководства эсеровской партии сразу же после Февраля убедительно показала правоту В. И. Ленина, давно разглядевшего псевдоревolucionность эсеров, полное отречение их от борьбы за социализм на деле.

Даже в канун Февральской революции петроградские эсеры, по данным департамента полиции, считали «настоящий момент неудобным для революционных выступлений ввиду неподготовленности к ним широких народных масс населения»⁴. Правда, из этого же источника

¹ В. Чернов. Война и «третья сила», стр. 57.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 157.

³ Там же, стр. 226.

⁴ ЦГАОР СССР, ф. ДП ОО, 1917, № 345, л. 2.

видно, что 25 февраля отдельные представители партии эсеров, «вполне сочувствуя начавшемуся движению, полагают примкнуть к нему с целью поддержать революционное выступление пролетариата»¹.

Эсеровские деятели, оказавшись в результате свержения царизма во главе Петроградского и других Советов, даже и не помышляли о том, чтобы немедленно приступить к проведению программы своей партии. Левонастроенные эсеры, пытавшиеся кое-что предпринять в этом направлении, были немедленно дезавуированы. Характерен в этом отношении эпизод с эсером В. Александровичем, который вошел 27 февраля в состав Исполкома Петроградского Совета. Вместе с межрайонцами он принял участие в составлении двух листовок. В одной, изданной 28 февраля, выдвигалось требование создать из представителей Совета рабочих депутатов Временное революционное правительство². Другая листовка, выпущенная в ночь с 1 на 2 марта, призывала солдат не доверять офицерам и выбирать ротные комитеты. Эти листовки вызвали переполох в эсеровских кругах. Правый эсер Б. О. Флеккель явился в Исполком Петроградского Совета, требуя не допустить распространения листовки, обращенной к солдатам. Листовки были конфискованы³.

Введенные 28 февраля в состав Исполкома Совета В. М. Зензинов и Н. В. Святицкий решительно выступили против установления власти Советов. При обсуждении вопроса о власти в Исполкоме Совета 1 марта представители эсеров вместе с бундовцами и правыми меньшевиками высказались за создание коалиционного правительства из представителей Временного комитета Государственной думы и Совета. Но так как это предложение не собрало в Исполкоме большинства, эсеры согласились на передачу власти буржуазному Временному правительству. За это они голосовали 2 марта на пленуме Совета. В тот же день конференция петроградских эсеров⁴ признала «настоятельно необходимой под-

¹ ЦГАОР СССР, ф. ДП ОО, 1917, № 341, ч. 58, л. 42.

² См. Музей Великой Октябрьской социалистической революции, ф. II, 14351.

³ См. «Военно-исторический журнал», 1966, № 11, стр. 111; Ник. Су х а н о в. Указ. соч., стр. 292—293.

⁴ На конференции присутствовало 33 человека («Дело народа», 21 марта 1917 г.).

держку Временного правительства... оставляя за собою право изменить свое отношение к нему при отклонении Временного правительства от выполнения намеченной им программы». Эта оговорка была рассчитана на успокоение левых элементов в партии, обескураженных резким креном вправо ее официального руководства. Резолюция приветствовала вступление Керенского в правительство¹. Надежды некоторых левых эсеров на то, что с приездом Чернова линия партии будет выправлена, не оправдались. Чернов, прибыв (вместе с Авксентьевым и Савинковым) из Франции в Петроград 9 апреля, полностью одобрил проводимую эсерами политическую линию.

Таким образом, партия эсеров, выдававшая себя за противника не только монархии, но и буржуазии, оказавшись после победы Февральской революции вместе с меньшевиками во главе Советов, вступила в союз с буржуазией с целью остановить дальнейшее развитие революции.

* * *

Итоги Февральской революции оказались в противоречии с теорией и дореволюционной практикой кадетов, меньшевиков и эсеров. *Кадеты*, приверженцы монархии, пытавшиеся предотвратить революцию, фактически возглавили Временное правительство, пришедшее на смену царизму. *Меньшевики*, отвергавшие возможность перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую и стремившиеся подчинить рабочее движение буржуазии, возглавили Петроградский Совет, само создание которого свидетельствовало, что Россия уже сделала важный шаг к социалистическому этапу революции. *Эсеры*, выступавшие до революции как противники и монархии, и буржуазии, встали заодно с меньшевиками на защиту буржуазной власти.

Непредвиденный исход Февральской революции вынуждал лидеров каждой из перечисленных партий предпринять переоценку своего идейно-теоретического багажа. Наиболее очевидной была метаморфоза кадетов.

¹ См. «Революционное движение в России после свержения самодержавия», стр. 414. Аналогичную резолюцию приняла конференция московских эсеров, состоявшаяся 3 марта 1917 года (см. «Земля и воля», 10 марта 1917 г.).

Вчерашние противники революции стали ее превозносить и даже приписывали своей партии заслугу в ее подготовке и победоносном исходе. Прославляя революцию против царизма, кадеты всеми силами и любой ценой стремились предотвратить назревавшую революцию против буржуазии. Меншевикам, оказавшимся во главе Петроградского Совета — органа революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства (возможность установления которой отрицалась ими в прошлом), нужно было как-то обосновать, почему они стремятся низвести Совет до подчиненного буржуазной власти органа. Такая же задача встала и перед эсерами. Ниже мы рассмотрим, каким образом лидеры обеих мелкобуржуазных партий пытались обосновать свою соглашательскую с буржуазией политику.

Только стратегический план, выработанный *большевиками* еще в 1905 году, в основном и главном оказался правильным. Царизм, как и предусматривали большевики, был свергнут благодаря революционному союзу рабочего класса, гегемона революции, и крестьянства. Образование наряду с Петроградским Советом буржуазного Временного правительства свидетельствовало лишь о том, что жизнь, конкретная действительность оказалась сложнее, чем можно было предположить заранее. «...Большевистские лозунги и идеи *в общем* вполне подтверждены историей, — отмечал В. И. Ленин, — но *конкретно* дела сложились *иначе*, чем мог (и кто бы то ни был) ожидать, оригинальнее, своеобразнее, пестрее»¹.

Развернутая большевиками сразу же после свержения самодержавия борьба за продолжение революции отвечала объективным потребностям широких масс трудящихся, насущные интересы которых (мир, земля и др.) не хотело и не могло удовлетворить буржуазно-помещичье Временное правительство. Апрельские тезисы Ленина, вооружив большевиков научно обоснованной программой действий, многократно умножили их силы в борьбе за дальнейшее развитие революции.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 133.

Глава вторая

**БОЛЬШЕВИКИ И ИХ
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОТИВНИКИ
О РАССТАНОВКЕ СИЛ В СТРАНЕ**

Важнейшей задачей большевиков после выхода из подполья являлось уяснение новой социальной реальности, сложившейся в стране в результате победы революции. Особенно важно было установить новое положение классов и их взаимоотношения, чтобы на этой основе определить перспективы дальнейшей борьбы пролетариата и выработать правильную тактическую линию партии. В брошюре «Письма о тактике», вышедшей в апреле 1917 года, В. И. Ленин отмечал: «Марксизм требует от нас самого точного, объективно проверяемого учета соотношения классов и конкретных особенностей каждого исторического момента. Мы, большевики, всегда старались быть верными этому требованию, безусловно обязательному с точки зрения всякого научного обоснования политики»¹.

Было бы неверно думать, что на другой же день после победы революции большевики располагали уже готовой диспозицией, точно отражавшей новую расстановку сил в стране. Чтобы разобраться в сложной, противоречивой обстановке, выявить изменения, происшедшие в результате революции во всех классах общества и их взаимоотношениях, требовалось известное время. Формирование большевистской концепции расстановки общественных сил происходило в борьбе против кадетов, меньшевиков и эсеров, против взглядов, которые они навязывали массам по этому вопросу.

Лидер кадетов П. Н. Милюков различал на общественно-политической арене три течения: 1) контрреволюционное; 2) созидательное, укрепляющее, завершающее дело революции; 3) разрушающее, стремящееся

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 132.

продолжить революцию. Милюков так характеризовал эти течения. Первое — совершенно дезорганизовано: входящие в него прежде группы исчезли с поля политической борьбы, но так или иначе оно вновь организуется. Второе течение, среднее, стремящееся сохранить и укрепить завоевания революции, спланируется вокруг «партии народной свободы». Третье течение, крайне революционное, провозглашающее, что «революция продолжается», возглавляется большевиками. Меньшевики и эсеры, по словам Милюкова, находятся в процессе превращения из силы разрушительной в созидательную, в процессе усвоения ими точки зрения государственности, т. е. кадетизма¹.

Подменив борьбу классов столкновением сил «добра» («созидательное» течение) и «зла» («разрушительное» течение), связав деятельность первых с партией кадетов, а вторых — с большевиками, милюковская схема призвана была теоретически обосновать необходимость создания широкого контрреволюционного фронта, включающего буржуазию, крестьянство и средние городские слои, против возглавляемого большевистской партией революционного рабочего класса.

Антибольшевистская направленность кадетской концепции расстановки общественных сил проявилась сразу же после Февральской революции. Так, на состоявшемся в конце марта съезде кадетской партии докладчик ЦК Д. И. Шаховской провозгласил одной из задач ближайшего будущего борьбу «со всякого рода максимализмом и большевизмом» (съезд встретил это заявление аплодисментами) и выразил надежду на возможность соглашения в этом деле «с левыми течениями более разумными»², т. е. с меньшевиками и эсерами. Во время выборов в районные думы Петрограда в конце мая 1917 года кадеты призывали избирателей: «Голосуйте за кого хотите, но только не голосуйте за большевиков»³.

Меньшевистская трактовка расстановки сил в стране была наиболее четко сформулирована И. Г. Церетели. В речи на заседании Петроградского Совета 20 марта и в докладе на Всероссийском совещании Советов в конце марта Церетели развивал мысль о том, что

¹ См. «Речь», 10 и 11 мая 1917 г.

² «Речь», 29 марта 1917 г.

³ «Речь», 2 июня 1917 г.

в России после свержения царизма действуют, помимо монархической контрреволюции, две основные общественные силы. Одна — пролетариат и примыкающая к нему «последовательная демократия», объединенные Советами. Это — «революционная демократия». Другая сила — буржуазные, цензовые элементы. Революционная демократия в лице Исполкома Петроградского Совета, учитывая буржуазный характер революции, выдвинула программу демократического преобразования государства, программу буржуазной республики, последовательно осуществляющей подлинные демократические идеалы. «И только потому, — продолжал Церетели, — что буржуазия ее (программу. — Авт.) приняла, демократия признала это правительство и все шаги правительства в этом направлении обязалась поддерживать»¹. В своей пропаганде и агитации меньшевики настойчиво подчеркивали, что только в соглашении «революционной демократии» с буржуазией спасение страны. Еще усерднее ратовали за единение «революционной демократии» с торгово-промышленными классами Г. В. Плеханов и А. Н. Потресов.

Особую позицию среди меньшевистских деятелей занял Л. Мартов. Он выделял из «революционной демократии» в качестве самостоятельной политической силы мелкую буржуазию — сельскую и городскую. Возражая против политики соглашения с буржуазией, Мартов выступал за переход власти в руки мелкобуржуазной демократии. Но этот момент, считал он, станет возможным «лишь после того, как мелкобуржуазная демократия сама значительно поднимется над нынешним уровнем своей политической зрелости и станет способной как удержать власть в своих руках, так и пользоваться ею в своих интересах»². Установление мелкобуржуазной власти Мартов связывал с созывом Учредительного собрания. Причем эта власть («власть демократии») рассматривалась им как переходная ступень не к диктатуре пролетариата, а к созданию «новой буржуазной власти». «В процессе реализации демократической революции, — писал Мартов, — из демократических масс выкристалли-

¹ «Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов. Стенографический отчет». М.—Л., 1927, стр. 39.

² Л. Мартов. Лозунг «Вся власть Советам». «Летучий листок», 1917, № 2, стр. 5—6.

зуются те широкие слои *новой* буржуазии, рождаемой в бурях революции, которые в свое время образовались и в Англии и во Франции»¹. Это значит, что Мартов, как и другие лидеры меньшевиков, признавал власть буржуазии как единственно возможную для России перспективу.

Внешне отличной от меньшевистской была эсеровская концепция расстановки общественных сил. Эсеры, отвергавшие марксистскую теорию классов, противопоставляли «трудовому народу», в который включали крестьян, рабочих и интеллигенцию, тройственный союз: буржуазию, помещиков и кулаков. В лекции, прочитанной 30 апреля в Москве, В. М. Чернов указал на наличие в стране двух основных общественных сил: одна — цензовая Россия, другая — трудовая. В прошлом, до Февральской революции, эсеры признавали необходимость борьбы «трудовой» России против «цензовой». Теперь же эсеровский лидер, вслед за Церетели, проповедовал сотрудничество обеих общественных сил. Разница была лишь в аргументации: меньшевики обосновывали необходимость поддержки Временного правительства буржуазным характером революции, а эсеры — неподготовленностью демократии к взятию власти. Цензовая Россия, говорил Чернов, к моменту Февральской революции была вполне подготовлена, чтобы взять всю власть в свои руки, трудовая же Россия, совершившая переворот, лишь наскоро импровизировала свою организацию — Совет рабочих и солдатских депутатов. Признав, что Совет пользуется колоссальным влиянием, Чернов тем не менее полностью одобрил отказ Совета от власти и передачу ее «целиком цензовой России»². Этот тезис Чернов повторил в речи на совещании актива Петроградской организации партии эсеров 3 мая 1917 года. «...Демократия поступила совершенно правильно, — сказал он, — предоставив... цензовой России организовать власть»³. Чернов допускал возможность перехода власти к «трудовой демократии» только в будущем, когда она организуется и получит большинство в Учредительном собрании.

¹ Л. Мартов. Как быть с буржуазной революцией. «Социал-демократ» (Харьков), 16 сентября 1917 г.

² В. Чернов. Аграрный вопрос и современный момент. М., 1917, стр. 4.

³ В. Чернов. «Двоецентрие». «Дело народа», 6 мая 1917 г.

Противоречивость рассуждений эсеровского лидера была в глаза. Если буржуазия столь сильна и организована, то почему она не способна осуществлять власть без поддержки Совета? Почему Советы, влияние и авторитет которых общепризнанны, не могут сами стать властью? Меншевистская аргументация, обосновывавшая право на власть Временного правительства буржуазным характером Февральской революции, казалась более убедительной, и к ней стали прибегать и эсеры. Они взяли на вооружение меньшевистский тезис об отсутствии в России объективных предпосылок для перехода власти к рабочему классу, ратовали за сосуществование во Временном правительстве «трудовой демократии и тех элементов буржуазии, которые по тем или иным основаниям... честно согласились осуществлять выдвинутую этой демократией систему мер»¹.

Настойчивое подчеркивание меньшевиками необходимости единства «революционной демократии» с ценовыми элементами импонировало также и кадетам. Последние видели в этом «марксистское» обоснование «законности» претензии буржуазии на единовластие Временного правительства. Все это обусловило распространность меньшевистских взглядов на расстановку общественных сил в стране и обязывало большевиков направить свою критику прежде всего против этих взглядов.

Передовая статья «Правды» 11 марта (автором ее был М. С. Ольминский) различала в России три главных политических течения: 1) реакционеры (они разбиты, но не уничтожены); 2) объединившиеся представители крупного капитала и крупных помещиков (за ними идет часть средней и мелкой буржуазии); 3) демократия, т. е. пролетариат и крестьянство. Газета противопоставляла демократию реакционным и буржуазным силам. В помещенной в этом номере редакционной статье «Власть — демократии» проводилась мысль о том, что демократическая революция должна быть доведена до конца.

В соответствии с тогдашними взглядами Бюро ЦК РСДРП(б), «Правда» рассматривала рабочий класс как

¹ М. Вишняк. Реорганизация власти. «Дело народа», 5 мая 1917 г.

гегемона всего демократического лагеря в борьбе за доведение до конца демократической революции (задача перехода к социалистической революции перед пролетариатом еще не выдвигалась). Под этим углом зрения определяли предстоящие задачи рабочего класса большевики Москвы, Красноярска и других районов страны¹. Следуя установившейся традиции, большевики продолжали рассматривать рабочий класс и крестьянство как объединенный общей целью лагерь «революционной демократии». Внешне это совпадало с классификацией общественных сил у меньшевиков и эсеров. Однако задачи, выдвигавшиеся большевиками перед революционной демократией, отличались от тех, которые ставили мелкобуржуазные партии.

Меньшевицкая концепция союза двух лагерей — буржуазии и революционной демократии — имела целью парализовать волю рабочего класса к продолжению революции, примирить его с буржуазной властью. Соглашатели настойчиво внушали рабочим и крестьянам, что без буржуазии они беспомощны и неспособны управлять страной. Большевики же звали трудящиеся массы не к союзу, а к борьбе с буржуазией, выступали против поддержки Временного правительства. Передовая первого номера «Правды» призвала рабочих быть готовыми «отразить могущее быть нападение как старой власти, так и контрреволюционных буржуазных классов»². Ярко антибуржуазный характер носил наказ Московского комитета РСДРП(б) депутатам, избранным в Московский Совет. В нем говорилось: «Народ проливал свою кровь в революционной борьбе не для того, чтобы заменить правительство Протопопова правительством Милюкова — Родзянко. Он восстал не для того, чтобы буржуазия посылала на убой народные массы для расширения рынков, для захвата Константинополя и проливов, Галиции и Армении»³.

Большевики, таким образом, уже в марте 1917 года оценивали обстановку и перспективы революции прин-

¹ См. «КПСС в борьбе за победу социалистической революции в период двоевластия», стр. 186, 193—194, 201—203, 205, 223—224.

² «Правда», 5 марта 1917 г.

³ «Революционное движение в России после свержения самодержавия», стр. 7.

ципально иначе, чем мелкобуржуазные партии¹. Однако практически-политической линии большевиков в первый месяц революции недоставало глубокого теоретического обоснования и четкости формулировки. Употребление термина «революционная демократия», бывшего в ходу у меньшевиков и эсеров, затрудняло рабочим уяснение новой расстановки сил, затушевывало очередные задачи пролетариата на социалистическом этапе революции. Благодаря В. И. Ленину партия решительно отбросила закостеневшие формулы, мешавшие разглядеть то новое во взаимоотношениях классов, что появилось в стране после свержения царизма. Ленин показал, что поскольку в результате Февральской революции власть из рук дворянско-помещичьего класса перешла к буржуазии, постольку буржуазно-демократическая революция в России закончена. В первом «Письме из далека», а затем в Апрельских тезисах В. И. Ленин определил переживаемый Россией исторический момент как полосу перехода от первого этапа революции, давшего власть буржуазии, ко второму ее этапу, который должен передать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства.

Дальнейшее развитие революции Ленин ставил в прямую зависимость от уяснения пролетариатом своих задач, от правильного понимания им состояния и движения всех классов российского общества. Противопоставление буржуазии «революционной демократии» не проясняло, а затушевывало классовое сознание пролетариата. В. И. Ленин, так же как К. Маркс и Ф. Энгельс, был нетерпим к фразерству, красноречию, заботился о точности политической терминологии.

Под «революционной демократией» в России до февраля 1917 года понималась рабочая и мелкобуржуазная демократия, совместно (под руководством пролетариата) борющаяся за свержение царизма. На завершающем этапе Февральской революции даже буржуазия, поняв обреченность царизма, сочла для себя более благо-

¹ Кадет А. Кизеветтер писал 31 марта 1917 года в «Русских ведомостях»: «Антибольшевизм начинает звучать во всех партиях», — имея в виду, наряду с кадетами, партии меньшевиков и эсеров. Современные буржуазные историки пытаются вопреки фактам отождествить позиции большевиков и меньшевиков в марте 1917 года.

разумным присоединиться к демократическому лагерю. Но момент «всеобщего слияния классов», как указывал В. И. Ленин, миновал с победой революции. «Первое же соглашение первого «Временного комитета» Государственной думы и Совета, — отмечал он, — означало уже *конец* слияния классов и начало классовой борьбы»¹. «Революционной демократии» как суммы классов и социальных групп, объединенных общностью интересов, после свержения царизма не стало. Меньшевики же и эсеры, взявшие на вооружение этот термин, стремились низвести задачи рабочего класса до уровня интересов мелкобуржуазной демократии. Поэтому В. И. Ленин был против неразборчивого употребления термина «революционная демократия».

В докладе на Петроградской общегородской конференции большевиков В. И. Ленин говорил: «Революционная демократия — собрание разнороднейших (по своему классовому *положению* и *интересам*, что совсем не одно и то же!) элементов»². Возвращаясь к этой мысли в заключительном слове, В. И. Ленин отмечал: «Фразы о революционном народе подходят Керенскому, но не революционному пролетариату. Быть революционерами, хотя бы и демократами, когда Николай убран — не большая заслуга. Революционная демократия никуда не годится; это — фраза. Она прикрывает, но не обнажает противоречия классовых интересов»³.

Поставленный В. И. Лениным вопрос дискутировался на VII (Апрельской) конференции РСДРП(б). Л. Б. Каменев, исходивший из «незаконченности» буржуазно-демократической революции в России, противопоставлял буржуазии «революционную демократию» как единое целое. «Тов. Ленин не любит слов «революционная демократия», — говорил Каменев, — потому что ими затушевывается социалистическое лицо пролетариата, но по существу дела мы должны сказать, что это столкновение буржуазии со всей революционной демократией неизбежно»⁴. А. И. Рыков заявил, что поскольку буржуазная революция не окончена, «постольку революционная

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 248—249.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 246.

³ Там же, стр. 248.

⁴ «Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б)....», стр. 82.

демократия должна вступать в блок»¹. Такова же была позиция С. Я. Багдатьяна².

В. И. Ленин, обосновывая свой проект резолюции по текущему моменту, отмечал: «Мы тщательно избегаем слов „революционная демократия“»³. Ленин считал возможным противопоставлять революционную демократию контрреволюции лишь в случае перехода последней в наступление. Такая возможность предусматривалась в резолюции Апрельской конференции «Об отношении к Временному правительству»⁴. Но в свете задач дальнейшего развития революции важно было разграничить классы, составляющие революционную демократию, выделив из нее пролетариат — гегемона социалистической революции. В борьбе против буржуазии рабочий класс не мог рассчитывать на поддержку всех слоев мелкобуржуазной демократии, которые шли за ним против монархии. Его задачей являлось: привлечение на свою сторону прежде всего беднейшего крестьянства, составлявшего большинство мелкобуржуазного населения страны, и нейтрализация середняка. Но чтобы вести за собой других, пролетариат должен был сам определиться идейно, политически и организационно. «Чтоб толкать крестьянство на революцию, — говорил В. И. Ленин, — надо отделить пролетариат, выделить пролетарскую партию, ибо крестьянство шовинистично»⁵.

Предостерегая от увлечения словами «революционная демократия», Ленин ориентировал партию на необходимость разграничения имевшихся в стране классов и учета коренных интересов каждого из них. В противоположность лидерам кадетов, меньшевиков и эсеров, игнорировавшим классовый принцип, В. И. Ленин положил его в основу межпартийного общественного соглашения в стране. В брошюре «Политические партии в России и задачи пролетариата» Ленин подразделял общественные силы страны на следующие четыре группы: а) крепостники-помещики и самые отсталые слои буржуазии; б) капиталисты и обуржуазившиеся помещики; в) мелкая бур-

¹ «Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б)...», стр. 107.

² Там же, стр. 90—92.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 344.

⁴ См. «Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б)...», стр. 244.

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 362.

жуазия, мелкие хозяева, мелкие и средние крестьяне, а также часть поддавшихся влиянию буржуазии рабочих; г) сознательные пролетарии и примыкающая к ним беднейшая часть крестьян¹. Интересы этих классов соответственно выражали: партии и группы правее кадетов; кадеты и близкие к ним группы; меньшевики, эсеры и близкие к ним группы; большевики. После того как стало ясно, что крайне правые партии и группы не решаются выступить на общественной арене самостоятельно, а поддерживают кадетов, В. И. Ленин в резолюции о коммунальных выборах, предложенной им 20 апреля Петроградской общегородской конференции большевиков, подразделил все политические партии и соответственно представляемые ими классы на три группы: 1) кадеты и правее их; 2) партии мелкой буржуазии (народники) и части поддавшихся влиянию буржуазии рабочих (меньшевики-оборонцы); 3) партия революционного пролетариата (большевики)².

Следовательно, между партийно-политической структурой тогдашнего российского общества и его классовой структурой полного соответствия не было. Партия кадетов представляла интересы не только либеральной буржуазии, как это было при царизме, но и всей буржуазии, всех помещиков³. Известная часть рабочих оказалась под влиянием мелкобуржуазных партий.

Ленинская классификация общественных сил имела целью помочь рабочему классу понять свою роль в предстоящей социалистической революции и занять правильную позицию по отношению к буржуазии и мелкой буржуазии. Обличая бессмысленность принятого среди меньшевиков и эсеров противопоставления — буржуазия и демократия, В. И. Ленин писал: «Неверное противопоставление понадобилось эсерам и меньшевикам, чтобы *прикрыть* бесспорный факт: между буржуазией и пролетариатом стоит *мелкая буржуазия*. Она неизбежно, в силу ее экономического классового положения, колеблется между буржуазией и пролетариатом»⁴.

Четко разграничив основные классы России — пролетариат, буржуазию и мелкую буржуазию, В. И. Ленин

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 194—195.

² См. там же, стр. 255.

³ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 69.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 199.

раскрыл отношение каждого из них к главному вопросу политической борьбы — вопросу о власти. На этапе буржуазно-демократической революции борьбу за власть в стране вели между собой три лагеря: царизм, буржуазия и революционно-демократические массы. На новом, социалистическом этапе революции борьба за власть разворачивается между буржуазией и пролетариатом. Исход борьбы между ними зависит от того, на чью сторону станет мелкая буржуазия. В противоположность эсерам и меньшевикам, подчинившим мелкую буржуазию интересам капитала, партия большевиков добивалась союза беднейшего крестьянства, т. е. большинства крестьян, с пролетариатом. Заклеймив в статье «И. Г. Церетели и классовая борьба» меньшевистского лидера, пытавшегося примирить буржуазию и помещиков с рабочими и крестьянами, В. И. Ленин указывал: «Задача пролетарского вождя: разъяснить различие классовых интересов и убеждать известные слои мелкой буржуазии (именно: беднейших крестьян) делать выбор между рабочими и капиталистами, становясь на сторону рабочих»¹.

Следовательно, из «революционного народа» В. И. Ленин выделял рабочий класс не с той целью, чтобы последний замкнулся в себе, а, напротив, для того, чтобы он осознал свою авангардную роль по отношению к деревенской бедноте, ко всем трудящимся массам в борьбе против буржуазии, за торжество социалистической революции².

Ленинская концепция расстановки классовых сил и политических партий, послужившая научной основой стратегии и тактики большевиков в период борьбы за диктатуру пролетариата, дает вместе с тем ключ к

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 471.

² По А. Мейеру, В. И. Ленин после Февральской революции якобы считал, что «рабочий класс должен теперь порвать свой союз с крестьянством» (А. Мейер. *Op. cit.*, p. 168). Это абсурдное измышление — образец тех подтасовок и фальсификаций, посредством которых современные «советоведы» «доказывают» принятие В. И. Лениным в 1917 году теории «перманентной революции» Троцкого, — версия, обстоятельно разоблаченная советскими историками (см. В. П. Мишаков. Критика буржуазной фальсификации ленинских взглядов на перспективы социализма в СССР. «Вестник Московского университета» («История»), 1971, № 2; Я. Г. Темкин. Ленинская критика каутскианской позиции Троцкого (1914—1917 гг.). «Вопросы истории КПСС», 1972, № 7).

исследованию истории классов и партий в рассматриваемый период. Классификации общественных сил, предложенные лидерами партий, противостоявших в 1917 году большевикам, представляют лишь исторический интерес как образчики интерпретации политического положения в стране с точки зрения буржуазии и мелкой буржуазии и не могут послужить основой познания исторических событий, происходивших в России 1917 года. И кадетская, и меньшевистская, и эсеровская концепции необъективны, ибо они не учитывали всей совокупности взаимоотношений классов и игнорировали неугодные этим партиям факты действительности. Милюков, стремясь представить кадетскую партию центром сплочения всех классов и социальных групп, совместно выступивших в ходе Февральской революции против царизма, обошел важнейший итог революции — образование Совета рабочих и солдатских депутатов, противостоящего Временному правительству. Церетели и Чернов, различавшие на политической арене России буржуазию и «революционную демократию», не могли объяснить, почему в условиях демократического строя органы, выражающие интересы подавляющего большинства нации, — Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов — не вправе брать власть, а обязаны поддерживать Временное правительство — орган власти эксплуататорского меньшинства.

Только из ленинской классификации общественных сил России, учитывая назревание открытого столкновения рабочего класса с буржуазией и противоречивость положения мелкой буржуазии, неспособной сразу решить, к какому из двух основных классов ей примкнуть, можно понять исход Февральской революции и дальнейшие события до октября 1917 года.

Остановимся кратко на положении отдельных классов в России непосредственно после свержения царизма, на их отношении к основным политическим партиям. Начнем с *рабочего класса*.

До войны передовые рабочие были довольно хорошо осведомлены о политических партиях, знали о различиях между большевиками, меньшевиками и эсерами. Сознательные, политически активные рабочие Петербурга в большинстве своем читали и поддерживали «Правду», а не меньшевистский «Луч», голосовали на выборах в Думу и в страховые учреждения за большевиков, а не

за меньшевиков-ликвидаторов. Иным оказалось положение сразу после Февральской революции. Новое пополнение рабочего класса, пришедшее на фабрики и заводы во время войны и только в Февральские дни вовлеченное в политическую жизнь, мало знало о партиях. Возможно, что одержанная над царизмом победа заслонила даже некоторым передовым рабочим суть разногласий большевиков с меньшевиками и эсерами. Во всяком случае, в представлении определенной части рабочих все эти партии одинаково противостояли буржуазии. Вот, например, как характеризовали свое политическое сознание во время Февральской революции некоторые ее участники, петроградские рабочие. В. И. Иванов, с 1914 года работавший на заводе «Промет», вступивший в конце 1916 года вместе с тремя своими товарищами в группу меньшевиков-интернационалистов, пишет в своих воспоминаниях: «Понятия о партиях и их программах мы тогда почти никакого не имели; но мы были настроены против царизма и войны...»¹ Вспоминая начало своей трудовой деятельности в 1915 году на заводе «Феникс», А. К. Бискуп отмечает, что в то время он чрезвычайно мало разбирался в политике, знал, что существуют партии большевиков, меньшевиков и эсеров, но «не понимал разницы между ними и в равной степени им сочувствовал, поскольку их деятельность была направлена к свержению царизма»². Рабочий Главных железнодорожных мастерских Туманов, выступая на вечере воспоминаний в 1927 году, рассказывал: «Когда мы совершали революцию, мы мало обращали внимания на партийность. Большевики это, эсеры или меньшевики — мы с этим не считались. Нам был дорог момент закрепления революционной борьбы за рабочим классом»³.

Недостаточная осведомленность масс о политических партиях проявилась также в том, что при выборах в Петроградский Совет в феврале—марте 1917 года не учитывался фактор партийности. В протоколах собраний, посвященных выборам в Совет, в удостоверениях, выданных депутатам, нередко отмечались профессия, возраст, социальное происхождение избранных, а партийность не указывалась⁴. Выборы происходили не на

¹ ЛПА, ф. 4000, оп. 5, д. 1377, л. 1.

² ЛПА, ф. 4000, оп. 5, д. 1265, л. 27.

³ ЛПА, ф. 4000, оп. 6, д. 51, л. 2.

⁴ ЛГАОРСС, ф. 7384, оп. 7, д. 7, лл. 5—39, 54—55.

основе партийных платформ, не по партийным спискам, а персонально. Рабочий завода «Эриксон» Г. А. Иванов вспоминает, что в первые дни после революции «кандидатов выдвигали не по партийной принадлежности, а по персональной симпатии к каждой выдвинутой кандидатуре»¹. Это подтверждается и воспоминаниями большевика-путиловца Ф. А. Лемешева. На первых выборах в Петроградский Совет, замечает он, «не интересовались политическими взглядами депутатов»².

Новая обстановка, создававшаяся в стране после свержения царизма, интенсивная деятельность политических партий обусловили ускоренное развитие процесса самоопределения рабочих в партийном отношении. Важным источником изучения этого процесса являются резолюции по текущему моменту, принимавшиеся в течение 1917 года на фабриках и заводах. Резолюции отражали обычно настроение большинства рабочих данного предприятия и, безусловно, способствовали формированию взглядов тех, у кого еще не сложилось определенного отношения к событиям. Имеются и другие источники, более точно раскрывающие отношение рабочих к политическим партиям, например данные об итогах выборов в Советы, фабзавкомы, больничные кассы³. Но такие сведения сохранились лишь по немногим предприятиям Петрограда⁴. Резолюции же рабочих собраний, систематически публиковавшиеся в газетах (особенно часто в «Правде»⁵, реже в «Рабочей газете», «Деле народа» и некоторых других), имеются в огромном количестве и

¹ ЛПА, ф. 4000, оп. 5, д. 1645, л. 126об.

² ЛПА, ф. 4000, оп. 5, д. 1494, л. 13.

³ Примерно с мая 1917 года на предприятиях Петрограда утвердился порядок, при котором выборы в общественные организации производились не персонально, а по партийным спискам, преимущественно тайным голосованием (ЛГАОРСС, ф. 4598, оп. 1, д. 7, л. 50; ф. 4647, оп. 1, д. 2, л. 16; ЛПА, ф. 4000, оп. 5, д. 1656, л. 3).

⁴ В частности, нами использованы фонды завкомов завода «Феникс», Монетного двора, Балтийского, Ижорского, Сестрорецкого оружейного заводов, фабрики «Скорород», Адмиралтейского судостроительного завода (ЛГАОРСС, фф. 4592, 4596, 4598, 4647, 4648, 6273, 9391), Металлического завода (ЛПА, ф. 19), Путиловского завода (ЛГАОРСС, ф. 5870; ЦГИА СССР, ф. 27).

⁵ Если редакция не имела возможности опубликовать все поступившие резолюции, она давала краткое изложение или перечень их (см. «Правда», 23 марта 1917 г.; «Рабочий путь», 12 и 22 октября 1917 г.).

доступны для изучения¹. Сопоставляя резолюции, принятые рабочими отдельных предприятий в различные периоды, учитывая также общественно-политическую позицию рабочих рассматриваемых предприятий в ходе революции, можно более или менее точно определить отношение рабочих к отдельным партиям на различных этапах революции.

Изучение политической ориентации рабочих крупнейших (с числом более 1000 рабочих) предприятий Петрограда² в марте—апреле 1917 года показало следующее:

1. На 17 предприятиях, насчитывавших 52 197 рабочих, преобладало влияние большевиков. «Только революционная Рос. с.-д. раб. партия имеет правильную программу и правильно понимает задачи революции. Остальные партии — соц.-революц., меньшев. и т. д. — не являются выразителями интересов городского и сельского пролетариата...»³ — отмечалось в резолюции рабочих Военно-подковного (быв. «Поссель») завода. О поддержке большевиков говорилось в резолюциях рабочих заводов «Айваз», «Новый Лесснер», Розенкранца, Щетинина, фабрики «Невка». Свою солидарность с партией большевиков выразило в первые же месяцы

¹ Э. А. Рахья свидетельствует, что В. И. Ленин во время своего последнего подполья «знал почти все резолюции, которые были приняты на крупнейших заводах Петрограда» (Э. А. Рахья. От Выбора к Октябрю. «Ленинградская правда», 20 июля 1927 г.).

² К началу 1917 года в Петрограде было 69 таких предприятий (см. «Список фабрично-заводских предприятий Петрограда. По данным на апрель 1918 г.». Пг., 1918, стр. 1—54. Далее: «Список»). К ним следует добавить еще 12 предприятий, на которых число рабочих в первой половине 1917 года достигло или превысило 1000 человек (см. «Октябрьская революция и фабзавкомы», ч. II. М., 1927, стр. 233—244), и 13 крупнейших предприятий, не вошедших в «Список» (расположенные в окрестностях столицы, трамвайные парки и др.). Всего, таким образом, в Петрограде имелось 94 крупнейших предприятия, на которых летом 1917 года было занято 356 443 человека (подсчитано по кн.: «Октябрьская революция и фабзавкомы», ч. II, стр. 233—244, по «Списку» и некоторым другим источникам), что составляло 88% всех рабочих столицы. Это несколько расходится с данными, приведенными З. В. Степановым. По его подсчетам, в январе 1917 года на крупнейших предприятиях было занято 71,4% всех рабочих города, а в первой половине 1917 года их численность возросла примерно на 10—12% (см. З. В. Степанов. Рабочие Петрограда в период подготовки и проведения Октябрьского вооруженного восстания. М.—Л., 1965, стр. 32, 27), т. е. составила примерно 83%.

³ «Правда», 5 мая 1917 г.

революции большинство рабочих ряда других предприятий столицы¹.

II. Большинство рабочих 56 предприятий, насчитывавших 247 486 рабочих, в первые месяцы революции еще не имело четкого представления о партиях и поддерживало все партии, входившие в Петроградский Совет, солидаризируясь или мирясь с политикой его руководства, т. е. с соглашательской политикой меньшевиков и эсеров.

III. На 6 предприятиях, насчитывавших 36 500 рабочих, были сильны позиции меньшевиков и эсеров.

IV. Политическая позиция рабочих 15 крупнейших предприятий, преимущественно текстильной промышленности, на которых было занято 20 260 человек, не выяснена из-за недостатка источников.

Таким образом, политическая ориентация большинства рабочих крупнейших предприятий Петрограда непосредственно после победы Февральской революции может быть отражена в следующей таблице:

№ пп.	Политическая ориентация	Количество предприятий	Процент их к общему числу крупнейших предприятий	Общая численность рабочих на этих предприятиях	Процент их к общему числу рабочих крупнейших предприятий
I	Поддерживали партию большевиков . .	17	18,1	52 197	14,6
II	В партийном отношении не определились	56	59,6	247 486	69,5
III	Поддерживали меньшевиков и эсеров . .	6	6,35	36 500	10,2
IV	Политическая позиция не выяснена . . .	15	15,95	20 260	5,7
Итого . . .		94	100	356 443	100

¹ Фабрик «Скороход» и механической обуви; заводов «Парвайнен», Лангензиппена, Сестрорецкого оружейного, Проволочно-гвоздильного, Сименс-Шуккерта, Кабельного, Оптико-механического, «Русский Рено», «Старый Лесснер».

Преобладающая часть рабочих второй, наиболее многочисленной группы предприятий вначале различала лишь партию кадетов, к которой, как к буржуазной, относилась явно враждебно, и партии, представленные в Совете рабочих и солдатских депутатов, рассматривавшиеся как социалистические, отстаивающие интересы трудящихся. Суть разногласий между большевиками, с одной стороны, и меньшевиками и эсерами, с другой, многим рабочим была неясна. Им казалось, что разногласия не в понимании целей борьбы, а лишь в средствах ее достижения. Политически не искушенные массы полагали, что меньшевики и эсеры якобы также стремятся к социализму, но хотят достичь его более легким способом — не путем борьбы с буржуазией, а в результате соглашения с ней. Многие рабочие и солдаты, сочувствуя политике большевиков, в то же время сомневались в ее успехе¹. Революционному пути они предпочли вначале путь соглашения с буржуазией. Пропаганда меньшевиками и эсерами манифеста «К народам мира», принятого Петроградским Советом 14 марта, и декларации Временного правительства от 27 марта (об отказе якобы от захватов) оказывала определенное воздействие на многих рабочих и солдат, прельщала их перспективой получения мира и земли без дальнейшей борьбы, путем давления на Временное правительство. «Массы пробуют пока поискать выхода «полегче»: через блок кадетов с блоком эсеров и меньшевиков», — писал В. И. Ленин в «Правде» 25 июня. И добавлял далее: «Выхода не оказывается»².

Итак, значительные массы рабочих после свержения царизма пошли за партиями меньшевиков и эсеров. Причиной тому было воздействие на пролетариат мелкобуржуазной стихии. Наиболее отчетливо это проявилось в распространении идеологии «революционного оборончества», порожденной непониманием рабочими,

¹ Характерна в этом отношении следующая записка, поданная представителю ЦК РСДРП(б) на собрании солдат в конце апреля 1917 года: «Верите ли вы, что своим учением, своим резким отношением заставите уйти Временное правительство и сумеете создать новое правительство, которое выведет нас на путь спасения и прекращения войны?.. Мы этому верим, но боимся анархии, укажите путь» («Стенографический отчет делегатов фронта. Заседание 1 мая» [Пг., 1917], стр. 7).

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 383.

трудящимися массами противоположности их интересов интересам буржуазии и ее правительства. «Революционное оборончество», указывал В. И. Ленин, — «злейший враг дальнейшего движения и успеха русской революции»¹. И если в Феврале победа была завоевана путем вовлечения передовыми рабочими в борьбу против царизма до этого политически пассивных рабочих и солдатских масс, то свержение власти буржуазии могло быть осуществлено только при повышении классовой сознательности пролетариата и его союзников, уяснении ими, что только указываемый партией большевиков путь пролетарской революции ведет к торжеству великих идеалов социализма.

Рассмотрим классовую позицию *буржуазии* в послефевральские дни. Она встретила Февральскую революцию со смешанным чувством радости и тревоги. Власть, доставшаяся буржуазии, окрылила ее, сулила ей огромные выгоды. Печать деловых и финансовых кругов в выпреженных словах («сказка», «феерия», «золотой сон») выражала восторг по поводу быстрой победы революции и создания Временного правительства². Вместе с тем некоторые буржуазные органы в марте 1917 года не в силах были скрыть страха по поводу создавшейся обстановки. «И надо сказать прямо, — сетовал буржуазный публицист в редактируемом П. Б. Струве еженедельнике, — как ни ярок и ослепительно блестящ восход солнца над новой Россией, а на нашем горизонте стоит черная туча»³. Буржуазию страшила огромная сила, проявленная рабочим классом в дни революции, его растущая организованность и социалистические устремления. Примечательно, что уже в марте 1917 года, когда лишь сравнительно небольшая, наиболее сознательная часть рабочих России стала задумываться о путях подхода к социалистической революции, буржуазия забила тревогу. «Не касаясь сейчас деталей нового строя, скажем, однако, — отмечал еженедельник Совета съездов промышленности и торговли, — что мы мыслим его в форме буржуазного капиталистического режима... Всякие социалистические эксперименты могут лишь по-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 159.

² См. «Торгово-промышленная газета», 7 марта 1917 г.

³ А. Ф. Зайцев. Важнейшая задача. «Русская свобода», 1917, № 1, стр. 31.

губить столь славно начатое дело обновления Великой России». Еженедельник категорически утверждал: «Не социализм явится... назревшей формой нашего национального бытия. Россия меньше, чем любая другая страна, готова совершить тот прыжок в неизвестное»¹.

Открывая 19 марта 1917 года I Всероссийский торгово-промышленный съезд, П. П. Рябушинский, крупнейший московский фабрикант, значительную часть своей речи посвятил «обоснованию» невозможности построения социализма в России, необходимости организации жизни страны на основе развития частной собственности и буржуазно-капиталистического строя². Некоторыми делегатами этого съезда был поставлен вопрос о создании неприкрыто буржуазной по целям и программе партии, которая могла бы опереться на крестьянство. «К счастью для нас, — говорил делегат съезда А. И. Раткин, — наши классовые интересы... совпали с интересами крестьянства, и благодаря этому совпадению мы можем смело выставлять наш лозунг»³. Фабрикант из Новгородской губернии М. А. Токарский теоретизировал: «Крестьянство в массе — это мелкая буржуазия... В жизнь крестьян проникают мысли и желания совершенно буржуазного свойства. И нужно из тактических соображений воспользоваться этим моментом»⁴. Большинство делегатов съезда, в том числе его руководители П. П. Рябушинский и С. Н. Третьяков, возражали. Они, видимо, питали мало надежд на то, что чисто буржуазная партия привлечет симпатии массового избирателя. Один из противников создания такой партии, делегат Богачев, говорил, что если класс капиталистов выступит на выборах «как таковой, да если он выработает еще

¹ «Промышленность и торговля», 1917, № 8-9, стр. 187.

² См. «Первый Всероссийский торгово-промышленный съезд в Москве. Стенографический отчет». М., 1918, стр. 17.

³ Там же, стр. 54.

⁴ «Первый Всероссийский торгово-промышленный съезд в Москве», стр. 56. М. Токарский пытался создать кулацкую партию, опору буржуазии в деревне. Им была учреждена в июне 1917 года в Новгородской губернии Тимофеевской волости «партия трудовиков-собственников». В августе 1917 года был выпущен листок с ее «Краткой программой» и с призывом к землеробам создавать местные комитеты «трудоиков-собственников» (см. «Краткая программа партии трудовиков-собственников». Пг., 1917). Но этой «партии» не удалось выйти за пределы волости.

свою политическую программу, где подчеркнет и отметит свои классовые интересы, обострит эти интересы, укажет на классовые противоречия с другими социальными классами, то этим самым он в политической среде поставит себя в изолированное положение и, следовательно, его меньшинство будет сугубым меньшинством, и он потонет в море голосов других социальных групп»¹. Другой делегат, И. И. Голобродько, высказался за то, чтобы съезд предложил всем своим членам «немедленно войти в состав политических партий... в те партии, которые стоят на точке зрения... защиты от внешнего врага... которые стоят на точке зрения существующего экономического строя...»². Само собой разумеется, что оратор имел в виду прежде всего кадетскую партию. Так его и поняли делегаты съезда. Поэтому, когда делегат А. И. Раткин заявил, будто в стране нет такой партии, через которую промышленники могли бы влиять на ход событий в России, что даже партия кадетов не подходит для буржуазии, из зала раздались возмущенные голоса: «Почему не подходит?» Вмешался председатель съезда. «Объясните, почему не подходит к.-д. партия?» — обратился он к оратору. «Я считаю неподходящей партию народной свободы не по ее программе, — ответил Раткин, — а по ее составу (Голоса: «ерунда!»). Партия народной свободы объединяет интеллигенцию нескольких классов, а не одного класса. Партия промышленности может быть только классовой. Она не может быть распылчатой»³.

Съезд торгово-промышленной буржуазии не рискнул пойти по пути создания «особой» буржуазной партии. Она не была создана и после съезда. Вместо того чтобы создавать новую, конкурирующую с кадетами партию, российская буржуазия тесно сплачивалась вокруг «традиционной» кадетской партии, опытной и изоцированной в защите классовых интересов капиталистов.

Остановимся на характеристике классового сознания *мелкой буржуазии*, основную часть которой составляли крестьяне. Политические взгляды мелкой буржуазии отличались значительно большим, чем в 1905—1907 годах,

¹ «Первый Всероссийский торгово-промышленный съезд в Москве», стр. 140.

² Там же, стр. 71.

³ Там же, стр. 135.

радикализмом. Тогда крестьянство в массе своей еще верило в царя и не выступало с требованиями установления республики. Февральская революция показала, что крестьяне избавились от иллюзий о «царе-батюшке». Даже в докладе отдела Временного комитета Государственной думы отмечалось: «Широко распространенное убеждение, что русский мужик привязан к царю, без царя „не может жить“, было ярко опровергнуто той единодушной радостью, тем вздохом облегчения, когда они узнали, что будут жить без того, без кого они „не могли жить“»¹.

Республиканизм крестьянства далеко не совпадал с тем, что под этим понимала кадетствующая буржуазия, которая согласилась, в частности, принять республику, рассчитывая привлечь голоса крестьян при выборах в Учредительное собрание². Для крестьян «демократия», «республика» означали не только перемену государственного строя, но и установление новых общественных отношений. Крестьянский съезд Брянского уезда, требуя установления демократической однопалатной республики, заявил, что только она «выведет народ к светлomu будущему». Съезд потребовал замены регулярной армии народным ополчением, перенесения тяжести налогов на плечи имущих, самоопределения национальностей, установления мира между народами³. Крестьяне—делегаты Томского губернского съезда (апрель 1917 г.) на вопрос анкеты о том, чего ожидают их избиратели от нового государственного строя, написали: «новой счастливой жизни», «улучшения своего положения и всестороннего удовлетворения всех своих нужд», «издания закона правды», «хороших дел, новых справедливых законов»⁴. Люди труда, веками угнетенные, мечтали о коренных социальных преобразованиях. В последовательном демократизме крестьяне видели путь к устройству справедливой жизни.

¹ «Красный архив», 1926, т. 2(15), стр. 35.

² «Если будет принцип монархии ограниченной, то крестьянство за этим лозунгом не пойдет», — рассуждали представители буржуазии («Первый Всероссийский торгово-промышленный съезд в Москве», стр. 57).

³ См. «Революционное движение в России в апреле 1917 г. Апрельский кризис. Документы и материалы». М., 1958, стр. 638.

⁴ См. И. И. Разгон. Политические настроения сибирского крестьянства (в марте—апреле 1917 г.). В кн.: «Октябрь и гражданская война в СССР». М., 1966, стр. 226—227.

Резко отличались по сравнению с 1905—1907 годами требования крестьян по аграрному вопросу. Тогда они сводились к отчуждению части помещичьих земель, притом за выкуп. Лишь передовая часть крестьянства не ограничивалась требованием «дополнительного наделения», а добивалась передачи всей земли трудовому народу¹. В 1917 году этого добивалось всё крестьянство. Покончить с помещичьим землевладением, объявить всю землю общенародным достоянием — таково было требование крестьянских масс. *«Право частной собственности на землю отменяется навсегда... Вся земля... обращается в всенародное достояние и переходит в пользование всех трудящихся на ней»*², — гласил первый пункт крестьянского наказа о земле. В отличие от 1905—1907 годов, когда крестьянское движение было в основном направлено только против помещиков, деревенская беднота в 1917 году в массе своей была настроена и антикапиталистически. Из 135 крестьян — делегатов Томского губернского народного собрания на вопрос анкеты: «Находит ли население, что обработка земли должна производиться только своими силами, или оно допускает наемный труд? Если да, то в каком размере» — 82 делегата ответили: «своими силами», 22 написали: «своими силами, а наемный труд, когда большая семья, мало трудоспособных или больные в семье», и только 16 человек ответили: «наем рабочих допускается». Примечательно, что 5 человек высказались в пользу коллективной обработки земли (10 делегатов не ответили на этот вопрос)³. Отмены наемного труда требовал сводный наказ земельным комитетам, составленный на основе 242 наказов местных Советов крестьянских депутатов. В. И. Ленин, досконально изучивший этот наказ, показал, что отмена наемного труда, а также осуществление требований о передаче государству либо общине высококультурных хозяйств, хозяйственного инвентаря конфискованных земель будут означать «не только еще и еще гигантские удары по частной собственности на средства производства. Это — шаги к социализму...»⁴.

¹ См. П. Н. Першин. Аграрная революция в России, кн. I. М., 1966, стр. 255, 257; П. Н. Соболев. Беднейшее крестьянство — союзник пролетариата в Октябрьской революции. М., 1958.

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 25.

³ «Октябрь и гражданская война в СССР». М., 1966, стр. 225—226.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 111.

Отсюда, конечно, не следовало, что беднейшее крестьянство в 1917 году было настроено социалистически. Оно прежде всего, как и крестьянство в целом, было настроено враждебно к своему вековому врагу — помещикам. Вместе с тем уже начиналась классовая борьба деревенской бедноты против кулачества. Что же касается положительного идеала, то трудовое крестьянство видело его в социализации земли, т. е. в сохранении мелкого хозяйства с одинаково нормированным и периодически уравниваемым земельным наделом. В. И. Ленин считал, что в условиях пролетарского государства крестьяне на собственном опыте поймут ошибочность своих представлений и постепенно станут на путь ведения социалистического хозяйства¹. Но отдельные крестьяне уже после Февральской революции задумывались об организации коллективных хозяйств². И хотя крестьяне в массе своей были далеки от социализма, надежды буржуазии на возможность опереться на них против пролетариата в условиях России 1917 года были неоправданны.

Интересы буржуазии и крестьянства разошлись не только по аграрному вопросу, но и в отношении к войне. Буржуазные деятели настойчиво твердили крестьянству, будто война ведется в его интересах, что, например,

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 115.

² Выше упоминалось, что среди 132 делегатов Томской губернии 5 заявили о желательности коллективной обработки земли. Приведем еще некоторые факты, свидетельствующие о стремлении крестьян к коренным социальным преобразованиям. Штабс-капитан 1-й Ораниенбаумской школы прапорщиков 27 апреля отметил в донесении начальству, что идея создания в деревнях трудовых артелей с общественной обработкой земли привлекает внимание солдат-крестьян (ЦГИА СССР, ф. 1278, оп. 5, д. 1373, л. 132а). Низовой меньшевистский работник привел в своем отчете партийному руководству сообщение, что, находясь в поезде, он читал попутчикам брошюру о социализме. «Слушатели, — писал меньшевик, — были в восторге от книжки. Мужичок с социализмом даже согласился... Солдатик у меня очень просил [брошюру]. Пришлось отдать» (ЦПА ИМЛ, ф. 275, оп. 1, д. 20, л. 81). В местечке Острополь Волынской губернии крестьянин Л. Л. Сторожук образовал в апреле 1917 года наибольшую организацию, громко названную «Верховным союзом равенства, братства — любви всея Российской республики». Непривычной к письму рукой он составил «Программу нового строя». В ней имелись и такие пункты: «§ 11. Кто был ничем, тот теперь должен быть всем. § 12. ...Как все земли, так и разного рода сооружения — железные дороги, фабрики, заводы и все прочее должны перейти в собственность будущим нашим обществам местных самоуправлений...» (ЦГИА СССР, ф. 1278, оп. 5, д. 1373, л. 68).

захват средиземноморских проливов выгоден и крестьянам — для вывоза хлеба за границу. Но крестьяне резко отрицательно относились к империалистической войне. Требование справедливого мира без аннексий и контрибуций настойчиво повторялось во всех резолюциях солдат и крестьян. Однако, не поняв того, что характер войны в результате свержения царизма не изменился, массы поддались «революционному оборончеству». Это были «добросовестные оборонцы». Солдаты, трудящееся крестьянство действительно не хотели захвата чужих земель, стремились к быстрейшему достижению справедливого мира. Буржуазия и ее приспешники обвиняли солдат, поддерживавших требования мира и братства народов, в прикритии интернационалистическими лозунгами шкурных, эгоистических интересов. Такие обвинения являлись клеветническими. Солдаты в массе своей восприняли свержение царизма как начало коренных преобразований, которые должны привести к установлению справедливых порядков внутри России и в ее отношениях с народами других государств. Массы еще не знали, каким путем эти цели будут достигнуты, но в их торжестве видели смысл происшедшей революции.

Несмотря на то что в первые месяцы после свержения царизма политическое сознание солдат, а тем более крестьян, было на низком уровне, лишь немногие из них, преимущественно более зажиточные элементы, тяготели к кадетам¹. В подавляющем большинстве солдаты и крестьяне поддерживали в первые месяцы революции эсеров. Эсеры преобладали в Исполкоме Московского Совета солдатских депутатов², в исполнительных органах местных Советов крестьянских депутатов и других крестьянских организациях. В руках эсеров и меньшевиков оказались почти все фронтовые, армейские и подавляющее большинство полковых и ротных комитетов.

¹ При обсуждении на заседании солдатской секции Петроградского Совета 17 апреля вопроса о реорганизации Совета некоторые выступавшие высказывались за представительство в Совете «только социалистических партий». Обосновывая это предложение, докладчик заявил: «Представителей других партий, т. е. несоциалистических партий, нельзя ввести, т[ак] к[ак] мы представители трудового класса, а не буржуазного, и нам не нужно их представительства. Пусть идут в свое буржуазное правительство, а нам они будут только мешать» (ЛГАОРСС, ф. 1000, оп. 73, д. 24, л. 2об.).

² См. А. Я. Грунт. Возникновение Московского Совета солдатских депутатов в 1917 г. «История СССР», 1971, № 3, стр. 36, 42.

Народная масса, убежденная в справедливости своих требований, но проникнутая стремлением решить их «подоброму», без борьбы и жертв, потянулась за партиями, ставшими на путь сотрудничества с буржуазным Временным правительством. Эсеры и меньшевики, заявив, что они за установление мира без аннексий и контрибуций, за передачу земли народу, обещав добиться этого без новой революции, путем соглашения с буржуазией, нашли широкую поддержку. Мелкобуржуазную массу вполне устраивала перспектива получить без напряжения, усилий и борьбы мир и землю. Характерно заявление солдата, выступившего на совещании фронтовиков с обличением войны. Когда его спросили: «Скажите, как кончить войну?», он ответил: «Как кончить, как действовать, пусть думают наши полномочные представители, которым мы доверяем»¹.

Темные, политически не развитые мелкобуржуазные массы связывали осуществление своих насущных требований с политикой Временного правительства и руководимых соглашателями Советов. Солдаты, крестьяне еще не поняли глубокой правоты партии большевиков, указывающей, что только под руководством революционного пролетариата, в борьбе против буржуазии они добьются своей цели. Отмечая политическую незрелость мелкобуржуазной массы, В. И. Ленин говорил 8 мая на собрании большевиков: «...сейчас в Совете рабочих и солдатских депутатов большинство солдат-крестьян, которые не понимают, чего *на деле* добивается каждая партия»².

Собственный опыт солдатских и крестьянских масс вскоре заставил их отвергнуть эсеро-меньшевистскую политику и встать на путь революционной борьбы под руководством рабочего класса и его партии.

В. И. Ленин, опровергая утверждения мелкобуржуазных идеологов, будто политические кризисы, периодически потрясавшие страну после свержения царизма, искусственно вызывались то большевиками, то кадетами, писал 7 июля 1917 года в статье «Три кризиса»: «Неужели трудно догадаться, что никакие большевики

¹ «Стенографический отчет делегатов фронта. Заседание 4 мая», стр. 11.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 50.

в мире не в силах были бы «вызвать» не только трех, но даже и одного «народного движения», если бы глубочайшие экономические и политические причины не приводили в движение пролетариата? что никакие кадеты и монархисты вместе не в силах бы вызвать никакого движения «справа», если бы столь же глубокие причины не создавали контрреволюционности буржуазии, как класса?»¹ В. И. Ленин не устал доказывать, что суть русской революции — в борьбе классов, пролетариата и буржуазии, за власть в стране.

Ознакомление с положением основных классов России в первые месяцы 1917 года показывает, что с падением царизма, против которого временно объединились различные классы (рабочие, крестьяне, буржуазия), обострилось противоречие между двумя основными классами — буржуазией и пролетариатом.

Буржуазия стремилась остановить дальнейшее развитие революции, сосредоточив всю полноту государственной власти в своих руках, сохранить незыблемость института частной собственности. Политическим вождем буржуазии стала партия кадетов.

Рабочий класс, не довольствуясь свержением царизма, продолжал революционную борьбу во имя осуществления социалистических идеалов. Проявлением этого явилось создание самими рабочими новых форм организации, прежде всего Советов. Однако лишь передовая, наиболее политически сознательная часть пролетариата, воспитанная ленинской партией, до конца понимала противоположность и непримиримость интересов пролетариата и буржуазии. Значительные же слои рабочих, поддавшись влиянию мелкобуржуазного большинства страны, надеялись добиться удовлетворения насущных требований народа (мира, земли и др.) без новой революции и поэтому допустили к руководству Советами партии, проводившие политику сотрудничества с буржуазией, — меньшевиков и эсеров. Сложилась парадоксальная ситуация: рабочий класс, ставший после Февральской революции на путь борьбы с буржуазией, создавший в противовес буржуазному правительству собственный орган власти — Советы, доверил руководство ими партиям — сторонникам классового мира.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 431.

В этом несоответствии сказалась недостаточная политическая сознательность значительных масс пролетариата.

Меньшевики, эсеры, а также кадеты, эксплуатируя незнательность рабочих, солдат и крестьян, внушали им чувство доверия к буржуазному Временному правительству, пытались отстранить их от активной борьбы за разрешение назревших социально-экономических задач. В противовес этим партиям большевики помогали массам осознать значение того нового, что они создали в ходе революции, раскрывали рабочему классу и его союзникам вред соглашательских иллюзий. Большевики стремились развить революционную активность пролетарских масс и возглавить их борьбу против капитализма, за построение нового, социалистического общества.

II. БОЛЬШЕВИКИ И ПРОТИВОСТОЯЩИЕ ИМ ПАРТИИ В ПЕРИОД ДВОЕВЛАСТИЯ

Глава третья БОЛЬШЕВИКИ

1. В. И. ЛЕНИН О ПЕРСПЕКТИВАХ СОЦИАЛИЗМА В РОССИИ

«...Нигде, ни в какой другой стране не интересовалось так трудящееся население вопросом о превращении капитализма в социализм, как теперь у нас»¹, — говорил В. И. Ленин на VIII съезде РКП(б) в марте 1919 года. Пробуждению этого интереса в широких массах в большой степени способствовала победа Февральской революции. Рабочие, солдаты, крестьяне, свергнув самодержавие, впервые почувствовав свою причастность к определению судеб страны, наряду с обсуждением злободневных вопросов и в связи с ними стали задумываться о коренных проблемах государственного и общественного переустройства России, о путях к социализму. Появляется масса статей и брошюр, посвященных проблемам социализма. «Главное внимание в современной жизни привлекает безусловно социализм»², — вынужден был отметить кадетский еженедельник. После Февральской революции во многих городах России был издан «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса³, вышли и другие работы основоположников марксизма, труды о социализме П. Лафарга, А. Бебеля и др. Но подлинно марксистской, пролетарски-революционной литературы на русском языке было еще мало. Преобладали брошюры, написанные с буржуазных или мелкобуржуазных позиций. В «Книжной ле-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 176.

² «Народоправство», 1917, № 1, стр. 20.

³ В Петрограде вышло не менее четырех изданий «Манифеста».

тописи» за 1917 год зафиксировано более 60 работ о социализме (часто мелькали названия: «Что такое социализм», «О социализме», «Сущность социализма», «Путь к социализму», «Социализм и крестьянство», «Возможна ли социалистическая революция?»)¹. Как правило, в этой литературе о социализме говорилось в благожелательном тоне. Даже кадеты, учитывая настроения масс, воздерживались от публичного поношения социализма, меньшевики же и эсеры, по праву «социалистов», выступали в роли его адептов. Но, засвидетельствовав свое расположение к социализму в принципе, авторы брошюр принимались доказывать якобы невозможность его осуществления в ближайшем будущем, особенно в России. Столкнуть рабочих с пути борьбы за победу социалистической революции, на который они вступили после свержения царизма, — такова была цель и буржуазных публицистов, подлаживавшихся под настроение масс, и лжесоциалистов — меньшевиков и эсеров, пуще всего боявшихся дальнейшего развития революции.

Партия большевиков была единственной партией, поставившей своей целью превратить стихийный протест масс против империалистической войны и эксплуатации в сознательную борьбу за торжество социалистической революции. «По инстинкту, по чувству, по влечению революции против капиталистов сочувствует в России большинство населения, именно пролетарии и полупролетарии, т. е. рабочие и беднейшие крестьяне. Но ясного сознания еще нет, нет, в связи с этим, и решимости. Развивать их — наша главная задача»², — писал В. И. Ленин в начале мая 1917 года. Благодаря большевистской партии социалистическое движение сознательных рабочих и стремление широких трудящихся масс к коренным демократическим преобразованиям превратились в могучую общественную силу, которая оказалась способной сокрушить капитализм и положить начало строительству нового, социалистического общества.

¹ В. И. Ленин, просматривая уже после победы Октябрьской революции «Книжную летопись» за 1917 год, отметил в ней 142 названия книг и брошюр, в том числе о социализме, которые его заинтересовали (см. В. Бонч-Бруевич. Паметки Ленина на «Книжной летописи». «Литературное наследство», 1933, № 7-8, стр. 395).

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 31.

Вождь партии большевиков В. И. Ленин, раскрыв закономерности капитализма в период империализма, выявив и исследовав особенности первой и второй русских революций, обосновал реальную возможность перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. «„Апрельские тезисы“», ясно наметившие перспективу перехода к социалистической революции, — говорит Л. И. Брежнев, — это не только событие переломного значения для политической истории нашей страны, это и новый шаг в развитии марксистской теории революции в целом»¹.

Период освободительной борьбы пролетариата, продолжавшийся от Парижской коммуны до первой русской революции, Ленин назвал мирным (Запад с буржуазными революциями покончил, Восток до них еще не дорос). С вступлением капитализма в период империализма начался новый этап освободительного движения. Возникли объективные предпосылки социалистической революции. В. И. Ленин показал, что кризис империалистической системы, обостренный первой мировой войной, мог разрешиться в интересах трудящихся только путем пролетарской революции. Вскоре после победы Февральской революции Ленин писал: «...нельзя вырваться из когтей ужасного, всемирным капитализмом порожденного чудовища империалистской войны и голода, не покидая почвы буржуазных отношений, не переходя к революционным мерам, не апеллируя к величайшему историческому героизму и русского и всемирного пролетариата»². Эту мысль он настойчиво пропагандировал и по возвращении в Россию. Труды, созданные В. И. Лениным в марте—апреле 1917 года, особенно «Письма из далека», Апрельские тезисы, доклады на Петроградской городской и VII (Апрельской) Всероссийской конференциях РСДРП(б), явились великим вкладом в теорию научного социализма³.

¹ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 2. М., 1970, стр. 558.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 37.

³ В этом отношении, т. е. в смысле развития теории, право-оппортунистические деятели, выдававшие себя за ортодоксальных марксистов, оказались абсолютно бесплодными. Да и как могло быть иначе, если они судили о перспективах русской революции лишь по аналогии с революциями прошлого, не желая или не умея разглядеть ее особенностей. Так, К. Каутский в статье «Перспективы русской революции», опубликованной в журнале «Die Neue Zeit»

Остановимся на некоторых вопросах теории социализма, по-новому решенных В. И. Лениным в марте—апреле 1917 года: на обосновании роли России как инициатора мировой социалистической революции и на развитии марксистского положения о переходном периоде от капитализма к социализму.

После победы Февральской революции В. И. Ленин конкретизировал сделанный им ранее вывод о возможности победы социализма в одной стране, обосновав, что именно Россия имеет наиболее благоприятные возможности положить начало социалистическому переустройству мира. В «Прощальном письме к швейцарским рабочим», написанном в конце марта 1917 года, В. И. Ленин отметил, что сложившиеся исторические условия сделали пролетариат России застрельщиком революционного пролетариата всего мира¹.

Открывая VII (Апрельскую) Всероссийскую конференцию РСДРП(б), В. И. Ленин, напомнив взгляды Маркса и Энгельса о возможных перспективах социальной революции, заявил: «На долю российского пролетариата выпала великая честь начать, но он не должен забывать, что его движение и революция составляют лишь часть всемирного революционного пролетарского движения...»² В. И. Ленин убедительно аргументировал положение о том, что именно пролетариат России может начать эру социалистических преобразований. Объективная необходимость социалистической революции, возникшая в результате развития мирового империализма, особенно остро проявилась в России. Буржуазия, при-

6 апреля (24 марта) 1917 года, признав, что городские пролетарии России обладают сильным классовым самосознанием, а их социалистические вожди стоят во всеоружии знаний XX века, тем не менее отрицал возможность развития русской революции к социализму. Он ссылался на экономическую отсталость России, малочисленность рабочего класса и преобладание в стране крестьянства. По Каутскому, русская революция могла закончиться установлением буржуазно-демократической республики типа 1792 или 1848 года во Франции. Любитель исторических аналогий не увидел главного: Февральская революция 1917 года шагнула намного дальше предшествовавших ей буржуазно-демократических революций. По поводу статьи Каутского, взятой на вооружение меньшевиками и эсерами (она была опубликована в «Летописи» за 1917 год, № 7-8), В. И. Ленин заметил, что она «ничего, в сущности, не дает и ничего не выясняет» (Полн. собр. соч., т. 31, стр. 57).

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 91.

² Там же, стр. 341.

шедшая к власти в результате Февральской революции, не была способна разрешить аграрный вопрос, осуществить жизненно необходимые меры по предотвращению надвигающейся экономической катастрофы и, самое важное, не могла обеспечить выхода страны из войны на основе справедливого мира. Эти задачи, указывал В. И. Ленин, могут быть разрешены только при переходе власти в руки пролетариата и беднейшего крестьянства.

В России в результате Февральской революции возникла новая форма организации трудящихся масс, способная обеспечить переход к социалистической революции, — Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. На необходимость создания Советов как органа восстания, органа революционной власти Ленин неоднократно указывал в 1905—1916 годах. Когда до В. И. Ленина дошла 2 марта весть о победе революции в России, он еще, по-видимому, не знал об образовании в Петрограде Совета. Поэтому в письме от 3 марта к А. М. Коллонтай в Стокгольм он с сожалением констатировал: «Неделя кровавых битв рабочих и Милюков + Гучков + Керенский у власти!! По «старому» европейскому шаблону...»¹ Весьма показательно, что Владимир Ильич, не зная об образовании Советов, но уже давно теоретически обосновав необходимость их создания в ходе революции, в упомянутом письме к Коллонтай ставил перед большевиками России задачу «завоевания власти «Советами рабочих депутатов» (а не кадетскими жуликами)»². Вскоре В. И. Ленин убедился, что революция в России развивается не по «старому европейскому шаблону». В первом «Письме из далека» 7 марта он констатировал, что рядом с буржуазным правительством возникло рабочее правительство, выражающее интересы пролетариата и всей беднейшей части городского и сельского населения — Петроградский Совет рабочих депутатов. Ленин первый раскрыл истинную сущность Совета как органа революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, который в дальнейшем может перерасти в форму социалистической диктатуры пролетариата. «Вот это и есть тип государства, при котором можно идти к социализму»³, —

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 399.

² Там же, стр. 400.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 244.

указывал Ленин. В возникновении Советов — типа государства, подобного Парижской коммуне, он видел важнейшую предпосылку для перехода к социалистической революции.

В. И. Ленин отводил России роль инициатора социалистической революции еще и потому, что здесь сложилась наиболее благоприятная обстановка для организации и политического просвещения масс. На другой день после приезда в Петроград, 4 апреля, под свежим впечатлением увиденного на Родине, В. И. Ленин отметил: «...нигде такой свободы, как у нас, нет, и на нас ложится поэтому ответственность перед всем международным пролетариатом»¹. Правда, приглядевшись к российской действительности, В. И. Ленин уточнил: «Полной политической свободы, конечно, нет у нас. Но такой свободы, как в России, сейчас нигде нет»². Если иметь в виду, что дальнейшее развитие революции Ленин ставил в прямую зависимость от сознательности, выдержки, организованности рабочих масс, от их воли вырваться за пределы капитализма к миру, социализму, высотам цивилизации, то станет понятно, сколь важное значение он придавал относительной политической свободе, имевшейся тогда в стране (на экономических предпосылках социалистической революции остановимся ниже).

Взяв курс на социалистическую революцию, партия должна была определить первоочередные задачи, решением которых займется пролетариат, придя к власти. В. И. Ленин, опираясь на положения Маркса и Энгельса о переходном периоде от капитализма к социализму, разработал экономическую программу пролетарского государства.

Эсеровские и меньшевистские теоретики хотя иногда и употребляли выражение «переходный период», но не связывали его с установлением диктатуры пролетариата. Эсеры исходили из возможности постепенного перерастания капитализма в социализм в рамках буржуазного строя. По мнению же меньшевиков, пролетарская революция призвана была лишь увенчать здание социалистического общества, которое материально (высокий уровень развития производительных сил) и духовно (определенный уровень культуры) складывается при капитализме.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 103.

² Там же, стр. 243.

В противоположность оппортунистическим представлениям о социализме как о строе, постепенно вырастающем из капитализма или приходящем в готовом виде на смену «чистому капитализму», В. И. Ленин всесторонне обосновал коренное положение марксизма о том, что условием для построения социализма является установление политического господства пролетариата. Отсюда, конечно, не следовало, что завоевание диктатуры пролетариата будет означать автоматическое «введение» социализма. Ленин указывал, что пролетариат, сосредоточив в своих руках государственную власть, должен будет начать с проведения мер, которые назрели экономически, технически осуществимы, одобряются большинством народа и принесут облегчение жизни беднейшим слоям населения¹. Такими мерами Ленин считал немедленную конфискацию помещичьих земель и национализацию всей земли, установление государственного контроля за всеми банками (с объединением их в единый центральный банк), а равно за страховыми учреждениями и крупнейшими синдикатами капиталистов, осуществление всеобщей трудовой повинности.

Требование национализации земли большевики выдвигали начиная с первой русской революции. Но если на этапе буржуазно-демократической революции оно было рассчитано на развитие капитализма в сельском хозяйстве, то в условиях победоносной социалистической революции национализация земли привела бы не только к уничтожению остатков крепостничества в деревне, но, как отмечалось в резолюции VII конференции РСДРП(б), «была бы сильным ударом по частной собственности и усилила бы влияние социалистического пролетариата на полупролетариев деревни»².

Установление государственного контроля за банками и синдикатами было необходимо, прежде всего, для предупреждения экономической катастрофы и лечения ран, нанесенных стране войной. Вместе с тем эта мера рассматривалась В. И. Лениным как подготовка к национализации банков и синдикатов. Контроль Советов за производством и распределением товаров, а затем национализация крупной промышленности призваны были обеспечить рост производительных сил страны и

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 356, 446.

² «Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б)...», стр. 257.

улучшение жизни народа. «...Мы вправе с полной уверенностью сказать, — писал В. И. Ленин, — что экспроприация капиталистов неизбежно даст гигантское развитие производительных сил...»¹ Хотя эта экономическая программа сама по себе не была социалистической, но осуществление ее в условиях перехода власти к Советам представляло бы шаг к социализму.

Определяя первоочередные задачи пролетариата в переходный период от капитализма к социализму, В. И. Ленин не устанавливал сроков и темпов проведения тех или других мер: «Вопрос не в том, как быстро идти, а куда идти»². Он считал излишним вдаваться в детальное обсуждение способов решения пролетарской властью частных задач. «Мы не претендуем на то, что Маркс или марксисты знают путь к социализму во всей его конкретности, — разъяснял Ленин. — Это вздор. Мы знаем направление этого пути, мы знаем, какие классовые силы ведут по нему, а конкретно, практически, это покажет лишь *опыт миллионов*, когда они возьмутся за дело»³. По этим соображениям В. И. Ленин даже в канун Октября в статье «К пересмотру партийной программы» высказался против излишней детализации способов осуществления пролетарским государством намеченных партией экономических задач. После того, писал Ленин, как партия осуществит первые шаги к социализму (национализирует банки, синдикаты и др.), «будет *виднее*, ибо наш кругозор неизмеримо расширит практический опыт, стоящий в миллион раз больше наилучших программ»⁴.

В обобщенном виде свои взгляды на международную обстановку и перспективу социализма В. И. Ленин сформулировал в проекте резолюции о текущем моменте, которую он зачитал и обосновал в докладе на Апрельской конференции 29 апреля. В первой части резолюции отмечается, что объективные предпосылки социалистической революции, бывшие налицо перед войной в наиболее развитых странах, продолжают назревать вследствие войны с громадной быстротой. Во второй части характеризовались условия мирового пролетарского

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 96.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 124.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 116.

⁴ Там же, стр. 375.

движения, говорилось, что во всех странах растет возмущение широких народных масс против капиталистов и сознание пролетариата, что только переход власти в его руки спасет человечество от гибели. Третья часть резолюции определяла задачи русского рабочего класса при переходе власти в его руки. Советы рабочих и солдатских депутатов, отмечала резолюция, должны взять власть не для создания обычной буржуазной республики и не для немедленного проведения социалистических преобразований, а для осуществления практически назревших шагов к социализму¹.

В первые дни после появления Апрельских тезисов многие буржуазные и мелкобуржуазные деятели полагали, что партия большевиков не поддержит программу, провозглашенную В. И. Лениным. Однако расчеты врагов на изоляцию Ленина от партии были построены на песке. Хотя большевики до приезда Владимира Ильича не ставили вопроса о переходе к социалистической революции, а призывали лишь к дальнейшему развитию и завершению буржуазно-демократической революции, но, в отличие от меньшевиков и эсеров, они понимали под этим установление не буржуазно-парламентской республики, а революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства в виде Временного революционного правительства. Такое правительство призвано было, по мнению Бюро ЦК, осуществить передачу помещичьих и других земель народу, провести программу минимум РСДРП и через созыв Учредительного собрания учредить демократическую республику. 8 марта Бюро ЦК, рассмотрев вопрос об отношении к Петроградскому Совету, указало «на необходимость поддерживать его, как орган, могущий и долженствующий создать Временное революционное правительство»². Рассматривая Совет рабочих и солдатских депутатов как силу, содействующую революции, а буржуазное Временное правительство — препятствующую ей, Бюро ЦК провозгласило 9 марта своей целью превращение Совета во Всеобщий Совет рабочих и солдатских депутатов и борьбу за Временное революционное правительство (диктатура пролетариата и крестьянства)³. Эти

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 449—452.

² См. «Вопросы истории КПСС», 1962, № 3, стр. 140.

³ См. там же, стр. 141.

положения получили развитие в резолюции Бюро ЦК «О Временном правительстве», принятой 22 марта. Заняв резко отрицательную позицию по отношению к Временному правительству и указав на необходимость осуществления в дальнейшем полноты власти Советами, Бюро ЦК не смогло, однако, найти правильную тактическую линию, ведущую к всевластию Советов. Выступая против поддержки Временного правительства, оно не считало возможным активно противодействовать ему. Резолюция 22 марта рекомендовала Советам «осуществлять самый решительный контроль над всеми действиями Временного правительства и его агентов как в центре, так и на местах»¹.

Всероссийское (мартовское) совещание партийных работников поддержало платформу Бюро ЦК². Большевики осудили империалистическую внешнюю политику Временного правительства, нежелание его решить аграрный и другие назревшие социально-экономические вопросы, выступали за создание действительно революционной власти, зачатком которой был признан Совет рабочих и солдатских депутатов. Но, как уже отмечалось, стремясь к продолжению революции, большевики еще четко не представляли, каковы пути и методы борьбы. Ответы и на эти вопросы дали Апрельские тезисы Ленина. Выдвигавшиеся «Правдой» начиная

¹ См. «Вопросы истории КПСС», 1962, № 3, стр. 153.

² С докладом об отношении к Временному правительству от имени Бюро ЦК на совещании выступил И. В. Сталин. Содокладчик В. С. Войтинский высказался за поддержку Временного правительства. В. П. Милютин так формулировал точку зрения докладчиков: «Войтинский говорит: Временное правительство буржуазно, но оно получило власть из рук народа и проводит его программу. Власть в наших руках, и мы должны оказывать деятельную поддержку правительству в проведении мероприятий, направленных к закреплению завоеваний революции. Сталин же говорит о расширении задач революции. Разница в выводах, в тактике». Из 11 человек, принявших участие в прениях, лишь трое согласились с Войтинским: С. А. Гарин (Гельсингфорс), Яхонтов (Минск), П. Н. Севрук (Гомель). Позиция одного оратора (П. Н. Старостина из Гельсингфорса) изложена в протоколе совещания недостаточно четко. Остальные выступавшие — М. А. Савельев (Киев), В. П. Милютин и М. И. Васильев (Саратов), Ф. И. Голощекин и Н. Н. Крестинский (Петроград), Н. А. Скрыпник (Моршанск), С. И. Канатчиков (Новониколаевск) — отмечали, что Временное правительство тормозит развитие революции, оно неспособно решить в интересах трудящихся вопросы о мире и земле. «На очереди, — говорил Васильев, — создание Временного революционного правительства» («Вопросы истории КПСС», 1962, № 5, стр. 116—117).

с 5 марта положения: «дело революции еще не окончено», «революция продолжается» — обрели в свете Апрельских тезисов реальное, научно обоснованное содержание. Большевики окончательно поняли то, что ранее было им или неясно, или представляло лишь интуитивное предчувствие, а именно: Россия находится в стадии перехода от первого этапа революции, давшего власть буржуазии, ко второму этапу, который должен передать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства; для успеха революции необходимо, чтобы пролетариат уяснил свои задачи на новом этапе и был способен увлечь за собой на борьбу против буржуазии деревенскую бедноту и широкие непролетарские трудящиеся массы. Из этого следовало, что партия должна призывать не к контролю Советов над Временным правительством, а к недоверию правительству буржуазии, к лишению его поддержки, к переходу всей власти в стране к Советам.

7 апреля статья В. И. Ленина «О задачах пролетариата в данной революции», содержащая Апрельские тезисы, была опубликована «Правдой». Разъясняя их, Ленин писал на следующий день в «Правде»: «Вне социализма нет спасения человечеству от войн, от голода, от гибели еще миллионов и миллионов людей»¹. Эта мысль может служить эпиграфом ко всем работам В. И. Ленина, обосновывающим курс на социалистическую революцию.

Большинство Петроградской общегородской конференции поддержало курс на социалистическую революцию. Выступавшие отмечали: «Диктатура пролетариата есть насущный момент» (К. И. Шутко); «Наша задача сводится к пропагандистской работе, чтобы реализовать требования, которые приведут к социалистическому строю» (С. В. Косиор); «Приняв лозунги Ленина, мы сделаем то, что нам подсказывает сама жизнь» (Л. Н. Сталь); «...Дальнейшая задача революции — свержение капитала...» (А. И. Слуцкий); «Власть должна быть в наших руках» (Я. А. Яковлев); «...Тезисы Ленина через малое время пройдут в жизнь» (Иванов); «Стремиться будем мы туда, куда зовут тезисы» (Ф. И. Голощекин)².

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 130.

² См. «Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б)...», стр. 14—16, 19, 20.

Ленинская резолюция об отношении к Временному правительству была принята конференцией 33 голосами против 6 при 2 воздержавшихся. Предложение Л. Б. Каменева внести в резолюцию пункт о контроле над действиями Временного правительства было отклонено. Столь же безуспешны были попытки Каменева воспрепятствовать принятию ленинского курса на VII Всероссийской конференции РСДРП(б). Лишь С. Я. Багдатьян и А. И. Рыков поддержали тезис Каменева о невозможности перехода к социалистической революции в России. В. И. Ленин подверг критике эти чуждые марксизму взгляды¹. Сообщения делегатов с мест об огромном влиянии Советов, безраздельно осуществлявших власть во многих районах, о росте активности рабочего класса, устанавливающего контроль над производством, а местами даже берущего предприятия в свои руки (Урал, Донецкий бассейн), настойчивые требования солдат и крестьян немедленно конфисковать помещичьи земли — все это свидетельствовало об углублении революции, о том, что рабочий класс и деревенская беднота самой логикой событий подходят к пониманию необходимости революции против буржуазии. Имея это в виду, делегат московских большевиков М. М. Костеловская заявила на конференции: «Мало говорить о грядущем социализме, — его надо творить. Мы уже чувствуем дыхание новой жизни»².

В. И. Ленин, с большим вниманием слушавший выступления делегатов с мест, с удовлетворением констатировал, что курс, взятый партией, подтверждается действительным ходом жизни: «Картина полученного располагает нас к оптимистическим выводам». И далее: «За нас жизнь... Общий ход революции показывает, что дело идет вперед»³.

Курс на социалистическую революцию, взятый Апрельской конференцией, открыл перед партией величественную перспективу и вместе с тем поставил перед ней задачи исключительной сложности. Необходимо было подготовить и привести рабочий класс и беднейшее крестьянство России к свержению власти буржуа-

¹ См. «Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б)....», стр. 112.

² Там же, стр. 142.

³ Там же, стр. 145, 147.

зии, установить диктатуру пролетариата и начать впервые в мире практически осуществлять строительство социализма.

Величие и трудность задач, взятых на себя большевиками, выступали особенно рельефно на фоне глубокого кризиса, в котором оказалось в то время международное рабочее и социалистическое движение в результате измены социализму лидеров II Интернационала. Буржуазная печать всех стран, с удовлетворением отмечая переход большинства партий II Интернационала на позиции социал-шовинизма и поддержки своей национальной буржуазии, трубила о «кризисе марксизма», о несостоятельности социализма как интернационального движения рабочего класса. Редактируемый П. Б. Струве еженедельник, поощряя меньшевиков решительнее следовать по пути западноевропейских социал-демократов, писал: «Никакого социализма, кроме социализма национального — французского, немецкого или английского, не существует»¹.

Борьба большевистской партии за победу социалистической революции в России приобретала, таким образом, всемирно-историческое значение. «На нас лежит больше, чем на всех, обязанность отстаивать честь международного социализма»², — говорил Ленин.

2. ПРОТИВ ОБЪЕДИНЕНИЯ С МЕНЬШЕВИКАМИ

Свергнуть власть буржуазии и утвердить диктатуру пролетариата, одержав победу в социалистической революции, рабочий класс может только под руководством испытанной марксистской партии. Рабочий класс России создал такую партию — партию большевиков. Ведущая сила в борьбе против царизма, большевистская партия понесла в той борьбе большие жертвы. С выходом из подполья это стало особенно очевидно. Лишь в некоторых городах имелись хотя и немногочисленные, но крепкие организации во главе с партийным комитетом. В большинстве же городов из подполья вышли малочисленные большевистские группы или одиночки, потеряв-

¹ «Русская свобода», 1917, № 3, стр. 9.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 105.

шие связь с организацией¹. Во многих городах и поселках разгромленные царской охранкой большевистские ячейки не успели ко времени Февральской революции встать на ноги.

Взращенная и воспитанная великим Лениным партия нового типа, высшая форма классовой организации пролетариата, сумела в кратчайший срок собрать свои силы, восстановить местные организации, развернуть широкую работу в массах. В Петрограде, как отмечал член ЦК РСДРП(б) В. Н. Залежский, некоторые районные комитеты большевиков начали легальную деятельность даже раньше официального конституирования Петербургского комитета, т. е. до 2 марта². На исключительную оперативность московских большевиков в строительстве своей организации по выходе из подполья указывал П. Г. Смидович³. Один из руководителей большевиков Самары А. Митрофанов отмечал, что местная организация РСДРП(б) «встала во весь рост чуть ли не на второй день революции благодаря тому, что ее корни глубоко уходят в революционное социал-демократическое подполье»⁴.

Вышедших из подполья большевиков подстерегала серьезная политическая опасность — оказаться совместно с меньшевиками в объединенных организациях. Меньшевики домогались этого уже многие годы, начиная с VI (Пражской) Всероссийской конференции РСДРП 1912 года. Предпринятые меньшевиками, троцкистами и их приверженцами в довоенные годы попытки путем создания «объединенной РСДРП» либо оттеснить большевиков от руководства революционным движением («Августовский блок»), либо поглотить их («Брюссельский блок») оказались безуспешными. В годы войны наибольшую активность на поприще «объединения» проявляли за границей Троцкий, а в Петрограде — существовавшая с 1913 года междурайонная (межрайонная) орга-

¹ Всего из подполья вышло более 150 большевистских организаций и групп («История Коммунистической партии Советского Союза», т. 3, кн. 1, стр. 20).

² См. В. Н. Залежский. Первый легальный Пе-Ка. «Пролетарская революция», 1923, № 1(13), стр. 153.

³ См. П. Г. Смидович. Выход из подполья в Москве. «Пролетарская революция», 1923, № 1(13), стр. 171—172.

⁴ «Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Самарской губернии. Документы и материалы». Куйбышев, 1957, стр. 39.

низация, включавшая бывших большевиков и меньшевиков. Последняя не признавала решений Пражской конференции, отрицала за избранным конференцией Центральным Комитетом право представлять РСДРП. Межрайонная организация, отмечал один из ее руководителей Юренев, исходила из того, что «партии нет — ее необходимо строить»¹. Ратуя на словах за объединение, лидеры межрайонки в то же время отвергали конкретные предложения о единстве действий, исходившие от Петербургского комитета большевиков².

Непримиримая борьба большевиков против оппортунистов и центристов имела большое значение для победы Февральской революции. Тем более было важно сохранить организационную самостоятельность партии в условиях, когда рабочему классу России предстояла борьба за переход к социалистической революции. Объединение с меньшевиками, сторонниками соглашения с буржуазией, поставило бы под угрозу успех революции. Вот почему В. И. Ленин с такой категоричностью предостерегал руководство партии в России от объединения с меньшевиками. В письмах и статьях, посланных в марте 1917 года из Швейцарии в Россию, Владимир Ильич настойчиво убеждал в необходимости идейной и организационной самостоятельности партии, предупреждал об опасности оказаться вовлеченными в «объединение» с меньшевиками. «По-моему, главное теперь, — писал Ленин 4 марта, — не дать себя запутать в глупые «объединительные» попытки с социал-патриотами (или, еще опаснее, колеблющимися, вроде ОК, Троцкого и К^о) и продолжать работу *своей* партией в последовательно-интернациональном духе»³. Известен случай отказа В. И. Ленина от выступления на митинге в Цюрихе в марте 1917 года только потому, что на нем должен был выступать известный меньшевик А. Мартынов. В. И. Ленин опасался, как бы факт участия его в митинге вместе с Мартыновым не был использован в России в пользу объединения большевиков и меньшевиков⁴.

¹ И. Юренев. Борьба за единство партий. Пг., 1917, стр. 7.

² См. Кирилл Орлов (Иван Егоров). Жизнь рабочего-революционера от 1905 г. до 1917 г. Л., 1925, стр. 24.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 402. (См. также т. 49, стр. 400, 410—413, 420, 423; т. 31, стр. 5—6, 19, 75 и др.)

⁴ См. М. Харитонов. Ленин и Февральская революция. Воспоминания. «Правда», 12 марта 1927 г.

В телеграмме, посланной 6 марта 1917 года из Швейцарии в Стокгольм большевикам, отъезжавшим в Россию, В. И. Ленин указывал: «...никакого сближения с другими партиями...»¹

Угроза, о которой В. И. Ленин предупреждал, была вполне реальна. Сразу же после Февральской революции меньшевики и внефракционные социал-демократы, несмотря на неудачи объединительных попыток в прошлом, еще энергичнее стали добиваться создания «единой РСДРП». Причем если раньше «объединением РСДРП» занимались в основном меньшевистские «верхи», то после Февральской революции наибольшую активность в этом деле стали проявлять меньшевистские «низы». Многие меньшевистские организации и группы предлагали большевикам объединиться на условиях взаимного признания Программы и Устава партии, вне зависимости от отношения к коренным вопросам революции. К этому же призывали и внефракционные социал-демократы, сгруппировавшиеся позднее вокруг газеты «Новая жизнь». Организационный комитет меньшевиков (ОК) хотел сначала объединить все течения меньшевизма на основе выработанной им оппортунистической платформы поддержки Временного правительства. Но в то же время он не противился объединительным попыткам, предпринимавшимся «снизу» (меньшевиками на местах) и «сверху» (внефракционными социал-демократами).

Рьяным сторонником объединения выступил лидер меньшевиков И. Г. Церетели. В своих воспоминаниях он писал, что личное знакомство с большевиками в Сибири (Церетели близко сошелся там со скатившимся к оборончеству В. С. Войтинским) рождало у него надежду на возможность совместной работы «если не с Лениным, то со значительной частью большевиков»². Еще находясь в Иркутске, в начале марта 1917 года, Церетели обратился к местным социал-демократам с призывом объединиться в одну организацию³. После приезда в Петроград в первой же своей речи на заседании рабочей секции Петроградского Совета 20 марта 1917 года

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 7.

² И. Г. Церетели. Воспоминания о Февральской революции, кн. 1, стр. 12.

³ См. «Очерки по истории Иркутской организации КПСС». Иркутск, 1966, стр. 224.

Церетели, увлекшись, говорил об объединении РСДРП как о свершившемся факте. «Товарищи рабочие, — заявил он, — здесь перед вами не члены отдельных фракций, на которые когда-то делилась наша партия. Это было в годы мрачной реакции... Не такое время теперь. Перед вами представители с.-д. фракции, объединившей большевиков и меньшевиков, как единое целое». Церетели предлагал «не только слить обе части с.-д. партии, но все демократические революционные силы объединить для общей борьбы»¹. Меньшевицкий лидер ратовал за объединение большевиков и меньшевиков в интересах поддержки Временного правительства и укрепления буржуазного правопорядка в стране.

В таком же духе велась меньшевиками пропаганда в пользу объединения на местах. «В настоящее время нет таких разногласий, — писала газета харьковских меньшевиков, — которые оправдывали бы существование отдельных, а тем более враждующих друг с другом фракций среди социал-демократов»². Пользуясь неосведомленностью масс о глубине расхождения между большевиками и меньшевиками и взяв на вооружение популярный лозунг «единства», меньшевики развернули кампанию за создание «широкой, открыто действующей социал-демократической рабочей партии». Харьковский комитет меньшевиков видел задачу «единой РСДРП» в подготовке рабочих к выборам в Учредительное собрание и в поддержке Временного правительства, поскольку оно «идет навстречу демократическим требованиям рабочих масс»³.

Как же отнеслись большевики к предложениям меньшевиков об объединении? Основная масса членов РСДРП(б) с первого дня выхода из подполья решительно выступила против объединения с меньшевиками, последовательно отстаивая принципы организационной самостоятельности большевистской партии. Объединенческие настроения проявились в сравнительно небольшой части партии. К концу апреля в стране имелось свыше 440 самостоятельных большевистских организаций, объединенных же — несколько более 150⁴. В пер-

¹ «Известия Петроградского Совета», 21 марта 1917 г.

² «Социал-демократ» (Харьков), 15 марта 1917 г.

³ «Социал-демократ», 11 марта 1917 г.

⁴ «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 3, кн. 1, стр. 27.

вых насчитывалось 80 тысяч большевиков, во вторых — 14 тысяч¹.

Из 68 губернских городов, где в марте — апреле 1917 года большевики начали легальную деятельность, в 14-ти стали действовать самостоятельные большевистские организации, а в 54-х оформились объединенные организации. Превышение количества объединенных организаций (но не числа большевиков в них²) над большевистскими в губернских городах объясняется отсутствием или малочисленностью во многих из них фабрично-заводского пролетариата. Широко представленные в этих городах бюрократические элементы (чиновники, служащие), интеллигенция (присяжные поверенные, врачи, педагоги), ремесленники не только сами потянулись в организации меньшевиков и эсеров, но и стремились склонить к сотрудничеству с мелкобуржуазными партиями пролетарские слои населения, в том числе рабочих-большевиков.

Самостоятельные большевистские организации были оформлены в Петрограде, Москве, Риге, Ревеле, Твери, Смоленске, Киеве, Екатеринославе, Харькове, Самаре, Саратове, Казани, Екатеринодаре, Новороссийске. Большевистские организации в перечисленных городах начиная с 1905 года фактически существовали отдельно от меньшевистских. Партийные организации Питера и Москвы, Киева, Самары, Екатеринослава в свое время одобрили решения Пражской конференции и полностью отмежевались от меньшевиков-ликвидаторов³. Приступив после выхода из подполья к оформлению легальных организаций, большевистские комитеты (они имелись в большинстве рассматриваемых городов) и партийные группы (в Смоленске, Казани и Новороссийске) подчеркивали, что создаваемые ими организации, так же как в прошлом нелегальные, являются составной частью

¹ В. В. Аникеев. Сведения о большевистских организациях с марта по декабрь 1917 года. «Вопросы истории КПСС», 1958, № 2, стр. 127.

² Так, например, в Терской и Дагестанской областях после Февральской революции имелось 12 с.-д. организаций. В двух большевистских (Грозненской и Кисловодской) насчитывалось 850 членов, а в десяти остальных (объединенных) — лишь 125 (Ш. М. Магомедов. Борьба большевистской партии за установление Советской власти на Тереке и в Дагестане. М., 1965, стр. 13).

³ См. «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 2, стр. 375.

РСДРП, руководимой Центральным Комитетом. В отчете о состоявшемся 4 марта первом легальном собрании саратовских большевиков говорилось, что «в основу построения открытой организации был положен единогласно принятый на заседании Комитета принцип неразрывной преемственной связи легальной организации с прежней нелегальной»¹. В опубликованном 7 марта извещении Екатеринодарского комитета РСДРП(б) отмечалось, что, «являясь представителем Центрального Комитета», он намерен приступить к организации «легального Екатеринодарского Комитета Всероссийской социал-демократической партии»². В Уставе Казанской организации большевиков, принятом 6 апреля, подчеркивалось, что организация является частью РСДРП, «высшее руководство которой принадлежит Центральному Комитету»³. Большевистские организации вышеуказанных городов не пошли на объединение с меньшевиками.

На заседании Петербургского комитета РСДРП(б) вопрос об объединении был поставлен впервые 4 марта представителем левых меньшевиков — Петроградской инициативной группы. Он заявил: «В низах [мы] уже работа[ем] в целях объединения, предлага[ем] работать вместе». Выступившие члены ПК (М. И. Калинин, Н. И. Подвойский, В. Н. Залежский, Г. Ф. Федоров, Л. М. Михайлов) в общем благожелательно отнеслись к предложению левых меньшевиков при условии принятия последними лозунгов и тактики большевиков. Федоров говорил: «...двери открыты у нас всем, кто согласен с нашими лозунгами, приходите и без какого-либо договора работайте с нами»⁴. ПК предложил создать согласительную комиссию, в которую обе стороны выделяют представителей; в нее были избраны Калинин и Залежский. Таким образом, Петербургский комитет показал свою готовность к сотрудничеству с меньшевиками-интернационалистами. Но скоро выяснилось, что инициа-

¹ «1917 год в Саратовской губернии (февраль 1917 — декабрь 1918 гг.). Сб. документов». Саратов, 1957, стр. 39.

² «Борьба за Советскую власть на Кубани в 1917—1920 гг. Сб. документов и материалов». Краснодар, 1957, стр. 37.

³ «Татария в борьбе за победу пролетарской революции (февраль—октябрь 1917 г.). Сб. документов и материалов». Казань, 1957, стр. 45.

⁴ «Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 г.», стр. 16.

тивная группа вместо соглашения с большевиками круто повернула вправо, объединившись с оборонческой «группой содействия». Оппортунистическая линия меньшевиков со всей очевидностью проявилась в выступлении «Рабочей газеты» против введения 8-часового рабочего дня¹. Поэтому, когда на заседании ПК 18 марта (на нем присутствовали также представители Бюро ЦК РСДРП(б), агитаторы и организаторы всех райкомов партии) по настоянию меньшевиков-интернационалистов был вторично поставлен вопрос об объединении, многие возражали, указывая, что при расхождении между большевиками и меньшевиками в оценке движущих сил революции объединение лишь ослабит партию. Было принято решение образовать для взаимного информирования бюро из представителей ПК и группы меньшевиков-интернационалистов «в случае их открытого разрыва с оборонческой группой „Рабочей газеты“»².

21 марта, в связи с обсуждением предложения Междурайонного комитета об объединении, ПК вновь вернулся к вопросу об отношении к меньшевикам. Различия в подходе большевиков и меньшевиков к коренным вопросам текущего момента стали еще более очевидны. Выступивший на заседании ПК Н. К. Антипов в доказательство невозможности объединения с меньшевиками сослался на принципиальные расхождения в оценке текущего момента В. И. Лениным (начало первого «Письма из далека» было опубликовано в тот день «Правдой») и Церетели (упомянутая речь которого была помещена в «Известиях» также 21 марта)³. Если еще 18 марта ПК считал единственным условием объединения признание меньшевиками решений Циммервальда и Кинталея⁴, то на заседании 21 марта отмечалась недостаточность этого. В. Залезский говорил: «...объединения только на почве Циммервальда и Кинталея не должно быть. Это преходяще. Нас же разъединяет тактика... Условием объединения, если разумеет организации, сле-

¹ См. «Рабочая газета», 10 марта 1917 г.

² «Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 г.», стр. 55.

³ См. там же, стр. 64.

⁴ Решения международных социалистических конференций в Швейцарии (Циммервальдской в августе 1915 г., Кинтальской в апреле 1916 г.) не отличались последовательностью. Требования борьбы за мир сочетались в них с проповедью пацифистских идей и отказом от полного разрыва с социал-шовинистами.

дует поставить основную позицию большевизма, согласно течению] „Правды“»¹. Другие члены ПК (Г. Федоров, И. Рахья, С. Багдатыев, Н. Глебов), положительно относясь к объединению с межрайонцами, отвергли объединение с меньшевиками-интернационалистами, находившимися «в одной упряжке» с оборонцами. Принятая на этом заседании ПК резолюция одним из условий объединения с меньшевиками-интернационалистами ставила признание последними необходимости дальнейшего развития революции. «П[етербургский] К[омитет] считает возможным и желательным, — говорилось в принятой резолюции, — объединение с организациями меньшевиков, кот[орые] признают решения Циммервальда и Кинтала и необходимость, как и неизбежность, революционной борьбы пролетариата в настоящий момент не только за политическую, но и [за] экономическую часть программы-минимум РСДРП(б)»². Таким образом, позиция ПК по отношению к меньшевикам от одного заседания к другому становилась все более определенной. Под влиянием поступивших от В. И. Ленина указаний и очевидного смыкания меньшевиков-интернационалистов с их ближайшими соседями справа руководящие работники столичной организации большевиков все больше утверждались в мысли о невозможности объединения с меньшевиками, хотя, как видно из цитируемой выше резолюции, объединенческие иллюзии полностью еще не были преодолены.

О позиции большевиков Москвы — другого после Петрограда центра, по которому равнялись большевики провинции при определении своего отношения к меньшевикам, — можно судить по решениям I Московской общегородской и Московской областной конференций большевиков, состоявшихся 3—4 и 19—20 апреля. Московские меньшевики ратовали за объединение всех существовавших «течений РСДРП»³. В первые дни революции в трех районах Москвы (Хамовническом, Лефортовском и Рогожском) произошло объединение больше-

¹ «Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 г.», стр. 64.

² Там же, стр. 66.

³ А. Лукашев. Московские большевики в борьбе за укрепление идейно-организационного единства своих рядов (март—июль 1917 г.). «Уч. записки Московского областного педагогического института», т. 215. М., 1968.

виков с меньшевиками. Но уже в марте ошибка была исправлена: большевики этих районов отмежевались от меньшевиков и оформились в отдельные организации. Только небольшая группа партийных литераторов во главе с Н. А. Рожковым, примыкавшим в прошлом к меньшевикам-ликвидаторам, рьяно выступала за объединение с меньшевиками. В конце марта рожковцы вышли из большевистской партии и образовали Московскую объединенную социал-демократическую организацию (Бюро организации возглавили Н. Рожков, В. Яхонтов, Л. Гальперин и др.)¹, которая сблизилась с меньшевиками.

Первая общегородская конференция московских большевиков показала, что в организации имелись решительные противники объединения с меньшевиками (Р. С. Землячка, например, заявляла: «На общегородской конференции я голосовала против каких-либо попыток объединения, и я горжусь этим, так как очутилась в компании т. Ленина»²). Несмотря на то что подавляющее большинство участников конференции высказалось за объединение с меньшевиками-интернационалистами, стоявшими на точке зрения Циммервальдской конференции, объединительной платформы конференция не работала³.

Остро проходило обсуждение доклада Н. Осинского «Об объединении с с.-д. группами, не входящими в партийные организации» на Московской областной конференции 20 апреля. К тому времени уже были опубликованы Апрельские тезисы Ленина. Своей поддержкой правительственного «займа свободы» и призывами к доверию Временному правительству меньшевики еще более дискредитировали себя. Осинский отметил, что когда он читал свой доклад на II Московской конференции, «то некоторые товарищи и слышать не хотели об объединении, отказываясь наотрез против каких-либо мер по этому вопросу; и действительно... в Москве объединяться почти не с кем; московские меньшевики почти все — заскорюзлого ликвидаторского пошиба...»⁴. Тем не

¹ Д. Кин. Борьба против «объединительного угара» в 1917 г. «Пролетарская революция», 1927, № 6(65), стр. 42.

² «Пролетарская революция», 1929, № 10(93), стр. 175.

³ См. «Ленин и московские большевики». М., 1969, стр. 198—205.

⁴ «Пролетарская революция», 1929, № 10(93), стр. 167—168.

менее докладчик, не поняв существа Апрельских тезисов Ленина и вытекавших из них задач партии, выступал за объединение с меньшевиками. Доклад вызвал острую критику. А. Я. Аросев указывал, что для вовлечения в ряды партии революционных элементов из других организаций необходима не объединительная платформа, способная породить иллюзии и кривотолки, а последовательное отстаивание партией своей линии. Эту мысль поддержал В. Н. Подбельский. «...Наша задача, — говорил он, — не объединение, а разъединение, и не в Москве только, а главным образом в провинции, так как там отношения как-то смазаны; чтобы они стали определеннее, — надо ярче выяснить физиономию партии...»¹ На важность идейного и организационного укрепления партии и ограждения ее от оппортунизма указывала Р. С. Землячка. Обсуждение конференцией вопроса показало, что среди московских большевиков уже нет сторонников «широкого объединения». Предложенный П. Г. Смидовичем сомнительный план созыва объединительного съезда в обход Центрального Комитета вызвал решительное осуждение всех выступавших. Но иллюзии о возможности объединения с левыми меньшевиками еще не исчезли. Принятая большинством голосов резолюция предлагала Всероссийской конференции разработку объединительной платформы².

С исключительной настойчивостью ратовали за объединение «всех фракций РСДРП» харьковские меньшевики, возглавляемые И. Бэром и С. Саном. Они предлагали в интересах быстрее создания единой партии организовать без ведома партийных центров местную автономную ячейку с подчинением членов этой ячейки только местному комитету. Один из руководителей Харьковского комитета большевиков Сурик (А. В. Емельянов) решительно отверг план «объединителей». В статье «Российская С.-Д. Р. П. и харьковские меньшевики» он писал: «Во имя сплочения здесь, на месте, нам предлагают внести дезорганизацию, анархию в партийные ряды... всей России. Могли ли мы, привыкшие рассматривать интересы пролетарского движения в целом, привыкшие к строгой партийной дисциплине, позволившей нам вывести партию незапятнанной и целой из ужасов

¹ См. «Пролетарская революция», 1929, № 10(93), стр. 172.

² См. там же, стр. 179.

подполья... могли ли мы пойти на подобный призыв?.. И мы ответили: Нет! На *такое* объединение мы не пойдем... Нет необходимости строить *новую* партию там, где существует полная жизненных сил и способностей «старая». Входите в нее! Давайте работать вместе! Вы ведь утверждаете, что между нами нет разногласий!»¹

К вопросу об объединении с меньшевиками харьковские большевики возвращались неоднократно в апреле—мае. Некоторые члены комитета готовы были пойти на уступки меньшевикам и соглашались на объединение не только с меньшевиками-интернационалистами, но и с оборонцами. Но организация в целом твердо стояла на той позиции, что объединение возможно лишь с интернационалистами и при условии окончательного разрыва их с оборонцами².

Против растворения революционной марксистской партии в «объединенной РСДРП» решительно выступали большевики Екатеринослава. 5 марта конференция Екатеринославской организации РСДРП(б) с участием представителей большевистских организаций Донецкого бассейна в принятой резолюции «Отношение к мелкобуржуазным социалистическим организациям» отметила: «Общую деятельность под знаменем единой партии мы считаем возможной единственно при условии полного признания всех партийных постановлений и подчинения всем решениям партии». Орган екатеринославских большевиков «Звезда» дал решительный отпор местной меньшевистской газете «Борьба», призвавшей в первом номере к стрсительству «открытой» партии. «Лозунг «Борьбы» — объединение ради объединения — для нас неприемлем, — указывала «Звезда». — Не зовем и к строительству партии. Наша РСДРП давно построена. Будем же упрочивать ее, теснее окружим стальным рабочим кольцом»³.

Вопросы объединения с меньшевиками обсуждались также большевиками Поволжья. Руководитель казанских большевиков В. А. Тихомирнов заявил на созванном меньшевиками-оборонцами собрании 24 марта

¹ «Пролетарий» (Харьков), 28 марта 1917 г.

² См. «Большевистские организации Украины в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции (март—ноябрь 1917 г.). Сб. документов и материалов». Киев, 1957, стр. 28—29, 30, 31, 33, 43, 54—55, 56—57.

³ Там же, стр. 5, 99.

о полной невозможности сосуществования с ними в одной организации. По поручению местных большевиков Тихомирнов поставил собрание в известность, что в Казани «образуется самостоятельная организация, стоящая на позиции ЦК и всецело признающая его авторитет». 26 марта было официально оформлено создание Казанской партийной организации большевиков, или, как она себя первоначально называла, «отделения ЦК РСДРП»¹. Самарская общегородская конференция большевиков в принятой 9 апреля резолюции об объединении с социал-демократическими группами одним из условий объединения выдвигала «резкое отмежевание от социал-шовинистических течений»².

Таким образом, большевистские организации рассмотренных здесь пролетарских центров по выходе из подполья считали безусловно необходимым сохранить свою самостоятельность. Они допускали возможность объединения с меньшевиками-интернационалистами, но при условии полного разрыва последних с оборонцами и признания решений РСДРП(б), ее политической линии, ее руководящих органов.

Рассмотрим, что представляли собой объединенные организации, оформившиеся в марте—апреле 1917 года в 54 губернских городах. Все их можно подразделить на следующие три группы: существовавшие до Февральской революции, организации, в которых большевики с самого начала были обособлены, и неопределившиеся.

I. Объединенные социал-демократические организации, сложившиеся или начавшие формироваться до Февральской революции, имелись в городах Сибири—Красноярске, Томске, Омске, Иркутске, Барнауле, Чите, Якутске. Разгромленные царизмом в период реакции, они начали восстанавливаться в первые годы войны и пополнились политическими ссыльными—большевиками, меньшевиками-интернационалистами и меньшевиками-оборонцами. Выйдя из подполья, эти организации вначале избегали постановки принципиальных вопросов, не принимали решения, к какому общероссийскому центру присоединиться. Большевики не хотели иметь дело с ОК, но, чтобы не оттолкнуть меньшевиков (ошиб-

¹ См. «Татария в борьбе за победу пролетарской революции», стр. 33, 35, 42.

² «Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Самарской губернии», стр. 42—43.

ка, которую они поняли позднее), медлили и с официальным признанием руководства ЦК. Объединенные организации упомянутых городов, за исключением Барнаульской, не были представлены на VII Всероссийской (Апрельской) конференции РСДРП(б). Не послали они делегатов и на конференцию меньшевистских и объединенных организаций, состоявшуюся в мае 1917 года в Петрограде. В Красноярской с.-д. организации образовалась группа большевиков-правдивов (И. И. Белопольский, Б. З. Шумяцкий, В. Н. Яковлев и др.), добивавшаяся присоединения к ЦК. 9 апреля собрание Красноярской организации специально обсуждало поставленный правдивами вопрос о признании ЦК единственным высшим органом партии. Меньшевикам-интернационалистам удалось тогда добиться отклонения этого предложения¹. Оправдывая позицию большинства Красноярской организации, один из ее членов говорил: «Признавая ЦК единственным центральным органом партии, мы тем самым сознательно должны идти на раскол с нашими меньшевиками-интернационалистами, с которыми до сих пор мы дружно работали, не отступая от общей большевистской линии»². Но большевики-правдивы не переставали бороться за разрыв большевиков Сибири с оппортунистами и сплочение вокруг ЦК РСДРП(б).

II. Объединенные организации, в которых большевики с самого начала были обособлены, т. е. имели свои оформленные группы (фракции), были созданы, главным образом, там, где до Февральской революции существовали большевистские комитеты или группы, но вследствие репрессий царских властей они вышли из подполья резко ослабленными. В это число можно включить объединенные организации губернских городов Кавказа (Тифлиса, Баку, Ставрополя, Владикавказ, Батума, Елизаветполя, Карса, Кутаиса, Эривани), Центра страны (Новгорода, Тулы, Нижнего Новгорода, Владимира, Воронежа, Калуги, Пензы, Ярославля), Урала (Уфы, Перми), Западного края (Минска, Могилева, Витебска, Чернигова), Севера страны (Архангельска) и Средней Азии (Ташкента, Самарканда, Скобелева (Ферганы), Семипалатинска). Вступив в объединенные организации, большевики сохранили известную

¹ См. «Красноярский рабочий», 12 апреля 1917 г.

² «Красноярский рабочий», 3 июня 1917 г.

самостоятельность, некоторые продолжали поддерживать связь с ЦК. В Тифлисской организации большевики имели свою агитационную и пропагандистскую коллегию, издавали с 11 марта газету «Кавказский рабочий», отдельно проводили собрания¹. В некоторых объединенных организациях (Новгородской, Воронежской, Владимирской, Владикавказской, Архангельской) большевики преобладали. В Архангельской объединенной организации имелась сплоченная группа большевиков, преимущественно транспортных рабочих-латышей, во главе с Я. А. Тимме. Исполнительный комитет Архангельской объединенной организации по настоянию большевиков выписывал 1000 экземпляров «Правды» и лишь 20 экземпляров «Рабочей газеты»². Но даже в объединенных организациях, где большевики преобладали (не говоря уже о тех, где городские комитеты возглавлялись меньшевиками), они оказались скованными в своих действиях. Общее собрание Воронежской организации 24 марта решило послать делегата с правом совещательного голоса для участия в «имеющих состояться в Петербурге конференций большевиков и меньшевиков»³, т. е. на всероссийские совещания партийных работников, назначенные ЦК и ОК в связи с предстоящим Всероссийским совещанием Советов. Минская объединенная организация, также пославшая на эти совещания представителей, поручила им «настойчиво требовать объединения партии и всемерно содействовать ему»⁴. Тифлиские большевики послали на Апрельскую конференцию РСДРП(б) делегата лишь с правом совещательного голоса. Большевики ряда объединенных организаций (Баку, Тулы, Новгорода, Калуги, Ярославля) не были

¹ Лидер грузинских меньшевиков Н. Жордания признает, что в Тифлисе после Февральской революции «большевики не имели с нами (т. е. с меньшевиками. — *Авт.*) никакой связи. Издавали свой орган и работали фракционно» (Н. Жордания. *Моя жизнь*. Калифорния, 1968, стр. 74).

² См. «Борьба за установление Советской власти на Севере (март 1917 — июль 1918 г.). Сб. документов и материалов». Архангельск, 1959, стр. 25.

³ «Борьба за Советскую власть в Воронежской губернии 1917—1918 гг. Сб. документов и материалов». Воронеж, 1957, стр. 28.

⁴ В. В. Фомин. Съезд депутатов армий и тыла Западного фронта в апреле 1917 г. В кн.: «В борьбе за Октябрь в Белоруссии и на Западном фронте. Воспоминания активных участников Октябрьской революции». Минск, 1957, стр. 15.

представлены на Апрельской конференции. Из других объединенных организаций (Нижегород, Уфы, Минска, Витебска) большевистская часть смогла послать на Апрельскую конференцию своих делегатов при условии, что эти организации будут представлены также на Всероссийской конференции меньшевистских и объединенных организаций в мае 1917 года¹.

Пребывание в объединенных организациях не могло не сказаться отрицательно на идейно-политической позиции большевиков, входящих в эти организации. В изданных в марте листовке Воронежского комитета и обращении Минской объединенной организации задачи революции сводились главным образом к подготовке выборов в Учредительное собрание². Опубликованная «Кавказским рабочим» 21 марта 1917 года резолюция представителей Советов рабочих депутатов Закавказья допускала возможность радикального решения рабочего, национального и аграрного вопросов в пределах буржуазного строя. В большинстве объединенных организаций перечисленных выше городов вскоре же после их создания стал назревать раскол между большевиками и меньшевиками, облегчаемый существованием обособленных большевистских групп (фракций).

III. В ряде губернских городов европейской части России (Петрозаводске, Вологде, Пскове, Курске, Костроме, Орле, Рязани, Тамбове, Вятке, Кишиневе, Херсоне, Полтаве, Симбирске, Астрахани, Оренбурге), Средней Азии (Уральске, Ашхабаде), Дальнего Востока (Благовещенске, Хабаровске) в предшествовавшие Февральской революции годы не было оформленных большевистских организаций, а действовали лишь отдельные большевики, нередко оторванные от партийных центров и не связанные между собой. После свержения царизма они или вместе с меньшевиками создавали объединенные социал-демократические организации, или

¹ Сведения об участии представителей объединенных организаций во Всероссийских конференциях большевиков и меньшевиков см.: «Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б)...», стр. 326—330, и «Партийные известия» (ОК РСДРП), 1917, № 1, стр. 27.

² См. «Борьба за Советскую власть в Воронежской губернии», стр. 20—22; «Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. Документы и материалы», т. 1. Минск, 1957, стр. 127—129.

даже вступали в местные организации меньшевиков. В Херсоне, например, в начале марта было всего лишь два большевика. Они вошли в объединенную организацию, состоявшую из меньшевиков и бундовцев¹. Несколько большевиков, оказавшихся после Февральской революции в Вятке, вступили в местную с.-д. группу, ядро которой составляли меньшевики-оборонцы². В Курске социал-демократическая организация, разгромленная в годы реакции, не была восстановлена ни перед войной, ни с началом войны. Большевики потеряли связь с центром, не имели возможности следить за партийной литературой. В конце марта 1917 года социал-демократы Курска объявили о создании местной с.-д. организации. В нее вошло около 20 большевиков, в основном рабочие-железнодорожники, и значительно большее число меньшевиков, главным образом служащие и интеллигенция³. Никаких политических организаций перед Февральской революцией не было в Пскове. В середине марта представители различных с.-д. течений образовали там группу, которая в первой своей листовке объявила, что «приступает к необходимой в данное время работе для объединения революционной социал-демократии»⁴.

Во многих комитетах с.-д. организаций перечисленных городов вначале было засилье меньшевиков⁵. Но было бы неправильно сделать отсюда вывод, будто большинство рядовых членов этих организаций разделяло меньшевистскую платформу. Многие рабочие и солдаты оказались в рядах меньшевиков случайно, в силу того, что не большевики, не успевшие еще вернуться из ссыл-

¹ См. И. Сорокин. Февральская революция в Херсоне. «Пролетарская революция», 1926, № 2(49), стр. 108.

² См. А. Новоселов. Вятская организация ВКП(б) (1917—1918). Вятка, 1927, стр. 1.

³ См. Е. И. Брянцев, Ив. Марута. Из истории Курской организации ВКП(б). В кн.: «Курск в революции. Сб. материалов». Курск, 1927, стр. 42—44.

⁴ «Установление и упрочение Советской власти в Псковской губернии. 1917—1918 гг. Сб. документов». Псков, 1957, стр. 42—43.

⁵ В частности, меньшевики численно преобладали в Костромском, Херсонском и Псковском комитетах; с.-д. комитеты Ташкента, Семипалатинска, Уральска, Вятки поддерживали вначале контакт с ОК; представители Петрозаводской, Псковской, Тамбовской с.-д. организаций участвовали в меньшевистской конференции в мае 1917 года (см. «Партийные известия» (ОК РСДРП), 1917. № 1, стр. 27).

ки или эмиграции, а меньшевики вовлекли их в организацию. Секретарь Московского областного бюро (МОБ) В. Н. Яковлева отмечала, что группы рабочих на заводах и в отдельных городах, вступившие в социал-демократические организации, «не делали в большинстве случаев никакой разницы между нами (т. е. большевиками. — Авт.) и меньшевиками. Отношение к войне было еще не выяснено; самые понятия об оборончестве и интернационализме еще не успели просочиться в провинцию»¹. Брянский комитет (Орловская губерния) сообщал в МОБ 20 апреля: «Разногласия внутрипартийные пока не вскрылись. Ведь организации только что стали на ноги, заняты организационными вопросами, принципиальные вопросы почти не обсуждались, поэтому царствует мир»². В письме Бежицкого комитета в МОБ 21 мая отмечалось, что «громадное большинство членов партии имеют, самое лучшее, только смутное представление о социалистических партиях, а тем менее о самых разнообразных течениях их или фракциях»³. Письмо заканчивалось настоятельной просьбой прислать литературу, которая могла бы помочь понять различия между большевизмом и меньшевизмом.

Подобного типа организации принято считать объединенными, поскольку в возглавлявшие их комитеты входили большевики и меньшевики. Но если учесть политическую незрелость многих, едва ли не большинства, членов этих организаций, то более правильным, на наш взгляд, будет назвать такие с.-д. организации *неопределившимися*. Этот термин встречается в партийных документах 1917 года. Узкий состав МОБ 21 мая в резолюции «Об отношении к объединенным организациям» характеризовал некоторые организации Центрального промышленного района как «не успевшие еще определиться»⁴. Полтавские большевики квалифицировали созданную по инициативе меньшевиков местную объединенную организацию, не связанную ни с одним из

¹ В. Яковлева. Партийная работа в Московской области в период февраль—октябрь 1917 г. «Пролетарская революция», 1923, № 3(15), стр. 198.

² «Борьба трудящихся Орловской губернии за установление Советской власти в 1917—1918 гг. Сб. документов». Орел, 1957, стр. 33.

³ Там же, стр. 40.

⁴ «Протоколы заседаний Московского областного бюро (май—июнь 1917 г.)». «Пролетарская революция», 1927, № 4 (63), стр. 257.

общероссийских центров, как «неосознанную»¹. Рассматриваемые организации включили в свой состав наряду с пролетарскими элементами и мелкобуржуазных демократов. Процесс обособления пролетарских революционеров и их организационного самоопределения, продолжавшийся прежде годами, в 1917 году занял (как будет показано ниже) лишь несколько месяцев.

Рассмотренные выше различия в позиции большевиков отдельных губернских городов по вопросу объединения с меньшевиками были присущи также большевикам уездных городов и других пунктов страны. В одних из них, где были сильны традиции большевизма, где имелся значительный слой фабрично-заводских рабочих, создавались самостоятельные большевистские организации (например, в Екатеринбурге, Иваново-Вознесенске, Луганске, Виннице). В других городах большевики, войдя в объединенные организации, не растворились в них, а сохранили свою самостоятельность (таково, в частности, было положение большевиков в объединенных организациях Одессы, Юзовки, Николаева, Таганрога, Царицына, Кинешмы). В экономически же отсталых районах, с малочисленным пролетариатом, только Февральской революцией пробужденных к политической жизни, различия между большевиками и меньшевиками в объединенных организациях вначале отчетливо не выступали.

Автор воспоминаний о революционном движении в Выксе (близ Муром) отмечает, что в местной с.-д. организации «разницу между большевиками и меньшевиками понимали только организаторы, и поэтому впоследствии, после Октябрьской революции, рабочие, всегда тяготевшие к большевикам, легко к ним перешли»². Из 50—55 членов Ростовской объединенной с.-д. группы (Ярославская губерния) было 4—5 активных большевиков и 5—6 меньшевиков, остальные же, по свидетельству члена организации, «являлись ни больше ни меньше, как слушателями разносторонних течений»³. О Но-

¹ См. «Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями (март—октябрь 1917 г.)». М., 1957, стр. 370.

² И. Т. Революционное движение в Выксе до 1917 года. В кн.: «Двадцать лет рабочей организации РСДРП—РКП(б). Муром. Кулебаки. Выкса». М.—Пг., 1923, стр. 162.

³ П. Самбуров. Плюсы и минусы. Краткий очерк Ростовской организации РКП(б) за пять лет. «На перевале» (Ярославль), 1922, № 24-25, стр. 36.

вохоперской с.-д. организации Воронежский комитет большевиков писал в мае 1917 года, что она «в фракционном отношении еще вполне не выяснилась, появляется некоторое тяготение к большевикам»¹. По мере обострения классовой борьбы в стране происходило размежевание первоначально неопределенных, не имевших четкой партийной физиономии объединенных социал-демократических организаций.

Таким образом, приходится констатировать, что в марте—апреле 1917 года в кардинальном вопросе партийного строительства— об отношении к объединению с меньшевиками— среди большевиков не было единства. Повсеместно— и в центральных губерниях, и на обширной периферии— большевики формировали легальные организации как самостоятельно, так и вместе с меньшевиками.

Историко-партийная наука справедливо видит главную причину объединительных тенденций в давлении мелкобуржуазной стихии на пролетариат². Этот фактор в наибольшей степени сказался в промышленно отсталых районах, где подавляющая часть рабочих еще не знала о различиях между большевиками и меньшевиками. Такое неведение было присуще и известной части рабочих крупных промышленных центров (Петрограда, Москвы, Харькова и др.), также выступавшей за объединение большевиков и меньшевиков³. Но здесь большевики— противники объединения смогли опереться на основные кадры революционных рабочих, давно отвернувшихся от соглашателей, и сохранить свою организационную самостоятельность. Отвергнув предложения оппортунистов, большевики ведущих центров страны преподали большевикам периферии наглядный урок принципиального решения вопросов партийного строительства в новых условиях.

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 60, оп. 1, д. 47, л. 4.

² См. «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 3, кн. 1, стр. 27—28.

³ Е. И. Игнатов отмечает, что беспартийная масса «не видела основного различия между большевиками и меньшевиками, и ей казалось, что оба крыла социал-демократии одинаково революционны и... защищают интересы рабочего класса» (Е. Игнатов. Московский Совет рабочих депутатов в 1917 г. М., 1925, стр. 65). См. также А. М. Панкратова. Политическая борьба в российском профдвижении в 1917—1918 гг. Л., 1927, стр. 27; «Очерки по истории Октябрьской революции в Москве». М.—Л., 1927, стр. 45.

Другой причиной, стимулировавшей объединительные тенденции, явилось неправильное представление, распространенное в начале революции среди большевиков, будто буржуазно-демократическая революция в России еще не закончилась, непонимание того, что свержение царизма, возникновение Советов открыли перед рабочим классом перспективу социалистической революции. Но и этот фактор не имел универсального значения. Подавляющее большинство сознательных пролетариев, разделявшее в марте 1917 года эти ошибочные взгляды, было тем не менее против объединения с меньшевиками. Сказалась традиция борьбы с меньшевизмом в прошлом и различная оценка современного момента: меньшевики ориентировались на союз с буржуазией, партия большевиков — на дальнейшее развитие революции. Непонимание социалистических перспектив революции питало объединительные тенденции той части большевиков, которая не уяснила еще оппортунистической сущности меньшевизма (это было присуще в основном молодым членам партии, теоретически слабо подготовленным, не имевшим опыта борьбы с меньшевиками-ликвидаторами, а также и отдельным старым большевикам, отошедшим после поражения революции 1905—1907 годов от партийной работы). Часто условием объединения большевики ставили, наряду с признанием Программы и Устава партии (против чего не возражали меньшевики), и признание решений Циммервальдской и Кинтальской конференций, не учитывая, однако, что эти решения не включают главного — необходимости борьбы за победу социалистической революции в России.

Распространению объединенческих тенденций способствовало также ослабление большевистских организаций вследствие репрессий царизма. Некоторые большевики ошибочно полагали, что объединение с меньшевиками, ускорив создание местных организаций, будет способствовать быстрейшему развертыванию революционной работы в массах.

Вхождение большевиков в объединенные организации создавало угрозу сплоченности и единству большевистской партии, затрудняло ее работу, особенно в районах, где объединенчество было наиболее распространено (Сибирь, Дальний Восток, Средняя Азия, Западный край, некоторые города Центра). Интересы рабочего класса настоятельно требовали быстрейшего разрыва

большевиков, входивших в объединенные организации, с меньшевиками, сплочения большевиков всей страны вокруг ЦК РСДРП(б). Величайшая заслуга в быстром преодолении партией объединительных тенденций принадлежит Владимиру Ильичу Ленину.

Меньшевицкие деятели явно просчитались, рассматривая создание объединенных организаций в отдельных местностях как начало объединения большевиков и меньшевиков во всероссийском масштабе. Воспользовавшись проходившими в Петрограде в конце марта Всероссийским совещанием партийных работников — большевиков и совещанием меньшевиков, И. Г. Церетели предложил устроить совместное собрание представителей социалистических течений и обсудить на нем практические шаги к объединению. Совещание партийных работников — большевиков, обсудив 1 апреля предложение Церетели, решило «1) на собрание идти, 2) признать собрание информационным»¹.

Совместное собрание открылось 4 апреля в Таврическом дворце (присутствовало 50 большевиков, 47 меньшевиков, 17 внефракционных социал-демократов и 3 представителя национальных с.-д. партий²). Председательствовавший Н. С. Чхеидзе предоставил слово для докладов по вопросу объединения различных фракций РСДРП И. Гольденбергу и В. Войтинскому. Чхеидзе и Церетели высказались за немедленное создание центра по созыву общепартийного объединительного съезда. После этого выступил В. И. Ленин. Он повторил доклад, сделанный утром на собрании большевиков. Это было аргументированное изложение Апрельских тезисов, имевших решающее значение для преодоления объединительных тенденций.

Меньшевицкие деятели стремились представить высказанные Владимиром Ильичем идеи как... волюнтаристское навязывание Лениным своей воли большевикам. Так, меньшевик Н. Быховский (Сормово) говорил: «Мы собрали общее собрание, и оказалось, что настроение вначале шло к объединению, но, как только пришел Ленин, объединения не было»³.

Меньшевики пытались, а вслед за ними пытаются и современные буржуазные фальсификаторы истории

¹ «Вопросы истории КПСС», 1962, № 6, стр. 140.

² «Единство», 5 апреля 1917 г.

³ ЦПА ИМЛ, ф. 275, оп. 1, д. 8, л. 41.

КПСС, противопоставить партии ее вождя, утверждая, будто большевики были склонны к объединению с меньшевиками и только приезд В. И. Ленина «спутал все карты». Все это легко опровергается фактами. С первого же дня после выхода из подполья усилия Бюро ЦК РСДРП(б) были устремлены на всемерное укрепление большевистской партии, на восстановление старых и создание новых партийных организаций, на вовлечение в них передовых рабочих, на расширение влияния партии в массовых организациях трудящихся. Направляя своих представителей в провинцию, Бюро ЦК поручало им создавать там самостоятельные большевистские организации. Эту линию отстаивал В. А. Тихомирнов, прибывший в Казань 21 марта 1917 года в качестве уполномоченного Бюро ЦК. 27 марта по наряду ЦК был направлен в Гомель М. М. Хатаевич, незадолго перед тем вернувшийся из ссылки. Под его руководством 6 апреля была создана Полесская организация РСДРП(б) — первая после Февральской революции самостоятельная большевистская организация в Западном крае¹.

Еще один пример воздействия большевистского центра в Петрограде на партийное строительство на местах в марте — начале апреля 1917 года. В первые дни Февральской революции в Гельсингфорсе образовалась с.-д. организация, объединявшая большевиков и меньшевиков. Прибывшие туда в конце марта из Кронштадта петроградские большевики Б. А. Жемчужин, А. Ф. Ильин-Женевский и другие убедили большевиков-матросов выйти из организации, ратовавшей за поддержку Временного правительства, и создали самостоятельную большевистскую организацию, которую назвали «Свеаборгский матросский коллектив РСДРП». 2 апреля комитет объединенной организации, как не утвержденный ЦК, был объявлен распущенным. Комитет Свеаборгского матросского коллектива с 4 апреля стал именоваться Гельсингфорским комитетом РСДРП(б)².

¹ См. М. М. Хатаевич. Гомельская большевистская организация. В кн.: «В борьбе за Октябрь в Белоруссии и на Западном фронте», стр. 105—106.

² См. В. Н. Залезский. Гельсингфорс весной и летом 1917 г. «Пролетарская революция», 1923, № 5(17), стр. 118—121; П. З. Сивков. Кронштадт. Страницы революционной истории. Л., 1972, стр. 106—107.

Следовательно, руководство партии в России и ведущие большевистские организации с первого же дня после выхода из подполья были против объединения с меньшевиками. Но эта позиция не была достаточно теоретически обоснована. Большевики — противники объединения — в вопросах партийного строительства руководствовались до приезда В. И. Ленина скорее интуицией, чем всесторонне продуманной теорией, исходили больше из опыта прошлого, чем из требований современности. Так, на предложение меньшевиков объединиться, поскольку, дескать, разногласия между большевиками и меньшевиками после свержения царизма исчезли, газета харьковских большевиков ответила: «Указания на то, что сейчас нет разногласия по политическим вопросам дня, здесь недостаточно. Нет сейчас, а не будет ли завтра? И не было ли вчера?»¹ Отвергая объединение, но не находя исчерпывающе убедительной аргументации, редакция харьковского «Пролетария», как видим, делает упор на разногласия прошлого. Взгляд на революцию только как на демократическую ослаблял позицию большевиков — противников объединения, ибо необходимости решения демократических задач формально не отрицали и меньшевики.

В. И. Ленин в своих докладах в Таврическом дворце 4 апреля дал глубокое научное обоснование недопустимости объединения с меньшевиками. Вопросы партийного строительства рассматривались в Апрельских тезисах в неразрывной связи с перерастанием буржуазно-демократической революции в социалистическую. В. И. Ленин показал, что объединение с меньшевиками, противниками социалистической революции, обречет ее на неудачу. «Я слышу, — говорил Ленин, — что в России идет объединительная тенденция, объединение с оборонцами. Это — предательство социализма»². Ленинская постановка вопроса исключала объединение большевиков с приверженцами сотрудничества с буржуазией — меньшевиками.

После окончания доклада В. И. Ленина на собрании большевиков и меньшевиков против него выступили меньшевистские лидеры Церетели, Дан, Чхеидзе и др. Но что они противопоставили глубоко научному ленин-

¹ «Пролетарий» (Харьков), 8 апреля 1917 г.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 112.

скому докладу? Брань, клевету, домыслы, вроде того, что Ленин «не знает России», «оторван от жизни» и т. п. Владимир Ильич прослушал выступление одного, другого... Поднялся и незаметно вышел из зала. Заодно с меньшевиками против Ленина выступило несколько деятелей, числившихся тогда большевиками. Один из них, В. С. Войтинский, угрожающе заявил в адрес Ленина: «Мы все объединимся без него и против его программы, придуманной в вагоне»¹. Большевики нашли способ показать участникам собрания тщетность надежд врагов и ренегатов на возможность расхождения партии со своим вождем. После того как В. И. Ленин ушел, вспоминал большевик В. Ф. Толстов, «по нашим рядам пробежало от одного к другому: — уходите, не надо слушать их»². Не дожидаясь окончания собрания, большевики один за другим покинули зал. А 6 апреля было опубликовано заявление ЦК РСДРП(б) о том, что большевики никакого участия в объединительных попытках не принимают³. Предложение Войтинского об организационном объединении социал-демократов во всероссийском масштабе поддержала лишь небольшая группа (16 человек) его сторонников⁴. Вскоре Войтинский и его сторонники порвали с партией и переметнулись к меньшевикам.

Решительно возражая против объединения с меньшевиками-оборонцами, В. И. Ленин считал необходимым привлечь на сторону большевиков подлинно интернационалистские элементы из других партий. По словам А. С. Бубнова, В. И. Ленин говорил ему, что он «против объединения партийных центров, но что если в провинции, при совместной работе организаций, среди них нет разногласий основных и принципиальных, то такое объединение он, Ленин, считает правильным»⁵. В плане доклада об итогах Апрельской конференции В. И. Ленин так формулировал позицию партии в отношении к интернационалистам других партий: «Объединение с ин-

¹ «Единство», 5 апреля 1917 г.

² В. Толстов. Первое выступление Плеханова и Ленина по их возвращении из-за границы в апреле 1917 г. «Красная летопись», 1926, № 3(18), стр. 75.

³ См. «Правда», 6 апреля 1917 г.

⁴ См. «Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б)...», стр. 79.

⁵ «Пролетарская революция», 1929, № 10(93), стр. 177.

тернационалистами против мелкобуржуазного оборонческого блока...»¹

В этом духе Петроградская общегородская конференция решила 22 апреля вопрос о тактике на предстоящих выборах в районные думы. По предложению Ленина конференция указала на необходимость идти на выборы без блоков и сближаться лишь с теми меньшевиками, которые на деле рвут с «революционным оборончеством» и поддержкой Временного правительства².

Резолюция VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б) указывала на безусловную невозможность объединения с партиями, проводящими политику поддержки Временного правительства и «революционного оборончества» и признала необходимым «сближение и объединение с группами и течениями, на деле стоящими на почве интернационализма», при условии их «разрыва с политикой мелкобуржуазной измены социализму»³.

Под влиянием Апрельских тезисов и решений VII Всероссийской конференции РСДРП(б) большевики объединенных организаций стали на путь исправления допущенной ими ошибки и создания самостоятельных организаций. Особенно интенсивно развернулся процесс размежевания большевиков и меньшевиков в объединенных организациях центральных губерний России. А. С. Бубнов, выступая 17 мая на собрании Московского областного бюро, обратил внимание на необходимость «ко времени созыва партийного съезда создать могучую организацию, вполне законченную по своим формам»⁴. В. Н. Яковлева так определила задачу МОБ в отношении к объединенным организациям: «...отстаивая объединение интернационалистов, оно должно добиваться обособления интернационалистических элементов от элементов оборонческих»⁵.

Одними из первых порвали с меньшевиками большевики Воронежа. 22 апреля общее собрание Воронежской с.-д. организации приветствовало В. И. Ленина «как

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 441.

² См. «Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б)...», стр. 292.

³ Там же, стр. 253.

⁴ «Пролетарская революция», 1927, № 4(63), стр. 251.

⁵ Там же, стр. 256.

творца революционной тактики», с энтузиазмом поддержало его Апрельские тезисы и избрало делегата на VII Всероссийскую конференцию РСДРП(б). Малочисленная группа меньшевиков 3 мая заявила о выходе из организации¹. Владимирская объединенная организация, после того как 18 июня из нее вышли меньшевики, также превратилась в большевистскую². Однако, как правило, инициаторами разделения организаций являлись большевики. Меньшевики-интеллигенты, часто возглавлявшие объединенные организации, понимали, что в случае раскола их влияние на массы резко падет, так как рабочие, несомненно, последуют за большевиками. Особенно ратовали за сохранение объединенных организаций меньшевики Одессы, Николаева, Курска. Но их усилия оказались тщетными. Интересы дальнейшего развития революции требовали быстрее повсеместного организационного самоопределения большевиков. Процесс раскола объединенных организаций разворачивался безостановочно.

Большевики Тулы серьезно занялись созданием собственной организации под влиянием Апрельских тезисов Ленина³. Пребывание в одной организации с меньшевиками сковывало большевиков, мешало им развернуть революционную работу в массах. Так, Тульский комитет с.-д. организации, в основном меньшевистский, решил запретить большевикам выйти на демонстрацию, которая состоялась в городе 14 мая в знак протеста против империалистической войны. Более того, комитет дискредитировал большевиков в глазах масс: на одном из воззваний, призывавшем всех граждан и общественные организации прийти на помощь Временному правительству, рядом с подписью: «Тульский комитет партии народной свободы» стояла подпись: «Тульский комитет РСДРП». Первой из объединенной организации вышла 13 мая группа социал-демократов латышей. 14 мая группа большевиков Тульской объединенной организации избрала свой особый руководящий центр, в котором видную роль играл Г. Каминский. Организационно больше-

¹ См. «Борьба за Советскую власть в Воронежской губернии», стр. 45, 50.

² См. «Борьба за Октябрьскую революцию во Владимирской губернии (1917—1918 гг.). Сб. документов». Владимир, 1957, стр. 56.

³ См. А. Сорокин. Из истории семнадцатого года в Туле. Тула, 1925, стр. 29.

вики Тулы окончательно оформились 28 мая. В тот день проходило общее собрание местной объединенной организации. 89 большевиков демонстративно, с песней «Смело, товарищи, в ногу...» покинули собрание и затем избрали свой комитет¹.

В течение мая произошел раскол объединенных организаций в Пензе, Ярославле, Нижнем Новгороде, Калуге, Вятке, Орле, Новгороде, Чернигове. Во всех этих городах образовались большевистские организации. В конце мая оформилась большевистская организация в Перми.

2 июня 1917 года завершился раскол Архангельской объединенной организации. Пролетарская ее часть пошла за большевиками, образовавшими самостоятельную организацию и установившими связь с ЦК РСДРП(б) (в демагогических целях архангельские меньшевики и после выхода большевиков из организации продолжали называть ее «объединенной»). В июне же образовались самостоятельные большевистские организации в Тифлисе, Баку, Ставрополе, Барнауле и Красноярске. 6 июня «Кавказский рабочий» сообщил, что собрание тифлиских большевиков единогласно приняло к руководству резолюции Апрельской конференции и, учитывая, что большинство местной объединенной организации стоит на точке зрения меньшевиков-оборонцев, постановило порвать с ней и создать свою отдельную организацию². Большевики Барнаула вышли в начале июня из объединенной организации, после того как преобладавшие в ней меньшевики отказались признать решения VII конференции РСДРП(б)³. 1 июня 1917 года большевики Минска создали в рамках объединенной организации Временный комитет во главе с А. Ф. Мясниковым. Вопреки запрету меньшевистской части комитета объединенной организации большевики послали представителя в Петроград на Всероссийскую конференцию фронтовых и тыловых военных организаций РСДРП(б). Оформление большевистской организации в Минске, начатое еще в мае, завершилось в середине июля.

¹ См. «Октябрь в Туле. Сб. документов и материалов». Тула, 1957, стр. 123, 140—142.

² См. «Борьба за победу Советской власти в Грузии (1917—1921 гг.). Документы и материалы». Тбилиси, 1958, стр. 53.

³ См. «Борьба трудящихся за установление Советской власти на Алтае (1917—1920 гг.). Сб. документов». Барнаул, 1957, стр. 7.

Примерно тогда же была образована большевистская организация в Витебске¹.

Таким образом, в мае — июле 1917 года еще в 20 губернских городах стали действовать самостоятельные большевистские организации, установившие связь с ЦК РСДРП(б) и признавшие обязательными для себя решения Апрельской партийной конференции. Самостоятельные большевистские организации были созданы в эти месяцы во многих других городах страны (например, в Царицыне, Юзовке, Челябинске). 24 мая совещание большевиков прилегающего к Нижнему Новгороду района постановило порвать с меньшевиками-оборонцами. В соответствии с этим решением в Сормове, Канавине, Лысковском уезде были оформлены большевистские организации². На II Уральской областной конференции, в середине июля, с удовлетворением констатировалось, что за три месяца, прошедшие после I конференции, разъединилось 10 местных организаций³.

Повсеместно, где большевики порывали с меньшевиками, создавали собственные организации и устанавливали связь с ЦК РСДРП(б), их возможность революционного воздействия на массы резко возрастала. Представитель Московского областного бюро, побывавший в Туле после образования там большевистской организации, отмечал ее исключительную оперативность и деловитость. «Все члены организации, — писал он, — проявляют живейшее участие и интерес — весь день представители районов и заводов приходят в комитет»⁴. Большевистский комитет повел энергичную, твердую, понятную трудящимся массам и отражающую их интересы политику. Не менее успешно начали самостоятельную работу большевики Ярославля. Несмотря на свою малочисленность, ярославские большевики были уверены, что массы их поймут и поддержат. «Нечего бояться

¹ См. «Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии», т. 1. Минск, 1957, стр. 338, 444, 478, 500, 501. См. также В. Кнорин. 1917 год в Белоруссии и на Западном фронте. Минск, 1925, стр. 22—24.

² См. «Материалы по истории революционного движения», т. 3. Нижний Новгород, 1922, стр. 248—249.

³ «Большевики Урала в борьбе за победу Октябрьской социалистической революции. Сб. документов и материалов». Свердловск, 1957, стр. 110.

⁴ «Октябрь в Туле», стр. 144.

того, что мы откололись, тактика большевизма правильная, и в дальнейшем успех ее несомненен»¹, — говорил 26 мая один из выступавших на первом общем собрании большевиков Ярославля.

Успешное преодоление объединительных тенденций явилось важнейшей предпосылкой плодотворной борьбы РСДРП(б) за победу социалистической революции.

3. НОВОЕ ПОПОЛНЕНИЕ ПАРТИИ

Большевистские организации в 1917 году исключительно быстро, чуть ли не ежедневно, пополнялись десятками новых членов. К началу марта партия, как известно, насчитывала около 24 тысяч членов. Это было явно недостаточно для того, чтобы охватить большевистским влиянием многочисленные массы трудящихся, вовлеченные революцией в политическую жизнь. Поэтому, выйдя из подполья, партийные комитеты сразу стали заботиться о пополнении своих организаций новыми членами. На первом же заседании легального Петербургского комитета 2 марта было принято решение открыть запись в партию. С призывом вступать в члены РСДРП обратился к рабочим 7 марта Московский комитет большевиков, 8 марта — Екатеринбургский и Саратовский². 25 апреля В. И. Ленин через «Правду» призвал рабочих: «Будемте строить тотчас же, снизу, повсюду, массовую, крепкую, пролетарскую организацию и среди рабочих масс и среди войска»³. Эту мысль в плане доклада, посвященного Апрельской конференции, В. И. Ленин лаконично сформулировал: «...образование пролетарской партии в массовом масштабе...»⁴.

Никогда в прошлом не было столь огромного притока новых сил в ряды большевиков, как в течение восьми месяцев 1917 года. В конце апреля партия насчитывала уже 100 тысяч человек, в конце июля — 240 тысяч, а в октябре, в канун решающей схватки с буржуа-

¹ «Установление Советской власти в Ярославской губернии. Сб. документов и материалов». Ярославль, 1957, стр. 115—116.

² См. «Революционное движение в России после свержения самодержавия», стр. 11, 41—42, 44, 162.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 338.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 439.

зией, — 350 тысяч членов¹. Быстрый численный рост политической партии не всегда равнозначен ее усилению. История знает партии, которые, вобрав в себя в течение непродолжительного времени массу новых членов, теряли свое политическое лицо, предавали забвению свои идеалы. Так случилось в 1917 году, что будет рассмотрено ниже, с партией социалистов-революционеров. С большевистской партией этого не произошло. Несмотря на то что стремительный рост ее рядов привел к относительному уменьшению числа большевиков-подпольщиков, на деле доказавших свою преданность пролетарскому делу, людей глубоко идейных, для которых программа партии — борьба за торжество социалистической революции — стала смыслом жизни, людей, полностью разделявших политику партии, привыкших блюсти ее организационные принципы, правила и нормы внутрипартийной жизни, а число молодых партийцев резко возросло, — идейные, политические и организационные принципы партии остались непоколебимы. Молодые члены РСДРП(б) не противопоставлялись, как это имело место у эсеров, партийцам-подпольщикам. Старая большевистская гвардия нашла в лице нового пополнения единомышленников и боевых помощников, сразу же включившихся в борьбу за торжество революции. Рост большевистской партии более чем в 15 раз (с марта по октябрь) не сказался отрицательно на ее монолитности.

В. И. Ленин, раскрывая на опыте истории большевизма причины, которые обуславливают дисциплину коммунистической партии, на первое место поставил сознательность пролетарского авангарда и его преданность революции, его выдержку, самопожертвование, героизм². Высокие политические качества и классовое сознание нового пополнения, которое партия вобрала в свои ряды в период подготовки Октября, явились одним из важных факторов ее силы.

При вербовке новых членов большевистские организации делали ставку на наиболее сознательных, проверенных в ходе революции рабочих. 5 марта 1917 года «Правда» писала, что в партийные организации «входят

¹ «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 3, кн. 1, стр. 24, 180, 244.

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 7.

главным образом испытанные работники и работницы». Очагами подготовки к вступлению в партию должны были стать, по мнению газеты, рабочие клубы.

На первых порах легальной деятельности партии не существовало единых условий приема новых членов. Еще находясь в подполье, некоторые большевистские организации принимали в партию по рекомендации членов РСДРП¹. После Февральской революции представления рекомендаций стали требовать многие большевистские организации. Так, Выборгский райком партии Петрограда требовал от вступающих представления одной рекомендации². В Уставе Воронежской организации РСДРП(б), принятом 5 марта, указывалось, что «для вступления в число членов организации требуется рекомендация не менее 2-х членов партии»³. Газета «Голос социал-демократа» — орган Киевского комитета РСДРП(б) — предупреждала, что в партию принимаются только по рекомендации члена партии и профсоюза⁴.

Практиковались и другие методы проверки и отбора вступающих в РСДРП(б). Петроградский райком партии столицы выяснял и проверял социально-политические данные каждого вступающего и затем передавал дело о приеме на рассмотрение районного партийного собрания⁵. Организационный комитет Лысьвенской организации большевиков (одной из самых боевых на Урале) в воззвании к рабочим, изданном в марте 1917 года, указывал, что членами организации могут быть все признающие Программу партии, считающие верховным органом ЦК и стоящие в вопросе войны на точке зрения манифестов Циммервальдской и Кинтальской конференций⁶.

¹ См. О. Г. Обичкин. Устав большевистской партии в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции. «Вестник Московского университета» («История»), 1967, № 6, стр. 8.

² См. «Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б)...», стр. 29.

³ «Борьба за Советскую власть в Воронежской губернии», стр. 16.

⁴ См. «Голос социал-демократа», 14 марта 1917 г.

⁵ ЛПА, ф. 6, оп. 1, д. 1, л. 4об.

⁶ См. «Борьба за победу Великой Октябрьской социалистической революции в Пермской губернии. Документы и материалы». Молотов, 1957, стр. 128.

Однако в первые недели после выхода партии из подполья в стране было немало организаций (Богородско-Глуховская районная организация Московской губернии, Уфимская с.-д. организация¹ и др.), которые записывали в свои ряды всех желающих.

Установлению единых правил приема в партию способствовало решение Бюро ЦК РСДРП(б) от 18 марта 1917 года, согласно которому «принятие происходит по рекомендации 2 членов»². Это требование постепенно стало включаться в уставы местных партийных организаций.

Петербургский комитет обсуждал вопрос о росте рядов партии 6 апреля. Предложение С. Я. Багдатьяева «шире открывать двери для входа в партию, не боясь, будет ли это оборонец, или не вполне соц-[иал]-демократ»³, вызвало возражения Н. П. Глебова, И. А. Рахьи и др. ПК избрал комиссию в составе пяти человек для выработки проекта Устава. Параллельно с этой комиссией над проектом работала Исполнительная комиссия ПК. В обоих проектах, представленных 15 апреля на рассмотрение Петроградской общегородской конференции большевиков, 2-й пункт требовал от вступающих в партию рекомендаций двух членов⁴. Багдатьяев вновь возражал: «Пункт второй — рекомендация двух членов — не обоснован. Правильно подходить к партии, как к массовой партии. Двери партии должны быть открыты»⁵. Чуждая большевизму позиция Багдатьяева не нашла поддержки. «Рекомендация необходима, — говорил В. В. Шмидт. — Опыт европейских организаций нам доказывает, что широкое открытие партии для всех

¹ См. Е. Попова. Московская окружная организация в 1917 г. В кн.: «Очерки по истории Октябрьской революции в Москве». М.—Л., 1927, стр. 333; «Большевики Урала в борьбе за победу Октябрьской социалистической революции», стр. 50.

² «Революционное движение в России после свержения самодержавия», стр. 82.

³ «Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 г.», стр. 76.

⁴ См. «Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б)...», стр. 27. Проект Устава, выработанный Исполнительной комиссией, не разыскан, но предлагавший его конференции В. Шмидт, перечисляя принципы, на основе которых выработан проект, первым назвал: «Не количество, а качество» (там же, стр. 29).

⁵ «Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б)...», стр. 29.

ведет к тому, что в партию входит нежелательный элемент»¹. Конференция утвердила 30 голосами при 2 воздержавшихся «Устав Петербургской организации РСДРП», в котором пункт 2 гласил: «Для вступления нужна рекомендация 2-х членов. Имена их оглашаются на ближайшем собрании района»².

Аналогичный пункт был включен в Организационный устав, принятый 1-й общегородской конференцией харьковских большевиков 6 июня³, в Устав Екатеринбургской организации большевиков, утвержденный в середине июня⁴. Но даже после постановления Бюро ЦК от 18 марта далеко не все партийные организации предъявляли одинаковые требования к вступающим в РСДРП(б). Из 21 партийной организации, обследованной в середине мая Московским областным бюро, в 8 организациях новые члены партии принимались простой записью, в 12-ти требовалась рекомендация, а в одной кроме представления рекомендации вступающий подвергался экзамену по Программе партии⁵. Щелковский районный комитет (Московская губерния) в целях упорядочения приема в партию постановил принимать только по рекомендации двух членов организации или одного члена комитета, причем рекомендация должна быть личная или письменная⁶.

Знания вступающими Программы партии требовал большевистский комитет г. Камышлова⁷. На Киевской общегородской конференции РСДРП(б) в мае 1917 года делегат одной военной организации сообщил, что у них принимают в партию только знающих Программу. На вопрос, как практически проводится проверка партийных знаний, последний ответил: «В каждой роте есть несколько человек партийных товарищей, которые пред-

¹ «Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б)....», стр. 29.

² Там же, стр. 30.

³ См. «Пролетарий» (Харьков), 9 июня 1917 г.

⁴ См. «Уральская правда», 17 июня 1917 г.

⁵ См. «Революционное движение в России в мае—июне 1917 г. Июньская демонстрация. Документы и материалы». М., 1959, стр. 23.

⁶ См. Ю. С. Савельев. Московская окружная (губернская) партийная организация большевиков в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. «Ученые записки Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской», т. СХІХ, 1963, стр. 13.

⁷ См. «Революционное движение в России в апреле 1917 г. Апрельский кризис. Документы и материалы». М., 1958, стр. 168.

варительно читают доклады, разъясняют партийные программы, а потом спрашивают, кто разделяет программу большевиков, и тех записывают»¹.

Итак, в первые месяцы своего легального существования большинство организаций РСДРП(б) принимали новых членов не путем простой записи всех желающих, а предъявляя им определенные условия. Эти условия, не во всем одинаковые в различных организациях, имели целью закрыть дорогу в партию случайным элементам и отобрать в ее ряды наиболее достойных. Ко времени VI съезда РСДРП(б) большевистские организации накопили известный опыт по приему в партию, опираясь на который съезд установил единые правила приема новых членов. В утвержденном съездом 2 августа 1917 года «Уставе Российской социал-демократической рабочей партии» пункт 2 гласил: «Новые члены принимаются местными партийными организациями по рекомендации двух членов партии и утверждаются ближайшим общим собранием членов организации»². Это требование стало обязательным для всех большевистских организаций. Сошлемся для примера на большевистскую организацию 2-го Городского района Петрограда, одну из немногих организаций, от которой в архиве сохранились документальные материалы о пополнении партии 1917 года — опросные листы, заполнявшиеся каждым новым членом РСДРП(б). В 871 опросном листе вступивших в партию в этом районе (всего в районе в октябре 1917 года числилось 1700 членов партии³) в графе «рекомендация членов партии» имеются подписи: одного рекомендующего — в 298 листах, двух — в 536, рекомендация партийного коллектива — в 16; к 2 листам приложена письменная рекомендация, и лишь в 19 листах рекомендация не указана⁴.

Но не только выполнение партийными организациями требований Устава при приеме новых членов обеспечило

¹ «Большевистские организации Украины...», стр. 287.

² «Шестой съезд РСДРП (большевиков)», стр. 265.

³ «Вторая и третья Петроградские общегородские конференции большевиков в июле и октябре 1917 г.». М.—Л., 1927, стр. 127.

⁴ См. Х. М. Астрахан. О росте Петроградской организации РСДРП(б) в 1917 г. (социальный состав, материальное и семейное положение, возраст, участие в революционном движении и общественных организациях). В кн.: «В. И. Ленин и местные партийные организации России (1894—1917 гг.)». Пермь, 1970, стр. 699—700.

партию революционного пролетариата достойным пополнением. Этому способствовала в известной степени сама обстановка, которая сложилась вокруг большевистской партии после выхода ее из подполья.

Уже в середине марта 1917 года, спустя неделю после возобновления выхода «Правды», против нее началась клеветническая кампания. Буржуазная газета «Русская воля» выступила 11 марта с провокационным заявлением, будто разоблаченный провокатор, некий Черномазов, является сотрудником «Правды» и выступает с ее страниц за подписание сепаратного мира с Германией. Клевета была подхвачена другими буржуазными газетами, стремившимися всеми мерами дискредитировать большевистскую партию. Примерно 17 марта В. И. Ленин в Цюрихе узнал об этом гнусном навете и сумел распознать в скупых строках газетной информации начало широкой антибольшевистской кампании лжи и клеветы, инспирированной контрреволюционерами. Он безошибочно ставит диагноз: «Условия в Питере архитрудные... Нашу партию хотят залить помоями и грязью («дело» Черномазова...)...»¹

Бюро ЦК партии в Петрограде пришлось мобилизовать силы для отпора клеветникам. 14—15 марта в «Правде» были опубликованы материалы, из которых неопровержимо следовало, что М. Е. Черномазов, пробравшийся в 1913 году по заданию охранного отделения в число сотрудников газеты, вызвал подозрение и еще в 1914 году был отстранен от работы в ЦО и вообще в большевистской партии. Об этом же информировал общественность Западной Европы В. И. Ленин в статье «Проделки республиканских шовинистов»², опубликованной 23 марта (5 апреля) в швейцарской газете «Volksrecht» и 28 марта (10 апреля) в итальянской газете «Avanti!»³.

После того как «дело Черномазова» заглохло, буржуазные клеветники воспользовались проездом В. И. Ленина и других большевиков через Германию, чтобы поднять новую антибольшевистскую кампанию. 5 апреля, на другой же день после выступления В. И. Ленина с Апрельскими тезисами, еще до опубликования их

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 423.

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 79—82.

³ См. там же, стр. 637.

«Правдой», петроградские буржуазные газеты обрушились со злобными нападкамии на вождя большевистской партии. «Путь к сердцу и совести народных масс в России не идет через Германию», — писала 5 апреля «Речь», пытаясь заронить в народе предубеждение и недоверие к программе Ленина. «Проповедники насилия», «сторонники анархии», «агенты Германии» — такими и подобными эпитетами изо дня в день награждали большевиков буржуазные борзописцы. Черносотенцы собирали на улицах и рынках темные элементы, подбивая их убить Ленина, разгромить редакцию «Правды». 16 апреля провокаторы организовали антибольшевистскую демонстрацию инвалидов войны. Контрпропаганда большевиков, рост сознательности масс обусловили в конечном счете провал клеветников. Но в апреле — начале мая партия оказалась в трудном положении. Гнусные измышления о большевиках, на все лады повторявшиеся многоголосьем буржуазной прессой, дезориентировали незрелые массы, вызывали у них недоверие и подозрительность к большевикам. Солдаты и матросы отказывались иногда слушать оратора не из-за несогласия с ним, а потому что он — большевик. Даже в таком, например, пролетарском центре, как Екатеринослав, находились рабочие, не желавшие покупать большевистскую газету¹.

Несмотря на столь неблагоприятные условия, большевистская партия с первого же дня легального существования начала быстро расти. Косвенным свидетельством роста партии являются значительные суммы членских и вступительных взносов, пополнявшие партийные кассы в марте — апреле 1917 года².

Существует мнение, что партийные организации промышленных районов страны в первые недели революции пополнялись преимущественно не новичками, а большевиками, вернувшимися из тюрем, ссылок, эмиграции³.

¹ См. Т. С. Ризоль. Февральская революция в Екатеринославе. В кн.: «Борьба за Советы на Екатеринославщине. Сб. воспоминаний и статей». Днепропетровск, 1927, стр. 95.

² Сведения о партвзносах по шести районам Петрограда см. Х. М. Астрахан. Указ. соч., стр. 704—705; по Гельсингфорскому, Лысьвенскому и Новороссийскому комитетам см. «Пролетарская революция», 1923, № 5(17), стр. 138; «Социал-демократ» (Лысьва), 11 июня и 13 августа 1917 г.; «Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б)...», стр. 308.

³ См. И. И. Минц. История Великого Октября, т. 2, стр. 14.

Однако имеющиеся данные по отдельным районам Петрограда (правда, далеко не полные) свидетельствуют, что число *новых* членов, принятых в РСДРП(б) в марте — апреле, было довольно значительным. Вот, например, как обстояло дело в двух районах Петрограда¹:

Райкомы РСДРП(б)	Число принятых в РСДРП(б) в 1917 г.							
	март	апрель	май	июнь	июль	август	сентябрь	октябрь
Выборгский . .	111	116	149	81	53	63	50	46
Невский	198	342	71	41	11	20	51	71

Кого же вбирали большевистские организации в свои ряды в эти первые месяцы революции, когда многочисленные враги развернули интенсивную клеветническую кампанию против партии Ленина? Судя по воспоминаниям партийных активистов, в первое время после выхода из подполья большевистские организации росли преимущественно за счет рабочих, которые уже давно сочувствовали большевикам, были связаны с ними, выполняли их поручения. «После Февральской революции, — пишет член партии с 1913 года, рабочий завода «Старый Парвиаинен» К. М. Кривонос, — партийная организация стала быстро расти за счет большевистски настроенных рабочих»². Это обстоятельство отмечается также в воспоминаниях большевиков-подпольщиков С. Л. Лапшина (завод «Феникс»), А. М. Иткиной (Нарвско-Петергофский р-н)³, Е. М. Изотова (завод

¹ Таблица составлена по документам этих райкомов партии (ЛПА, ф. 2, оп. 1, д. 990; ф. 1, д. 32, л. 134). Среди 198 членов, числившихся в Невском РК РСДРП(б) к концу марта, по-видимому, 50—60 состояли в партии до Февральской революции. Из 342 человек, пополнивших районную организацию в апреле 1917 года, лишь немногие являлись старыми членами партии.

² «В огне революционных боев. Районы Петрограда в двух революциях 1917 г.». М., 1967, стр. 143.

³ См. там же, стр. 135, 166.

«Струк»), В. С. Бранникова (Металлический завод) и др.¹ Аналогичная картина наблюдалась и в ряде других организаций. На I Уральской конференции РСДРП(б) (14—15 апреля) указывалось, что рост Екатеринбургской большевистской организации в марте 1917 года происходил преимущественно за счет кадровых рабочих². Один из активных членов Лысьвенской организации РСДРП(б) П. И. Студитов-Парфенов, касаясь вопроса приема в партию после выхода из подполья, отмечает, что «прием был индивидуальный, принимались, а вернее, оформлялись те товарищи, которые были достаточно выявлены еще до революции»³. Рабочие, вступившие в ряды большевиков в годы подполья, рабочие-правдисты, ставшие членами РСДРП(б) сразу же после Февральской революции, явились надежной опорой партийных организаций в политическом и идеологическом воспитании большой массы новых членов партии.

Неуклонный рост численности РСДРП(б), несколько замедлившийся в июле в результате гонений на большевиков, возобновился с августа 1917 года (это сказалось, в частности, на увеличении поступления членских взносов в партийную кассу).

Примечательной чертой пополнения РСДРП(б) 1917 года являлась его большая социальная однородность. Основную массу вступивших в большевистскую партию в период подготовки Октября составляли рабочие, меньшую — солдаты и матросы, и совсем незначительна была доля выходцев из других социальных слоев населения. Как правило, там, где имелся более или менее значительный контингент фабрично-заводских рабочих, они и составляли большинство в местной большевистской организации. В Воронежской организации в апреле 1917 года (в это время она была еще объединенной, но в ней преобладали большевики) из 510 членов было 400 рабочих, 70 солдат, остальные — интеллигенты и учащиеся. В июле, когда организация стала чисто большевистской, в ней насчитывалось 900 членов:

¹ ЛПА, ф. 4000, оп. 5, д. 1287, лл. 2—3; д. 1152, л. 5.

² См. «Большевики Урала в борьбе за победу Октябрьской социалистической революции», стр. 48.

³ П. И. Студитов-Парфенов. От стачек к Октябрю. Воспоминания рабочего Лысьвенского завода. М., 1935, стр. 46.

в основном рабочие и около 100 солдат¹. В Конотопской большевистской организации к июльским дням насчитывалось до 400 человек, почти все рабочие². Делегат социал-демократической организации Грозненского нефтепромышленного района Н. А. Анисимов говорил на VI съезде партии, что с апреля организация выросла с 800 до 2 тысяч членов. «Интеллигенция, — заметил он, — не шла к нам, несмотря на приглашения... Рабочим приходилось обходиться исключительно собственными силами»³. В городах, где были сосредоточены войсковые части, а фабрично-заводских рабочих почти не имелось (в Минске, Новгороде, Пскове, Вятке и некоторых других), в большевистских организациях преобладали солдаты⁴. При расколе объединенных организаций к большевикам переходили преимущественно рабочие, к меньшевикам — непролетарские элементы (так было, например, при расколе объединенных с.-д. организаций Юзовки, Одессы, Томска и др.).

Едва ли не все большевистские организации 1917 года испытывали острую нехватку интеллигентских сил. Даже в Москве, как отмечал В. Н. Подбельский на VI съезде, сказался «секретарский кризис» в районных коллективах. «Работа лежит, — отмечал он, — на плечах молодых работников, главным образом рабочих»⁵. Николаевский комитет большевиков, выслав в ЦК свои первые агитационные листовки, добавил при этом: «Не ругайте нас, если не так литературно написано, ибо это писали рабочие — интеллигентов у нас вообще нет»⁶. Местные партийные организации очень часто просили ЦК о присылке лекторов, пропагандистов, газетных работников.

¹ «Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б)...», т. 1, стр. 121.

² См. В. А. Бабко. В годы подполья. Киев, 1950, стр. 94. По другим данным, Конотопская организация насчитывала в апреле — 207, в ноябре 1917 года — 220 человек (см. «Вопросы истории КПСС», 1958, № 3, стр. 101).

³ «Шестой съезд РСДРП (большевиков)», стр. 93.

⁴ Так, из 9100 членов партии и сочувствующих, которых представляли делегаты I Северо-Западной конференции РСДРП(б) в Минске 15—18 сентября 1917 года, военных было 4590 членов и 1958 сочувствующих, а в области 2542 члена и 100 сочувствующих (см. «Революционное движение в России в сентябре 1917 г. Общественно-национальный кризис». М., 1961, стр. 547—548).

⁵ «Шестой съезд РСДРП (большевиков)», стр. 55.

⁶ «Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б)...», т. 1, стр. 167.

По данным Всероссийской переписи членов РКП(б), проведенной в 1922 году, среди вступивших в партию в 1917 году рабочие составляли 56 процентов¹. В промышленных центрах доля рабочих среди вступивших в партию была более значительной. Во 2-м Городском райкоме Петрограда 84 процента всех вступивших составляли рабочие, большей частью квалифицированные, среднеоплачиваемые; 10 процентов — солдаты и матросы (последние — в основном с крейсера «Аврора»); 6 процентов — служащие и прочие². Можно предположить, что среди вступивших во всю столичную организацию большевиков в 1917 году рабочая прослойка была примерно такой же, как во 2-м Городском районе, т. е. превышала 80 процентов. Военная организация большевиков Петроградского гарнизона объединяла в канун Октября 5800 членов³, что составляло немногим более 10 процентов численности Петроградской организации РСДРП(б), примерно столько же, сколько приходилось на долю большевиков-военнослужащих во 2-м Городском районе.

Преобладание среди вступивших в РСДРП(б) в 1917 году социально однородного пролетарского элемента явилось благоприятной предпосылкой для быстрого восприятия новым пополнением идеологии большевизма, его стратегии и тактики, организационных принципов. Но наличие благоприятных предпосылок не означало автоматического превращения молодых членов партии в стойких борцов пролетарской революции. Этому в большей степени служила деятельность партийных коллективов, воспитывавших партийную молодежь и вовлекавших ее в практическую революционную работу.

Еще в условиях подполья на ряде крупных предприятий страны имелись большевистские ячейки. Но, как правило, первичной организацией партии считалась городская или районная организация. После же свержения царизма необходимость подготовки масс к социалистической революции требовала, а обстановка легаль-

¹ «Всероссийская перепись членов РКП 1922 года», вып. 4. М., 1923, стр. 38.

² Х. М. Астрахан. Указ. соч., стр. 700—702.

³ «Петроградские большевики в Октябрьской революции». Л., 1957, стр. 322.

ности и многочисленный приток в ряды РСДРП(б) новых членов этому благоприятствовали, чтобы партия обрела прочные опорные пункты непосредственно на фабриках и заводах, в воинских частях.

19 марта Московское областное бюро предложило создавать из членов партии, работающих на заводах, фабриках и в крупных мастерских, заводские организации, с тем чтобы они стали основными ячейками местной организации¹. Председатель Екатеринбургского комитета РСДРП(б) И. М. Малышев на первом же легальном партийном собрании в марте 1917 года поставил в качестве первоочередной задачи создание комитетов на фабриках и заводах². Тогда же признали необходимым образование заводских комитетов киевские большевики³. Большевики-правдисты Красноярска предлагали включить в Устав Красноярской организации РСДРП пункт, обязывающий членов партии вести «определенную работу по поручению одной из существующих партийных ячеек»⁴. Такая мера, по мнению правдистов, была необходима для того, чтобы новые члены партии, еще недостаточно зрелые, не смогли, пользуясь своей численностью, направить деятельность организации в нежелательное русло. Позднее, 10—13 апреля, представители правдистских групп на совещании в Красноярске отметили в своем решении, что «в основу партийного строительства должны быть положены фабрично-заводские, торгово-промышленные, профессиональные и т. п. ячейки и группы революционных с.-д., в совокупности своей образующие местные организации партии»⁵.

Уже в марте—апреле 1917 года широкая сеть фабрично-заводских партийных коллективов (ячеек) функционировала в большевистских организациях Москвы, Центрального промышленного района, Урала.

¹ См. «Революционное движение в России после свержения самодержавия», стр. 94.

² См. «Большевики Урала в борьбе за победу Октябрьской социалистической революции», стр. 45.

³ См. «Большевистские организации Украины (март—ноябрь 1917 г.)», стр. 216.

⁴ «Революционное движение в России после свержения самодержавия», стр. 174.

⁵ «Революционное движение в России в апреле 1917 г. ...», стр. 41.

Статистические данные о первичных партийных коллективах в Петрограде в 1917 году далеко не полны¹. Имеющиеся материалы — документы райкомов партии и главным образом многочисленные воспоминания рабочих Петрограда, опубликованные² и, преимущественно, неопубликованные, свидетельствуют, что в период подготовки Октября в Петрограде не менее чем на 120 промышленных предприятиях существовали оформленные большевистские коллективы³. К сожалению, документов самих первичных партийных коллективов, отразивших их деятельность в 1917 году, сохранилось немного. Имеются документальные материалы всего лишь трех ячеек: завода военно-врачебных заготовлений, Монетного двора и гильзового отдела Петроградского патронного завода⁴. Ознакомление с этими материалами помогает уяснить роль партийных ячеек в идейной и политической закалке молодых коммунистов.

Партийный коллектив завода военно-врачебных заготовлений был относительно небольшой (на партийных собраниях в июле — октябре 1917 года присутствовало от 41 до 85 человек). Его возглавлял член партии с 1915 года столяр С. П. Прохоров (в подполье — С. Иванов). Руководство большевиков-подпольщиков⁵,

¹ В сводке данных о большевистских организациях России в 1917 году учтены 34 первичные партийные организации на предприятиях столицы («Вопросы истории КПСС», 1958, № 2, стр. 137—140). Между тем еще в конце 1916 года в Петрограде насчитывалось до 84 нелегальных фабрично-заводских партийных ячеек (или групп). (См. «Партия большевиков в Февральской революции 1917 года», стр. 73.)

² Богатый материал о заводских большевистских организациях имеется в сборниках «В огне революционных боев. Районы Петрограда в двух революциях 1917 г.». М., 1967; М., 1971.

³ В том числе: в Выборгском районе — 26, на Петроградской стороне — 19, в Нарвско-Петергофском — 19, на Васильевском острове — 15, в Московско-Заставском — 17, 2-м Городском — 10. Остальные — в 1-м Городском, Литейном, Невском, Рождественском, Охтинском, Железнодорожном районах.

⁴ ЛПА, ф. 265, оп. 1, д. 1; ф. 248, оп. 1, д. 1; ф. 1430, оп. 1, д. 2.

⁵ В связи с открытием осенью 1917 года партийной школы при Петроградском райкоме партии С. П. Прохоров говорил: «Цель этой школы — выработка новых партийных работников, потому что в настоящее время штат партийных работников остался дореволюционный... В результате чего нет возможности выполнить всю работу, что жизнь накладывает на нашу партию» (ЛПА, ф. 265, оп. 1, д. 1, л. 23).

несомненно, способствовало восприятию молодыми коммунистами боевых традиций большевизма. 15 июня общее собрание большевиков завода, заслушав доклад С. П. Прохорова о предстоящей 18 июня демонстрации, постановило: «Выбрать лозунги из газеты „Правда“»¹. Комиссии из восьми человек было поручено заняться подготовкой демонстрации². Сразу же после событий 3—4 июля заводское собрание большевиков решило организовать по мастерским сбор подписей в знак протеста против травли В. И. Ленина и других деятелей партии, развернуть кампанию против попыток администрации осудить рабочих, участвовавших в демонстрации 4 июля, отчислить однодневный заработок в фонд партийной печати³. В связи с закрытием «Правды» партийный комитет организовал доставку на завод кронштадтской большевистской газеты «Пролетарское дело»⁴. На собрании 4 августа обсуждался вопрос о выборах депутатов в районный Совет. Некоторые из выступавших предлагали бойкотировать выборы до тех пор, пока не будут освобождены арестованные в июльские дни революционеры. После долгого обсуждения предложение о бойкоте было отклонено. Собрание наметило трех кандидатов в районный Совет, избрало комиссию из четырех человек, которой поручило агитацию за кандидатов-большевиков. Важность проведения в Совет представителей РСДРП(б) еще раз была подчеркнута на собрании 10 августа⁵.

Много внимания уделял партийный коллектив отряду Красной гвардии завода, политическому и нравственному воспитанию его бойцов. Большевикам-красногвардейцам предлагалось разъяснять своим товарищам по отряду недопустимость претензий на какие-либо особые привилегии и призывать их довольствоваться «только той уплатой, которая следует за нормальные дни работы». Партийная организация создала в красногвардейском отряде большевистскую фракцию «для правильной работы гвардии»⁶. В дни Октября руководимый большеви-

¹ ЛПА, ф. 265, оп. 1, д. 1, л. 1.

² Там же.

³ Там же, лл. 2—4об.

⁴ Там же, л. 5.

⁵ Там же, лл. 7об., 10.

⁶ Там же, л. 12.

ками заводской красногвардейский отряд принял активное участие в штурме буржуазной власти.

Вся обстановка в партийных коллективах — деловое обсуждение вопросов политики партии, непосредственное участие в ее осуществлении — воспитывала у коммунистов чувство личной причастности к тому, чем живет и за что борется партия.

Партийные организации, несмотря на ограниченность их тогдашних возможностей в деле идейного воспитания коммунистов, проводили немалую работу в этом направлении.

Новодеревенский подрайонный комитет Выборгского райкома партии 21 мая решил «пригласить из района постоянного пропагандиста, который начал бы учить с азбуки социального учения всех членов, вновь поступающих в партию»¹. В сентябре 1917 года лектор Петербургского комитета Горин² прочитал в партийной школе подрайона семь лекций о программах и тактике основных политических партий России³.

Московско-Заставский райком организовал для вступающих в партию занятия по Уставу и Программе партии, беседы о текущем моменте и о политических партиях⁴.

Литейный райком партии вынес 17 сентября решение: «Каждый тов. кандидат в члены партии до получения членского билета должен прослушать цикл популярных лекций... Принимаются следующие 5 тем... для прочтения еженедельно по средам с 7 час. вечера: 1) „Чего хотят социал-демократы“, 2) „Большевики и меньшевики“, 3) „Социал-демократы и социалисты-революционеры“, 4) „Интернационалисты и война“, 5) „Аграрный вопрос и социал-демократы“»⁵.

Общее собрание большевиков 2-го Городского района указало в июне, что созданный райкомом клуб наряду с постановкой лекций по злободневным вопросам дол-

¹ ЛПА, ф. 13, оп. 1, д. 1, л. 1.

² Псевдоним В. Ф. Галкина, члена партии с 1903 года. После революции 1905—1907 годов Горин-Галкин находился в эмиграции, где работал под непосредственным руководством В. И. Ленина. Вернулся в Россию в августе 1917 года (см. В. А. Кузько. В. Ф. Горин-Галкин. «История СССР», 1969, № 3, стр. 122—129).

³ ЛПА, ф. 1, оп. 1, д. 22, лл. 17, 19, 21, 24, 26, 29, 31.

⁴ ЛПА, ф. 4000, оп. 5, д. 1651, л. 2.

⁵ ЛПА, ф. 1430, оп. 1, д. 1, лл. 17—17об.

жен «уделять внимание устройству систематических лекций для уяснения марксистского учения»¹. Культурно-просветительная комиссия, руководимая П. М. Войтиком, 8 сентября постановила провести лекции на темы: «Разногласия в рядах социал-демократии» и «Империализм и социализм». Райком поручил комиссии устроить школу «по политическим и партийным вопросам»². Большое внимание идейному воспитанию молодых членов партии уделяли большевики Москвы и многие местные организации партии³.

Всё же курсы лекций, политшколы и тому подобные средства политического образования охватывали сравнительно небольшое число коммунистов. Основная масса членов партии получала в то время политическую подготовку, слушая большевистских ораторов, читая партийную прессу. Огромную роль в формировании коммунистической идеологии у членов партии имели работы и выступления В. И. Ленина. Об этом хорошо сказал рабочий-большевик Балтийского завода, оказавшийся в 1917 году на Юго-Западном фронте. Вспоминая, с каким интересом он и его товарищи на фронте читали большевистскую литературу, он заметил: «Мы крепили, впитывая в себя учение Ленина»⁴. Рабочий-большевик Франко-Русского завода Е. Н. Коротков вспоминал, что после выступления В. И. Ленина 12 мая 1917 года на многотысячном митинге на Галерном островке «рабочие начали вступать в партию... Завод стал наполовину большевистским»⁵.

Партийные коллективы на предприятиях были «узаконены» не сразу после их образования⁶. Потребовалось

¹ ЛПА, ф. 1817, оп. 1, д. 1, л. 11.

² ЛПА, ф. 1817, оп. 1, д. 14, лл. 1, 7.

³ В Уставе, принятом 1 октября 1917 года Тамбовской губернской конференцией большевиков, указывалось на необходимость «поднимать уровень партийного развития как имеющихся уже, так и вновь вступающих членов посредством устройства лекций, рефератов и т. д.» (см. «Борьба рабочих и крестьян под руководством большевистской партии за установление и упрочение Советской власти в Тамбовской губернии (1917—1918 годы)». Тамбов, 1957, стр. 57).

⁴ «Балтиец», 12 октября 1932 г.

⁵ «Красная летопись», 1923, № 9, стр. 32.

⁶ Показательно, что Петроградская общегородская конференция в апреле 1917 года исключила содержащийся в проекте Устава пункт, гласивший: «Основной единицей Петербургской организации являются местные и заводские ячейки». Конференция ограничилась тем, что в примечании к пункту Устава о райкомах партии

известное время, чтобы на основе обобщения опыта работы партийных ячеек их функции были очерчены в Уставе РСДРП(б). Осенью 1917 года Петербургский комитет составил «Инструкцию заводским и фабричным партийным коллективам», 1-й пункт которой гласил: «Все члены партии, работающие на одном предприятии, [в] мастерской и т. д., объединяются в партийный коллектив». Первоочередными задачами партийных коллективов инструкция признала: «а) Проведение в массы партийных лозунгов и решений, б) привлечение в партию новых членов»¹.

Преобладание пролетарских элементов среди новых членов партии и создание под руководством испытанных партийных кадров строго оформленных коллективов на предприятиях в огромной степени обусловило то, что РСДРП(б), став за несколько месяцев легального существования массовой партией, не стала от этого менее монолитной и сплоченной. Это особенно ярко проявилось в июле 1917 года, когда контрреволюция обрушила на партию массовые репрессии и с новой силой развернула разнузданную клеветническую кампанию против ее вождя. Конечно, нашлись в партии неустойчивые, случайные элементы, не выдержавшие испытания. Они оказались вне партии. Но их было немного. Из доклада представителей райкомов на заседании Петербургского комитета 10 июля видно, что случаи выхода из партии были единичны². На заседании Новодеревенского подрайонного комитета партии 31 августа представители большинства заводских партийных коллективов подрайона (присутствовали делегаты девяти коллективов) отметили, что июльские события не ослабили их организаций и не подорвали влияния и авторитета партии большевиков. Представитель завода «Струк» говорил,

указала: «При районных комитетах могут организоваться подрайоны и заводские коллективы для более планомерного ведения практической работы» («Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б)...», стр. 27, 30). Одним из первых признал фабрично-заводские партийные коллективы в качестве низшей организационной единицы Устав Саратовской организации РСДРП(б), принятый общегородской конференцией 23 июня 1917 года (см. «1917 год в Саратовской губернии», стр. 102).

¹ ЛПА, ф. 1, оп. 1, д. 4, л. 6. По-видимому, эта инструкция была утверждена 23 сентября 1917 года собранием организаторов партийных коллективов (см. «Рабочий путь», 29 сентября 1917 г.).

² См. «Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 году», стр. 210—214.

что июльские события напугали лишь некоторых новичков в партии, но не массу. С завода Пузырева докладывали: «Собрания партийного коллектива проходят регулярно». С завода Зеленова-Зимина: «3 и 5 июля не пошатнуло настроений членов и масс. Проведена резолюция протеста против клеветы на Ленина и других. Сильная война с эсерами». Положение на Русско-Балтийском заводе характеризовалось так: «Партийная и другие организации только налаживаются и члены партии увеличиваются. 3—5 июля с. г. не отразилось и на членах и на массе». Докладчик с завода Щетинина сообщал, что влияние большевиков на массы в результате июльских событий укрепилось, лишь некоторые члены партии растерялись. «Партийный коллектив функционирует хорошо». На заводе Слюсаренко: «Партийная организация начинает налаживаться. Были собрания коллектива. 3—5 июля не отразились». Представитель завода Лебедева сообщил, что на перевыборах в Петроградский Совет вместо эсера был избран большевик. Лишь представители двух коллективов отметили ухудшение дел после июльских событий: на заводе «Экваль» и в Авиационной школе¹.

Без значительных потерь вышли из июльского кризиса и местные большевистские организации. «В общем работа налаживается с удвоенной энергией, — писали в ЦК из Ростово-Нахичеванского комитета 28 июля. — Спокойствие полное, растерянности не наблюдается»². Из Коломны в конце июля сообщали: «После 3—5 июля было смятение даже среди организованных товарищей. Были уходы из организации. Но сейчас замечается со стороны широких масс интерес к деятельности большевиков»³. На II Уфимской губернской конференции (начало августа 1917 года) делегат Миньярской организации говорил, что после проведения чистки организации от колеблющихся осталось 600 человек (было 700) — исключительно рабочие⁴.

Итак, большевики добились в своем партийном строительстве в период подготовки Октября создания,

¹ ЛПА, ф. 13, оп. 1, д. 1, лл. 11—11об.

² «Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б)...», т. 1, стр. 151.

³ «Подготовка и победа Октябрьской революции в Москве. Документы и материалы». М., 1957, стр. 175.

⁴ См. «Борьба за Советскую власть на Южном Урале (1917—1918). Сб. документов и материалов». Челябинск, 1957, стр. 94.

как того требовал В. И. Ленин, крепких, дружных большевистских организаций на заводах и в воинских частях, от которых прямые нити шли к Центральному Комитету партии. И нити эти были крепкие, постоянные, все время укрепляемые, тщательно проверяемые, чтобы враг не мог застать партию врасплох¹.

4. В БОРЬБЕ ЗА ПОЛНОВАСТИЕ СОВЕТОВ

Переход к социалистической революции большевистская партия связывала с установлением единовластия Советов — выразителей воли рабочего класса и широчайших трудящихся масс страны, готовой формы диктатуры пролетариата. Советы, несмотря на свой авторитет и влияние, оставались на положении полувласти не из-за сопротивления Временного правительства (оно не располагало материальной силой, чтобы помешать установлению единовластия Советов), а потому, что массы бессознательно-доверчиво относились к буржуазии и ее власти. Революция, отмечал Ленин, «проделывает «шаг на месте» не из-за внешних помех, не из-за насилия со стороны буржуазии... а из-за доверчивой бессознательности масс»².

Перемены, происшедшие в стране после свержения царизма, были поначалу восприняты народом как наступление эры свободы, равенства и братства.

Еще 9 января 1917 года на одной из улиц Выборгской стороны столицы городской схватил молодого рабочего А. Кондырева и привел в участок только за то, что он... вынул из кармана красный носовой платок и взмахнул им³. А менее чем через два месяца красный цвет стал самым популярным. Повсюду красные флаги, кумачом украшенные трибуны, алые банты на лацканах сюртуков буржуа и куртках пролетариев — все это создавало иллюзию единения всех классов и сословий. Буржуазная печать всячески внедряла подобные настроения в сознание масс. В мартовские дни в Одессе распространялся плакат, на котором рядом с портретами Маркса и Энгельса, Лассалья и Желябова были

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 337—338.

² Там же, стр. 157.

³ ЛПА, ф. 4000, оп. 5, д. 1259, л. 6.

изображены... Брешко-Брешковская и Керенский, Милуков, Родзянко и Коновалов. Как ни нелепы были старания приверженцев Временного правительства представить перебежчиков в лагерь буржуазии и даже министров-капиталистов в роли борцов за народное дело и наследников революционного прошлого, эти попытки были не совсем безуспешны, тем более что подобные настроения культивировались всеми буржуазными партиями. «Биржевые ведомости» писали о звоне колокола, который «разносит благовест свободы по всему лицу земли Российской». В том же духе витийствовала эсеровская газета «Земля и воля». Меньшевики и эсеры призывали массы к доверию Временному правительству, которое будто бы под контролем Советов способно решить насущные задачи революции. После вступления в начале мая министров-«социалистов» во Временное правительство Церетели возвестил, что «создана власть, которая опирается на весь народ и едина в своих стремлениях со всем народом»¹.

В условиях, когда трудящиеся массы еще не осознали необходимости борьбы за победу социалистической революции, В. И. Ленин считал единственно правильной для партии тактикой терпеливую и повседневную разъяснительную работу, сочетаемую с решительным требованием мирного перехода всей государственной власти к Советам, с тем чтобы массы собственным опытом избавились от своих ошибок и иллюзий и убедились в предательстве соглашателей. Пропаганда и агитация большевиков были всецело направлены на то, чтобы рабочие, солдаты и крестьяне, пролетарии города и деревни, четко уяснили себе, что до тех пор, пока государственная власть находится в руках буржуазии, не может быть выхода из тупика, в который завели страну и революцию капиталисты вкупе с мелкобуржуазными соглашателями.

¹ «Стенографический отчет заседаний Всероссийского съезда офицерских депутатов армии и флота в г. Петрограде с 8 по 27 мая 1917 г.», т. 1. Пг., 1917, стр. 115. Военная организация при ЦК РСДРП(б) делегировала на съезд А. И. Тарасова-Родионова (его фамилия фигурирует в списке делегатов съезда — см. там же, стр. 509). Тарасов-Родионов пишет, что в день открытия съезда он был у В. И. Ленина в редакции «Правды» и получил совет, как ему действовать на съезде (см. «Живой Ленин. Воспоминания писателей о В. И. Ленине». М., 1965, стр. 119—120).

Пропагандистско-воспитательная работа большевистской партии чрезвычайно осложнялась тем, что противники большевиков располагали гораздо более значительными материальными ресурсами для воздействия на массы. Достаточно сопоставить количество ежедневных газет (на русском языке), издававшихся в Петрограде в первые месяцы революции. Эсеры и меньшевики выпускали 11 газет; кадеты — две партийные и большое число формально беспартийных газет¹; у большевиков же имелись лишь две газеты — «Правда» и «Солдатская правда». По словам В. И. Ленина, кадеты и правые, объединенные в правительстве с соглашателями, имели перевес над своими политическими противниками в главном орудии агитации — количестве экземпляров ежедневных газет — «в десять, если не во сто раз»². Неизмеримо меньшими по сравнению с другими партиями были возможности большевиков и в издании массовой литературы³.

Ограниченные возможности большевистской партии в развертывании агитации и пропаганды, обусловленные недостатком средств и малочисленностью кадров, в известной степени компенсировались исключительной активностью и целеустремленностью, которые проявили партийные организации в этом деле. Уже тот факт, что Центральный Орган партии — газета «Правда» начала регулярно выходить с 5 марта, тогда как еще в первые дни марта она не имела ни редакции, ни конторы, ни типографии, свидетельствует о настойчивости и энергии, проявленной большевиками, и о поддержке их передовыми рабочими. Аналогичная картина была и в губерн-

¹ Эсеровские газеты — «Дело народа», «Земля и воля», «Воля народа», «Революционный народ», «Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов»; меньшевистские — «Рабочая газета», «День», «Единство», «Новая жизнь»; эсеро-меньшевистские — «Известия Петроградского Совета», «Голос солдата»; кадетские — «Речь», «Свободный народ», а также «Биржевые ведомости», «Вечернее время», «Новое время», «Русская воля» и др.

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 216.

³ Общий тираж издательства ЦК РСДРП(б) «Прибой» с марта по июль 1917 года составлял примерно 1,5 млн. экз., а тираж произведений эсеровского издательства «Земля и воля» (Москва) за это время превысил 4 млн. экз. Оборот «Прибоя» в июле составил 55 тысяч рублей, а оборот эсеровского издательства «Революционная мысль» (Петроград) в этом месяце — 363 тысячи рублей (см. «Шестой съезд РСДРП(б)», стр. 39—40; «Дело народа», 26 июля и 10 августа 1917 г.).

ских городах. Из 14 большевистских комитетов, оформившихся сразу после выхода из подполья, 9 комитетов уже в марте стали издавать газеты, еще 2 — в апреле и мае и только 3 (Смоленский, Тверской, Грозненский) не смогли до Октября организовать выпуск газеты. В июле большевистские газеты регулярно выходили в 35 пунктах страны, причем в некоторых городах (Петрограде, Москве, Риге, Тифлисе, Баку) издавалось 2—3 газеты.

Пять десятков большевистских газет, из которых только 17 было ежедневных, не затерялись среди многих сотен кадетских, эсеровских, меньшевистских и выступавших под флагом беспартийности газет фабрикантов и заводчиков. Напротив, голос большевистской печати отчетливо разносился по стране, и с каждым днем к нему прислушивалось все больше и больше людей. Буржуазной и соглашательской прессе не удалось злобными нападками на большевиков («Правде» приходилось систематически отвечать на выпады враждебных ей газет и наносить ответные удары) подорвать доверие масс к большевистскому слову. Приковывая внимание к самым актуальным вопросам — о мире, о земле, о власти, — указывая радикальный путь их решения, большевистские газеты привлекали к себе внимание широчайших масс. Небольшие по объему (малый формат газет заставлял экономить каждую строку), боевые и деловитые, ясно и убедительно написанные статьи большевистских журналистов и рабкоров будили мысль миллионов трудящихся, поднимали их на революционную борьбу. Сила воздействия большевистской печати возрастала от того, что она, независимо от профиля (общепартийная, рабочая или солдатская), места издания и языка, на котором выходила, была едина, устремлена к одной цели — мобилизации масс на пролетарскую революцию. Местная большевистская печать равнялась на руководимую Лениным «Правду», систематически перепечатывала из нее важнейшие материалы.

Большевики развернули также в широком масштабе устную агитацию. Они шли к рабочим и солдатам, подчас настроенным враждебно или предвзято, и убедительно, доступно и страстно излагали цели партии. Характерно, что В. И. Ленин чаще выступал там, где большевистская партия не успела еще упрочить свои позиции. Так, 15 апреля Исполнительная комиссия солдатской секции Петроградского Совета под влиянием

эсеров и меньшевиков приняла резолюцию, в которой назвала большевистскую пропаганду «не менее вредной, чем всякая контрреволюционная пропаганда справа»¹. 17 апреля Владимир Ильич прибыл в Таврический дворец, выступил на заседании солдатской секции с изложением взглядов большевиков по основным вопросам революции, ответил на вопросы солдат. Под влиянием ленинской речи рядовые депутаты солдатской секции стали по-другому смотреть на большевиков. «Солдатская правда» писала, что, выслушав речь Ленина, те, «кто по недоразумению стояли против него, теперь выражали восторг. Речь Ленина оставила неизгладимое впечатление»².

Когда 12 мая В. И. Ленин появился перед многотысячным коллективом рабочих Франко-Русского и Адмиралтейского заводов на Галерном островке, ему аплодировала лишь небольшая группа большевиков, а по окончании его речи — все присутствовавшие. Рабочий Адмиралтейского завода Шилов вспоминает, что в течение многих дней на заводе горячо обсуждали сказанное Ильичем. Выступление же известного меньшевика министра-«социалиста» М. И. Скобелева, вскоре после Ленина приехавшего на завод, мало кто дослушал до конца. «О его речи, — пишет Шилов, — на заводе никто не только не спорил, но даже не вспоминал»³.

В первой же половине мая В. И. Ленин прибыл на многотысячный митинг в вагонные мастерские Александровского завода. Когда председательствовавший представил слово Владимиру Ильичу, эсеровские деятели пытались сорвать выступление. Но после того как он начал говорить, воцарилась тишина. Собравшиеся напряженно слушали вождя большевистской партии. Ему горячо аплодировали после окончания речи⁴. Примерно то же было на Обуховском, Трубочном⁵, Путиловском заводах, где выступал Ленин. Предвзятость, настороженность и даже враждебность к большевикам сменялись раздумьем над программой ленинской партии. На этих

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 279.

² «Солдатская правда», 23 апреля 1917 г.

³ ЛПА, ф. 4000, оп. 5, д. 1554, л. 2.

⁴ См. А. Великанова. Великий народный трибун. В кн.: «Живое слово Ильича». Л., 1963, стр. 15—21.

⁵ ЛПА, ф. 4000, оп. 5, д. 1634, лл. 12—14.

предприятиях позиции большевиков резко усилились, число их сторонников стало быстро расти.

Борьбу за массы большевики успешно развертывали и в армии и на флоте. Большевистским агитаторам уже в апреле—мае 1917 года нередко удавалось учинять полный разгром не только буржуазным, но и эсеро-меньшевистским ораторам на столь частых в то время солдатских и матросских митингах¹.

Большевики не упускали ни одной возможности для политического просвещения масс. Активно использовали они трибуну Советов, основную арену, на которой развертывались жаркие бои между представителями различных политических направлений. Например, в Винницком Совете, где в первые месяцы революции было лишь три большевика, они по каждому более или менее важному вопросу брали слово, обличали соглашателей, знакомили рядовых депутатов и многочисленных гостей, обычно присутствовавших на заседаниях, со взглядами партии. Состоявшиеся в июне новые выборы привели к созданию в Винницком Совете влиятельной большевистской фракции².

Благоприятная возможность для развертывания агитации в массах, для пробуждения и развития их политического сознания создавалась в связи с выборами в органы местного самоуправления. Большевики Петрограда в ходе муниципальных выборов в мае—июне 1917 года разъясняли массам расстановку классовых и партийных сил, коренное отличие большевистской партии от буржуазных и соглашательско-оборонческих партий, обосновывали свою программу решения главнейших проблем революции. В противовес соглашателям, стремившимся убедить рабочий класс, будто политическое положение России после свержения царизма определяется отношением двух общественных сил — буржуазии и «революционной демократии», большевики указывали на наличие трех классов — пролетариата, буржуазии и мелкой буржуазии, раскрывали цели основных партий,

¹ См., напр., В. Залежский. Гельсингфорс весной и летом 1917 г. «Пролетарская революция», 1923, № 5(17), стр. 122; П. З. Сивков. Кронштадт. Страницы революционной истории, стр. 134—136.

² См. Н. Тарногородский. Возникновение и первые шаги большевистской организации на Подолии. «Летопись революции», 1923, № 5, стр. 216—218.

помогали массам сделать правильный выбор между ними. Собрание большевиков Петроградской стороны столицы специально обсудило вопрос, как на предстоящих выборах в районную думу популярно разъяснять массам различие между основными партиями¹. Опубликованная 7 и 9 мая в «Правде» муниципальная платформа партии убедительно доказывала невозможность без перехода всей полноты власти к Советам разрешить в интересах трудящихся и вопросы местной жизни.

Большевистская партия стремилась не только разъяснить массам необходимость социалистической революции, но и вовлечь их в непосредственную практическую борьбу за торжество революции. Политические противники, лидеры мелкобуржуазных партий, спекулируя на новизне выдвинутой большевиками задачи, на действительной сложности и трудности ее, на отсутствии апробированного историей опыта победоносной пролетарской революции, запугивали массы, внушали им, будто большевики стремятся немедленно «ввести» социализм, что приведет к анархии, к катастрофе. В. И. Ленин считал крайне важным опровергнуть эти измышления, деморализующие массы. Еще в канун 1917 года Ленин отмечал, что революционная партия не вправе ограничиваться общим призывом к социализму, а должна указывать, как конкретно в данной обстановке бороться за приближение социалистического идеала. «Вся агитация за социализм должна быть из абстрактной и общей переделана в конкретную и непосредственно практическую...»² — писал В. И. Ленин в конце декабря 1916 года. В другом месте он отмечал: «...теперь дело идет не об общем противопоставлении двух социальных систем, а о конкретной цели конкретной «революционной массовой борьбы» против конкретного зла, а именно против сегодняшней дороговизны, сегодняшней военной опасности или теперешней войны»³.

¹ Собрание так определило позиции политических партий: кадеты мечтают на народной крови составить капитал, они зовут к внутреннему успокоению и внешнему братоубийству; меньшевики и эсеры — это партии «подожди», так как они призывают массы к ожиданию; только большевики толкают революцию вперед и призывают к борьбе с империализмом (ЛПА, ф. 6, оп. 1, д. 1, лл. 12об.—13).

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 279.

³ Там же, стр. 214.

В 1917 году эти указания приобрели первостепенное значение. Партия применила их поистине мастерски. Лозунги, выдвигавшиеся большевиками в период подготовки Октября, замечательно отвечали как насущным интересам широчайших народных масс, так и задачам подведения их к социалистической революции. Такими лозунгами были: установление рабочего контроля над производством и распределением продуктов, организованный захват помещичьей земли, братание на фронте. Близкие, понятные массам, они горячо ими поддерживались. В то же время осуществление этих лозунгов втягивало сотни, тысячи, миллионы рабочих, солдат, крестьян в борьбу против буржуазной власти, за победу социалистической революции.

Рассмотрим деятельность партии вокруг каждого из этих лозунгов. Начнем с требования контроля над производством.

Временное правительство оказалось неспособным остановить прогрессирующий паралич хозяйственной жизни. Промышленное производство сократилось по сравнению с 1916 годом на 36,4 процента и составило 77,3 процента от уровня 1913 года¹. Из-за развала транспорта продовольствие и промышленная продукция не доставлялись своевременно потребителю. Стране угрожали голод, бестоварье, безработица.

Рабочий класс, более других классов страдавший от усиливавшейся экономической разрухи, повел через фабзавкомы борьбу против саботажа капиталистов. Фабзавкомы самочинно устанавливали контроль над производством. Об этом сообщали на Апрельской конференции РСДРП(б) представители партийных организаций Урала, Поволжья, Донбасса и других районов страны. Большевицкая партия всемерно поддерживала рабочий контроль над производством и распределением продуктов, раскрывала его значение не только для решения задач сегодняшнего дня, но и для победы социалистической революции².

¹ «Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Документы и материалы», ч. 1. М.—Л., 1957, стр. 16.

² См. «Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б)...», стр. 257—258; см. также В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 305—306.

Подавляющее большинство делегатов 1-й конференции фабрично-заводских комитетов Петрограда¹ поддерживало не министра труда Временного правительства меньшевика М. И. Скобелева, ратовавшего за «государственное регулирование», а В. И. Ленина, выступившего 31 мая на конференции с обоснованием необходимости рабочего контроля над производством. «...Мы, рабочие, — говорил делегат конференции Черняков, — уже фактически осуществляем этот контроль на местах...» Другой делегат заявил: «Мы должны привыкнуть к ведению производства для того, чтобы впоследствии взять в свои руки заводы...»² Написанная Лениным резолюция была принята конференцией 297 голосами против 21 при 44 воздержавшихся. Перечислив необходимые меры для спасения страны от катастрофы, резолюция в заключение подчеркивала: «Планомерное и успешное проведение всех указанных мер возможно лишь при переходе всей государственной власти в руки пролетариев и полупролетариев»³. Идеино-политическое преобладание большевиков в фабзавкоммах Петрограда конференция закрепила организационно, избрав в состав Центрального совета фабзавкомов 19 большевиков из 25 его членов.

Конференция фабрично-заводских комитетов Петрограда показала, что за три месяца, прошедшие после свержения царизма, большевики сумели сделать идею социалистической революции понятной и близкой большинству рабочих столицы (определенная часть находилась еще в плену у соглашателей). Большевистская ориентация фабрично-заводских комитетов имела особо важное значение, так как всей своей деятельностью (наладившая контроль над производством, осуществляя хо-

¹ На конференции, состоявшейся 30 мая — 3 июня 1917 года, присутствовало 568 делегатов, представлявших 367 фабрично-заводских комитетов. См. подробнее: Д. А. Коваленко. Борьба фабрично-заводских комитетов Петрограда за рабочий контроль над производством (март—октябрь 1917 г.). «Исторические записки», 1957, № 61; А. Г. Егорова. Профсоюзы и фабзавкомы в борьбе за победу Октября. М., 1960; Л. С. Гапоненко. Рабочий класс России в 1917 году. М., 1970, стр. 290—302; В. И. Селицкий. Массы в борьбе за рабочий контроль (март—июль 1917 г.). М., 1971.

² «Первая рабочая конференция фабрично-заводских комитетов». Пг., 1917, стр. 27, 51.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 197.

зяйственно-распорядительные функции и т. д.) они подготовляли рабочих к революции против буржуазии, обучали их в политическом и хозяйственном отношениях.

Привлечению на сторону пролетарской революции деревенской бедноты служил выдвинутый партией лозунг организованного захвата помещичьей земли. После свержения царизма крестьянство было убеждено, что отныне нет больше помех для осуществления их вековой мечты. Все постановления крестьянских сходов и съездов пронизывало требование безвозмездной передачи помещичьей земли народу. В основном стремления крестьянства совпадали с требованиями, выдвинутыми резолюцией Апрельской конференции РСДРП(б) по аграрному вопросу (немедленная и полная конфискация помещичьих земель, переход их в руки крестьянства, национализация всех земель в стране). Но взгляды большевиков на пути реализации аграрной программы в первые месяцы революции еще не нашли поддержки среди основной массы крестьянства. Поддавшись влиянию эсеров и меньшевиков, оно готово было подождать с получением земли до Учредительного собрания, полагая, что созыв его — дело самого ближайшего времени. Большевистская же партия стремилась вывести крестьян из состояния пассивного ожидания реформ «сверху», побуждала их к революционным действиям.

Подчеркивая важность развития революционной инициативы масс, В. И. Ленин при обсуждении Апрельской конференцией резолюции по аграрному вопросу предложил сказать вначале о том, что партия решительно выступает за немедленный переход всех земель в руки крестьянства, организованного в Советы крестьянских депутатов, а потом уже о национализации всех земель. Большевистская резолюция нацеливала крестьян на борьбу за землю, а не на пассивное ожидание желанного закона¹.

14 мая на съезде крестьянских депутатов Владимирской губернии большевик М. П. Андреев высказался «за немедленный организованный захват всех земель в пользу трудового населения»². Но эсеры добились

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 424, 426—427.

² «Советы крестьянских депутатов и другие крестьянские организации», т. 1, ч. 1. М., 1929, стр. 64.

отклонения предложения большевиков. Принятая губернским съездом резолюция осуждала «самостоятельный захват земли» и предлагала крестьянам ждать решения вопроса о земле Учредительным собранием. Подобные резолюции были приняты почти на всех губернских крестьянских съездах, происходивших в марте — мае 1917 года¹. Тем не менее эсеровские лидеры очень опасались воздействия аграрной программы большевиков на делегатов I Всероссийского съезда крестьянских депутатов, проходившего в Петрограде в мае 1917 года.

Немногочисленная фракция большевиков, работавшая под непосредственным руководством В. И. Ленина, выступала на съезде за объявление земли всенародной собственностью и немедленную передачу помещичьих земель крестьянам безвозмездно. Это было заявлено уже на одном из первых заседаний съезда, 7 мая. При обсуждении резолюции об отношении к Временному правительству М. В. Фрунзе (Михайлов) от имени «группы 14 беспартийных» заявил, что его сторонники «не настаивают на захвате земли, а лишь требуют немедленного объявления ее всенародной собственностью»².

Предложение было отвергнуто. Эсеровский президиум пытался изолировать большевистскую фракцию съезда, ущемить ее права (фракция вынуждена была заявить протест по поводу недопустимого, оскорбительного отношения к ней со стороны президиума и отдельных делегатов). Вопреки всем препонам большевики находили путь к участникам съезда. 8 мая было распространено «Открытое письмо к делегатам Всероссийского съезда крестьянских депутатов», написанное накануне Лениным (11 мая оно было опубликовано «Солдатской правдой») ³. 17 мая делегаты получили отпечатанный в виде листовки «Проект резолюции по аграрному вопросу, представленный В. Лениным на Всероссийский Совет крестьянских депутатов от имени с.-д. фракции». Вождь партии большевиков рекомендовал крестьянству «организованно, через свои Советы крестьянских депутатов, брать всю землю на местах немедленно...»⁴.

¹ См., напр., «Революционное движение в России в апреле 1917 г. ...», стр. 571, 585, 603, 652, 657; «Революционное движение в России в мае—июне 1917 г. ...», стр. 401, 424.

² «Дело народа», 9 мая 1917 г.

³ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 43—47.

⁴ Там же, стр. 165.

20 мая от имени группы большевиков и беспартийных М. В. Фрунзе внес предложение предоставить слово В. И. Ленину, прибывшему на съезд. Президиум отказал¹. Владимир Ильич смог выступить только на утреннем заседании 22 мая. Он показал в своей речи, что немедленный, организованный захват помещичьих земель крестьянством обеспечит верный, надежный путь к окончательному установлению земельных распоряжений Учредительным собранием или Всероссийским Советом Советов. В. И. Ленин раскрыл перед делегатами клеветнический характер обвинений большевиков в анархизме, в призыве к самоуправству. «У нас с нашими противниками, — говорил Ленин, — основное противоречие в понимании того, что есть порядок и что есть закон. До сих пор смотрели так, что порядок и закон — это то, что удобно помещикам и чиновникам, а мы утверждаем, что порядок и закон — есть то, что удобно большинству крестьянства»².

Чтобы парализовать влияние речи В. И. Ленина, эсеры дали обещание делегатам съезда добиться немедленного запрещения купли-продажи земли, на чем решительно настаивали крестьяне, и сосредоточить все дело подготовки аграрной реформы в руках земельных комитетов. Ценой этих обещаний эсерам удалось получить согласие съезда подождать с решением земельного вопроса до Учредительного собрания и не предпринимать до этого, как предлагали большевики, организованного захвата помещичьей земли. Но принятие эсеровских резолюций и почти единогласное избрание эсеровских лидеров в состав ЦИК Советов крестьянских депутатов не означали, что выступление Ленина прошло бесследно. Даже эсеровское «Дело народа» отмечало огромный интерес, проявленный делегатами к ленинской речи. «Отдельные места речи Ленина, — писала газета, — вызывали возгласы одобрения и аплодисменты части зала. С большим трудом удалось председателю восстановить тишину в взволнованном после доклада Ленина собрании»³.

Но если большинство съезда, поддавшись уговорам эсеровских лидеров, отклонило большевистскую резолю-

¹ См. «Дело народа», 21 мая 1917 г.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 174.

³ «Дело народа», 24 мая 1917 г.

цию, надеясь получить землю «законным» путем, то деревенская беднота многих районов страны, ничего об этом не ведая, самочинно встала на такой путь решения аграрного вопроса, какой предлагала партия Ленина. Так, несмотря на постановление съезда крестьян Симбирской губернии «не нарушать землепользования до Учредительного собрания», Анастасовский волостной комитет этой губернии, в ответ на несогласие местных помещиков сдавать землю по установленной комитетом арендной плате, решил производить посевы вопреки воле помещиков¹. 9 апреля 1917 года симбирский губернский комиссар доносил в Петроград, что в губернии и в соседних уездах Самарской губернии крестьяне самовольно производят захват частновладельческих земель².

По неполным данным, в марте было 49 выступлений крестьян, в апреле — 216, в мае — 259, в июне — 577³. Даже представители буржуазной власти вынуждены были признать большую организованность крестьянского движения после Февральской революции. «На протяжении всей революции, — говорилось в отчете отдела сношений с провинцией Временного комитета Государственной думы за март—май 1917 года, — замечается сравнительно малое количество эксцессов... Но вместо эксцессов существуют и все более растут приемы мирного выживания и устранения от земли всех крупных и мелких собственников»⁴.

Большевистская партия решительно поддерживала борьбу крестьян за землю, убеждала их в необходимости, не дожидаясь Учредительного собрания, немедленно и организованно ликвидировать помещичье землевладение. В. И. Ленин в статье «Совет или приказ Шингарева и совет одного местного Совета рабочих и солдатских депутатов», опубликованной в «Правде» 22 апреля, привел как пример, достойный подражания, решение Аккерманского Совета рабочих и солдатских депутатов о реквизиции для посевов всех свободных частновладельческих земель ввиду невозможности добровольных согла-

¹ См. «Революционное движение в России в апреле 1917 г. ...», стр. 583.

² См. там же, стр. 585.

³ И. И. Минц. История Великого Октября, т. 2, стр. 501.

⁴ «Красный архив», 1926, т. 2(15), стр. 45.

шений с помещиками¹. В. И. Ленин поддержал также инициативу крестьян Пензенской губернии, изымавших у помещиков сельскохозяйственный инвентарь и обращавших его в общественную собственность². Большевики решительно разоблачали утверждения буржуазных и мелкобуржуазных партий, будто изъятие крестьянами помещичьей земли до Учредительного собрания является «самоуправством», «анархией». Этими «страшными» словами враги революции пытались сковать волю крестьян, обречь их на пассивную покорность помещикам. Стремясь всемерно развить революционную самостоятельность деревенской бедноты, большевики разъясняли, что организованное решение ею аграрного вопроса на месте — не самоуправство и анархия, а проявление подлинной демократии, требующей решать вопросы по большинству.

Во всей агитации и пропаганде среди беднейшего крестьянства большевики проводили мысль о том, что только в союзе с рабочим классом, победив капиталистов, крестьяне добьются перехода земли в руки народа. «Только действуя дружно, организованно, вместе с рабочими, крестьянам удастся, наконец, получить обратно свою землю от помещиков», — писала «Солдатская правда» 26 апреля 1917 года. В статье «Как и почему крестьян обманули?», опубликованной в «Правде» 1 июля, В. И. Ленин раскрыл причину, в силу которой эсеры, вопреки своим обещаниям, не добились запрещения купли-продажи земли в законодательном порядке. Причина, разъяснял В. И. Ленин, в том, что страной правит блок двух блоков — кадетов с монархистами-помещиками и эсеров с меньшевиками. «Не в блоке (союзе) с капиталистами, а только в союзе с рабочими смогут крестьяне добиться своих целей»³.

Особое внимание большевистская партия придавала вовлечению в революционную борьбу против буржуазной власти солдат и матросов. Проклиная войну, настойчиво требуя быстрее ее окончания, они, однако, в большинстве своем еще не нашли правильного пути, ведущего к достижению желанного мира. В обращении Петроградского Совета «К народам всего мира», в резо-

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 317—318.

² См. там же, стр. 420.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 403.

люции Всероссийского совещания Советов о войне (март 1917 г.) солдаты увидели то, что им больше всего хотелось — признание необходимости быстреего заключения справедливого, демократического мира. Они одобрительно и доверчиво восприняли призывы этих документов «к защите революционной России», считая необходимым обороняться до тех пор, пока Временному правительству и Петроградскому Совету не удастся осуществить демократическую программу мира. Но под влиянием фактов и благодаря разъяснительной работе большевистской партии солдаты начинали постепенно избавляться от иллюзий революционного оборончества.

Вскоре после того, как Временное правительство приняло 27 марта широковещательную «миролюбивую» декларацию, П. Н. Милюков, выступая в Москве, дал ясно понять, что цель правительства — продолжение захватнической войны. Военный министр А. И. Гучков выступал на фронте с призывами разгромить Германию и Австро-Венгрию. Все это не осталось незамеченным. 17 апреля съезд солдатских, рабочих и крестьянских депутатов тылового района Северного фронта, обсудив вопрос о войне, констатировал, что «отдельные члены кабинета своими выступлениями и действиями вызывают тревогу в русской демократии за будущность русской революции»¹. После же опубликования ноты Милюкова от 18 апреля, в которой определенно говорилось об империалистических планах Временного правительства, движение протеста широко развернулось по всей армии, в тылу и на фронте. На проходившем в Петрограде в конце апреля — начале мая совещании фронтовых делегатов многие ораторы открыто выражали недоверие Временному правительству. 18 апреля, говорил делегат Грилянт, Временное правительство разорвало ту декларацию, которую оно написало 27 марта. «...Мы доверяем только тем, — отмечал делегат Мельников, — которые будут избраны из среды рабочих и солдатских депутатов, к ним будет полное доверие, и эти люди сделают то, что нужно Родине»². Но, отметив захватнический харак-

¹ «Журналы заседаний съезда солдатских, рабочих и крестьянских депутатов тылового района Северного фронта». Псков, 1917, стр. 8.

² «Стенографический отчет делегатов фронта. Заседание 4 мая», стр. 11, 15.

тер войны, совещание не смогло найти путей выхода из нее. Оно лишь выразило пожелание Петроградскому Совету «принять самые энергичные действительные меры к ликвидации этой кровавой бойни на основах отказа всех воюющих стран от аннексий, контрибуций и на началах свободного самоопределения народов»¹.

Основная масса солдат продолжала надеяться, что справедливого, демократического мира можно достигнуть в результате деятельности Петроградского Совета и его представителей во Временном правительстве. Делегат одной из армий Северного фронта обосновывал необходимость доверия Временному правительству тем, что «рядом с ним стоит Совет Р. и С. Д., который не допустит торжества богачей, кулаков над рабочим и крестьянским людом»².

Большевики настойчиво, устно и печатно, разъясняли, что нельзя выйти из войны и добиться демократического мира без свержения власти капитала. На вопрос «Есть ли путь к справедливому миру?», вынесенный Лениным в заглавие статьи, он дал лаконичный и определенный ответ: «Есть — через рабочую революцию против капиталистов всех стран. Россия сейчас ближе всех к началу такой революции»³.

Главное, чего добивалась большевистская партия, — это преодолеть распространенные среди солдат настроения пассивного ожидания мира, вовлечь их в борьбу за победу пролетарской революции, которая только и способна положить конец империалистической войне.

Вовлечению солдат-фронтовиков в революционную борьбу служил призыв к братанию с солдатами враждебной стороны. Это не был нарочито придуманный лозунг, привнесенный фронтовикам извне. Точно так же, как движение рабочих за установление контроля над производством родилось в процессе их борьбы против саботажа предпринимателей, а лозунг организованного захвата помещичьих земель — в борьбе крестьян за их коренные интересы, братание на фронте возникло стихийно, в знак протеста солдат против несправедливой войны. Командный состав армии, правительство, лидеры

¹ «Стенографический отчет делегатов фронта. Заседание 4 мая», стр. 18.

² «Протоколы заседаний съезда представителей армейских и тыловой организаций Северного фронта». Псков, 1917, стр. 8.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 304.

соглашательских партий словом и делом пытались приостановить ширящееся братание. Генерал А. А. Брусилов в приказе по Юго-Западному фронту писал о братании как о «затее немецкого генерального штаба». Командиры обязаны были открывать по братающимся огонь и тотчас же арестовывать и судить их.

Партия большевиков, связывавшая успех социалистической революции с вовлечением в нее пролетарских и непролетарских трудящихся масс, активно поддержала братание. В нем партия увидела не только протест против продолжавшейся войны, но и стремление солдат-окопников самим непосредственно включиться в борьбу за быстрое ее прекращение. В статье «Значение братанья», опубликованной 28 апреля 1917 года, В. И. Ленин писал, что «братанье есть революционная инициатива масс, есть пробуждение совести, ума, смелости угнетенных классов, есть, другими словами, одно из звеньев в цепи шагов к социалистической, пролетарской революции»¹. Поддерживая братание, большевики стремились поднять его политическое значение, его роль в интернациональном воспитании солдат, в подготовке их к сознательной борьбе за социалистическую революцию. «Воззвание к солдатам всех воюющих стран», написанное В. И. Лениным и опубликованное «Правдой» 21 апреля, указывало, что только переход всей государственной власти в руки Советов рабочих и солдатских депутатов откроет путь к справедливому миру².

Большевики не только разъясняли солдатам значение братания, но и активно участвовали в его организации. На проходившем в мае в Пскове 2-м съезде представителей Советов солдатских, рабочих и крестьянских депутатов Северо-Западной области против братания выступили член Исполкома Петроградского Совета Г. М. Эрлих, член ОК меньшевиков А. И. Вайнштейн, местные меньшевики и эсеры. Предложенная соглашателями резолюция имела целью пресечь движение, в котором, по словам самих же авторов резолюции, сказался «охвативший демократию России порыв к миру и братству народов»³. Большевики — делегаты съезда наряду

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 459—460.

² См. там же, стр. 295.

³ «Журналы заседаний 2-го съезда представителей Советов солдатских, рабочих и крестьянских депутатов Северо-Западной области (18—26 мая 1917 г.)». Псков, 1917, стр. 30.

с требованием опубликования тайных договоров добивались санкционирования братания солдат на фронте, превращения его в важнейший фактор борьбы за демократический мир. Братание, говорил делегат З. Новиков, «вытекает из самой жизни... препятствовать ему никто не сможет, надо стараться, чтобы оно было организованное». Представитель Социал-демократии Латышского края Р. Пельше выразил уверенность, что организованное солдатскими комитетами братание «может помочь найти выход из этой проклятой мировой войны»¹.

Меньшевики и эсеры добились осуждения братания на съезде в Пскове, как и на других фронтовых и армейских съездах, состоявшихся в марте—мае 1917 года. Но соглашателям оказалось не под силу остановить это движение. Из докладов с мест на Всероссийской конференции фронтовых и тыловых военных организаций РСДРП(б) (16—23 июня 1917 г.) было видно, что, вопреки строжайшим запретам командований русской и германской армий, на различных фронтах происходило братание солдат. Разуверившись в способности и желании властей добиться мира, солдатские массы все решительнее сами включались в борьбу за его достижение.

Таким образом, в борьбе за победу социалистической революции большевистская партия опиралась на творческую инициативу самих масс — рабочих, солдат, деревенской бедноты, которые, руководствуясь классовым инстинктом, самочинно искали выхода из войны, преодоления экономических и продовольственных трудностей. В противоположность буржуазным и мелкобуржуазным партиям, отказывавшим массам в праве вмешиваться в государственное и социальное строительство, глумившимся над осуществляемыми ими преобразованиями и обвинявшим рабочих в «анархистском максимализме», крестьян в «самоуправстве», солдат в «отсутствии патриотизма», партия большевиков поощряла революционное творчество, стремясь направить его наиболее надежным и верным путем к победе над буржуазией. Всемерно поддерживая мероприятия рабочих против саботажа капиталистов, борьбу крестьян за ликвидацию помещичьего землевладения, общенародное

¹ «Журналы заседаний 2-го съезда представителей Советов солдатских, рабочих и крестьянских депутатов Северо-Западной области», стр. 18, 23.

движение за выход из империалистической войны, большевистская партия добивалась уяснения массами, что ни одна из этих задач не может быть окончательно решена без перехода всей власти к Советам.

Выдвинутый В. И. Лениным в Апрельских тезисах лозунг «Вся власть Советам!» допускал возможность большевизации Советов (под влиянием агитации большевиков и собственного опыта масс) и превращения их в органы диктатуры пролетариата. Вместе с тем Ленин учитывал и другую перспективу, а именно: переход всей власти к Советам, возглавляемым меньшевиками и эсерами, установление «чистой» революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства и дальнейшее перерастание ее, по мере большевизации Советов, в социалистическую диктатуру пролетариата. Большевики были далеки от сектанства. Сохраняя организационную самостоятельность, не поступаясь своими принципами, они в то же время предлагали меньшевикам и эсерам компромисс. А именно: меньшевики и эсеры, возглавляющие Советы, рвут с буржуазным Временным правительством и образуют на основе Советов — демократической диктатуры пролетариата и крестьянства — правительство. Для себя большевики требовали лишь свободы агитации, возможности бороться с антидемократическими мероприятиями, если правительство станет их проводить. Меньшевики и эсеры, оказавшись у власти, вынуждены были бы проводить выработанную большевиками программу — единственно отвечающую требованиям народа, или, что было наиболее вероятно, продемонстрировав собственную несостоятельность, уступили бы власть партии революционного пролетариата. Предлагая меньшевикам и эсерам, «теперешним вождям Совета», стать властью, В. И. Ленин писал в «Правде» 14 июня: «...мы за это, хотя вы наши противники...»¹

Осуществление под лозунгом «Вся власть Советам!» демократической диктатуры пролетариата и крестьянства в «чистом» виде, как переходной ступени к диктатуре пролетариата, представлялось большевистской партии наиболее предпочтительным. Оно открывало возможность сравнительно легкого и безболезненного пути для развития революции. В обстановке, когда основная

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 340.

масса солдат и крестьян и часть рабочих шли еще за меньшевиками и эсерами, осуществление лозунга «Вся власть Советам!» обеспечило бы скорейшее создание единого фронта революционных рабочих и широких не-пролетарских трудящихся масс против буржуазии.

Уже в результате апрельского кризиса чисто буржуазное Временное правительство полностью дискредитировало себя в глазах не только рабочих, но и солдат. Показательно обсуждение вопроса о коалиционном правительстве совещанием фронтовых делегатов в Петрограде 4 мая, т. е. в момент, когда представители Исполкома Петроградского Совета и Временного правительства завершали формирование коалиционной власти. Делегат Домашевский, оговорившись, что он «не ленинец и не член Исполнительного комитета», а лишь рядовой делегат с фронта, выступил за взятие власти Советом солдатских и рабочих депутатов. Об этом же говорили другие делегаты. Приведем некоторые высказывания: «Если Совет рабочих и солдатских депутатов и дальше будет уступать и объединится в коалиционном правительстве с Терещенко, Керенским и другими, то это будет производить только колебание власти и выльется в нежелательные формы» (Ираклионов). «Я с своей стороны также предлагаю Вам... ясно высказаться, что единая власть должна быть только у Совета рабочих и солдатских депутатов. Этим мы скорее можем приблизить мир» (Тяпкин). «Товарищи, вас прислали сюда люди, которые сидят в окопах, и вы ясно должны сказать свое окопное слово: не можем мы ни в каком случае поддерживать правительство, которое в своем составе имеет хотя бы часть буржуазии, которая действует и действовала всегда против нас» (Мельников)¹.

Большинство участников совещания отказалось включить в резолюцию пункт, призывающий к всемерной поддержке коалиционного министерства. «Единственное спасение, — говорилось в резолюции, — в создании правительства, облеченного полным доверием трудовых масс». Но так как Петроградский Совет, авторитет которого в глазах солдатских масс был исключительно велик, одобрил коалицию, совещание делегатов фронта лишь постановило приветствовать решение

¹ «Стенографический отчет делегатов фронта. Заседание 4 мая», стр. 7, 12, 14, 15.

Совета «принять участие в организации нового Временного правительства» (не упомянув при этом «коалиционное министерство») ¹. Обосновывая принятую резолюцию, один из ее составителей, Ираклионов, говорил: «Раз мы доверяем Совету рабочих и солдатских депутатов, то этим самым мы должны признать и то решение, которое он принял... Если Совет завтра, или через неделю, или через месяц перейдет к другому решению, то все равно мы и тогда пойдем за ним... Раз Совет своим решением войти в коалиционное министерство думает установить сильную и твердую власть и если мы этому Совету доверяем, то мы должны с ним согласиться». Из-за того же доверия к позиции Совета резолюция не потребовала от него немедленного взятия власти. «Но если обстоятельства, — говорил Ираклионов, — вынудят Совет рабочих и солдатских депутатов уйти из коалиционного министерства, то мы пойдем за ним» ².

Приведенные материалы из стенограммы совещания солдат-фронтовиков отчетливо отражали настроения, характерные для солдатских масс в конце апреля — начале мая. Они уже не доверяют буржуазной власти, стремятся к подлинному народовластию, но надеются, что это будет достигнуто без их участия, усилиями тех, кто возглавляет Совет.

Большевики настойчиво добивались изменения взглядов масс. Вот, к примеру, как обличал соглашателей большевик Р. Пельше на съезде представителей Советов Северо-Западной области в Пскове. В ответ на утверждения меньшевистских лидеров, будто демократия не имеет сил, чтобы стать властью, Пельше заявил: «Я не понимаю, почему не хотят взять полностью власть в свои руки, раз она фактически уже есть! Говорят, надо привлечь все силы к революции. Какие? Мы имеем рабочих, крестьян и солдат, кого же еще?.. Почему Петроградский Совет отказался от власти, когда всюду есть организованность, мы спрашиваем? Я угадываю ключ разгадки. Меньшевистское течение вдолбило в себя мысль, что революция только буржуазная и что у власти должна быть крупная, а не средняя и мелкая буржуазия. Они думают, что русская революция должна

¹ «Стенографический отчет делегатов фронта. Заседание 4 мая», стр. 18.

² Там же, стр. 19, 22.

походить на революцию Запада. Но наша революция, говорю я вам, пошла гораздо дальше теперь... Нельзя даже предположить, как далеко мы дальше пойдем... В революции мы переживаем в один день столько, сколько не переживаем и в 100 лет. Вот почему мы говорим, что трусость Петроградского Совета нам непонятна». Заканчивая речь, оратор сказал: «Мы не стремимся к власти меньшинства над большинством, мы считаем Советы большинством... Если хотите предупредить анархию, надо пропагандировать за то, чтобы вся власть перешла в руки Советов солдатских и рабочих депутатов»¹. Сошлемся еще на речь В. Володарского, произнесенную им в середине июня 1917 года на митинге в Преображенском полку: «Если бы в правительстве сидели одни представители советского большинства, то мы, социалисты-интернационалисты... не испытывали бы такую тревогу за судьбу революции, какую переживаем теперь. Расхождение взглядов между представителями трудящихся классов легко изжить без потрясений... Но совсем иное положение создается, когда представители рабочих и солдат входят в правительство для сотрудничества с представителями промышленников и капиталистов. Эти представители дворян и помещиков, какие бы демократические обязательства они ни подписывали, являются плотью от плоти своих классов... Вот почему создание коалиционного правительства никакой перемены к лучшему народу не принесло. Войне по-прежнему не видно конца... Экономическая разруха внутри страны продолжается»².

В условиях мирного развития революции при отсутствии насилия над массами В. И. Ленин считал недопустимой попытку вооруженного свержения Временного правительства. Старание отдельных членов ЦК направить массы во время апрельского кризиса на немедленное свержение буржуазной власти было решительно осуждено ЦК РСДРП(б) как авантюра. В написанной В. И. Лениным резолюции ЦК РСДРП(б) от 22 апреля отмечалось, что без прочного большинства народа на стороне революционного пролетариата лозунг «Долой

¹ «Журналы заседаний 2-го съезда представителей Советов солдатских, рабочих и крестьянских депутатов Северо-Западной области», стр. 40—41.

² Цит. по: И. Г. Церетели. Воспоминания о Февральской революции, кн. 2, стр. 192—193.

Временное правительство» «либо есть фраза, либо объективно сводится к попыткам авантюристического характера»¹. В своих воспоминаниях И. Г. Церетели клеветнически утверждает, будто В. И. Ленин и его ближайшие сторонники в начале июня 1917 года решили от мирной пропаганды перейти к вооруженной борьбе с целью захвата власти. Речь Ленина 4 июня на съезде Советов Церетели называет «прологом к восстанию», а назначенную ЦК РСДРП(б) на 10 июня мирную демонстрацию — «заговором десятого июня»². Эти клеветнические утверждения ничего общего с действительностью не имеют и опровергаются фактами. В речи 4 июня Ленин выступал против превращения меньшевиками и эсерами Советов в бессловесный придаток Временного правительства, за проведение Советами революционной программы. При этом он подчеркивал возможность мирного перехода власти к Советам. Он указывал, что Россия — единственная страна в мире, в которой можно свергнуть власть буржуазии «без кровавой революции»³. Что касается решения о проведении в Петрограде 10 июня организованной и мирной демонстрации против контрреволюции, то оно было принято 8 июня расширенным совещанием, на котором присутствовало около 150 человек — членов ЦК и ПК, представителей районов, фабзавкомов и воинских частей. На заседании ЦК, состоявшемся сразу же после совещания, как свидетельствует В. П. Ногин, «было решено, что никто не может стремиться к тому, чтобы превратить демонстрацию в нечто большее»⁴. В статье «Намеки», опубликованной в «Правде» 11 июня, В. И. Ленин высмеял попытки врагов приписать большевикам стремление совершить государственный переворот посредством мирной демонстрации⁵. Давно опровергнутая клевета врагов по поводу назначенной большевиками на 10 июня мирной демонстрации была вновь вытаскана Церетели в «Воспоминаниях», вышедших в Нью-Йорке в 1963 году, с целью

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 319.

² См. И. Г. Церетели. Указ. соч., стр. 183, 184—202.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 272—273.

⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 60, оп. 1, д. 17, л. 9. Подробнее об этом см. А. М. Совокин. К истории июньской демонстрации 1917 г. «Вопросы истории КПСС», 1966, № 5; Ю. А. Прохватиллов. Июньская демонстрация. Л., 1967.

⁵ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 324—325.

оправдать свое соучастие в погромной травле большевистской партии в 1917 году.

Демонстрация 18 июня в Петрограде, состоявшаяся по решению съезда Советов, свидетельствовала о несомненной поддержке петроградским пролетариатом политики большевиков. Тем не менее ЦК РСДРП(б) не считал, что это дает основание для пересмотра тактики мирной борьбы за власть Советов.

Основной союзник рабочего класса — деревенская беднота хотя и сочувствовала революции против буржуазии, но еще не освободилась от надежды получить мир и землю «законным путем» от существующих властей. Оказавшееся возможным возобновление 18 июня наступательных операций на фронте свидетельствовало о том, что армия, т. е. часть народа, доверяла еще меньшевикам и эсерам, их утверждениям, будто наступление осуществляется во имя мира и революции¹. Поэтому в докладе о текущем моменте, произнесенном 20 июня на Всероссийской конференции военных организаций РСДРП(б), В. И. Ленин, судя по воспоминаниям М. С. Кедрова, резко отрицательно высказался по поводу предложений отдельных товарищей о захвате власти большевиками. Анализируя соотношение сил, Владимир Ильич показал, что хотя по сравнению с апрелем массы стали более сознательны, но в большинстве своем они все еще доверяют эсерам и меньшевикам. В доказательство Ленин сослался на получение этими партиями большинства голосов на выборах в районные думы Петрограда и на малочисленность фракций большевиков в столичных Советах.

— Нет, — говорил Ленин, — чтобы серьезно, не бланкистски идти к власти, пролетарская партия должна бороться за влияние внутри Советов, терпеливо, неуклонно, изо дня в день разяснять ошибку масс, их мелкобуржуазные иллюзии².

Именно потому, что сознание крестьян и солдат-фронтовиков еще не отвечало боевым революционным устремлениям столичного пролетариата, ЦК и ПК большевиков приложили максимум усилий к превращению

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 366.

² См. «Великая Октябрьская социалистическая революция». Сборник воспоминаний участников революции в Петрограде и Москве». М., 1957, стр. 79.

стихийно вспыхнувших выступлений петроградских рабочих и солдат в мирную демонстрацию, которая состоялась 4 июля под лозунгом «Вся власть Советам!».

Ленинская программа перехода от буржуазно-демократической революции к социалистической дала партии ясную перспективу, четко определила задачи, которые предстояло партии решить, если народ поставит ее у власти. Большевики указывали единственно правильный путь выхода из империалистической войны и предотвращения экономической катастрофы.

Величие и привлекательность социалистического идеала, пропагандируемого партией большевиков, ясность и определенность ее тактической линии дополнялись присущей партии дисциплинированностью, организованностью и безграничной преданностью большевиков делу революционного обновления мира.

Решительные противники заговорщической тактики, большевики связывали успех революции с борьбой широких масс пролетариата и его союзников, прежде всего деревенской бедноты. За первые пять месяцев, прошедшие после свержения царизма, партия большевиков многое сделала для подготовки масс к борьбе за власть. Однако понимание необходимости свержения господства буржуазии, готовность и способность ринуться в бой против нее не созрели одновременно во всех частях будущей армии социалистической революции; у рабочих это происходило раньше, чем у крестьян и солдат, в центре — быстрее, нежели на окраинах.

В начале июля 1917 года ЦК РСДРП(б) не считал, что уже наступил момент штурма буржуазной власти. Союзники рабочего класса (солдаты, крестьяне) и даже часть рабочих еще не осознали безусловной необходимости немедленно покончить с господством буржуазии. Усиленно распространявшиеся соглашателями иллюзии о возможности достижения мира и получения земли без новой революции не были еще изжиты.

Учитывая все это, ЦК РСДРП(б) в июльские дни 1917 года считал преждевременным призывать рабочих и солдат к восстанию против буржуазной власти. Предстояла еще большая работа по поднятию классового самосознания масс и их организации.

1. «ОБНОВЛЕНИЕ» ПРОГРАММЫ

В конце марта 1917 года в Петрограде состоялся VII делегатский съезд кадетов («партии народной свободы»), а в начале мая — VIII съезд. Такая оперативность (другие крупные политические партии не успели за это время провести даже одного съезда) объясняется не только большими возможностями буржуазной партии, легально действовавшей и до революции, но и настоятельной потребностью спешно исправить партийную программу, оказавшуюся в вопиющем противоречии с новой обстановкой.

Кадетская программа провозглашала, что Россия должна быть конституционной парламентарной монархией. Февральская же революция не только фактически установила в стране республиканский строй, но и, создав Советы, открыла перспективу перехода к социалистической революции. Не имея возможности силой подавить нарастающую пролетарскую революцию, кадеты пытались добиться этого другим путем: обрести доверие народа и склонить его к поддержке капиталистического строя. Это побудило кадетских лидеров в срочном порядке произвести «ремонт» партийной программы, сделать ее более привлекательной для масс.

Состоявшееся 10—13 марта 1917 года пленарное заседание ЦК партии кадетов постановило созвать 25 марта съезд партии «для обсуждения пунктов программы партии, касающихся формы правления России и аграрного вопроса»¹. Вопрос о форме правления был, по существу, предreshен. 12 марта «Речь» сообщала, что пленарное заседание ЦК постановило предложить съезду «вместо парламентской монархии признать необ-

¹ ВПНС, 1917, № 1, стр. 15.

ходимость установления демократической республики». На первом же заседании VII съезда партии¹ 25 марта был заслушан доклад Ф. Ф. Коккошкина о государственном строе в России. Теперь, когда монархия уже погибла, сокрушался Коккошкин, партия не может ставить своей целью реставрацию того, что уже не существует². Выступавшие в пользу признания республики откровенно говорили, что это необходимо для установления контакта с демократическими слоями населения. Делегаты проголосовали за изменение политической части программы: монархисты перекрасились в республиканцев. Подтвердилась мысль, высказанная В. И. Лениным еще в 1906 году, о том, что после победы народа над царизмом «кадет будет за деньги так же распинаться во имя республиканской демократии, как теперь он распинается... во имя монархической демократии»³. Более того, вчерашние монархисты, учитывая приверженность широких масс к социализму, в первые месяцы революции даже воздерживались от грубых выпадов против социалистических идей. Некоторые кадетские деятели демагогически признавали социализм как «возможный этический идеал», решительно отвергая при этом революционный путь его достижения. В. И. Ленин писал в конце 1916 года: «„Социализм“ вообще, как цель, в противопоставлении капитализму (или империализму), признается теперь не только каутскианцами и социал-шовинистами, но и многими буржуазными социальными политиками»⁴. Последние были и среди кадетов. Коккошкин в своем докладе съезду пытался истолковать признание кадетской программой необходимости социальных реформ, как свидетельство того, что партия стоит на почве социалистического мировоззрения. «...Не того, конечно, социалистического мировоззрения, — пояснял Коккошкин, — которое считает возможным изменить экономический строй путем насильственным, путем захвата

¹ VII делегатский съезд кадетской партии проходил в Петрограде с 25 по 28 марта 1917 года. На съезде присутствовало 323 делегата от 52 губерний и областей и около 150 членов ЦК и депутатов парламентских фракций Государственной думы всех созывов. Съезд обсудил вопросы: о форме правления, об Учредительном собрании, о войне, о тактике партии и некоторые другие.

² См. «Стенографический протокол заседаний VII съезда партии народной свободы». [Пг., 1917], стр. 13.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 194.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 214.

политической диктатуры, а на почве того воззрения, которое полагает, что человечество постепенно вырастает в новый социальный строй и что задача демократических партий заключается в том, чтобы всеми силами способствовать возможно более успешному, быстрому и безболезненному ходу этого процесса»¹. Делегат съезда от Петроградской организации профессор Н. О. Лосский отметил, что кадетская партия, отвергая социалистическую революцию и диктатуру пролетариата, «приветствует социальную эволюцию». Он предложил учредить «общество эволюционного социализма по типу английского Фабианского общества»². Эти положения не получили развития в выступлениях других делегатов. Предложение Лосского указать в программе, что цель партии — «демократический социальный строй» (это позволит партии, говорил Лосский, собрать вокруг себя широкие слои населения³), не было принято. Но важно отметить, что открыто против этого никто и не возражал, хотя, несомненно, большинству делегатов претили речи о социализме, даже «постепенном» и «эволюционном». Кадеты пытались научиться говорить на языке, близком народу, надеясь таким путем подчинить массы своему влиянию.

Эти соображения определили направленность кадетской литературы, предназначенной для массового читателя. Не выпячивая своего отрицательного отношения к социализму, кадеты делали упор на то, что этот строй возможен лишь в далеком будущем. «Партия народной свободы... — писал видный московский кадет А. А. Кизеветтер, — утверждает, что пока никто еще не начертал той конкретной картины осуществления этого идеала (социализма. — *Авт.*), воплощение которой в жизни можно было бы рассматривать как практическую задачу, выполнимую в пределах данного периода исторического развития»⁴. А. С. Изгоев отмечал, что партия «не отрицает социализма, как идеала, к которому идет

¹ «Стенографический протокол заседания VII съезда партии народной свободы», стр. 10.

² Там же, стр. 27—28. Летом 1917 года по инициативе некоторых кадетских и других буржуазных деятелей был образован «Союз эволюционного социализма».

³ См. там же, стр. 28.

⁴ А. А. Кизеветтер. Партия народной свободы и ее идеология. М., 1917, стр. 7.

и придет человечество... повинуюсь свободному голосу своей совести и разума»¹. Признанием социализма в будущем кадеты рассчитывали отвлечь массы от борьбы за него в настоящем².

Платоническое признание социализма понадобилось кадетам еще и для того, чтобы под видом защиты «научного» социализма вести борьбу против ленинского курса на социалистическую революцию. Тон задал П. Н. Милюков. В речи на совещании членов Государственной думы 4 июня он изобразил большевиков, борющихся за победу социалистической революции, «утопистами», противопоставив им в качестве «социалистов-реалистов» меньшевиков и эсеров с их кредо: «Сейчас социалистической революции не может быть... может быть только буржуазная революция»³. Кадетский лидер в борьбе против большевиков не гнушался самой низкой клеветой. В одной своей речи он объявил, например, будто В. И. Ленин предлагает заменить знамя Маркса «другим, более свежим знаменем анархо-синдикализма»⁴. Нашлись среди кадетов и другие блюстители «чистоты» марксизма. Профессор М. И. Туган-Барановский, давно специализировавшийся на фальсификации марксизма, категорично заявил: «До социализма современная Россия безусловно не созрела»⁵. Рекомендую распростра-

¹ А. С. Изгоев. Наши политические партии. Пг., 1917, стр. 39—40.

² Некоторые буржуазные литераторы, не поняв истинных побуждений заигрывания кадетов с социализмом, упрекали их в «благоклонности» к социалистическому идеалу. По мнению некоего Н. Красильникова, эта партия «борется с социалистами, но не с социализмом, как с идеей: напротив, социалистическую идею она считает и благородной, и прекрасной, и полезной, и только пока неосуществимой в настоящее время». Апологет капитализма предлагал повести борьбу «с социализмом, как с идеей неразумной и вредной для человечества». Красильников выступал за установление в России республиканского строя, непримиримого к социализму. В качестве образца государственного устройства Красильников предлагал взять Северо-Американские Соединенные Штаты. Он ратовал за создание новой политической партии (предлагая назвать ее «Удельно-республиканская Русь»; «удел» по аналогии со штатом в США), призванной утвердить в России американские порядки (см. Н. Красильников. За демократию против социализма, вып. II. Пг., 1917, стр. 3, 15, 16).

³ См. П. Милюков. Россия в плену у Циммервальда. М., 1917, стр. 33.

⁴ ЦГАОР СССР, ф. 579, оп. 1, д. 855а, л. 17.

⁵ М. И. Туган-Барановский. Русская революция и социализм. Пг., 1917, стр. 29.

нять брошюру Туган-Барановского, литературно-издательская комиссия кадетского ЦК отмечала, что в ней доказывается «невозможность осуществления в настоящее время в России социализма»¹. «Отлучению» Ленина от Маркса кадеты посвятили не одну брошюру, несчетное число журнальных и газетных статей. «Ленин отвергается от первооснов социализма»², — вещала кадетская «Вятская мысль». Большевики «с марксизмом имеют мало общего»³, — заявил А. С. Изгоев. Небезызвестный Н. А. Бердяев сокрушался, что «истинный социализм», отстаиваемый последователями Михайловского и единомышленниками Плеханова, т. е. эсерами и меньшевиками, успеха в массах не имеет⁴. Другой кадетский автор, ссылаясь на сотрудничество социалистов Западной Европы со своей национальной буржуазией, делал вывод, что «царство социализма еще далеко» и поэтому «нельзя обольщать себя несбыточными надеждами, нельзя мечтать о воцарении социалистического строя»⁵. Стремясь под флагом защиты «истинного» социализма восстановить массы против ленинского курса на социалистическую революцию, кадеты всячески третируют борьбу пролетариата за социализм, пытаются представить ее как «безумие», «утопизм», «фантазерство», «анархизм». Вместе с тем в первые месяцы революции кадеты не решались открыто противопоставить социалистическому идеалу строй капитализма. Они неустанно твердили, будто партия «народной свободы» не буржуазная, а надклассовая, ставящая своей целью объединить интересы всех классов, без ущерба для каждого из них, партия, превыше всего ставящая государственные и национальные интересы России в целом, партия реалистической политики. На деле же все содержание кадетской программы было направлено на укрепление буржуазного строя в России, на создание наиболее благоприятных условий для его развития. Программа требовала демократических свобод, формально-правового равенства граждан при безусловном сохранении фактического неравенства эксплуататоров и эксплуатируемых.

¹ ВПНС, 1917, № 29-30, стр. 26.

² «Вятская мысль», 28 июля 1917 г.

³ «Русская свобода», 1917, № 2, стр. 30.

⁴ См. «Народоправство», 1917, № 3, стр. 10.

⁵ А. М. Г.-в. Революция и война. М., 1917, стр. 18.

Кадеты охотно разглагольствовали, будто они отстаивают не только демократические свободы, но и социальную справедливость. В действительности же предлагаемые кадетами социально-экономические реформы вызывались, прежде всего, потребностями развития капитализма. Они предусматривали, в частности, отчуждение по «справедливой (не рыночной) оценке» части помещичьих земель и наделение ею в «потребных размерах» безземельных и малоземельных крестьян, введение («где возможно») 8-часового рабочего дня. Таковы были наиболее радикальные требования их программы, принятой еще в период революции 1905—1907 годов. И. И. Скворцов-Степанов справедливо писал о кадетской программе, что цель ее — «отсечь от капиталистического способа производства докапиталистические придатки»¹.

Изменения, внесенные в кадетскую программу после свержения царизма, еще более подчеркнули ее буржуазно-помещичью сущность. Это особенно отчетливо проявилось при пересмотре аграрной части программы. На VIII съезде кадетской партии² аграрный вопрос вызвал острые дебаты. Часть ораторов предлагала исключить из программы пункт о вознаграждении помещиков за земли, которые перейдут крестьянам, рассчитывая привлечь этим симпатии деревенского населения. «Святой долг партии народной свободы, — увещевал съезд делегат из Казани, — успокоить широкие крестьянские массы, что они будут наделены землею, чтобы они не прибегали к тому способу наделения землей, какой рекомендуют большевики»³. Против этого предложения решительно выступили Ф. И. Родичев и В. А. Маклаков. Они хотели видеть программу такой, какой кадеты будут руководствоваться, став не сегодня-завтра (в чем

¹ И. Степанов. От революции к революции. Сб. статей. М., 1925, стр. 181.

² Съезд проходил в Петрограде с 9 по 12 мая 1917 года. Присутствовало 335 делегатов из 50 губерний и областей России, в том числе: 46 членов ЦК, 31 член Государственной думы (всех созывов), 2 члена Государственного совета, 42 представителя разных групп Петрограда, 34 — от Москвы, 155 делегатов из других районов страны, 4 — от литовской группы, 4 представителя различных частей армии и 17 представителей студенческих групп. В повестке дня были вопросы: обсуждение текущего политического положения; пересмотр аграрного раздела программы, пунктов программы о местном самоуправлении и параграфа устава о порядке выборов в ЦК; выборы в ЦК.

³ «Речь», 12 мая 1917 г.

они не сомневались) полновластными правителями страны. Маклаков требовал исключить из программы принцип принудительного отчуждения частновладельческих земель. Он допускал возможность отчуждения лишь пустующих и сдающихся в аренду земель, но ни при каких обстоятельствах — помещичьих хозяйств, перестроившихся на капиталистический лад. «Наиправейший из кадетов», как назвал В. И. Ленин Маклакова, разглагольствовал: не смей разрушать крупные, экономически сильные и стойкие хозяйства, нельзя посягать на среднее и крупное землевладение в пользу экономически слабых. Он предложил вместо лозунга «земля трудящимся» выдвинуть другой — «земля хозяину»¹. Открытая защита Маклаковым интересов буржуазии и помещиков вызвала бурные аплодисменты делегатов. Вслед за Маклаковым Родичев нагло заявил, что надо предложить крестьянам добыть себе землю путем экспроприации ее не у помещиков, а у германцев².

Кадетский ЦК, безусловно согласный с защитниками крупного землевладения, считал неуместным говорить об этом публично из опасения вызвать недовольство в солдатской и крестьянской массе. Поэтому от имени ЦК Д. И. Шаховской выступил с возражением Родичеву и Маклакову. Внесенные VIII съездом изменения в аграрную часть программы придали ей внешне более демократический характер. Программа провозгласила: «Земли сельскохозяйственного пользования должны принадлежать трудовому земледельческому населению». Ранее кадетская программа допускала отчуждение частновладельческой земли «в потребных размерах». По решению VIII съезда эта оговорка была опущена. Было указано, что размер земельных владений должен быть ограничен «трудовой нормой» — термин, заимствованный кадетами у эсеров. Князь Е. Н. Трубецкой, недовольный этими «новшествами», говорил на съезде: «Мы являемся как бы демагогами с перепугу. Мы как будто боимся конфискации земли, и для того чтобы предупредить ужасы, которые может вызвать эта конфискация, мы делаем уступку за уступкой и стараемся как бы надавать больше обещаний»³.

¹ В. А. Маклаков. Речь по земельному вопросу. М., 1917, стр. 15.

² См. ВПНС, 1917, № 11-13, стр. 17—18.

³ «Речь», 12 мая 1917 г.

По существу же аграрная программа, принятая VIII кадетским съездом, мало чем отличалась от прежней. Утвержденные съездом «Главные основания земельной реформы» (дополнение к программе) предусматривали ряд лазеек, обеспечивавших помещикам и кулакам возможность иметь земли значительно больше «трудовой нормы». Принудительное отчуждение не распространялось на земли, занятые усадьбами и садами, и на земли, принадлежавшие фабрикам и заводам. Была подтверждена безусловная необходимость вознаграждения помещиков за отчуждаемую землю. Причем съезд партии, твердившей о своей «надклассовости», проявил крайнюю заинтересованность в том, чтобы помещики и банкиры (значительная часть помещичьих земель была заложена в банках) получили за землю максимальный выкуп. Предложение о прогрессивном понижении платежей с повышением размера владения было принято большинством лишь в один голос (70 за, 69 против, 5 воздержались, 165 делегатов отсутствовали при голосовании)¹. Кадетский съезд категорически высказался против решения аграрного вопроса до Учредительного собрания. Роль земельных комитетов кадеты стремились ограничить выполнением посреднических функций между крестьянами и помещиками.

Таким образом, произведенный VII и VIII съездами кадетской партии пересмотр программы существенно не изменил ее. Цель обновленной программы осталась неизменной: обеспечить наиболее благоприятные условия для капиталистического развития России. Но если в период с 1905 до 1917 года, в условиях самодержавия, кадетская программа, требовавшая установления конституционной монархии, демократических свобод, принудительного отчуждения помещичьей земли, служила, хотя и в крайне ограниченной мере, делу прогресса страны, то после свержения царизма кадетская программа оказалась обращенной вспять. Объявив себя республиканцами («республиканцами поневоле» назвал их В. И. Ленин²), обещав провести через Учредительное собрание социальные реформы, кадеты на деле стремились помешать развитию революции, отстаивали интересы не только капиталистов, но и помещиков.

¹ См. ВПНС, 1917, № 20, стр. 14.

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 152.

В широких масштабах развернули кадеты контрреволюционную пропаганду. Возможности для этого у них были большие. Только в марте — апреле 1917 года кадетский ЦК выпустил 20 листовок и плакатов общим тиражом 2 миллиона; 800 тысяч экземпляров агитационных листовок выпустили за эти месяцы московские кадеты¹. Железнодорожный отдел Московской агитационной комиссии кадетской партии распространял литературу на железнодорожных станциях². Большая часть этой литературы распространялась бесплатно. В распоряжении кадетов имелись многочисленные лекторские и агитаторские кадры, солидные литературные силы³, много газет. Наряду с собственно партийными газетами, которыми после Февральской революции обзавелись многие губернские и отдельные уездные комитеты (таких уже в мае было около двадцати⁴), огромное число буржуазных газет, формально непартийных, редактировалось кадетами и проводило их политику (например, «Русские ведомости», «Новгородская жизнь», «Нижегородский листок», «Саратовский листок», «Голос Юга» в Херсоне, «Сибирская жизнь» в Томске). Всего формально беспартийных, а по существу кадетских газет насчитывалось в России в марте—октябре 1917 года более 150⁵. Это были ежедневные, большого формата, широко распространяемые газеты.

Кадеты пытались максимально расширить сферу своего влияния. На интеллигенцию делали ставку издаваемые бывшими «веховцами» еженедельники «Русская свобода» (Петроград) и «Народоправство» (Москва). Эти органы специализировались на извращении научного социализма, на оголтелой и злобной клевете против большевиков. На крестьян была рассчитана издававшаяся в Петрограде газета «Земля». В ней, как и в своих многочисленных брошюрах по аграрному вопросу, кадеты пытались прельстить крестьян обещанием уве-

¹ ВПНС, 1917, № 1, стр. 18; № 2, стр. 16.

² См. ВПНС, 1917, № 14-16, стр. 24; № 17-18, стр. 12—13.

³ При издательской комиссии ЦК кадетской партии имелся литературно-художественный отдел, стремившийся привлечь к своей работе крупных писателей и художников (ЦГАОР СССР, ф. 579, оп. 1, д. 775).

⁴ ВПНС, 1917, № 4-5, стр. 25.

⁵ Подсчитано по каталогу Газетного отдела ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

личить земельные наделы и тем, что эти наделы останутся их собственностью навечно¹. Кадеты покровительствовали руководству Крестьянского союза, надеясь с его помощью укрепить свое влияние в деревне². Рабочим кадеты рекомендовали отрешиться от классовой борьбы и добиваться соглашения с предпринимателями «вместо того, чтобы витать в облаках, жить среди грез и фантазий»³.

Но как ни изощрялись кадеты, массы им не доверяли. В письме кадетского пропагандиста в ЦК приведен перечень вопросов и критических замечаний, которые ему довелось услышать. Вот некоторые: «Почему кадеты не социалисты? Какие есть формы лучшей жизни, лучшего хозяйственного устройства, кроме социализма?»; «Почему «землю невозможно уравнивать!»? Восклицательный знак не доказательство, а кроме него ничего у вас и нет об этом. Объясните, почему нельзя уравнивать?»; «Скажите нам ясно, просто и на примерах, почему должна занять так много времени подготовка к Учредительному собранию, что надо готовить? И что за «гарантии», что будет верно представлена воля народа?»⁴

Еще в 1907 году В. И. Ленин писал: «Вся история партии к.-д. есть сплошное политическое жонглерство с умолчанием о самом главном, с одной вечной заботой: скрыть во что бы то ни стало правду»⁵. То же можно сказать о кадетах 1917 года. Они говорили одно, думали другое. Мечтая втайне о монархии, кадеты рядились в тогу республиканцев; защитники помещичьего землевладения, они заигрывали с крестьянством; партия «народной свободы», якобы ставящая превыше всего свободное волеизъявление народа, саботировала созыв Учредительного собрания; закоренелые враги социализма

¹ См., напр., А. А. Мануйлов. Социализация земли. М., 1917; Г. И. Виленский. О земельном вопросе. Уфа, 1917; К. Г. Воблый. Земельный вопрос в программах различных партий. Киев, 1917.

² Программное воззвание Главного комитета Всероссийского крестьянского союза, призвавшее крестьян поддержать Временное правительство и ждать решения земельного вопроса Учредительным собранием, было впервые опубликовано 12 марта 1917 года в «Русских ведомостях».

³ И. Х. Озеров. Куда мы идем? Пг., 1917, стр. 13.

⁴ ЦГАОР СССР, ф. 579, оп. 1, д. 876, лл. 2—3.

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 165.

делали вид, будто готовы примириться с ним, правда... в далеком будущем, при условии сохранения капитализма в ближайший обозримый исторический период.

Кадетская партия, претендовавшая на роль стража общенародных, национальных, государственных интересов, стала после свержения царизма оплотом всех контрреволюционных сил в стране — буржуазии, помещиков, бывших царских чиновников и бюрократии.

2. ПРОВАЛ ПЛАНА «ДЕМОКРАТИЗАЦИИ» ПАРТИИ

При царизме влияние кадетской партии, как и других буржуазно-помещичьих партий России, определялось в основном результатами выборов в Государственную думу. Опираясь на либеральную буржуазию и мелкобуржуазные слои городского населения, кадеты успешно соперничали в парламентской борьбе со своими конкурентами справа, с партиями крепостников-помещиков. Кадеты не имели поддержки среди рабочих и широких крестьянских масс, но это мало сказывалось на судьбе партии, ибо третьейюньская избирательная система фактически отстранила рабочих и крестьян от участия в выборах. Поэтому кадеты, несмотря на незначительное число приверженцев в общей массе населения, успешно подвизались на политической арене. После же свержения царизма, когда рабочие и крестьяне все активнее включались в политическую жизнь, кадеты стали хлопотать о привлечении на свою сторону трудящихся масс, без поддержки которых было невозможно (если не прибегать к насилию, к военной диктатуре) удержаться у власти.

Доклад по вопросам тактики VII съезду партии князь Д. И. Шаховской закончил призывом к кадетам: «...смелее идти в массы для того, чтобы приобретать там сторонников»¹. П. Н. Милюков, закрывая VIII съезд, выразил уверенность, что партия найдет «пути проникновения в русскую деревню»².

Кадеты были крайне заинтересованы в увеличении численности своих организаций. В годы первой русской

¹ «Речь», 29 марта 1917 г.

² «Речь», 13 мая 1917 г.

революции кадетская партия насчитывала 70—100 тысяч членов¹, в последующие годы численность партии значительно сократилась. Перед Февральской революцией кадетские организации имелись лишь в обеих столицах, а также в некоторых, преимущественно губернских, городах (Казань, Курск, Саратов, Тамбов, Харьков и др.) и состояли в основном из представителей буржуазии, буржуазной интеллигенции, чиновничества и мещанства. «Мы не могли стать демократами по составу нашей партии»², — говорил о том периоде истории своей партии Миллюков.

После Февраля кадеты резко активизировали деятельность по вербовке новых членов, причем не только из привычной для партии социальной среды (буржуазной интеллигенции, городского чиновничества и мещанства), но также из демократических слоев населения, прежде всего из крестьян. «Задача дня — создать настоящую большую партию»³, — писал в мае кадетский деятель Г. В. Вернадский. Подобно рыночным зазывалам кадеты не уставали расхваливать «достоинства» своей партии. Она-де стремится к свободе, равенству и братству, заботится о благе не одного класса, а всех граждан, превыше всего ставит интересы государства, России. Эта цветистая фразеология призвана была завуалировать буржуазную, империалистическую сущность кадетской партии и сделать ее привлекательной для масс. Г. Вернадский писал, что партия стремится «к действительному, а не фантастическому, принимает в расчет действительные, а не фантастические интересы тех, кого она хочет за собой вести. Именно поэтому она и может руководствоваться истинными интересами широких масс трудового народа»⁴.

Понимая, что в атмосфере недоброжелательного, даже враждебного отношения масс трудно ждать создания по инициативе снизу организаций кадетской партии на местах, ЦК кадетов взял курс на насаждение их сверху. Так, в июне 1917 года создается «Центральный отдел партии народной свободы по путям сообщения»

¹ «Отчет Центрального комитета Конституционно-демократической партии (партии народной свободы) за два года». СПб., 1907, стр. 13.

² «Речь», 13 мая 1917 г.

³ ВПНС, 1917, № 3, стр. 4.

⁴ Там же.

(председатель Б. Н. Костылев), который должен был обеспечить широкое распространение влияния партии по линии железных дорог, создать организации партии в наиболее крупных депо, мастерских, на железнодорожных узлах¹. В начале июля при ЦК была образована Военная комиссия, которая должна была заняться формированием кадетских организаций в армии и на флоте². Особое внимание уделялось насаждению опорных пунктов партии среди крестьянства. Кадетский деятель Пермской губернии Л. А. Кроль в тезисах доклада по вопросу организации партии, представленных в ЦК, утверждал: «Без завоевания деревни получить большинство в стране невозможно... Центром внимания партии должна стать деревня»³. В тезисах предлагалось возложить на губернские комитеты создание уездных комитетов, призванных стать основными ячейками партии. Уездным комитетам рекомендовалось обзавестись штатом местных пропагандистов (из врачей, агрономов, земских страховых агентов, священников, кооператоров), через которых можно было бы бесплатно снабжать крестьян кадетской литературой, вербовать новых членов, создавать в качестве подсобных органов волостные партийные комитеты. Тезисы доклада исходили из необходимости строгой централизации партийного строительства. Предлагалось создать при ЦК специальный орган — «коллегию трех», а в губернских комитетах — ввести должность «комиссаров для управления партией, надзора и контроля за деятельностью ее организаций»⁴. Пронизывающая тезисы доклада Кроля идея насаждения кадетских организаций сверху и беспрекословного их подчинения Центральному комитету несомненно отвечала планам руководства партии. В этом направлении кадетский ЦК предпринял определенные практические

¹ ЦГИА СССР, ф. 229, оп. 4, д. 2003, лл. 90—91.

² См. «Речь», 13 июля 1917 г.; ВПНС, 1917, № 11-13, стр. 24. 18—19 октября 1917 года в Минске состоялся фронтальный съезд кадетской партии. На нем присутствовал представитель Военной комиссии ЦК Б. Д. Плетнев (см. «Минская жизнь», 20 и 21 октября 1917 г.).

³ ЦГАОР СССР, ф. 579, оп. 1, д. 848а, л. 1.

⁴ Там же, лл. 2—3. На заседании Московского отдела ЦК кадетской партии было высказано пожелание, чтобы комиссары жили в губернии, а «если у комиссара несколько губерний, он должен указать лицо, которое будет ответственно за работу» (там же, д. 1107, л. 2).

шаги. Выступая на Московском областном съезде кадетов (14—15 июня), А. А. Корнилов заявил: «...нам предстоит теперь приблизиться непосредственно к широким демократическим массам, организуя их вокруг нашей платформы»¹. А. А. Корнилов информировал съезд о том, что ЦК распределяет всю Россию на округа, ставит во главе округа комиссара, на обязанности которого лежит принять все меры для организации местных комитетов. По словам Корнилова, пленарное заседание ЦК 10 июня, в котором участвовали представители губернских комитетов, указало на необходимость превратить комитеты партии губернских городов в губернские комитеты, т. е. включить в их состав представителей уездов. С этой целью предлагалось провести с 1 по 10 июля губернские съезды. Избранным на них губернским комитетам вменялось в обязанность создавать уездные, а последним — волостные группы².

В отдельных уездных городах местные деятели (представители буржуазной интеллигенции, государственные служащие, предприниматели) с санкции губернского комитета создавали отдел или группу партии. Так, в г. Нежине Черниговской губернии 20 мая образовалась под руководством профессора В. А. Розова инициативная группа кадетской партии. К 11 июня она завербовала в партию 60 человек. Аналогичным путем была образована в июне кадетская группа в Аккермане (Бессарабская губерния)³. Но чаще инициатива возникновения местных отделов партии исходила от вышестоящих кадетских центров. Уполномоченный ЦК созвал в Минске 4 мая собрание (присутствовало 26 человек), которое избрало кадетский комитет. Таким же образом был основан отдел кадетской партии в Екатеринославе. Казанский губернский комитет, учрежденный в марте 1917 года, поставил главной своей задачей «организацию комитетов в городах, где их еще нет»⁴. Этому же добивались кадетские комитеты Калуги, Ставрополя. Представитель ЦК А. П. Нечаев вместе с двумя помощниками «одним махом» оформил уездные комитеты в трех из четырех уездных городов Вологодской губер-

¹ «Свободный народ» (Петроград), 18 июля 1917 г.

² См. ВПНС, 1917, № 8-10, стр. 19.

³ См. ВПНС, 1917, № 8-10, стр. 30; № 14-16, стр. 25.

⁴ ЦГАОР СССР, ф. 579, оп. 1, д. 1024, л. 1об.

нии¹. Нижегородский губернский комитет сообщал в ЦК, что «все существующие уездные комитеты возникли исключительно по инициативе Губ. комитета»².

Казалось, организационный план кадетского ЦК с успехом претворялся в жизнь. В июле в ряде губерний состоялись делегатские съезды кадетов, избравшие губернские комитеты, в состав которых вошли также представители кадетских организаций уездных городов³. Заметно возросло общее число кадетских организаций. Судя по опубликованным в «Вестнике партии народной свободы» спискам местных комитетов партии, их насчитывалось: на 25 мая 1917 года — 183, на 8 июня — 205, на 22 июня — 232, на 22 июля — 269, на 31 августа — 322. В октябре в стране было не менее 370 кадетских организаций, в том числе в Петрограде и Москве, в 73 губернских и областных городах, в 240 уездных городах и в 55 других населенных пунктах⁴. Официальных данных об общей численности кадетской партии 1917 года нет. Л. М. Спирин, впервые занявшийся детальным выяснением этого вопроса, определил общую численность партии кадетов в 1917 году в 50 тысяч членов⁵. Дополнительно привлеченные материалы дают основание полагать, что численность кадетов в 1917 году была большей, примерно 70—80 тысяч⁶.

¹ См. ВПНС, 1917, № 6-7, стр. 13—14; № 14-16, стр. 29; № 8-10, стр. 29; № 19, стр. 23; № 21-22, стр. 20.

² ЦГАОР СССР, ф. 579, оп. 1, д. 1028, л. 3.

³ В первой половине июля 1917 года делегатские съезды кадетов состоялись в Вологодской, Екатеринославской, Екатеринбургской, Уфимской, Черниговской, Курской, Казанской губерниях.

⁴ ВПНС, 1917, № 3, 4-5, 6-7, 8-10, 14-16, 21-22.

⁵ Этот вывод основан на данных о численности кадетских организаций в 41 пункте страны: 11 губернских и областных городах (от 26 до 500 членов в городе), где насчитывалось 2543 члена кадетской партии; 24 уездных городах (от 17 до 159) — 2093 члена; 4 других населенных пунктах (от 17 до 70) — 176 членов. Число кадетов в Петрограде и Москве определено примерно в 10 тысяч (см. «В. И. Ленин и история классов и политических партий в России». М., 1970, стр. 257—258).

⁶ Нами учтена численность кадетских организаций в марте — апреле 1917 года в 61 пункте страны и 4 районах Петрограда (по материалам ВПНС, 1917—1918 гг.; по сводкам кадетских комитетов Саратовской, Самарской, Нижегородской, Костромской, Оренбургской, Ярославской и Уфимской губерний — ЦГАОР СССР, ф. 579, оп. 1, дд. 1023, 1025, 1028, 1030, 1032, 1033, 1038; по газетам «Народная свобода» (Иркутск), 25 апреля 1917 г., и «Речь», 31 августа 1917 г.). В 15 губернских и областных городах числилось от 26 (в Минске; см. ВПНС, 1917, № 4-5, стр. 17) до 2000 членов (в Са-

Несмотря на внушительное число организаций, раскиснувших по всей стране, кадетам не удалось добиться своей конъюнктурной цели — демократизации состава партии. В кадетские организации после свержения царизма устремились бывшие члены монархических, черносотенных партий. Известный лидер октябристов Н. Савич от имени руководства партии сделал в начале июня следующее заявление: «Лидеры нашей партии рекомендуют деятельную поддержку партии народной свободы». Савич советовал и кадетам «пополнить свои ряды такими союзниками, как октябристы»¹. В речи на совещании членов Государственной думы 2 июля Савич признал, что за время революции он во многом примирился с кадетами, в искренность которых он не всегда верил из-за их демагогии. «Ибо я увидел, — говорил лидер октябристов о кадетях, — что в основных, главных чертах государственной политики они все-таки берут верную ноту»². Кадеты удостоились также похвалы главы черносотенцев Пуришкевича, который после выборов в районные думы Петрограда отметил, что за кадетскую партию, «являющуюся крайне правой в России, подали голоса все, правее стоящие»³.

Кадетами становились даже бывшие черносотенцы и националисты, а также представители крупного капитала и землевладения, служившие ранее опорой крайне правых партий. Этот факт был столь очевиден, что его должны были признать сами кадеты. Из Читы писали в ЦК, что в местную кадетскую организацию «вошли

маре; см. ЦГАОР, ф. 579, оп. 1, д. 1025, л. 1) — всего 6826. В 37 уездных городах — от 19 (в Невьянске; см. ВПНС, 1917, № 17-18, стр. 15) до 600 (в Невеле; см. там же, стр. 18) — всего 6422; в 9 других населенных пунктах — от 14 (ст. Удельная Петроградской губ.; см. ВПНС, 1917, № 4-5, стр. 20) до 150 (в селе Никольском Костромской губ.; см. ЦГАОР, ф. 579, оп. 1, д. 1030, л. 13об.) — всего 522. В 4-х из 12 районных организаций Петрограда максимальная численность кадетов составляла 3875 членов: в Литейном районе в июне — 800 членов; в Нарвском в сентябре — 275; в Московском в мае — 240, в декабре — 1175; в Петроградском районе в июле — 800, в декабре — 1626 (ВПНС, 1917, № 19, стр. 19; № 26-27, стр. 11; 1918, № 4, стр. 120—121; № 5, стр. 162). Это дает основание считать, что только в Петрограде было около 10 тысяч кадетов.

¹ См. В. Розицын. Куда девались октябристы? «Социал-демократ» (Харьков), 13 июня 1917 г.

² «Буржуазия и помещики в 1917 году». М.—Л., 1932, стр. 179.

³ Там же, стр. 127.

все элементы, которые раньше были известны крайне правыми взглядами»¹. Саратовский губернский комитет констатировал, что в Царицынскую организацию кадетов большинство записалось «по неприязни к левым, а не по глубокому убеждению»². Крайне правые элементы, пополнившие кадетскую организацию, возглавили Оренбургский комитет партии³. Газета хабаровских кадетов писала: «Нельзя таить, что в партию проникли и элементы, стоящие и правее ее»⁴. На организационном собрании екатеринославских кадетов указывалось, что в партию «записываются не только бывшие октябристы, но и члены Союза русского народа»⁵. В г. Кологриве (Костромская губерния) к кадетам «перешла вся бывшая черная сотня»⁶.

Многочисленные факты подтверждают, таким образом, сделанный В. И. Лениным в мае 1917 года вывод: «Кадеты объединяют всех правых, всю контрреволюцию, всех помещиков и капиталистов»⁷. Даже кадетский «Вестник» признавал, что крупные собственники, землевладельцы и торговцы примыкают к партии кадетов, «потому что надеются здесь более, чем у других, найти опору для своих классовых интересов»⁸.

В первые месяцы революции руководство кадетской партии делало вид, будто оно ограждает партию от элементов, которые могут скомпрометировать ее в глазах демократии. 24 апреля кадетский ЦК постановил: «Принимать членов в партию, не вводя обязательной рекомендации, но применяя известный критерий к тем, о ком имеются неблагоприятные данные в смысле политической их физиономии»⁹. Секретарь ЦК А. А. Корнилов отмечал 25 мая, что кое-где в провинции под флагом кадетов выступают чиновничьи, торгово-промышленные и близкие к Союзу земельных собственников группы. Он выразил сомнение, «насколько полно этими группами воспринимается программа партии»¹⁰. Кадетский «Вестник»

¹ ЦГАОР СССР, ф. 579, оп. 1, д. 1036, л. 3.

² ЦГАОР СССР, ф. 579, оп. 1, д. 1023, л. 31.

³ ЦГАОР СССР, ф. 579, оп. 1, д. 1032, л. 10.

⁴ См. ВПНС, 1917, № 14-16, стр. 37.

⁵ ВПНС, 1917, № 6-7, стр. 15.

⁶ «Партийные известия» (ЦК с.-р.), 1917, № 3, стр. 40.

⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 69.

⁸ ВПНС, 1917, № 6-7, стр. 5.

⁹ ВПНС, 1917, № 11-13, стр. 22.

¹⁰ Там же, стр. 23.

предупреждал в июне об угрозе изменения лица партии в результате вступления в нее правых элементов¹. По существу стенания кадетских деятелей по поводу «правой опасности» были сплошным притворством, лицемерным прикрытием их единения с крайне правыми силами. С лета 1917 года руководство кадетской партии само стало искать сближения с помещиками и монархистами. На заседании агитационной комиссии ЦК 1 сентября об этом говорили в полный голос. Один из членов комиссии отметил, что в деревне есть монархические течения среди приходских священников и собственников земли и делал вывод: «Мы не должны воспрещать местным комитетам соглашения с такими группами»². В Витебской, Самарской и других губерниях кадетские организации действовали в тесном контакте с помещичьим «Союзом земельных собственников»³.

Руководство партии было крайне заинтересовано в привлечении в свои организации молодежи. В прошлом в кадетскую партию, которую иронически называли «профессорской», студенты не шли. В 1917 году, в обстановке резкого обострения классово-борьбы, впервые за свою историю кадетская партия стала пополняться молодежью, конечно сплошь из буржуазных слоев населения.

Были образованы студенческие фракции партии кадетов в Москве, Петрограде, Харькове, Нижнем Новгороде, Саратове, Костроме, Самаре, Казани и некоторых других городах⁴. Кадеты стали создавать также «фракции партии народной свободы» из гимназистов старших классов. В Петрограде такая фракция оформилась в августе⁵. Бахмутская кадетская газета (Екатеринославская губерния) с удовлетворением отмечала, что «громадное большинство студентов примыкает

¹ См. ВПНС, 1917, № 6-7, стр. 5.

² ЦГАОР СССР, ф. 579, оп. 1, д. 774, л. 3а.

³ ЦГАОР СССР, ф. 579, оп. 1, д. 1025 л. 4; ВПНС, 1917, № 31, стр. 19; № 11-13, стр. 25—27.

⁴ См. ВПНС, 1917, № 2, стр. 17; № 1, стр. 27; ЦГАОР СССР, ф. 579, оп. 1, д. 1028, л. 3; д. 1023, л. 24об.; д. 1030, л. 2; д. 1025, л. 2; д. 1024, л. 1.

⁵ См. ВПНС, 1917, № 31, стр. 28. Фракция установила связь с аналогичными группами, созданными кадетскими комитетами Саратова, Твери, Екатеринослава и некоторых других городов (см. «Новь» (орган Петроградского комитета кадетской фракции учащихся средних учебных заведений), 1918, № 1, стр. 6—7).

к партии народной свободы»¹. Милюков говорил на VIII съезде кадетской партии: «...мы обрастаем плотными рядами нашей молодежи»². Изгоев рекомендовал кадетской молодежи подумать о созыве своего Всероссийского съезда³.

Однако молодежное пополнение, которым кадеты похвалялись, в общем было невелико, исчислялось сотнями, тогда как под большевистское знамя становились десятки тысяч молодых пролетариев. А главное — пополнение из *буржуазной* молодежи (не говоря уж о влившихся в организации черносотенно-монархических элементах) отнюдь не придавало кадетской партии демократичности.

Партия, еще недавно защищавшая монархию, всегда отстаивавшая интересы буржуазии и помещиков, не могла привлечь симпатий демократических масс. Напротив, вражда к кадетам в народе была столь велика, что даже их сторонники зачастую вынуждены были маскировать свою приверженность к партии «народной свободы». Так, служащие Московско-Казанской железной дороги, послав 10 апреля 1917 года письмо Центральному комитету кадетской партии, в котором рекомендовали заботиться об укреплении влияния кадетов на созываемом Всероссийском съезде железнодорожников и советовали командировать в Управление дороги опытного кадетского оратора, в заключение просили не оглашать их письма и «сделать так, как будто инициатива совещания исходит непосредственно от вашей партии»⁴.

На привлечение в свои ряды рабочих кадеты не рассчитывали⁵. Но им не удалось проложить путь и к крестьянству.

На областном съезде представителей кадетских организаций северо-западных губерний, созванном в Петрограде в середине июля; большинство выступавших (из

¹ «Народная свобода» (Бахмут), 13 июня 1917 г.

² «Речь», 13 мая 1917 г.

³ См. ВПНС, 1917, № 14-16, стр. 10.

⁴ ЦГАОР СССР, ф. 579, оп. 1, д. 874, л. 1.

⁵ В сообщении из Бахмута, например, отмечалось: «Бахмутский уезд с многочисленным рабочим населением весьма неблагоприятен для партии народной свободы». Рабочие, говорилось далее, относятся нетерпимо к кадетской партии (ВПНС, № 6-7, стр. 12). Из Тулы сообщали, что у 80 тысяч рабочих города настроение большевистское. На митингах «при одном названии «кадет» поднимался неимоверный шум» (ВПНС, 1917, № 8-10, стр. 20).

Архангельской, Олонецкой, Петроградской, Новгородской губерний) отмечали слабость позиций кадетов в деревне. Лишь делегаты Витебской губернии могли похвастать созданием в нескольких волостях партийных кружков из крестьян, объясняя свой успех наличием в губернии значительной прослойки хуторян и кулаков. Представитель Витебска заявил: «Сочувствуют партии следующие элементы: земельные собственники, группа «Единство» и католическое население. Хуторяне поддерживают партию, что же касается общинников, то на них надежды мало»¹. Из 600 членов Невельского отдела кадетской партии (Витебская губерния) свыше 300 жили в сельской местности (преимущественно кулацкие элементы и хуторяне)². В Нижегородской губернии из 441 кадета, числившегося в списках на 1 августа 1917 года, в деревнях и селах жили 57 (священники, отрубники и хуторяне)³. В кадетской организации Оренбургской губернии 46 членов из 396, числившихся на 1 июля в организации, являлись сельскими жителями⁴. Сельские группы кадетов имелись в некоторых уездах Самарской, Костромской, Пермской, Ярославской губерний. В большинстве других губерний кадетам не удавалось создать себе даже слабой опоры в деревне⁵. Крестьяне в массе своей относились к кадетам неприязненно.

Недемократичность кадетской партии нашла отражение в составе ее руководящих органов. Членами губернских, уездных, городских комитетов партии повсеместно были представители имущих классов и тесно связанной с ними интеллигенции. В числе 31 члена Самарского

¹ ВПНС, 1917, № 11-13, стр. 26.

² ВПНС, 1917, № 17-18, стр. 18.

³ ЦГАОР СССР, ф. 579, оп. 1, д. 1028, л. 3.

⁴ ЦГАОР СССР, ф. 579, оп. 1, д. 1023, л. 10.

⁵ На съезде кадетов Уфимской губернии (в июле) отмечалось: «Особенно важно то, что в число членов... входят крестьяне соседних сел, что дает надежду организовать в первую очередь и волостные группы». 26 октября губернский комитет вынужден был констатировать, что «волостных и сельских организаций в губерниях не создано» (ЦГАОР СССР, ф. 579, оп. 1, д. 1034, л. 1об.). Даже верхушка донского казачества под давлением низов в сентябре 1917 года порвала заключенный в августе блок с кадетами при выборах в Учредительное собрание (см. Ю. К. Кириенко. Итоги выборов в Учредительное собрание на Дону. «История СССР», 1970, № 1, стр. 125). А. С. Изгоев с сожалением отмечал, что кадетская партия «не смогла сделать себе опоры из крестьян-собственников» («Архив русской революции» (Берлин), 1923, т. X, стр. 17).

губернского комитета были руководящие банковские деятели, коммерсанты, землевладельцы, юристы, журналисты, инженеры, агрономы, чиновники, священники¹. Среди 19 членов Нижегородского губернского комитета были заводчики, представители биржевого комитета, земские и городские деятели и т. п. Сам этот комитет признал, что «простонародный элемент в виде крестьян, рабочих, ремесленников в нем отсутствует»². Такое же положение было и в других губернских и уездных комитетах. В своих донесениях в центр кадетские губернские комитеты (Ярославля, Оренбурга, Костромы, Самары, Казани) отмечали, что они имеют поддержку среди духовенства и торгово-промышленных кругов. Костромской комитет сообщал, что «партия пользуется некоторым влиянием среди торгово-промышленников, учителей, городских служащих. Крестьяне же, находившиеся ранее под влиянием эсеров, теперь (в конце 1917 года. — Авт.) сочувствуют большевикам. На их стороне также сельская интеллигенция»³. В крупных же городах кадетов поддерживали буржуазные предпринимательские организации. Так, петроградский «Совет торговли и промышленности» заявил осенью 1917 года о готовности всячески поддерживать кадетский список кандидатов в Учредительное собрание⁴.

Таким образом, кадетам не удалось демократизировать состав своей партии. Хотя во всех губернских и многих уездных городах были сформированы кадетские комитеты, но они не смогли пустить корни в народную толщу. Кадетам не удалось сделать свою партию привлекательной для крестьянства. К ним потянулись, в основном, выходцы из разбитых Февральской революцией крайне правых буржуазных и помещичьих партий и организаций. У кадетов, писал народнический журнал, «еще остается прежняя интеллигентская голова, но тело растет в значительной степени за счет обломков охранительного лагеря»⁵.

Не только по своим целям, но и по составу кадетская партия 1917 года была партией буржуазно-помещичьей контрреволюции.

¹ ЦГАОР СССР, ф. 579, оп. 1, д. 1025, лл. 3-4.

² ЦГАОР СССР, ф. 579, оп. 1, д. 1028, л. 2об.

³ ЦГАОР СССР, ф. 579, оп. 1, д. 1030, л. 4.

⁴ ЦГАОР СССР, ф. 579, оп. 1, д. 1353, л. 1.

⁵ «Русское богатство», 1917, № 4-5, стр. 241.

3. В БОРЬБЕ ЗА ЕДИНОВЛАСТИЕ БУРЖУАЗИИ

Существование наряду с Временным правительством Советов расценивалось кадетами как ущемление «законных» прав буржуазного правительства, в котором они играли ведущую роль. Кадетский центральный комитет — политический штаб класса буржуазии¹ — добивался укрепления правительственных позиций. Пленум ЦК заявил 10 марта, что основная задача партии после переворота — «оказание поддержки образовавшемуся Временному правительству и помощь в его работе»². Своей целью кадеты поставили: ликвидировать двоевластие, добиться того, чтобы не Советы, как того хотели большевики, а Временное правительство, направляемое партией «народной свободы», стало единственным органом власти в стране.

Делегаты VII кадетского съезда, ратуя за укрепление власти Временного правительства, настаивали на подчинении ему всех организаций. М. М. Винавер информировал съезд, что ЦК партии осудил вторжение Петроградского Совета в прерогативы исполнительной власти, которое особенно резко проявилось в принятии «Приказа № 1». «Временное правительство, с нашей точки зрения, — говорил Винавер, — является единственной исполнительной и законодательной властью страны, и никакие организации... не должны... брать на себя никаких исполнительных функций»³. Резолюция съезда указала, что Советы не должны «претендовать на функции власти исполнительной, вводя население в неизбежный соблазн многовластия»⁴.

Добиваясь полновластия Временного правительства, кадетские деятели, разумеется, считали, что руководящее ядро его должны составить представители их партии — партии «государственных мужей», вобравшей в свои ряды «интеллектуальную элиту», «мозг страны». Д. И. Шаховской говорил в июле 1917 года: «Мы, как партия реальной политики, всегда стремились к государственной власти, и это нужно подчеркнуть, мы не

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 135.

² ВПНС, 1917, № 1, стр. 15.

³ М. М. Винавер. Тактика партии народной свободы. Одесса, 1917, стр. 7.

⁴ ВПНС, 1917, № 1, стр. 10.

отказываемся, а напротив, стремимся к власти для осуществления наших политических идеалов»¹.

Не имея возможности утвердить единовластие Временного правительства силой оружия, кадеты пытались добиться расположения масс к своей партии и к буржуазному правительству лестью, обманом, щедрыми обещаниями. Этими соображениями была продиктована и политика кадетов в правительстве. Отстаивая неприкосновенность помещичьей и капиталистической собственности, кадеты в то же время обещали осуществить «широкие социальные реформы» в интересах крестьян и рабочих «в будущем». Ф. Ф. Кокошкин, например, заявил на VII съезде, что одной из задач государственной деятельности партии является «осуществление начал социальной справедливости, широких реформ, направленных к удовлетворению справедливых требований трудящихся классов»². Д. И. Шаховской указывал на якобы отсутствие различий между кадетской программой и программами-минимум левых партий по аграрному и рабочим вопросам. М. М. Винавер, поддерживая предыдущих ораторов, добавил, что реформы, обещанные Временным правительством, соответствуют программе кадетов. Многочисленные брошюры и газеты кадетского направления сулили трудящимся всяческие блага в результате предусмотренных кадетами реформ, но категорически возражали при этом против проведения их до созыва Учредительного собрания. «Следует усиленно подчеркивать, — говорилось в докладе Винавера на VII съезде, — что все то, что не является предметом крайней необходимости, — все это должно быть предоставлено выявлению воли народной в Учредительном собрании»³. Крестьянам, добивающимся получения земли, рабочим, требующим законодательного закрепления 8-часового рабочего дня, кадеты предлагали дожидаться решения Учредительного собрания. «Ничего окончательного, ничего бесповоротного не должно быть сделано до Учредительного собрания»⁴, — говорилось в еженедельнике партии.

¹ «IX съезд партии народной свободы. Стенографический отчет». М., 1917, стр. 2.

² «Стенографический протокол заседаний VII съезда партии народной свободы», стр. 10.

³ М. М. Винавер. Указ. соч., стр. 10.

⁴ К. Соколов. Учредительное собрание. ВПНС, 1917, № 1, стр. 3.

Но если в области внутренней политики кадеты, хотя бы словесно, отмежевывались от политики самодержавия и декларировали проведение реформ в будущем, то в вопросах внешней политики партия Милюкова решительно настаивала на продолжении политики царизма. 7 марта было опубликовано написанное Мануйловым и накануне утвержденное Временным правительством обращение к населению России. В нем Временное правительство обещало созвать в возможно кратчайший срок Учредительное собрание, которое издаст «основные законы, обеспечивающие стране незыблемые основы права, равенства и свободы». «Правительство со своей стороны, — говорилось в обращении, — приложит все силы к обеспечению нашей армии всем необходимым для того, чтобы довести войну до победного конца. Правительство будет свято хранить связывающие нас с другими державами союзы и неуклонно исполнит заключенные союзниками соглашения»¹. В заявлениях Милюкова, сделанных им в качестве министра иностранных дел, без дипломатических уверток провозглашалась незыблемость империалистического курса России во внешней политике. «...Мы, русские, — заявил Милюков 22 марта, — претендуем на обладание Константинополем и проливами»².

В те дни, когда народные массы России под свежим впечатлением от опубликованного 15 марта обращения Петроградского Совета «К народам всего мира» ждали от Временного правительства действенных мер по прекращению войны, откровенно империалистические заявления Милюкова вызвали острое недовольство в стране. Прямолинейность Милюкова встревожила других членов правительства, вызвала критику в его адрес со стороны эсеров и меньшевиков. Керенский заявил, будто Милюков не отражает взглядов Временного правительства³.

В поддержку Милюкова выступил VII съезд кадетской партии. А. А. Корнилов объявил несостоятельными обвинения Милюкова в империализме и аннексионизме. По словам Корнилова, захват проливов Босфор и Дарданеллы планировался не в интересах буржуазии, а в

¹ «Революционное движение в России после свержения самодержавия», стр. 425.

² См. Н. Губский. Революция и внешняя политика России (Собрание материалов). М., 1917, стр. 21—22.

³ См. «Дело народа», 26 марта 1917 г.

интересах всей страны, «поэтому вся та политика, которую развивает П. Н. Милюков, является самой национальной политикой»¹. Апологетику войны до победы представляла речь Ф. И. Родичева. Он наиболее определенно и ясно выразил стремление кадетов отвлечь народ заманчивыми экспансионистскими планами от революционной борьбы: «До тех пор, пока над человечеством навис германский милитаризм, социальная справедливость — утопия, и потому мы зовем всех прежде всего сломить германский милитаризм»².

Несмотря на поддержку кадетского съезда, Милюкову не удалось воспрепятствовать появлению 27 марта в печати декларации Временного правительства — результата закулисной сделки лидеров Петроградского Совета и Временного правительства с целью успокоить массы. Подтверждая незыблемость ранее заключенных соглашений с союзниками, декларация в то же время провозглашала отказ России от захватов.

Пункт об отказе от аннексий, по существу формальный, включенный в декларацию лишь для примирения масс с империалистической войной, пришелся не по душе Милюкову. Он долго противился посылке декларации правительствам союзных стран в качестве официального документа, как того требовали лидеры Совета. Выступая 5 апреля на приеме, устроенном Временным правительством для представителей французских и английских социалистов, Милюков сказал: «...несмотря на переворот, мы сохранили главную цель и смысл этой войны»³. Таким образом, кадетские деятели даже не пытались маскировать захватнические цели русской буржуазии, говорили о них в полный голос.

Чем объяснялась такая подчеркнутая прямолинейность кадетов в области внешней политики?

Партия Милюкова упорно отвергала формулу «мир без аннексий и контрибуций» из опасения, что союзники могут воспользоваться этим и лишить русскую буржуазию ее доли добычи после победы. «Россия, — говорил Милюков, подразумевая отечественную империалистическую буржуазию, — не может допустить, чтобы ее жизненные интересы были ослаблены и чтобы Россия вышла

¹ «Речь», 28 марта 1917 г.

² «Речь», 29 марта 1917 г.

³ См. Н. Губский. Указ. соч., стр. 27.

из этой войны униженной»¹. Лидер партии российской буржуазии считал, далее, что оборонческая фразеология меньшевиков и эсеров не стимулирует армию на активные наступательные операции (лишь при этом условии можно было реализовать конечные империалистические цели войны и получить необходимые кредиты от союзников).

Пропагандируемые оборонцами обращение Петроградского Совета «К народам всего мира» и резолюция о войне Всероссийского совещания Советов хотя и говорили о «защите завоеваний революции», но призывали к борьбе за мир и к противодействию захватнической политике. Против последнего кадеты особенно ополчились, видя в этом тезисе помеху для перехода армии в наступление. Вот почему Милюков решительно выступал не только против интернационализма большевиков, но и против пацифизма соглашательских партий.

Чтобы двинуть армию в наступление, нужна была, по мнению кадетов, открытая пропаганда милитаризма и военных захватов. Отсюда прямолинейность Милюкова, его заявления о стремлении Временного правительства продолжать войну во имя поставленных царизмом целей².

18 апреля Временное правительство наконец решилось послать союзникам свою декларацию от 27 марта. Составленная Милюковым и одобренная правительством препроводительная нота, в отличие от туманной декларации, определенно заявляла о верности Временного правительства заключенным ранее соглашениям с союзниками и решимости продолжать войну до полной победы.

Предвидел ли Милюков возможные последствия этой ноты?

18 апреля (1 мая н. ст.) Милюков из окна своего кабинета вместе с прибывшим в Россию членом правительства Франции социалистом Альбертом Тома наблюдал за первомайской демонстрацией трудящихся Петрограда. «В числе плакатов, — писал позднее Милюков, —

¹ «Стенографический отчет заседаний Всероссийского съезда офицерских депутатов армии и флота в г. Петрограде с 8 по 27 мая 1917 г.», т. 1, стр. 47.

² См. П. Н. Милюков. Воспоминания, т. 2. Нью-Йорк, 1955, стр. 339.

были и такие, как «долой войну», а резолюции заводских рабочих уже заранее требовали отставки Временного правительства и передачи власти в руки Совета. Но эти большевистские выступления тонули в общем характере праздника»¹. Казалось, все свидетельствовало о силе лидеров Петроградского Совета, отрицательное отношение которых к большевикам было Милюкову хорошо известно. Возможно, Милюков рассчитывал, что Временное правительство с помощью эсеро-меньшевистского руководства Совета сумеет легко справиться со сторонниками большевиков в случае их открытого выступления.

20 апреля газеты сообщили о ноте Милюкова. Для масс она была полной неожиданностью. Не искушенные в политике, они готовы были примириться с войной во имя «защиты отечества и революционных свобод». Солдаты и многие рабочие верили меньшевикам и эсерам, твердившим о стремлении Временного правительства к миру, о предстоящем издании им «акта», который приблизит окончание войны. Узнав содержание долгожданного «акта», поняв, что нота Милюкова несет «не мир, но меч», массы пришли в негодование. Политически незрелая, мелкобуржуазная в своем большинстве солдатская масса, не поняв всей сущности происходящего, устремилась к Мариинскому дворцу с требованием отставки Милюкова. Особенно напугали буржуазию рабочие демонстрации, состоявшиеся во второй половине дня 20 и 21 апреля под лозунгами: «Вся власть Советам!», «Мир без аннексий и контрибуций!».

ЦК кадетской партии пытался спровоцировать беспорядки. На заседании ЦК 20 апреля было решено устроить контрдемонстрацию². Кадетский клуб на Французской набережной стал сборным пунктом противопролетарских сил. Отсюда направлялись автомобили, с которых разбрасывались листовки, призывавшие к поддержке Временного правительства. Здесь 21 апреля сформировалась процессия из офицеров, юнкеров, чиновников, интеллигенции, студентов, которая во главе с членами кадетского ЦК Винавером и Герасимовым направилась к Невскому проспекту демонстрировать преданность Временному правительству и поддержку политики

¹ П. Н. Милюков. Воспоминания, т. 2, стр. 360.

² См. ВПНС, 1917, № 11-13, стр. 21.

продолжения войны¹. На Дворцовой площади, как писала «Правда», кадетские манифестанты вели себя вызывающе, кричали «Долой Ленина» и при содействии правительственной милиции арестовывали инакомыслящих². Кадеты натравливали мелких буржуа на рабочий класс, распространяли провокационные измышления, будто большевики развязывают гражданскую войну, хотя ЦК РСДРП(б) 21 апреля в специальной резолюции осудил всякие попытки вооруженного выступления и призвал к мирной политической демонстрации. Около 4 часов дня 21 апреля группа офицеров, юнкеров и студентов напала на колонну рабочих Выборгской стороны. Вооруженные столкновения между рабочими и буржуазными элементами произошли в тот день в Рождественском и других районах столицы. Это были первые после Февральской революции вооруженные схватки на улицах Петрограда³.

Командующий Петроградским военным округом генерал Л. Г. Корнилов приказал артиллеристам-юнкерам выступить против рабочей демонстрации. Это была попытка контрреволюции развязать гражданскую войну, чтобы обескровить петроградский пролетариат и затем покончить с революцией. Но эти расчеты провалились в зародыше. Исполком Петроградского Совета отменил приказ Корнилова. Контрреволюция получила убедительное доказательство своего бессилия.

Апрельский кризис, обнажив империалистическое лицо кадетской партии, резко ослабил ее позиции в правительстве. В первые дни кризиса кадетский ЦК еще надеялся отстоять наличный состав Временного правительства и свое влияние в нем. 23 апреля он признал невозможным индивидуальный выход кадетов из правительства и отрицательно отнесся к составлению коалиционного министерства⁴. Вскоре, однако, стало очевидно, что народ не примирится с чисто буржуазным правительством. В лагере контрреволюции спешно занялись поисками путей укрепления буржуазной власти. Крайне

¹ См. «Очерки по истории Октябрьской революции», т. II. М.—Л., 1927, стр. 183.

² См. «Правда», 22 апреля 1917 г.

³ См. подробнее Г. М. Голиков, Ю. С. Токарев. Апрельский кризис 1917 г. «Исторические записки», 1956, т. 57; Ю. С. Токарев. Апрельский кризис. Л., 1967.

⁴ См. ВПНС, 1917, № 11-13, стр. 21.

правые элементы склонялись к тому, чтобы взять курс на развязывание гражданской войны с целью установления военной диктатуры. Они предлагали порвать с существующей властью, саботировать ее решения, действовать по принципу «чем хуже, тем лучше». Следуя этому принципу, Гучков 29 апреля демонстративно вышел из Временного правительства, чтобы, как он сказал, подчеркнуть «трагичность настоящего положения и ускорить его разрешение»¹. На совещании членов Государственной думы черниговский помещик Б. И. Кринский с циничной откровенностью ратовал за проведение широкого саботажа, как наиболее эффективного средства борьбы с Советами. «Разруха временная в промышленности и финансах... восстановит порядок в государстве, — говорил Кринский. — ...Она заставит классы, не буржуазию и рабочих... а громадные массы крестьянства... враждовать друг с другом, и истрадавшееся, измучившееся население в России... завопит: дайте нам власть! И этого момента недолго ждать»².

Но в конце апреля — начале мая руководство кадетской партии в большинстве своем не решилось на открытую войну с Советами. Вооруженные силы, поддержка народа были на стороне Советов, а не Временного правительства. Учитывая это, кадетский ЦК предпочел продолжать политику маневрирования и заигрывания с лидерами Петроградского Совета. При посредстве меньшевиков и эсеров кадеты рассчитывали достичь того, что оказалось им не под силу самим — помешать переходу мелкобуржуазных масс, прежде всего крестьянства, на сторону революционного пролетариата, преградить путь социалистической революции, упрочить в стране капиталистические порядки.

Союз кадетов с меньшевиками и эсерами начал складываться с первых же дней Февральской революции. На съезде кадетов в конце марта Милюков с благодарностью говорил о заслугах руководителей Петроградского Совета, меньшевиках и эсерах, в деле установления власти Временного правительства. «И мы рассчитываем, — добавил Милюков, — что они нам помогут так, как помогли нам А. Ф. Керенский»³. Эту мысль продолжил Е. Н. Тру-

¹ «Буржуазия и помещики в 1917 г.», стр. 7.

² Там же, стр. 72.

³ «Речь», 28 марта 1917 г.

бецкой. «Мне прежде казалось, — говорил он, — что между нами и левыми — стена. Но в настоящее время все эти стены рухнули». Кадеты определенно заявляли, что сближение с меньшевиками и эсерами возможно на основе совместной борьбы против партии большевиков. «Соединение всей страны против большевиков, — говорил Трубецкой, — представляется мне вполне возможным, и это будет спасением для всей страны»¹. В докладе Д. И. Шаховского о тактике партии подчеркивалась желательность соглашения кадетов с «левыми течениями, более разумными», т. е. с меньшевиками и эсерами, против большевиков. «Это сближение облегчается еще и тем, — говорил докладчик, — что левые партии в значительной мере... приблизились к нам»². Впрочем, буржуазная печать не без основания отмечала, что такое соглашение на деле уже достигнуто. А. Кизеветтер, проанализировав заявления, сделанные всеми крупнейшими политическими партиями России после свержения царизма, констатировал факт сближения различных течений «от кадетов до меньшевиков включительно, — на общей почве отмежевания от большевизма»³.

Кадетские деятели оценили, что в момент апрельского кризиса соглашательское руководство Петроградского Совета дало убедительное доказательство своей готовности и дальше поддерживать Временное правительство. После каждой акции против правых соглашательские лидеры Совета спешили предпринять что-либо угодное лагерю контрреволюции. 20 апреля Исполком Совета шумно негодовал по поводу ноты Милюкова. На другой же день Исполком заявил, что удовлетворен «разъяснением» Временного правительства (в том смысле, что нота не противоречит декларации 27 марта) и признает «инцидент исчерпанным». Воспротивившись 21 апреля выводу Корниловым войск для расправы с рабочей демонстрацией, Исполком пытался удержать рабочих от *мирных* демонстраций против Временного правительства. Буржуазию особенно порадовало решение Исполкома Петроградского Совета от 22 апреля поддержать «заем свободы». Это решение означало, что на деле руководство Совета солидаризуется с политикой Милюкова.

¹ «Речь», 29 марта 1917 г.

² Там же.

³ «Русские ведомости», 28 марта 1917 г.; см. об этом же «Русская свобода», 1917, № 2, стр. 37.

Видимо, учитывая фактическую поддержку меньшевиками и эсерами политики продолжения войны, ЦК кадетской партии 23 апреля постановил предпринять акции для соглашения с левыми в вопросах внешней политики¹. В кадетском ЦК постепенно утверждалось мнение о невозможности успешного продолжения войны и борьбы с революционным движением без непосредственного участия в правительстве «социалистов». 2 мая 1917 года Милюков, долго противившийся созданию коалиционного министерства, подал в отставку с поста министра иностранных дел.

Немногим более месяца назад, 27 марта, делегаты VII съезда кадетской партии аплодировали заявлению московского делегата М. Л. Мандельштама о том, что немыслимо такое положение, при котором партия согласилась бы участвовать во Временном правительстве «без участия в нем нашего вождя»². Но вот «вождь» вынужден был уйти, тем не менее остальные министры-кадеты остались в правительстве.

Кадетский ЦК предложил коалиционному правительству следующую программу: 1) законодательная и исполнительная власть осуществляется только Временным правительством; 2) Совет Р. и С. Д. не вправе отдавать распоряжений, имеющих характер правительственных актов и законов, и должен отказаться от всяких распорядительных действий по армии и Петроградскому гарнизону; 3) для восстановления порядка, борьбы против анархических действий и неправомερных насильственных актов (так на кадетском лексиконе именовались революционные действия масс) правительство не должно останавливаться перед применением силы; 4) Совет должен оказать содействие правительству в деле восстановления дисциплины и боеспособности армии для успеха наступательных операций; 5) тесное единение с союзниками; 6) правительство не вправе предвосхищать решения Учредительного собрания в социальных, национальных и конституционных вопросах³.

Все эти пункты в несколько иной, смягченной редакции вошли в декларацию, объявленную коалиционным правительством 6 мая 1917 года. Это примирило с новым

¹ См. ВПНС, 1917, № 11-13, стр. 21.

² «Речь», 28 марта 1917 г.

³ См. «Речь», 10 мая 1917 г.

правительством даже самого Милюкова, наиболее упорно противившегося его созданию. Выступая на совещании членов Государственной думы 4 мая, он выразил надежду, что коалиционный кабинет усилит власть и, что-де особенно важно, создаст условия для перехода армии в наступление. «Таким образом, я считаю, — резюмировал Милюков, — что, в общем, появление этого кабинета есть акт положительный. Оно... даст возможность надеяться на достижение двух главнейших целей настоящего момента — усиления власти и перелома настроения в армии. И поскольку наши задачи исполнятся, мы должны поддержать вновь образовавшееся Временное правительство»¹. С Милюковым солидаризировались выступавшие вслед за ним Шульгин, Савич, Маклаков. «Новое правительство, — говорил последний, — ...ставит своей задачей сделать войско способным к наступлению, оно ставит своим долгом двинуть вперед свои войска. И покуда оно не отреклось от этой мысли, я не буду спорить с ним о формулах мира»².

Коалиционное министерство рассматривалось кадетами как необходимый, но кратковременный этап на пути к образованию однородной буржуазной власти. Это было видно, в частности, из обсуждения вопроса о текущем моменте VIII съездом кадетской партии, состоявшимся в дни, когда коалиционное правительство делало свои первые шаги. Милюков, отметив в докладе, что кадетский ЦК не отказывается от своего политического курса, т. е. от создания сильной однородной буржуазной власти, условием поддержки коалиционного правительства поставил выполнение последним кадетской программы. Министры-социалисты, говорил Милюков, успешно усваивают «точку зрения государственности» (он имел в виду кадетскую программу). Временное правительство и Керенский провозглашают, продолжал Милюков, «что нам нужно наступление... Будем надеяться, что... следующий шаг понимания государственности выведет нас к свободе употребления слова «победа»... Ведь приобретение проливов и есть победа, а победа есть приобретение проливов». Оратор выразил надежду, что его

¹ П. Н. Милюков. Россия в плену у Циммервальда. М., 1917, стр. 9. Кадетский ЦК призвал всех членов партии «без колебаний и сомнений поддерживать правительство и оказывать ему полное содействие» (ЦГАОР СССР, ф. 579, оп. 1, д. 841а, л. 1).

² «Буржуазия и помещики в 1917 г.», стр. 19.

преемник в Министерстве иностранных дел будет вести «политику Милюкова». Но кадетский лидер усомнился, достанет ли министрам-«социалистам» «государственной ответственности», чтобы «осуществить те лозунги, которые даны в наших мандатах представителям партии народной свободы», ибо под давлением масс и партий, слева от них стоящих, представители меньшевиков и эсеров в правительстве могут стушеваться и не проявить должной твердости в проведении кадетской политики. «Для нас слишком важно, — заявил в заключение Милюков, — ...провести утлый челн Временного правительства через разбушевавшуюся стихию революционного океана к вожденной пристани»¹, т. е. к установлению прочного буржуазного правопорядка.

Против линии Милюкова, рассчитанной на скорейшее преодоление коалиционной власти и установление однородного буржуазного правительства под кадетским главенством, выступил на съезде Н. В. Некрасов, слывший среди кадетов левым. Он критиковал политику Милюкова на посту министра иностранных дел и ратовал за тесное и длительное сотрудничество кадетов с министрами-«социалистами» во Временном правительстве. Но съезд не поддержал Некрасова и продемонстрировал солидарность с откровенно империалистическим курсом. «Его политика — наша политика»², — говорил о Милюкове представитель Москвы Ильяшев. Князь Е. Н. Трубецкой, подытоживая полемику, начавшуюся после речи Некрасова, заявил: «Выступление Некрасова оказалось выступлением одного против всех. Линия поведения Милюкова от начала до конца была наша»³. В принятой съездом резолюции выражалась надежда, что вступление в состав правительства левых групп «придаст власти силу и устойчивость и устранил пагубный элемент двоевластия». Приветствуя заявление Временного правительства о необходимости наступательных действий на фронте и верности союзникам, партия народной свободы, говорилось в резолюции, «будет оказывать полную поддержку новому Временному правительству во всех его начинаниях, направленных к осуществлению указанных целей»⁴.

¹ «Речь», 11 мая 1917 г.

² «Речь», 10 мая 1917 г.

³ «Речь», 11 мая 1917 г.

⁴ «Речь», 10 мая 1917 г.

Деятельность представителей меньшевиков и эсеров в правительстве и вне его вызывала у кадетов противоречивую оценку. Кадеты воздавали должное стараниям министров-«социалистов», особенно Керенского, пресечь братание солдат на фронте и ускорить переход русской армии в наступление. Кадет Маклаков, выступая 3 июня на совещании членов Государственной думы, засвидетельствовал «глубокое уважение» Керенскому за ту линию, которую он вел и ведет¹. Но методы, с помощью которых соглашатели пытались двинуть армию в наступление (пропаганда наступления ради достижения мира без аннексий и контрибуций) претила кадетам. Не обманываясь в демагогичности этой пропаганды, кадеты, однако, опасались, что она обернется против них.

Кадеты одобряли решительные выступления меньшевиков против введения рабочего контроля над производством и эсеров против немедленной передачи крестьянам помещичьей земли, но встречали в штыки каждую попытку министров-«социалистов» хоть в малейшей степени ограничить права капиталистов и помещиков. Так, по настоянию кадетских министров Временное правительство отклонило внесенный Черновым законопроект о запрещении купли-продажи земли. Несмотря на то что декларация коалиционного правительства провозгласила необходимость проведения государственного и общественного контроля над производством, министры-капиталисты решительно отвергали законопроекты, хоть в какой-то степени ущемлявшие права и привилегии имущих классов. По мнению кадетов, лидеры меньшевиков и эсеров проявили недостаточную решительность и последовательность в борьбе с большевиками. Приветствуя отмену I Всероссийским съездом Советов демонстрации, назначенной большевиками на 10 июня, кадетский ЦК был возмущен решением съезда провести демонстрацию петроградских рабочих и солдат 18 июня. Милюков расценил это постановление как уступку большевикам. Кадетская газета сокрушалась: «Во всех шагах руководителей Совета чувствуется какая-то двойственность, непоследовательность, неуверенность в себе»². Отрицательно отнеслись кадеты к решению съезда Советов провести выборы в Учредительное собрание 17 сентября

¹ См. «Буржуазия и помещики в 1917 г.», стр. 112.

² «Свободный народ», 15 июня 1917 г.

1917 года. Кадеты стремились оттянуть срок выборов, надеясь тем временем разгромить революционный пролетариат и его партию. 11 июня Милюков говорил: «Самый опасный враг сейчас — это большевики». По его мнению, выборы в Учредительное собрание станут возможны после того, как «разумная государственная политика» сможет опереться на крестьянскую массу, т. е. когда кадеты будут иметь серьезную опору в деревне. А этим они похвастать не могли. Вот почему кадетов не устраивал назначенный срок выборов. Недовольство кадетов вызвало также решение съезда Советов, направленное против Государственной думы. И в этом кадеты усмотрели уступку большевикам.

«Июнь-месяц, — сетовал Милюков, — весь прошел в ряде таких зигзагов тактики министров-социалистов от большевиков к нам и от нас к большевикам»¹. Между министрами-«социалистами» и министрами-кадетами не было единства по вопросу о тактике борьбы с большевиками. Первые, по словам Мануйлова, полагали, что «не следует выступать за исключением самых редких и чрезвычайных случаев с мерами воздействия на большевизм вооруженными силами». Министры-«социалисты», свидетельствовал далее Мануйлов, убеждали других членов кабинета, что если провести «такие реформы, которые бы дали полное удовлетворение этим массам, то они сами отойдут от большевиков... Тогда вопрос большевистский будет ликвидирован сам собой — без репрессий». Кадеты же, отмечал Мануйлов, настаивали на беспощадной расправе с большевиками². Мануйлов не совсем справедлив к своим союзникам. Как уже говорилось, среди лидеров меньшевиков и эсеров было немало сторонников политики репрессий по отношению к большевикам (Церетели, например).

Быстрый рост революционного движения, руководимого большевиками, с одной стороны, и недостаточно эффективная, как считали кадеты, борьба с ним Временного правительства, с другой, вызвали в руководстве партии спор о дальнейшей политике. В середине июня 1917 года в кадетском ЦК вновь ставится вопрос о целесообразности дальнейшего участия в коалиционном

¹ «Речь», 26 июля 1917 г.

² «IX съезд партии народной свободы. Стенографический отчет», стр. 15.

правительстве. Милюков настаивал на немедленном выходе из правительства. Но большинство участников заседания посчитало разрыв с соглашателями преждевременным, так как, не имея опоры в народе, кадеты не могли без помощи меньшевиков и эсеров справиться с большевиками. Вместе с тем члены ЦК признали необходимым оказать давление на министров-«социалистов», с тем чтобы они проявляли больше «твердости» в борьбе с революционным движением. Так, Кизеветтер в своем выступлении отметил: «Ультимативная постановка нас усилит потому, что нашего ухода все боятся»¹. Следовательно, уже в середине июня кадетский ЦК предусмотрел в случае необходимости пригрозить меньшевикам и эсерам выходом из коалиционного министерства в расчете, что этот демарш сделает их более податливыми. О принятии такого решения свидетельствует содержание передовой статьи газеты «Речь» от 18 июня. Кадетский официоз в угрожающем тоне писал, что жизнь «поставила на очередь вопрос о целесообразности дальнейшего существования не оправдавшей себя коалиции».

В. И. Ленин, не зная содержания дискуссии в кадетском Центральном комитете, тем не менее совершенно точно разгадал его планы. 24 июня Владимир Ильич писал в «Правде»: «Кадеты грозят, чтобы запугать Церетели и Черновых»². 2 июля 1917 года кадетские министры Шингарев, Мануйлов, Шаховской по решению своего ЦК³ вышли из состава Временного правительства. Формально кадеты объясняли этот шаг несогласием с решением Временного правительства предоставить Украине известную автономию. Афишируя свою приверженность «единой неделимой России», кадеты надеялись тем самым привлечь к себе симпатии шовинистически настроенных мелких буржуа. Но украинский вопрос был для кадетов лишь поводом. Они спровоцировали правительственный кризис, рассчитывая, что он станет поворотным пунктом в развитии русской революции, началом ее попятного движения. Так и воспринял выход кадетов из правительства лагерь контрреволю-

¹ См. об этом подробнее Н. Ф. Славин. Из истории июльского политического кризиса 1917 г. «История СССР», 1957, № 2, стр. 131—132.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 373.

³ ЦГАОР СССР, ф. 579, оп. 1, д. 1351, л. 1.

ции. Дискутировался лишь вопрос о предпочтительности того или другого метода удушения революции.

Большинство участников совещания членов Государственной думы 2 июля выступали за быстрейшее развязывание гражданской войны. Монархист Шульгин, октябрист Савич, кадет Велихов приветствовали отставку министров-кадетов, расценивая ее как прелюдию к гражданской войне и установлению в стране военной диктатуры. Их речи носили явно подстрекательский характер с целью подтолкнуть силы контрреволюции к действию — разгрому большевистских организаций, разгону Советов и солдатских комитетов. Велихов говорил о совершенной неподготовленности оставшихся членов правительства к государственной деятельности¹. Савич призывал «от этого правительства отречься»². Шульгин предлагал заявить от имени Государственной думы, что она «слагает с себя всякую ответственность за тот путь, по которому Временное правительство нового состава поведет государство»³. Предложение Шульгина имело лишь символическое значение. Ни Дума, ни созданный ею 27 февраля 1917 года Временный комитет никакой реальной властью не обладали. Публичное отмежевание от Временного правительства должно было подстегнуть силы, стоящие за Думой, к действию, к установлению силой оружия новой власти. Лишь один голос раздался на совещании против развязывания гражданской войны. Прогрессист Ефремов сказал: «Я думаю, что сейчас... не исключена возможность того, что болезненный процесс, несомненно переживаемый страной, может пройти... без резни, без междоусобицы, которая может быть ускорена... уходом буржуазных министров из состава правительства»⁴. Замысел крайне правых был очевиден — ценой кровопролития восстановить полномочия буржуазии и помещиков. Такова же была цель и кадетского ЦК. Но действовал он более осмотрительно, с учетом реального соотношения сил. В статье «На что могли рассчитывать кадеты, уходя из министерства?» В. И. Ленин писал: «Кадеты — дельцы и деляги как в

¹ См. «Буржуазия и помещики в 1917 г.», стр. 181—182.

² Там же, стр. 190.

³ Там же, стр. 171.

⁴ Там же, стр. 174.

торговых делах, в финансах, в охране капитала, так и в политике»¹.

Уйдя из правительства, кадеты тем не менее не хотели рвать с коалицией. Они не располагали еще достаточной силой, чтобы установить открытую военную диктатуру. К тому же возможность борьбы с революцией при помощи меньшевистских и эсеровских лидеров, по мнению кадетов, не была исчерпана, кадеты хотели принудить своих союзников слева быть последовательными в борьбе с нараставшей революцией. Выход кадетов из Временного правительства В. И. Ленин расценил как ультиматум, поставленный ими лидерам меньшевиков и эсеров, в уверенности, что последние капитулируют².

Заявления и действия кадетов, после того как их министры вышли из правительства, показали, что В. И. Ленин верно распознал маневр, предпринятый кадетским ЦК. Последний ни в коем случае не хотел, чтобы результатом начавшегося кризиса было создание правительства из партий, представленных в Совете. И хотя кадеты были уверены, что на это лидеры меньшевиков и эсеров не пойдут, «Речь» сочла нужным лишним раз предостеречь их от соблазна образовать однородное правительство без представителей буржуазии. «Опасности такого эксперимента, — напоминала передовая «Речи» 4 июля, — хорошо известны министрам-социалистам и неоднократно ими признавались публично». «Речь» давала ясно понять министрам-«социалистам», что восстановление коалиции возможно, если они не только говорить, но и действовать будут по-кадетски. И первым требованием, предъявленным кадетами к меньшевикам и эсерам, было — подавление стихийно начавшихся 3 июля демонстраций петроградских рабочих и солдат, проходивших под лозунгом «Вся власть Советам!». «Мы желали бы, — продолжала передовая, — чтобы оно (выступление трудящихся масс Петрограда. — Авт.) обнаружало также и решимость власти покончить, наконец, с анархическими нарушениями порядка. Эта миссия отныне, после ухода министров к.-д., специально ложится на то более умеренное течение социализма, к которому принадлежит большинство Совета. Справившись с улич-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 407.

² См. там же.

ным движением, это течение тем самым выдержит экзамен на власть»¹.

Таким образом, партия кадетов — главная партия русской буржуазии, не найдя, несмотря на все старания, опоры в крестьянстве и не располагая достаточной военной силой, чтобы в открытом бою подавить революционный пролетариат и разгромить партию большевиков, пыталась достигнуть этого руками меньшевиков и эсеров, возглавлявших Советы и пользовавшихся еще значительным влиянием в стране и в армии.

День 4 июля должен был стать переломным в развитии русской революции. Борьба за власть между буржуазией и пролетариатом, развернувшаяся сразу же после свержения царизма, значительно обострилась. Вспыхнувшие 3 июля антиправительственные выступления солдат и рабочих Петрограда усилиями большевиков переросли 4 июля в мощную *мирную* демонстрацию за установление власти Советов.

Авангард революции — рабочие и солдаты столицы требовали от лидеров Советов — меньшевиков и эсеров порвать с буржуазией, взять всю полноту власти в свои руки. Со своей стороны кадеты от имени буржуазно-помещичьей России требовали от меньшевиков и эсеров «твердости и решительности» в борьбе с силами революции.

Весь путь эсеров и меньшевиков после Февральской революции предрешил выбор, сделанный ими 4 июля, между двумя основными противоборствующими силами — пролетариатом и буржуазией. Кадеты располагали в лице соглашателей в меру послушными и не в меру сговорчивыми союзниками во всех своих антинародных, контрреволюционных делах.

¹ «Речь», 4 июля 1917 г.

Глава пятая
МЕНЬШЕВИКИ И ЭСЕРЫ

Роль в революции мелкобуржуазных масс, от присоединения которых к пролетариату или к буржуазии зависел исход борьбы за власть классов-антиподов, определила влияние партий, опиравшихся на эти массы, — меньшевиков и эсеров.

Кадеты рассчитывали с помощью лидеров меньшевиков и эсеров упрочить буржуазную власть в стране и вызвать в народе энтузиазм в поддержку войны.

Большевики разъясняли мелкобуржуазным массам гибельность сотрудничества с буржуазией и необходимость союза их с революционным пролетариатом. Партия большевиков добивалась, чтобы эти массы, и прежде всего солдаты и крестьяне, перестали поддерживать соглашателей.

Испытывая воздействие большевиков, с одной стороны, и кадетов, с другой, мелкобуржуазные партии пытались занять «среднюю линию». Но в условиях ожесточенной классовой борьбы между буржуазией и пролетариатом это было невозможно. По мере развития революции лидеры мелкобуржуазных партий все более отходили от рабочего класса и сближались с буржуазией. Начав в феврале — марте с соглашательства с буржуазией, меньшевики и эсеры полностью переметнулись на ее сторону в июле. Свою измену рабочему классу, трудящимся массам лидеры меньшевиков и эсеров оправдывали ложно трактуемым ими тезисом о буржуазном характере революции, а также утверждением о якобы незрелости России для социалистической революции.

1. «СОЦИАЛИСТЫ» ПРОТИВ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В. И. Ленин так формулировал отношение меньшевиков и эсеров к социализму: «За социализм, но думать о нем и немедленно делать практические шаги к его осуществлению рано»¹.

Курс большевистской партии на социалистическую революцию меньшевики и эсеры встретили в штыки. Главным аргументом против пролетарской революции меньшевики выдвигали экономическую отсталость России. Г. В. Плеханов, догматически интерпретируя идеи Маркса и Энгельса, пытался доказать необходимость сохранения капитализма в России. «Если капитализм еще не достиг в данной стране той высшей ступени, на которой он делается препятствием развития ее производительных сил, то нелепо звать рабочих, городских и сельских, и беднейшую часть крестьянства к его низвержению»², — писал Плеханов. Односторонне и упрощенно подходя к оценке экономики России, отмечая только ее отсталость, он закрывал глаза на то, что страна одновременно с передовыми государствами мира вступила в стадию монополистического капитализма.

В качестве другого «доказательства» незрелости России для социалистической революции меньшевики приводили малочисленность рабочего класса. Вопреки многократным высказываниям Маркса и Энгельса о крестьянстве как естественном союзнике пролетариата в деле ниспровержения буржуазного порядка, меньшевики, подобно всем оппортунистам II Интернационала, отрицали революционные возможности крестьянства. «Один только пролетариат может стать борцом за социализм»³, — утверждал Мартов. Плеханов писал как о непреложной истине, что «диктатура пролетариата станет возможной и желательной лишь тогда, когда наемные рабочие будут составлять *большинство* населения»⁴.

ОК меньшевиков следующим образом формулировал свое отношение к вопросу о перспективах социализма в России: «Россия — страна отсталая, бедная, со слабо-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 195.

² Г. В. Плеханов. Год на родине, т. 1. Париж, 1921, стр. 28.

³ Л. Мартов. Социалисты-революционеры и пролетариат. Пг., 1917, стр. 11.

⁴ Г. В. Плеханов. Год на родине, т. 2. Париж, 1922, стр. 30.

развитой промышленностью, с немногочисленным пролетариатом. Поэтому Россия *еще далека от социализма*¹. Этот вывод меньшевики «подкрепляли» ссылкой на невозможность победы социализма в одной, отдельно взятой стране. «...Социалистическая организация производства будет международной («интернациональной») или ее совсем не будет»², — безапелляционно утверждал Плеханов. Таково же было мнение и внефракционного социал-демократа Г. Линдова. «Осуществление социализма в одной только стране невозможно, — говорил он. — Социалистический строй не может существовать в государстве, окруженном капиталистическими странами. Социальная революция осуществится только в международном масштабе»³.

Социализм представлялся меньшевикам делом далекого будущего, когда в результате развития капитализма исчезнет мелкое производство и общество разделится на горстку буржуазии и организованный рабочий класс. До тех же пор рабочим предлагалось мириться с капитализмом и ждать, когда его развитие подготовит материальные, идейные и психологические условия для перехода к социализму⁴.

Казалось бы, меньшевистская оценка характера и перспектив революции резко противоречила эсеровским взглядам. Для меньшевиков Февральская революция — буржуазная, открывающая период длительного господства буржуазии. Эсеры же толковали о социальной революции, которая знаменует начало постепенного «вторжения социализма в буржуазное право». Большевики считали необходимым условием перехода к социализму поглощение мелкого производства крупным капиталистическим. Эсеры, напротив, исходили из возможности создания социалистических предприятий (имея в виду кооперативные общества) при капитализме. Большевики абсолютизировали объективные предпосылки социалистической революции, считая недопустимым покушение на устои капитализма, прежде чем производительные силы не достигнут «необходимого уровня». Эсеры же выдавали себя за партию «активного революционного

¹ «Рабочая газета», 29 июля 1917 г.

² Г. В. Плеханов. Год на родине, т. 2, стр. 12.

³ Г. Линдов (Г. Д. Лейтейзен). К объединению социал-демократической партии. Пг., 1917, стр. 8—9.

⁴ См., напр., «Спутник избирателя в Учредительное собрание». Пг., 1917, стр. 11—13.

действия», цель которой — постепенно отвоевывать у буржуазии одну позицию за другой. Первой такой позицией, призванной положить начало социалистическому обновлению мира, эсеры объявили проведение аграрной реформы. В. Чернов писал, что социализация земли заложит фундамент всех дальнейших социальных преобразований, «ибо всякое здание строят не с крыши, а с фундамента, — а фундамент кладут на землю»¹.

Формально эсеры не отказывались от своей концепции и после свержения царизма. Фактически же они стали по-меньшевистски интерпретировать характер и перспективы русской революции. В. И. Ленин отметил в июне 1917 года, что «сам» министр Чернов уверовал в изуродованную Даном, Церетели и Сксбелевым «истину» — «наша революция буржуазная»². Принятие эсерами меньшевистского кредо было обусловлено следующим. Сразу после свержения царизма эсеры мотивировали свой отказ от осуществления программы социализации земли неорганизованностью «трудовой демократии», отсутствием якобы у нее большинства в стране. К лету 1917 года эти доводы оказались уже несостоятельными. Подавляющее большинство голосов, достававшееся обычно эсерам и меньшевикам на муниципальных выборах, руководящая роль представителей этих партий на съездах Советов лишали эсеровских лидеров возможности оправдывать свой отказ от выполнения требований трудящихся масс, и проведения, в частности, программы социализации земли, отсутствием у «трудовой демократии» большинства. Народ совершенно определенно высказал свое отрицательное отношение к кадетам, в блоке с которыми находились меньшевики и эсеры. Пытаясь как-то обосновать отказ от программы своей же партии, направляемое Черновым «Дело народа» стало все чаще прибегать к меньшевистскому доводу: буржуазный характер революции, незрелость России для социализма диктуют необходимость поддерживать буржуазное Временное правительство³. Эсеровский

¹ В. Чернов. Пролетариат, трудовое крестьянство и революция. Пг., 1917, стр. 76.

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 383.

³ Левые эсеры и эсеры-максималисты обвиняли лидеров эсеровской партии в отступлении от народнической школы социализма (см. М. Спиридонова. О задачах революции. «Наш путь», 1917, № 1, стр. 7; Г. Нестроев. Кое-что о логике. «Воля труда», 1917, № 2, стр. 5—7).

ЦО вслед за «Рабочей газетой» стал ратовать за «высший расцвет промышленности и торговли в формах капиталистического хозяйства». Эсеры, некогда порицавшие меньшевиков за «идолопоклонство» перед объективными условиями и твердившие о своей решимости «пробить широчайшую брешь в капиталистическом строе», стали вторить меньшевикам (иногда даже ссылаясь на них как на высший авторитет¹) и вместе с ними ревностно выступали в защиту капитализма. «До того, пока в Западной Европе не совершилась социалистическая революция, — утверждалось в передовой «Дела народа», — не может быть и речи о ниспровержении капиталистического строя в России»². Газета предрекала, что до победы социалистической революции в Западной Европе капитализм «будет основной экономической обстановкой и нашей страны»³.

Поворот эсеров к меньшевикам по кардинальному вопросу — о перспективах социализма в России — сказан на содержании их агитации и пропаганды. Так же как и меньшевики, эсеры в своих многочисленных изданиях «для народа» восхваляли социализм, но пространно доказывали... преждевременность борьбы за него. «Социализм возможен, читатель. И он неизбежно наступит, когда большинство населения в данной стране уверует в него и примет его»⁴, — писал видный деятель эсеровской партии С. Л. Маслов. Он глубокомысленно поучал: «Социализму в жизни должен предшествовать

¹ Один из руководителей эсеровской организации Гельсингфорса, Чекоидзе, выступая 12 июня 1917 года на собрании депутатов местного Совета, говорил: «Установить коммуны на всем пространстве великой Российской республики — задача очень сложная, и когда социал.-д. меньшевики говорят, что это невозможно, что это противоречит историческим законам... точно указывая на соотношение сил в стране, то нам приходится считаться и с ними соглашаться. Поэтому здесь перед вами я отстаиваю их позицию» (ЦГАВМФ, ф. р.-2063, оп. 1, д. 7, л. 188об). Идеи Плеханова и Дана развивал в своей речи на I съезде Советов эсер Фирсов: «Раз мы имеем против себя международный капитал, раз мы связаны с войной и международным капиталистическим хозяйством в единый клубок, то в государственных ограниченных рамках социалистическим партиям ни в коем случае нельзя захватывать власть, ибо это будет величайшая утопия» («Первый Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д.», т. 1. М.—Л., 1930, стр. 157).

² «Дело народа», 1 сентября 1917 г.

³ «Дело народа», 6 октября 1917 г.

⁴ С. Маслов. Что такое социализм? Пг., 1917, стр. 16.

социализм в мысли. Для наступления социализма необходимо, чтобы большинство народа сделалось социалистами»¹.

Охотно распространяясь о своей преданности социализму, меньшевики и эсеры на деле противодействовали его победе в России. Прежде всего они ополчились на Апрельские тезисы В. И. Ленина. Г. В. Плеханов объявил Апрельские тезисы «отходом от марксизма». «...Ясно, что о социалистическом перевороте не могут говорить у нас люди, хоть немного усвоившие себе учение Маркса»² — утверждал Плеханов, претенциозно выдавая себя за «неисправимого сторонника научного социализма»³. «Рабочая газета» откликнулась на тезисы Ленина развязной передовицей «Опасность с левого фланга», за которой последовали злобные клеветнические статьи: «Возрождение анархизма и максимализма», «Чего добивается Ленин»⁴ и другие. В «защиту» Маркса от Ленина, «научного» социализма от ленинской теории социалистической революции выступили эсеры, отличавшиеся всегда своим пренебрежением к марксизму. Так, Керенский, фарисейски заявив на I съезде Советов о своем глубоко уважительном отношении «к доктрине марксизма, К. Марксу и его ученикам», стал нагло и невежественно «уличать» большевиков в отступлении от научного социализма, противопоставляя им меньшевиков в качестве «ортодоксальных марксистов»⁵. Ф. Дан с удовлетворением принял этот комплимент и в свою очередь похвалил эсеров за то, что они, «твердо став на почву действительности», отказались от народнических утопий⁶, т. е. отrekliсь на деле от программы социализации земли.

Платонический «социализм» меньшевиков и эсеров, сочетавшийся с защитой отечественного капитализма, был приемлем для кадетов. Милюков с удовлетворением констатировал, имея в виду меньшевиков и эсеров, что «социалистические партии теперешнего времени гораздо разумнее смотрят на ближайшие задачи русской жизни; они, казалось, многие уроки прошлого усвоили и то по-

¹ С. Маслов. Социализм и крестьянство. Пг., 1917, стр. 4.

² Г. В. Плеханов. Год на родине, т. 1, стр. 26.

³ Там же, стр. 6.

⁴ См. «Рабочая газета», 6, 9, 11 апреля 1917 г.

⁵ «Первый Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д.», т. 1, стр. 77.

⁶ См. там же, стр. 140.

ложение принимают как исходную аксиому, что русская революция, как и все другие современные и прошлые революции, не может быть победой социализма и социалистического строя, что эта революция есть по преимуществу революция политическая и революция, применяясь к их терминологии, буржуазная... но вовсе не направленная к немедленной победе социализма»¹. Кадеты охотно использовали псевдонаучные выкладки меньшевиков и эсеров в идеологической борьбе против большевистской партии. Милюков, подкрепив себя авторитетом таких «знатоков» марксизма, как Керенский, Скобелев, Дан, заключал: «Как вы видите, правильно понятое учение научного социализма совершенно отвергает те утопии, которые пытается установить социализм Ленина и его товарищей»². Журнальчик «Народоправство» расхваливал и рекомендовал брошюры меньшевика Н. Рожкова «Капитализм и социализм» и эсера М. Вольского «Социализм. К чему стремятся социалисты и как они хотят достигнуть своей цели» за то, что первый утверждал, будто Россия неспособна начать социалистическую революцию (взгляды Рожкова журнал объявил «лучшим опровержением нашего большевизма»), а второй вообще отрицал необходимость революции³. Письмо Г. В. Плеханова «К студентам», в котором он пытался доказать отсутствие в России объективных условий для социальной революции, 20 апреля напечатали и «Единство», и «Дело народа», и «Речь».

Казалось, далеко отстояли друг от друга называвшая себя интернационалистской «Новая жизнь» и шовинистический еженедельник Струве «Русская свобода», а большевиков они атаковали с одних позиций. «Совершенно ясно, — писала «Новая жизнь» 1 июля, — что до сих пор, пока в наиболее развитых капиталистических странах... не произойдет крупных изменений в сторону социализма, в более отсталых странах (читай — в России. — Авт.) всякие попытки социалистических преобразований обречены на неудачу». П. Струве еще раньше объявил: «Идея, что Россия... может вести за собой остальные народы по пути демократии и социализма, есть плод жалкого недомыслия и невежества»⁴.

¹ ЦГАОР СССР, ф. 579, оп. 1, д. 854а, лл. 3—4.

² ЦГАОР СССР, ф. 579, оп. 1, д. 855а, лл. 34—35.

³ См. «Народоправство», 1917, № 1, стр. 20; № 3, стр. 19.

⁴ «Русская свобода», 1917, № 7, стр. 5—6.

Таким образом, вполне очевидно, что в области идеологической в 1917 году сложился единый фронт меньшевиков, эсеров и кадетов, направленный против ленинской теории социалистической революции¹. 13 июня В. И. Ленин писал в «Правде», что борьба против большевистской партии — это «борьба *всего* буржуазного общества, *включая сюда и мелкобуржуазную демократию*, как бы р-р-революционна она ни была, против социалистического, интернационалистского пролетариата»².

Учитывая настроения масс, враги пролетарской революции предпочитали выступать не против социализма, а якобы против его «преждевременного введения» в России (приписывая такую цель большевикам). Тон задали меньшевики, их поддержали эсеры и кадеты. Меньшевистская концепция привлекала эсеров и кадетов тем, что она была более тщательно разработана, давно пропагандировалась в России ревизионистами отечественными и зарубежными (особенно в широко распространенных переводах работ К. Каутского и Э. Бернштейна) и могла, казалось, быть подтверждена опытом стран Западной Европы, где после буржуазно-демократических революций надолго утвердился капиталистический строй. Наконец, эсеровские и кадетские деятели рассчитывали, что меньшевистские догмы, оснащенные ссылками на Маркса, будут восприняты рабочими с большим доверием, чем народнические и буржуазные теории. В силу этих обстоятельств меньшевистский тезис о «не-

¹ Против нее ополчились оппортунисты не только справа, но и «слева». Левые меньшевики усмотрели отказ большевиков от марксизма в признании ими движущей силой социалистической революции наряду с рабочим классом его союзника — деревенской бедноты (см. «Интернационал», 1917, № 1, стр. 2, 7). Большевиком «отлучал» от марксизма и публицист левозероверского журнала. Он в отличие от меньшевиков отказывал рабочему классу развитых стран в революционности. Левозероверский публицист считал главной революционной силой крестьянство стран Востока (см. В. Трутовский. Переходный период. «Наш путь», 1917, № 1 и 53—55). Против большевиков систематически выступала также и анархистская газета «Голос труда», выходившая в Петрограде с августа 1917 года (орган Союза анархистов-синдикалистов). Первый редактор газеты М. Раевский в статье против ленинской работы «К лозунгам» пытался доказать, будто курс большевиков на установление диктатуры пролетариата свидетельствует об их... бланкизме и утопизме (см. «Голос труда», 18 августа 1917 г.).

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 333.

зрелости» России для социализма был взят на вооружение и стал усиленно пропагандироваться и эсерами, на деле отрекшимися от программы «социализации земли», и кадетами, понимавшими невозможность увлечь массы апологетикой капитализма.

В. И. Ленин показал, что меньшевистская концепция социализма, прикрываемая по-марксистски звучащими доводами, в основе своей буржуазна и представляет собой струвистский «марксизм», т. е. безвредный для господства буржуазии реформизм. Имея в виду искажение научного социализма публицистами полуменьшевистской «Новой жизни» Б. Авилковым и В. Базаровым, В. И. Ленин писал, что последние превратили марксизм в какое-то «буржуазно-деревянное» учение и опускаются «до роли пособников буржуазии посредством «струвистских» рассуждений, звучащих „почти марксистски“»¹. Вместо революции против буржуазии меньшевики (Ленин назвал их сторонниками «струвистски-кастрированного „марксизма“»²) призывали к союзу с ней в интересах «развития производительных сил». В. И. Ленин отмечал, что меньшевики, ссылаясь на незрелость России для социализма, стремятся примирить крестьян с господством капитала: «Марксизм благополучно подменяется струвизмом, и меньшевизм скатывается до роли кадетского лакея, «примиряющего» крестьян с господством буржуазии»³. Ленин заклеил эсеров, которые, «бия себя в грудь, уверяют крестьян, что они против всякого мира с капиталистами, что они никогда не считали русскую революцию буржуазной, — и *поэтому* идут в блок *именно* с оппортунистами социал-демократами, идут поддерживать именно буржуазное правительство...»⁴.

В борьбе с политическими противниками большевики подчеркивали наличие в стране объективных предпосылок для пролетарской революции⁵. В. И. Ленин показал несостоятельность и упрощенность меньшевистского взгляда на экономику России лишь как на отсталую, без учета того, что она вместе с другими передовыми

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 294.

² Там же, стр. 382.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 112.

⁴ Там же, стр. 112—113.

⁵ См. об этом подробнее А. Г. Черных. В. И. Ленин — историк пролетарской революции в России. М., 1969.

странами вступила в стадию империализма. В речи на Апрельской конференции РСДРП(б) Ленин говорил, что оппортунисты, отрицающие возможность социалистической революции в России из-за ее отсталости, «забывают, что войной мы поставлены в необыкновенные условия и что наряду с мелкой буржуазией есть крупный капитал»¹. В противовес Плеханову, Чернову и другим, отрицавшим наличие в России крупного монополистического капитала², Ленин указал на существование в стране таких крупных монополистических объединений, как «Продуголь», «Продамет», Сахарный синдикат и др.³. Он бичевал оппортунистов, уклоняющихся «от конкретных задач, поставленных живой жизнью, соединившей на практике в России синдикаты в промышленности и мелкокрестьянское хозяйство в деревнях...»⁴.

В создании монополистических объединений в банковском деле и промышленности и особенно в превращении с началом войны капитализма в государственно-монополистический капитализм В. И. Ленин видел материальную подготовку социализма. «Объективный ход развития таков, — писал он, — что от *монополий* (а война удесятирила их число, роль и значение) вперед идти *нельзя*, не идя к социализму»⁵.

Возражая оппортунистам, по-доктринерски представлявшим социализм каким-то далеким, неизвестным, темным будущим, Ленин писал: «А социализм теперь смотрит на нас через все окна современного капитализма, социализм вырисовывается непосредственно, *практически*, из каждой крупной меры, составляющей шаг вперед на базе этого новейшего капитализма»⁶.

В. И. Ленин опроверг широко распространенное утверждение, будто малочисленность пролетариата в России исключает проведение победоносной социалистической революции. Он видел, что в стране сложилась исключительно благоприятная возможность соединить

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 444.

² См. Г. В. Плеханов. Год на родине, т. 1, стр. 24; «Третий съезд партии социалистов-революционеров», стр. 68, 160 и др.

³ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 191; см. также т. 31, стр. 357, 451; т. 32, стр. 155—156.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 293.

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 192.

⁶ Там же, стр. 193.

социалистическое движение пролетариата с крестьянской борьбой против помещичье-капиталистического гнета¹. В отличие от меньшевиков и эсеров, постоянно противопоставлявших «отсталую» Россию «передовому» Западу, Ленин и там и здесь видел наличие благоприятных предпосылок для проведения социалистической революции: возможность союза пролетариата с беднейшим крестьянством и наличие материальных основ для движения к социализму². В полемике с соглашателями Владимир Ильич подчеркивал не только наличие в России объективных предпосылок для социалистической революции, но и ее крайнюю необходимость, отмечал, что вывести страну из глубочайшего кризиса невозможно, не идя по пути к социализму. Последнее обстоятельство начисто игнорировалось соглашателями. В. И. Ленин указывал, что меньшевики, а вслед за ними эсеры, абстрактной постановкой вопроса о «социализме» вообще подменяют «конкретный вопрос, можно ли лечить раны, нанесенные войной, без решительных шагов к социализму»³. Под предлогом невозможности «введения» социализма (что, как известно, и не предлагалось большевиками) соглашатели противились установлению рабочего контроля над производством, организованному захвату помещичьей земли, т. е. принятию действенных мер по предотвращению голода и экономической разрухи.

Разоблачая несостоятельность приписываемого большевикам (одними злонамеренно, другими по неведению) стремления немедленно «ввести» в России социализм, В. И. Ленин напомнил и развил взгляды К. Маркса и Ф. Энгельса на процесс образования коммунистического общества.

Меньшевистские и эсеровские литераторы игнорировали марксистское учение о двух фазах коммунистического общества: социализме и коммунизме. В изображении эсера С. Л. Маслова социализм означал установление анархистской «всеобщей свободы» и осуществление обывательского идеала блаженства и потребительской удовлетворенности. «Социализм, — писал Маслов, — это царство равенства, труда, всеобщего довольства и всеоб-

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 426.

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 373—374.

³ Там же, стр. 112.

щей свободы»¹. Эсер П. А. Сорокин, говоря о социализме, наделял его чертами зрелого коммунистического общества². Нашлись и такие «теоретики», которые характеризовали социализм и коммунизм как два совершенно различных общественных строя³. Широким массам внушалось, что меньшевики и эсеры («умеренные социалисты») являются сторонниками перехода пусть в далеком будущем, но к *социализму*, большевики же хотят немедленно ввести *коммунизм* (предложение В. И. Ленина назвать партию коммунистической враги клеветнически истолковывали в том смысле, что большевики, подобно анархистам, стремятся немедленно «ввести» коммунизм). И отождествление и противопоставление социализма и коммунизма использовались буржуазной и эсеро-меньшевистской пропагандой против большевиков. Подробно описывая, какой должна быть жизнь при социализме (толкуемом ими как коммунизм), эсеро-меньшевистские публицисты тем самым хотели подчеркнуть нереальность его осуществления в обозримом будущем в России. «В сущности, — писал Ленин, — когда ученый профессор, а за ним обыватель, а за ним господа Церетели и Черновы говорят о безрассудных утопиях, о демагогических обещаниях большевиков, о невозможности «введения» социализма, они имеют в виду именно высшую стадию или фазу коммунизма, «вводить» которой никто не только не обещал, но и не помышлял, ибо «ввести» ее вообще нельзя»⁴.

В. И. Ленин противопоставил фальсификаторам научного социализма марксистское учение о становлении и развитии социалистического общества. Разоблачая вульгарные, метафизические представления о коммунизме, будто бы сразу, в готовом виде сменяющем капитализм, В. И. Ленин показал, что создание коммунистического общества является длительным процессом поступательного восхождения от одной ступени развития к другой, более высокой. В брошюре «Задачи пролетариата в нашей революции» Ленин писал: «От капитализма человечество может перейти непосредственно только к социализму, т. е. общему владению средствами

¹ С. Маслов. Социализм и крестьянство, стр. 4.

² См. П. Сорокин. Что такое социализм? Пг., 1917.

³ См., напр., М. И. Туган-Барановский. Социализм как положительное учение. Пг., 1918, стр. 19—20.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 97—98.

производства и распределению продуктов по мере работы каждого. Наша партия смотрит дальше: социализм неизбежно должен постепенно перерасти в коммунизм, на знамени которого стоит: „каждый по способностям, каждому по потребностям“¹. В труде «Государство и революция» В. И. Ленин развил это положение. Он разъяснил, что различия между первой и второй фазами коммунизма определяются уровнем развития производительных сил, степенью их экономической, политической и культурной зрелости. Отбросив буржуазные представления о социализме как о чем-то застывшем, раз навсегда данном, Ленин указал, что *«только с социализма начнется быстрое, настоящее, действительно массовое, при участии большинства населения, а затем всего населения, происходящее движение вперед во всех областях общественной и личной жизни»*².

Большевистская критика мелкобуржуазной теории о «незрелости» России для социалистической революции способствовала переходу на сторону революции той значительной части трудящихся масс, которая ранее поддерживала меньшевиков и эсеров.

2. ФРАКЦИИ В МЕНЬШЕВИЗМЕ

«Революция застала наши организации раздробленными и распыленными. Во многих местах их вовсе не было. Собрание организационных сил и закладывание организаций началось лишь после революции»³ — так характеризовал положение в меньшевистской партии после свержения царизма ее руководящий центр — Организационный комитет (ОК). В Петрограде, Москве и некоторых провинциальных городах существовали по две параллельные меньшевистские организации, различавшиеся своим отношением к войне: оборонческие и антиоборонческие. Помимо того, самостоятельное положение занимали меньшевистские организации в национальных районах (на Кавказе, среди латышей и литовцев) и Бунд, признававшие своим центром ОК. Имелись также внефракционные социал-демократы. Деятельность ОК, по словам одного из его членов Б. С. Батурского,

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 179—180.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 99—100.

³ «Всероссийская конференция меньшевистских и объединенных организаций РСДРП». Пг., 1917, стр. 3.

была парализована и возобновилась лишь после Февральской революции¹. ОК стремился сплотить все меньшевистские и близкие им группы в единую социал-демократическую рабочую партию по образцу оппортунистических рабочих партий в западноевропейских странах.

По инициативе ОК 6 марта состоялось учредительное собрание меньшевиков Петрограда, на котором присутствовало около 200 человек. Интернационалистская Инициативная группа и оборонческая «группа содействия» объявили о своей самоликвидации. В избранный собранием Временный комитет Петроградской организации РСДРП (меньшевиков) вошли интернационалисты (А. Гриневиц, Г. Г. Панков, М. Соколовский) и разных оттенков обороны (Б. И. Горев, Ф. А. Митин, П. Я. Голиков, И. И. Емельянов и др.)². С 7 марта Временный комитет вместе с ОК стал издавать «Рабочую газету», в редакцию которой вошли обороны Б. И. Горев, Н. Череванин, Б. С. Батурский и от интернационалистов О. А. Ерманский³.

Вне Петроградской организации меньшевиков остались сторонники Г. В. Плеханова, группировавшиеся вокруг социал-шовинистского литературно-политического журнала «Современный мир». 9 марта по инициативе редактора журнала Н. И. Иорданского и Н. В. Васильева была основана социал-демократическая группа «Единство». Группа выделила из своей среды Временный Центральный комитет (А. Ф. Бурьянов, Н. В. Васильев, Н. И. Иорданский, В. А. Костицын, В. Р. Чернышев) и с 29 марта стала издавать газету «Единство». Г. В. Плеханов после возвращения (31 марта 1917 г.) из эмиграции в Петроград возглавил группу «Единство» и стал редактировать ее газету⁴. Группа «Единство» выступала за безусловную поддержку буржуазного Временного правительства и продолжение совместно с со-

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 275, оп. 1, д. 8, л. 5. В начале марта 1917 года в состав Временного Организационного комитета вошло более 20 человек — все, кто когда-либо в прошлом состоял в меньшевистском руководящем центре (см. Б. И. Николаевский. П. Гарви в России. В кн.: П. А. Гарви. Воспоминания социал-демократа. Нью-Йорк, 1946, стр. XXXIV).

² См. «Рабочая газета», 8 марта и 5 апреля 1917 г.; ЦПА ИМЛ, ф. 275, оп. 1, д. 8, л. 5.

³ О. А. Ерманский. Из пережитого. М.—Л., 1927, стр. 157.

⁴ См. Н. В. Васильев. Всероссийская социал-демократическая организация «Единство». «Единство», 29 сентября 1917 г.

юзниками войны «до победного конца». Откровенно социал-шовинистская позиция группы Плеханова вынудила меньшевистских лидеров отмежеваться от нее, чтобы не дискредитировать себя в глазах интернационалистски настроенных масс. Со своей стороны и Плеханов не хотел сблизиться с меньшевиками в целом, рассчитывая со временем привлечь на свою сторону меньшевиков-оборонцев.

В Петроградскую организацию меньшевиков не вошли также внефракционные социал-демократы. Это были в основном литераторы, журналисты, группировавшиеся вокруг журнала «Летопись» и газеты «Новая жизнь», начавшей выходить с 18 апреля 1917 года (в газете сотрудничали Н. Н. Суханов, В. А. Базаров, Б. В. Авилон и др.).

В начале марта в Москве объединились меньшевики-оборонцы, группировавшиеся вокруг журнала «Дело», и антиоборонцы, связанные с петроградской Инициативной группой. Организационное собрание, на котором присутствовало около тысячи человек, избрало Временный комитет Московской организации меньшевиков¹ (с 5 марта он начал издавать газету «Вперед»). В контакте с московскими меньшевиками действовали местные внефракционные социал-демократы, образовавшие в апреле 1917 года объединенную с.-д. организацию (с конца апреля она издавала газету «Пролетарий»)². В Киеве на платформе поддержки Временного правительства слились в начале марта в единую организацию меньшевиков оборонцы и антиоборонцы³.

Первый шаг к объединению меньшевиков в масштабах страны ОК предпринял в конце марта 1917 года. Воспользовавшись Всероссийским совещанием Советов, ОК решил устроить предварительную конференцию из представителей крупных организаций — делегатов Совещания. Но состоялось лишь одно заседание (27 марта) информационного характера⁴. Большинство делегатов

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 275, оп. 1, д. 30, л. 1.

² См. там же, л. 5.

³ См. «Партийные известия» (ОК РСДРП), 1917, № 1, стр. 22.

⁴ На этом заседании присутствовали представители меньшевистских организаций Москвы, Харькова, Ростова-на-Дону, Нижнего Новгорода, Киева, Самары, Петрограда. Представитель ОК П. А. Бронштейн (Гарви) ознакомил участников с составом ОК (см. «Социал-демократ» (Харьков), 5 мая 1917 г.; ЦПА ИМЛ, ф. 275, оп. 1, д. 23, л. 2).

Всероссийского совещания Советов (в том числе представители объединенных организаций) высказалось против предварительного объединения «меньшевистской части РСДРП» и настаивало на созыве объединительного съезда с участием большевиков. ОК держался, однако, того взгляда, что необходимо прежде всего созвать общеменьшевистскую конференцию для выработки единой тактической платформы¹. Для подготовки конференции эмиссары ОК побывали в ряде городов Центральной России, Урала и Украины.

Всероссийская конференция меньшевистских и объединенных организаций состоялась в Петрограде 7—11 мая 1917 года². Открывая конференцию, Церетели отметил, что перед меньшевиками, как и прежде, стоит задача — сплотиться «в одно неразрывное целое, выработать такую линию, проведение которой твердо бы направляло нашу тактику»³. Однако тяга меньшевиков к организационному единству, о которой говорил Церетели, оказалась не столь сильной, чтобы преодолеть выявившиеся в меньшевизме центробежные процессы.

Ко времени открытия конференции стало очевидно, что происшедшее в начале марта объединение меньшевиков-интернационалистов и оборонцев не устранило старых разногласий в отношении к войне. Более того, к ним прибавились новые разногласия. Лидер меньшевиков-интернационалистов Л. Мартов, 9 мая вернувшийся из эмиграции в Петроград, соглашаясь с И. Церетели в том, что русская революция может завершиться лишь установлением буржуазно-парламентарного строя, критиковал тактическую линию ОК. По мнению Мартова, меньшевики, как представители рабочего класса, вместо поддержки внешней и внутренней политики буржуазного Временного правительства должны были поддерживать мелкобуржуазное большинство страны, объединенное

¹ См. «Всероссийская конференция меньшевистских и объединенных организаций РСДРП», стр. 4.

² На конференции были представлены 55 организаций (27 объединенных и 28 меньшевистских), насчитывавших 44 830 членов. На повестке дня стояли вопросы: доклад ОК; о Временном правительстве и коалиционном министерстве; о войне; о восстановлении Интернационала; отношение к Советам; объединение партии и партийный съезд; выборы в Учредительное собрание и местное самоуправление; аграрный вопрос; рабочий вопрос; национальный вопрос; выборы партийного центра.

³ ЦПА ИМЛ, ф. 275, оп. 1, д. 8, л. 3.

в Советах. Задачу меньшевиков Мартов видел в «организации революционного давления мелкобуржуазной демократии на буржуазную власть» в целях проведения демократических преобразований внутри страны и достижения мира¹.

Левые меньшевики (меньшевики-интернационалисты) возобладали в Петроградской меньшевистской организации. На Петроградской общегородской конференции меньшевиков², состоявшейся перед Всероссийской конференцией, большинством голосов были приняты резолюции против участия социал-демократов во Временном правительстве и против поддержки войны. В избранном конференцией комитете Петроградской организации меньшевиков (КПО) оказалось 13 интернационалистов (в том числе: О. А. Ерманский, И. С. Астров, А. Р. Мартынов, Ю. Ларин, А. В. Чернев, А. Гриневиц) и только 2 оборонца (П. Голиков, Петрашкевич)³. В мае в Петрограде начал выходить журнал меньшевиков-интернационалистов «Летучий листок».

На путь организационного обособления встали и оборонцы. 8 апреля состоялось первое совещание меньшевиков-оборонцев, на котором присутствовало 50 человек. Совещание признало необходимым издание собственного печатного органа, избрало временное бюро, которому поручалось начать переговоры с Г. В. Плехановым (не присутствовавшим на совещании из-за болезни) и московскими меньшевиками-оборонцами о возможности совместной работы⁴. Более широкое собрание меньшевиков-оборонцев (численностью около 100 человек) 13 апреля утвердило избранный фракционный центр — бюро для информации и связи — в составе: Г. Е. Брейдо, И. Н. Дементьева, В. К. Икова (Мирова), И. И. Ладыженского и Н. А. Чернова⁵.

Воссоздание фракций в столичной организации меньшевиков спустя месяц после их объединения ставило под сомнение успех объединительного плана ОК. На

¹ См. «Летучий листок», 1917, № 2, стр. 5.

² Конференция открылась 3 мая 1917 года. На ней присутствовало 117 делегатов с решающим голосом, представлявших 7200 членов партии (см. «Рабочая газета», 4 мая 1917 г.).

³ См. «Рабочая газета», 16 мая 1917 г.

⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 275, оп. 1, д. 35, ч. II, лл. 4—7.

⁵ См. «Рабочая газета», 16 мая 1917 г.

Всероссийской конференции меньшевистских и объединенных организаций большинством голосов была принята резолюция, признававшая, что «единственным путем к объединению в данный момент всех частей партии является созыв общепартийного съезда на основе признания программы и устава партии»¹. Резолюция предполагала возможным объединить различные фракции меньшевиков, отвлекаясь от их отношения к насущным политическим задачам. Это было косвенным признанием глубоких расхождений среди меньшевиков по актуальным политическим вопросам, признанием разногласия, которая выявилась в их среде по вопросам тактики². Оборонческое большинство рассчитывало, что ему удастся в рамках единой партии проводить свою линию³.

Меньшевистские деятели не скрывали антибольшевистского характера подготовляемого ими объединения. «Речь идет только о способе объединения всех элементов, которые остаются вне ленинизма. Вопрос идет о том, каким методом можно объединить все остальные элементы, кроме ленинской фракции»⁴, — формулировал задачу докладчик ОК Я. М. Гринцер. С этим были согласны оборонец Б. О. Богданов и левый меньшевик А. Гриневич («Пускай ленинцы выделятся, — говорил Гриневич, — а все остальные элементы мы будем объединять на местах, не предрешая в точности какой-нибудь платформы»⁵). Об антибольшевистской направленности сколачиваемой меньшевиками партии говорили и другие выступавшие. В извещении ОК о состоявшейся конференции прямо говорилось о том, что «борьба с «ленинизмом» во всех сферах общественной и политической

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 275, оп. 1, д. 7, л. 66.

² «...Сам меньшевизм, как течение, теперь не представляет нечего целое», — говорил делегат конференции Чиркин (ЦПА ИМЛ, ф. 275, оп. 1, л. 8, л. 50).

³ Московский комитет меньшевиков изложил свой взгляд на «окончательное объединение партии». На общепартийном съезде должны быть представлены все партийные организации, признающие программу и устав партии, независимо от их отношения к тем или другим текущим вопросам. Объединительный же съезд должен будет принять большинством голосов не компромиссную платформу, а резолюции или тактические директивы, обязательные для всех (ЦПА ИМЛ, ф. 275, оп. 1, д. 30, л. 5).

⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 275, оп. 1, д. 8, л. 54.

⁵ Там же, стр. 45.

жизни» составляет основную линию меньшевистского партийного строительства¹.

Открыто объявленная война большевикам не привела, однако, к консолидации меньшевизма. Напротив, на этой почве усилились разногласия. Левые меньшевики, учитывая растущее влияние на пролетариат идей Ленина и его партии, пытались кое в чем пойти навстречу большевикам, критиковали оппортунизм официального меньшевизма, надеясь таким образом удержать за собой революционных рабочих. В свою очередь, меньшевики-оборонцы тянули партию к более тесному союзу с буржуазией. В результате внутривнутрипартийные разногласия обострялись. Оборонческое меньшинство Петроградской организации отказалось выполнять постановления городской конференции, признав для себя обязательным «только решения Всероссийской конференции». 19 мая совещание актива меньшевиков-оборонцев Петрограда постановило «повести самую энергичную работу по объединению наших сил на местах»². Линию меньшевиков-оборонцев пропагандировала газета «День», объявившая себя «органом социалистической мысли». Редактировали ее А. Н. Потресов и его сторонники П. П. Маслов, Ст. Иванович и др. Серьезным влиянием в пролетарских массах меньшевики-оборонцы не пользовались. Двухсоттысячный тираж «Дня» расходился в буржуазных и мелкобуржуазных кругах, рабочие эту газету не читали³.

В противовес меньшевикам-оборонцам интернационалистское большинство КПО признало 19 мая решения Всероссийской конференции «уклоняющимися от интернационалистской и классовой позиции пролетариата» и отказалось делегировать своих представителей в редакцию «Рабочей газеты», которая вела агитацию исходя из постановлений конференции⁴. Член КПО Ю. Ларин склонялся даже к организационному разрыву с меньшевиками-оборонцами. Редактируемый им журнал «Интернационал» требовал бойкотировать «Рабочую газету»,

¹ См. «Всероссийская конференция меньшевистских и объединенных организаций РСДРП», стр. 26.

² «Рабочая газета», 21 мая 1917 г.

³ См. А. Н. Потресов. Посмертный сборник произведений. Париж. 1937, стр. 77.

⁴ «Партийные известия» (ОК РСДРП), 1917, № 1, стр. 4; ЦПА ИМЛ, ф. 275, оп. 1, д. 10, л. 12.

указывая, что «такую вредную газету не следует поддерживать, не следует распространять и покупать»¹. Но большинство КПО (О. А. Ерманский, А. Гриневиц и др.), равно как и Л. Мартов, не хотели порывать с оборонцами и отмежевались от ларинской оценки «Рабочей газеты»².

Меньшевики-интернационалисты преобладали также в ряде организаций Донецкого бассейна, большинство которых составляли рабочие. В других районах страны меньшевики-интернационалисты были менее оформлены. На I Всероссийском съезде Советов они образовали отдельную фракцию (до 30 человек), которая по главным вопросам выступала против меньшевистской фракции³. Однако совместное собрание меньшевиков-интернационалистов — делегатов съезда и КПО решило не порывать организационно с меньшевиками-оборонцами, а ограничиться лишь идейной борьбой⁴.

Касаясь внутрипартийного положения у меньшевиков, В. И. Ленин писал 25 апреля 1917 года, что у них «нет никакой организации. Чхеидзе и Церетели — одно, это — министры без портфеля; ОК — другое, это — социал-демократы без линии; «оборонцы» — третье, эти за Плеханова. Мартов — четвертое...»⁵. На происходивших в конце мая выборах в районные думы Петрограда царивший среди меньшевиков разброд проявился особенно наглядно. В одних районах меньшевики блокировались с эсерами и даже с группой «Единство», от которой отмежевывались публично. В Василеостровском районе меньшевики-интернационалисты поддерживали большевиков⁶, чем вызвали гнев ОК и КПО⁷. Г. В. Плеханов считал, что партии меньшевиков еще нет. «Между „интернационалистом“ Мартовым... и „оборонцем“... Потресовым... — писал он, — ничего общего, кроме ярлычка: *меньшевик*»⁸. Один из основателей меньшевизма хорошо видел его изъяны.

¹ «Интернационал», 1917, № 3, стр. 18.

² См. «Рабочая газета», 15 июня 1917 г.

³ См. «Партийные известия» (ОК РСДРП), 1917, № 1, стр. 12—13.

⁴ См. «Летучий листок», 1917, № 2, стр. 13.

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 337.

⁶ См. «Правда», 26 мая 1917 г.

⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 275, оп. 1, д. 10, лл. 15, 17.

⁸ Г. В. Плеханов. Год на родине, т. 2, стр. 68.

Тем не менее все фракции и течения меньшевизма имели нечто общее: признание невозможности победоносной социалистической революции в России, враждебность к большевистской партии¹. Разногласия и распри между отдельными фракциями и течениями вызывались тем, что ни одна из них не могла, естественно, найти такую политическую линию, которая бы, укрепляя власть буржуазии, не подрывала в то же время авторитета и влияния меньшевиков в рабочем классе.

3. «МАРТОВСКИЕ» ЭСЕРЫ

Февральская революция резко изменила положение партии эсеров. Захиревшая в последние годы царизма, малочисленная, дезорганизованная и неприметная, она сразу стала самой популярной, самой многочисленной в стране. «После революции в настужь раскрытые партийные двери хлынули неудержимым потоком широкие массы»², — говорил о своей партии видный эсеровский деятель Н. И. Ракитников. В. М. Зензинов отметил, что вскоре после революции партия с.-р. «по численному своему составу сделалась наиболее сильной»³. Эсеровские организации оформились почти во всех губернских, многих других городах, в частях армии, а также в ряде волостей. К 25 мая 1917 года организации эсеровской партии функционировали в 63 губерниях и областях России, причем в 48 из них к этому времени состоялись съезды или конференции эсеров⁴. На 1 августа 1917 года в стране насчитывалось 436 эсеровских организаций: 312 комитетов и 124 группы⁵. Ни одна другая политическая партия России в то время не располагала столь большим числом организаций. В начале 20-х годов было высказано мнение, что партия эсеров в период наибольшего своего преуспеяния в 1917 году насчитывала чуть

¹ Так, 22 мая 1917 года бюро ОК поручило одному из его членов «составить листовку против ленинизма»; 10 июня бюро специально обсуждало вопрос «о борьбе с большевистскими настроениями» и т. д. (ЦПА ИМЛ, ф. 275, оп. 1, д. 10, лл. 13, 27).

² «Дело народа», 24 сентября 1917 г.

³ «Дело народа», 10 октября 1917 г.

⁴ Подсчитано по кн.: «Третий съезд партии социалистов-революционеров», стр. 494—502 (Приложение).

⁵ «Партийные известия» (ЦК с.-р.), 1917, № 3, стр. 23.

ли не миллион членов¹. Сейчас принято считать, что летом 1917 года эсеров было примерно 400 тысяч человек². Сами же эсеры не указывали даже приблизительной численности своей партии в 1917 году. Думается, что объясняется это не столько плохой постановкой учета, сколько более серьезной причиной — неясностью вопроса: кого считать членом партии?

В отличие от большевиков, интересовавшихся политическим лицом новых членов, эсеры записывали в партию всех желающих без разбора, принимали людей, ничего общего не имевших с революционной борьбой. Одесский комитет с.-р. призывал: «Кто за Керенского и Брешко-Брешковскую — записывайтесь в партию социалистов-революционеров». Записалось несколько тысяч человек³. Луганский комитет сообщил: «Члены принимаются без определенной системы: просто кто хотел, тот

¹ В. Быстрянский. *Меньшевики и эсеры в русской революции*, стр. 31.

² Л. М. Спирин. *Классы и партии в гражданской войне в России*, стр. 49. Хотя сам автор считает приведенную им цифру приблизительной, в литературе наметилась тенденция канонизировать ее. Так, в сборнике «Большевики в борьбе против мелкобуржуазных партий в России (1910—1920 гг.)», М., 1969, констатируется, что летом 1917 года в эсеровской партии насчитывалось 400 тысяч членов. Причем в одной статье эта цифра приводится без ссылки на источник (стр. 44), в другой — она упомянута в ряду других данных и подкреплена общей ссылкой на архив (стр. 78). Как нам кажется, при определении численности эсеров в 1917 году нужен дифференцированный подход: для эсеровских организаций в городах, на фронте и в деревне. Приведенные ниже данные по некоторым губерниям и уездным городам позволяют предположить, что осенью 1917 года в городах России эсеров было приблизительно столько же, сколько большевиков, т. е. около 300 тысяч. На фронте же и в деревнях численность эсеровских организаций намного превышала численность большевистских. Если в октябре 1917 года всего на фронте было 50 тысяч членов РСДРП(б) (см. «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 3, кн. 1, стр. 245), то эсеров только на Румынском, Юго-Западном фронтах и в 12-й армии Северного фронта — 210 тысяч (см. П. Голуб. *Указ. соч.*, стр. 54—55). По-видимому, столько же было на остальных фронтах и флотах (особенно многочисленны были эсеровские организации Западного фронта, Балтийского и Черноморского флотов). Таким образом, можно предположительно считать, что численность эсеровских организаций в 1917 году составляла около 700 тысяч человек. При этом следует иметь в виду, что среди них было немало левых эсеров, поддерживавших в октябре 1917 года большевиков.

³ См. С. Милиц. *Совет рабочих депутатов в Одессе. «Летопись революции»*, 1926, № 5(20), стр. 25.

и записывался»¹. Газета петроградских эсеров отмечала, что запись в партию идет «бойко», «записываются целыми тысячами»². Неудивительно, что в ряде мест численность эсеровских организаций в первые месяцы революции даже на промышленных предприятиях превышала численность большевистских коллективов. Так, на Обуховском заводе в Петрограде эсеровская организация, по словам рабочего этого завода, уже в марте «разбухла до полтысячи», организация же большевиков насчитывала не более 50 членов³. К эсерам шли преимущественно малосознательные рабочие, связанные с деревней. На первом легальном собрании эсеров Выборгского района столицы присутствовало 200 человек, из них 109 тут же записались в партию⁴. На Усть-Ижорской верфи в эсеровскую организацию записалось 300 человек. В Сормове, где к началу 1917 года было 80 эсеров, к середине апреля их насчитывалось уже 1500⁵. Главной опорой эсеров в городах являлись солдаты, интеллигенция, чиновники, мещанские слои населения. Большевистская организация Ижорского завода выросла в марте 1917 года с 30 до 150 членов, пополнившись, в основном, рабочими, сочувствовавшими партии еще в подполье. Эсеры же на вербовали здесь сразу после Февральской революции до 1000 членов, в большинстве из интеллигенции и колпинских мещан⁶. Корреспондент «Новой жизни» писал об эсеровской организации г. Перми — типичной городской организации партии, — что она «представляет полнейшую неразбериху и путаницу. Можно смело утверждать, что это не партия, как принято ее понимать, а лишь блок демократически настроенных с социалистической окраской граждан города Перми»⁷. И все же в целом численность эсеров в горо-

¹ «Партийные известия» (ЦК с.-р.), 1917, № 3, стр. 35.

² «Земля и воля», 2 мая 1917 г.

³ ЛПА, ф. 4000, оп. 5, д. 1596, л. 1.

⁴ «Дело народа», 21 марта 1917 г.

⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 274, оп. 1, д. 26, лл. 103, 112.

⁶ ЛПА, ф. 4000, оп. 5, д. 1280, лл. 4—5.

⁷ «Новая жизнь», 3 августа 1917 г. Справедливость этой оценки подтверждают материалы эсеровской организации Усольского района Пермской губернии. На общем собрании членов организации 21 августа 1917 года отмечалось, что «члены комитета совершенно не в курсе политического дела и совершенно не разделяют взглядов партии» (ГАПО, ф. 657, оп. 1, д. 20, л. 5об.).

дах если и превышала численность большевистских организаций, то ненамного¹.

В вербовке в свою партию сельских жителей, в том числе крестьян, успехи эсеров были более значительными. Эсеровский деятель С. Л. Маслов в брошюре, предназначенной для партийного актива, рекомендовал при вербовке новых членов «обратить внимание на сельскую интеллигенцию (учителя, учительницы, фельдшера, агрономы и их помощники и т. д.)». Маслов указывал, что «зажиточность при вербовке членов не имеет значения... безразлично — будет ли он беден или богат (исключая тех, которые нажили богатство бесчестным или жестоким путем)»². Туманная оговорка лишь подчеркивала ориентацию эсеров на зажиточных крестьян. Прибывая в деревню, эсеровский агитатор просил собрать крестьянский сход, зачитывал программу партии, после чего производил запись в члены партии. В селе Солово Стародубского уезда Черниговской губернии на первом же сельском сходе в эсеровскую партию записалось 240 человек, в соседнем селе Стративе — 40³. Крестьяне охотно записывались в партию, которая обещала дать им безвозмездно землю. На совещании эсеров Псковской губернии, состоявшемся в конце июля, отмечалось: «В некоторых уездах целые волости заявляют о своих симпатиях к партии социалистов-революционеров; то же заявляют целые воинские команды»⁴. Представитель эсеров г. Острова сообщал в июле: «Все волостные сходы, проходившие при участии партийных товарищей, выносят постановления в духе партии с.-р. В некоторых пунктах уезда... организованы сельские партийные ячейки»⁵. Организованное эсерами собрание

¹ В некоторых городах численность большевистских и эсеровских организаций была примерно одинаковой (в Петрограде в октябре 1917 года насчитывалось большевиков 49 478 и эсеров — в основном левых — 44 500, в Екатеринославе в июле соответственно — 3500 и 4000). В ряде районов преобладали большевики (в июле в Эстонском крае насчитывалось 7000 большевиков и 5000 эсеров, в Иваново-Вознесенске — 5440 большевиков и несколько сот эсеров, в Москве соответственно — 15 000 и 5000), в других — эсеры (в Ростове-на-Дону в октябре — 8000 эсеров и 1100 большевиков; аналогичное соотношение сил было в городах Поволжья).

² С. М а с л о в. Социалистическая партия, ее значение и политическая организация крестьян. Пг., 1917, стр. 24—25.

³ «Знамя труда», 12 октября 1917 г.

⁴ «Земля и воля», 2 августа 1917 г.

⁵ «Земля и воля», 18 августа 1917 г.

крестьян трех деревень Белозерского уезда Новгородской губернии одобрило лозунги: «Земля — трудовому народу», «Учредительное собрание», «Демократическая республика». Участники собрания обещали эсерам: «Мы... подадим голоса за вас»¹. 2 апреля эсеры устроили собрание в селе Геросиме Курской губернии. «Все присутствовавшие в собрании лица, — сообщала эсеровская газета, — уже вступили в число членов Геросимской сельской ячейки партии с.-р.»².

Губернские и уездные эсеровские комитеты форсировали создание волостных организаций партии. Варнавинский уездный комитет (Костромская губ.) отмечал, что он «главнейшей своей задачей... считает установление связей с волостями уезда и работу в них». Из 21 волости этого уезда комитет связался с шестью. Кологривский уездный комитет (та же губерния) связался со всеми 30 волостями и в 17 из них создал группы эсеров. Волостные группы эсеров были образованы в Вологодской, Курской, Астраханской, Пермской губерниях³. Из 180 волостей Воронежской губернии эсеровские организации были образованы в 104 волостях⁴.

Согласно сведениям, поступившим в ЦК партии эсеров из 41 уездного комитета различных губерний, 32 комитета установили к лету 1917 года постоянный контакт с деревней, а некоторые организовали волостные группы партии (4 уездных комитета сообщили, что не связаны с деревней, а 5 не ответили на этот вопрос)⁵.

Как правило, волостные организации эсеров были эфемерны, расплывчаты, сливались с массой беспартийных, сочувствующих эсеровским лозунгам. В сводках, поступавших в ЦК с мест, приводилась иногда численность городских организаций; о численности же сельских организаций сообщалось: «...точной регистрации организованных членов партии не велось» (Вологодская губерния); «...в уезде правильного учета числа членов нет» (Муромский уезд); «...число организованных членов в уезде учету не поддается» (Шадринский уезд Пермской губернии)⁶. Эсеры привлекали к себе крестьян

¹ «Земля и воля», 18 августа 1917 г.

² «Земля и воля», 21 апреля 1917 г.

³ См. «Партийные известия» (ЦК с.-р.), 1917, № 3, стр. 37—41.

⁴ «Земля и воля», 29 сентября 1917 г.

⁵ «Партийные известия» (ЦК с.-р.), 1917, № 3, стр. 35—46.

⁶ Там же, стр. 37, 39, 41.

главным образом заманчивой программой социализации земли. Эсеровский лозунг «земля и воля», отмечалось в корреспонденции из Кронштадта, «пользуется непре-рекаемой популярностью»¹.

Успеху эсеров среди крестьянства способствовала благоприятно сложившаяся для них конъюнктура. В первые месяцы революции во многих районах страны эсеры, по существу, являлись монополистами по работе в деревне. Большевики не надеялись и не пытались овладеть крестьянством, к кадетам основная масса крестьян относилась враждебно. Единственная партия, которая могла конкурировать с эсерами за влияние в деревне, — РСДРП(б) — в первые месяцы революции сосредоточила свои силы в промышленных районах и смогла поставить партийную работу лишь среди той части крестьян, которая находилась в армии и на флоте. Со второй половины 1917 года, с созданием губернских комитетов, большевики начали более активно работать в деревне, оттесняя эсеров².

Традиционное представление об эсерах как о борцах «за землю и волю» располагало к ним крестьянское по происхождению большинство армии и флота. В Кронштадте насчитывалось в марте — апреле 5 тысяч эсеров³. Многочисленны были эсеровские организации в Гельсингфорсе и Ревеле — основных базах Балтийского флота. «Во флоте было полное засилье эсеров, — вспоминал матрос Балтики Г. Королев. — Партия разбухала, как тело утопленника, от наплыва новых членов. Шли, что называется, стар и млад! — Матрос, боцман,

¹ «Земля и воля», 20 мая 1917 г.

² Там, где большевики вели работу среди крестьян, позиции эсеров были непрочны и в первые месяцы революции. По признанию Юрьевецкого уездного комитета партии эсеров (Костромская губерния), в уезде «организаторами и руководителями большинства революционных организаций и органов как в городе, так и в деревне явились большевики, лозунги которых охотно усваивались массами» («Партийные известия» (ЦК с.-р.), 1917, № 3, стр. 39). В той же губернии 10 крестьян дер. Дыхалихи (Ветлужский уезд), обсудив 30 августа Программу РСДРП(б), постановили всеми силами поддерживать партию большевиков (ЦПА ИМЛ, ф. 60, оп. 1, д. 50, л. 26). В многотомной «Истории КПСС» (т. 3, кн. 1, стр. 245) отмечается, что накануне Октября в стране было 203 большевистских ячейки, объединивших 4122 крестьянина. (Подробнее см. Н. А. Кравчук. Массовое крестьянское движение в России накануне Октября. М., 1971, стр. 45—83.)

³ «Дело народа», 5 августа 1917 г.

офицер...»¹ В эсеровском клубе «Земля и воля», открытом в Риге в марте 1917 года, сразу же записалось в партию 4 тысячи солдат и офицеров 12-й армии². Командование, поощрявшее вступление солдат в эсеровские организации³, всячески препятствовало деятельности большевиков, в ряде мест их не пропускали в казармы⁴, запрещали вести пропаганду на фронте. Солдатам, как отмечалось в донесении одного командира, вдалбливалось, что «принадлежность к партии большевиков преступна и позорна»⁵.

Эсеровские организации, значительно превосходившие организации большевиков в армии по числу членов⁶, уступали последним в сознательности и сплоченности. Спешно набранные в партию эсеров солдаты не имели, как правило, четкого представления о ее политической сущности.

Вначале эсеровские организации существовали в пределах крупных военных соединений — армии, дивизии, корпуса. С июля — августа, в связи с приближением выборов в Учредительное собрание, началось создание эсеровских организаций в полках, батальонах, дивизионах. В июле при ЦК партии с.-р. была образована Военная комиссия, главной задачей которой являлась агитация за эсеровских кандидатов в Учредительное собрание в армии. 4—8 сентября в Петрограде состоялась 1-я общеармейская конференция партии эсеров⁷, за которой последовали фронтовые конференции. Но не успев окрепнуть, эсеровские организации стали распа-

¹ «Ленин и красный флот». Л., 1924, стр. 41. Подробнее об эсеровских организациях на флоте см. С. С. Хесин. Октябрьская революция и флот. М., 1971, стр. 191—196.

² «За народ» (Рига), 1917, № 1, стр. 79.

³ Показательно письмо офицера одной из частей Юго-Западного фронта от 3 июня 1917 года: «Считая из всех социалистических партий партию с.-р. наиболее разумной... я исподволь работаю над ротой, обращая ее в с.-р. Это лучшее средство против ленинизма и большевизма» («Красный архив», 1932, т. 1-2 (50-51) стр. 208).

⁴ См. «Рабочий путь», 29 сентября 1917 г.

⁵ ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 57, л. 291.

⁶ Так, например, осенью 1917 года в 12-й армии (Северный фронт) было 60 тысяч эсеров и 3500 большевиков; на Юго-Западном фронте — соответственно 50 тысяч и около 20 тысяч (в том числе более 12 тысяч сочувствующих). См. П. Голуб. Партия, армия и революция. М., 1967, стр. 54, 178, 179.

⁷ См. «За народ», 1917, № 1, стр. 95—96.

даться. По мере роста сознательности солдатская масса начинала понимать, что ей с эсерами не по пути.

К эсерам потянулись также гимназисты, политически незрелая молодежь¹, наслышанная о смелых террористических актах, совершенных отдельными членами партии в прошлом, и чиновники и офицеры, рассчитывавшие извлечь выгоду из пребывания в правительственной партии. «Быть с.-р. стало модным увлечением, — справедливо отмечала «Новая жизнь». — Исповедывать лозунги партии Керенского и Чернова — значит очистить себе поле для новой чиновничьей карьеры. Примкнуть к с.-р. означает — стать в ряды правительственной партии»². Имелись факты, когда даже генералы изъявляли желание записаться в эсеровскую партию, надеясь, что военный министр — эсер это оценит³.

С эсеровским поветрием первых месяцев революции связано вошедшее тогда в обиход выражение «мартовские» эсеры. «„Мартовские“ эсеры, — писала «Правда» 28 июня, — это целые слои буржуазной интеллигенции, переходящие теперь на сторону правительственной партии». Сами же эсеровские деятели не скрывали своего неуважительного отношения к новому пополнению. «Так называемые мартовские эсеры, — признавал В. Чернов, — величина фиктивная... Они могут так же легко отхлынуть от партии, как и прибыли к ней»⁴. Эсеровская печать сетовала: «Мартовские эсеры — случайный, недоброкачественный элемент», «формальные эсеры»⁵. Признавая неблагополучие с членством в партии (коренной для всякой партии вопрос), эсеровское руководство не смогло, однако, найти удовлетворительный выход из создавшегося положения. Это отчетливо сказало на III съезде партии с.-р. Предшествовавший ему

¹ В Петрограде была образована к осени 1917 года эсеровская организация из гимназистов-старшеклассников, насчитывавшая 120 человек (см. ЦПА ИМЛ, ф. 274, оп. 1, д. 3, л. 18; «Партийные известия» (ЦК с.-р.), 1917, № 4, стр. 77).

² В. Керженцев. Эсеровское поветрие. «Новая жизнь», 29 июня 1917 г.

³ См. «Знамя солдата», 17 октября 1917 г.

⁴ «Дело народа», 3 сентября 1917 г.

⁵ См., напр., «Дело народа», 24 сентября 1917 г. В. Зензинов говорил, что вливающиеся в партию новые потоки «рискуют затмить партийные организации и забить их мало подготовленной для партийного самоопределения толпой» («Третий съезд партии социалистов-революционеров», стр. 391).

в апреле 1917 года VI Совет партии констатировал, что если в дореволюционное время «член партии был в то же время и членом активно работающей организации, то теперь, фактически, эти два элемента партийного личного состава раздвоились: есть товарищи, которые записаны членами партии, но не принимают участия в текущей работе...»¹.

В эсеровских кругах дебатировался вопрос о «раздвоении» партии. В частности, предлагалось подразделить всех эсеров на: а) членов *партии*, пользующихся только активным избирательным правом, т. е. имеющих право избирать, но не быть избранными в партийные органы, и б) членов *организации*, имеющих как активное, так и пассивное избирательное право. Перевод из «членов партии» в «члены организации» предлагалось проводить при том условии, если переводимый усвоил программу партии, или рекомендован какой-либо организацией, или, наконец, избран самой организацией². Кое-где такое деление было проведено. В эсеровских организациях Северного флота было принято разграничение на «действительных» и «сочувствующих» членов партии³. В Особой армии в сентябре 1917 года число «действительных» членов партии не превышало 2—3 тысяч, а «сочувствующих», или «испытываемых», было 135 тысяч. В некоторых полках этой армии до $\frac{2}{3}$ личного состава числилось в «сочувствующих» партии эсеров⁴. Такое деление было принято и в отдельных городских организациях. Из 800 человек, записавшихся в Ялтинскую организацию с.-р., «действительными» членами считались только 154 человека⁵. Не было у эсеров и единого мнения по вопросу о рекомендациях: требовать их от вступающих в партию или нет⁶.

¹ «Дело народа», 28 апреля 1917 г.

² См. «Земля и воля», 2 мая 1917 г.

³ ЦПА ИМЛ, ф. 274, оп. 1, д. 14, л. 102.

⁴ См. Б. Соколов. Защита Всероссийского Учредительного собрания. «Архив русской революции», 1924, т. XIII, стр. 18; «Социалист-революционер» (орган с.-р. корпуса), № 3, 26 октября 1917 г.

⁵ «Партийные известия» (ЦК с.-р.), 1917, № 3, стр. 44.

⁶ Большинство эсеровских организаций не требовало рекомендаций. Поволжский областной съезд партии с.-р. (12—14 мая 1917 г.) постановил: «...вступление в члены партии должно быть открытым, без рекомендаций» («Земля и воля», 27 мая 1917 г.). Не требовал рекомендации устав Всероссийской ж.-д. организации партии эсеров

Вопрос о членстве в партии стал предметом обсуждения организационной комиссии III съезда эсеров, которой была поручена выработка проекта нового устава. На первом заседании комиссии 27 мая ее председатель В. В. Руднев отметил, что в связи с наплывом масс в партию «стоит вопрос, как быть с ними — включить ли их в одни рамки вместе с квалифицированными работниками или возможно раздвоение». Одни предлагали не всем и не сразу доверять пользование всеми правами члена партии, требовать представления всеми вступающими рекомендаций, другие возражали. Председатель Петроградского комитета партии с.р. А. Д. Высоккий высказался против рекомендаций. Он говорил: «Когда партия открытая, то надо сделать широкий доступ всем, ограничений доступа в членство не должно быть». С. Л. Маслов заявил, что не считает возможным запретить массовое вступление. Следующий оратор, Кремянский, также высказался «против ограничения доступа в партию; против рекомендаций, за открытый доступ путем регистрирования членов». Подытоживая прения, Руднев заявил: «В комиссии наметилось два направления — одни хотят широко открыть дверь в партию, другие — разграничить членов на: а) полномочных и б) полуправных»¹. Организационная комиссия продолжила работу 29 и 30 мая. Предложения установить для вступающих в партию возрастной ценз и требовать от них представления рекомендаций были отклонены². 4 июня на последнем заседании съезда Руднев от имени президиума предложил обсуждение организационного устава отложить до ближайшего Совета партии. Многие делегаты были против этого. «Оставаться без устава нет никакой возможности», «Надо иметь хотя бы жалкий устав»³, — говорили они. Но президиум настоял на своем. «Так как мы новый временный организационный устав не ввели, то в тех пределах, в которых мы руко-

ЦПА ИМЛ, ф. 274, оп. 1, д. 5, лл. 18—21). В уставе Петроградской организации эсеров, опубликованном в мае 1917 года, нет указания на необходимость представления рекомендаций. В июне Петроградская организация эсеров решила требовать от вступающих рекомендации двух членов партии (ЦПА ИМЛ, ф. 274, оп. 1, д. 14, л. 12).

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 274, оп. 1, д. 14, лл. 100—104.

² Там же, л. 105.

³ «Третий съезд партии социалистов-революционеров», стр. 452.

водствовались принципами старого, мы будем продолжать ими руководиться там, где это окажется возможным»¹, — резюмировал председательствующий. Съезд закончился, не приняв нового устава. Факт весьма симптоматичный. В неспособности эсеровского съезда занять определенную позицию в кардинальном вопросе — о членстве в партии — сказались немощь, растерянность внешне преуспевавшей тогда партии.

В. И. Ленин писал в июне 1917 года о партии социалистов-революционеров, что она не только самая большая в России, «но и испытывает самый большой идейный (некорыстный) страх перед продолжением революции по направлению к социализму»². Вознесенные Февральской революцией на политический Олимп, лидеры партии эсеров оказались в ложном положении: имея огромные возможности для практического претворения в жизнь программы своей партии, они, из страха порвать с буржуазией, бездействовали. Вместо борьбы с буржуазией и помещиками в настоящем, они рсточали щедрые обещания коренных преобразований в интересах трудящихся «после получения большинства в Учредительном собрании». Вместо того чтобы, пользуясь положением правящей партии, начать немедленно осуществлять те пункты своей партийной программы, которые объективно назрели и отвечали интересам трудящихся, эсеры лишь рекламировали свою программу, связывая ее осуществление с будущим Учредительным собранием, срок созыва которого не был даже твердо установлен. Партия политического авантюризма, признававшая в прошлом только внепарламентские формы борьбы, в 1917 году под стать архиоппортунистам твердила, что лишь через парламент можно вступить в социалистический мир.

Эсеры, располагавшие большими возможностями в ведении массовой пропаганды и агитации (в мае они издавали 30 газет, в октябре — 90)³, использовали эти возможности для отвлечения масс от революционной

¹ «Третий съезд партии социалистов-революционеров», стр. 454.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 318.

³ «Дело народа», 7 мая 1917 г.; «Партийные известия» (ЦК с.-р.), 1917, № 1—4. Данные П. Голуба (Указ. соч., стр. 55) об издании эсерами 60 газет относятся к концу 1917 года, к послеоктябрьскому периоду.

борьбы, внушая им необходимость пассивного ожидания Учредительного собрания. Шумихой о нем, о его задачах, о подготовке к нему эсеровские деятели пытались создать иллюзию, будто это и есть революционное дело и настоящая борьба за осуществление социалистических идеалов. Подготовка Учредительного собрания стала главной сферой приложения сил партии с.-р. «Мы должны в будущее Учредительное собрание войти, по возможности, большинством, чтобы обеспечить выполнение наших заветных стремлений — социализации земли»¹, — говорил Н. И. Ракитников. Этому было подчинено и партстроительство. Чем многочисленнее будет партия, тем вернее ее победа на выборах, — рассчитывали эсеровские лидеры, с лихорадочной активностью вербуя новых членов. Это была симуляция деятельности «во имя социализма», вместо борьбы за него.

Но именно отречение от собственной программы, от революционных методов борьбы привлекало к эсерам элементы далекие и от революции, и от социализма. Среди устремившихся в эсеровские организации было много случайного элемента, обывателей, карьеристов. Организационная комиссия III съезда (как видно из ее материалов) пыталась поднять авторитет членов партии, не ограничивая, однако, беспорядочного притока новых членов. Но так как совместить оба принципа было трудно, эсеры предпочли тот из них, который сочли более важным: увеличение численности партии. Правда, санкционировать систему зачисления в партию всех желающих эсеровские деятели не решались, но и отказаться от нее не хотели. Этим, по-видимому, объясняется уклонение III съезда от принятия устава партии².

Преимущества, которые эсеры могли бы извлечь из своей многочисленности, утрачивались вследствие разнородного социального состава вступивших, различного понимания ими целей и стремлений партии. «...Численность только тогда решает дело, — указывал К. Маркс, — когда масса охвачена организацией и ею руководит знание»³. Партия эсеров и не могла похвастать ни идейной, ни организационной сплоченностью. Одни ее члены,

¹ «Третий съезд партии социалистов-революционеров», стр. 5.

² Организационный устав был принят IV съездом эсеров в декабре 1917 года. Это был их последний партийный съезд.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, стр. 10.

преимущественно чиновники, офицеры, мелкобуржуазные интеллигенты, тянулись к кадетам (пример тому Керенский, о котором В. И. Ленин писал: «...,мартовский“ эсер, перескочивший сюда от трудовиков „для рекламы“»¹, оказался на крайне правом крыле партии, которое «*ничем* серьезным не отличается от кадетов»²), другим — выходцам из пролетарско-крестьянской среды — импонировала политическая линия большевиков.

Пестрота социального состава партии подтачивала ее единство. Постепенно среди эсеров выкристаллизовались три течения.

Основное (*эсеры центра*), определявшее официальный курс партии, возглавлялось В. М. Черновым, А. Р. Гоцем, Н. Д. Авксентьевым. Под предлогом невозможности начать осуществление эсеровской программы до победы партии на выборах в Учредительное собрание, лидеры эсеров рабски цеплялись за союз с капиталистами, поддерживали политику Временного правительства, не решаясь предпринять ни одного шага в противовес буржуазии.

Другое течение составили *правые*, кадетски настроенные эсеры, занявшие шовинистическую позицию в вопросе о войне, а во внутренней политике выступавшие за еще более тесный союз с буржуазией, предлагая во имя этого союза урезать социальную программу партии. С 13 мая правые эсеры начали издавать в Петрограде под редакцией А. А. Аргунова, А. И. Гуковского и П. А. Сорокина ежедневную газету «Воля народа», ставшую, по существу, официозом Керенского. Массовой опоры «воленародовцы» (так стали называть правых эсеров) не имели.

Довольно влиятельным было третье течение в эсеровской партии — *левые эсеры*, выступавшие против официального курса партии. Левых эсеров В. И. Ленин назвал «верными хранителями учения, программы и требований социалистов-революционеров»³. Левых эсеров возглавляли М. А. Спиридонова и Б. Д. Камков. Спиридонова упрекала лидеров партии в отказе от выполнения аграрной программы и в том, что они в тактических вопросах (в вопросе о войне и др.) следуют за социал-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 250.

² Там же.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 152.

патриотами — меньшевиками. «Имея все возможности действительно быть партией трудящихся классов, — писала Спиридонова, — партия социалистов-революционеров под давлением заполонивших правое крыло партии обывательских, ничего общего с социализмом не имеющих элементов отклоняется все дальше от своего единственно верного пути...»¹ Камков осуждал капитуляцию центра партии перед полукadetскими элементами «воленародовского типа»². Но сами левые эсеры были неустойчивы как в теории, так и в практической деятельности. С одной стороны, они заявляли об обреченности буржуазной власти в России, выступали за разрыв коалиции с буржуазией. С другой — они безусловно исключали возможность победоносной социалистической революции в одной лишь России. Противоречивость позиции отразилась в программной статье первого номера газеты «Знамя труда» — органа петроградских левых эсеров. Редакция газеты в свойственной эсерам высокопарной манере возвестила о решимости идти «к светлomu и лучезарно-радостному социалистическому укладу жизни». Признав способность трудовой демократии «осуществить и ввести в жизнь социалистический уклад», редакция, испугавшись своей «левизны», попыталась назад, заявив об отсутствии «необходимой объективной возможности» для продвижения к социализму («условия не созрели... нет у демократии общественных навыков... не накопилось достаточно опыта и знаний... хозяйственная жизнь неразвита и расшатана» и т. д.). «Поэтому, — делала газета вывод, — должно... рассчитывать лишь на закрепление политических побед и проведение реформ социального порядка»³. Социалистическую революцию в России левые эсеры считали возможной только после победы всемирной революции. «Социалистический оазис на мертвящем фоне капиталистической пустыни, — писал Б. Камков, — утопия, и вредная утопия»⁴. Таково же мнение левого эсера В. Трутовского: «...социализм не может найти своего осуществления в одной только стране, он может осуществиться

¹ «Наш путь» (журнал — орган левых эсеров, начал выходить в августе 1917 года в Петрограде под редакцией М. А. Спиридоновой), 1917, № 1, стр. 8.

² См. там же, стр. 37.

³ «Знамя труда», 23 августа 1917 г.

⁴ «Знамя труда», 14 сентября 1917 г.

только в мировом международном масштабе»¹. Не имея твердой позиции в области теории, левые эсеры постоянно колебались и в политике: делая шаг к сближению с большевиками, они тотчас же поворачивали назад к эсеровскому центру, долго не осмеливаясь организационно порвать с ним.

Наиболее остро протекала борьба между различными течениями эсеровской партии в Петрограде. Лишь на I конференции петроградских эсеров, 2 марта 1917 года, царило относительное согласие². Редакция ЦО партии — газеты «Дело народа», начавшей выходить 15 марта, была сформирована на коалиционном принципе. Она включила представителей центра (В. Зензинов), правых (А. Гуковский, П. Сорокин) и левых (Р. Иванов-Разумник и С. Мстиславский)³. В. Чернов, по прибытии в апреле 1917 года в Петроград, призвал к объединению всех народников⁴. В это время обнаружили первые трещины в эсеровской партии. На состоявшейся в начале апреля II Петроградской конференции⁵ эсер Б. Д. Камков, выступивший с контрдокладом после доклада А. Р. Гоца, характеризовал политическую линию центра как «социал-патриотическую с интернациональным антуражем». «Мы категорически отвергаем... социал-патриотическую формулу «оборончества», — говорил Камков. — Наши шаги должны быть направлены в сторону ликвидации войны, а для этого русская демократия почти ничего не сделала...»⁶ Представители правых — Сорокин, Гуковский и другие — ополчились на левых, ратуя за безоговорочную поддержку Временного правительства и «оборону» страны⁷. Предложенная Гоцем резолюция о войне была принята 68 голосами против 56 при 13 воздержавшихся. Разно-

¹ «Знамя труда», 26 сентября 1917 г.

² См. «Дело народа», 15 марта 1917 г.

³ См. «Партийные известия» (ЦК с.-р.), 1917, № 4, стр. 6.

⁴ См. «Дело народа», 9 апреля 1917 г.

⁵ Конференция проходила с 3 по 6 апреля. Присутствовали 152 делегата с решающим голосом и 142 с совещательным, представлявшие 5 тысяч зарегистрированных членов партии. Повестка заседаний: отношение к войне; отношение к Временному правительству; о Совете рабочих и солдатских депутатов; рабочий вопрос; аграрный вопрос и др. (см. «Дело народа», 5 и 7 апреля 1917 г.).

⁶ «Дело народа», 6 апреля 1917 г.

⁷ См. там же.

гласия между основными течениями сказались также при обсуждении конференцией вопроса об отношении к Временному правительству.

«Дело народа» пыталось преуменьшить опасность разногласия, выявившейся на Петроградской конференции. С наигранным оптимизмом газета писала: «Несмотря на разногласия по вопросу о войне, товарищи не сочли возможным разойтись на практической работе. В результате исполнительный орган Петроградской организации — комитет — был избран *единогласно*. Мы... с удовлетворением приветствуем это. Через две недели созывается Совет партии, через месяц — общепартийный съезд. Создается заново большая политическая партия!»¹ Между тем «большая партия», не успев сформироваться, уже начала раскалываться. 8 апреля было опубликовано заявление А. Гуковского и П. Сорокина о выходе из состава редакции «Дела народа» ввиду их расхождения «со многими действиями и направлением как конференции, так и Петроградского комитета» («Дело народа» являлось органом ЦК и ПК партии с.-р.). Левые эсеры, оказавшись на II Петроградской конференции в меньшинстве, хотя и заявили, что «считают своим долгом не производить раскола»², фактически начали обособляться. Центром их стал Северный областной комитет. На открывшейся 20 мая Северной областной конференции³ левые критиковали не только внешнюю, но и внутреннюю политику руководства партии. Попытки Чернова оправдать бездействие эсеров в аграрном вопросе вызвали критику. «Раньше нашей опорой служила реальная борьба с помещиками за

¹ «Дело народа», 8 апреля 1917 г.

² «Дело народа», 13 апреля 1917 г.

³ Организационная структура партии эсеров предусматривала существование областных центров — связующего звена между «мозгом партии» — ЦК и исполнительными органами — губернскими и уездными комитетами. Северная областная конференция партии эсеров проходила в Петрограде с 20 по 24 мая 1917 года. На ней были представлены эсеровские организации Петрограда, Кронштадта, Петроградской, Новгородской, Псковской, Вологодской губерний, Финляндии, Эстляндии, Лифляндии. В первый день присутствовало 136 делегатов. Конференция рассмотрела вопросы: доклады с мест: об участии социалистов в коалиционном правительстве: аграрный вопрос; об отношении к войне и др. В избранный конференцией Областной комитет вошли левые эсеры Мстиславский, Камков, Прошьян, Устинов и др. Органом комитета стала газета «Земля и воля», выходившая в Петрограде с 21 марта 1917 года.

землю, теперь мы призываем крестьян организоваться. Этого мало», — говорил П. П. Прошьян. Делегаты с мест сообщали, что крестьяне, долгие годы ожидавшие получения земли, возмущаются, когда вместо этого им говорят: «Иди организуйся» или «Жди Учредительного собрания». Левый эсер А. М. Устинов высказался за организованный захват крестьянами помещичьей земли до Учредительного собрания¹, поддержав, по существу, лозунг большевиков.

23 мая на объединенном заседании Северной областной и III Петроградской конференции эсеров² обсуждался вопрос о коалиционном правительстве. Старейший член партии М. А. Натансон выразил опасение, что вступление социалистов в министерство не будет способствовать достижению мира и обернется во вред партии³. Резолюция, одобряющая образование коалиционного правительства, была принята на областной конференции 71 голосом против 36 при одном воздержавшемся; (на городской — за 82, против 9, воздержавшихся 5)⁴. Воленародовцы, оказавшись на Северной областной конференции в незначительном меньшинстве, попытались сорвать ее работу, но потерпели в этом неудачу⁵.

К 25 мая 1917 года, когда открылся III съезд партии⁶, в ней имелись уже достаточно оформившиеся группы. Съезд не добился сплочения партии. Напротив, разногласия официального руководства и воленародовцев, с одной стороны, и левых эсеров, с другой, обозначились еще резче. Причины разногласий коренились в несоответствии политики, проводившейся руководством эсеровской партии, со стремлениями мелкобуржуазных масс, составляющих ее опору.

¹ См. «Дело народа», 24 мая 1917 г.

² III Петроградская конференция партии эсеров открылась 22 мая. Присутствовало 135 делегатов, представлявших 25 тысяч членов партии («Дело народа», 24 мая 1917 г.).

³ См. «Дело народа», 25 мая 1917 г.

⁴ «Дело народа», 24 мая 1917 г.

⁵ См. «Дело народа», 23 мая 1917 г.

⁶ III съезд партии с.-р. проходил в Москве с 25 мая по 4 июня 1917 года. Присутствовало 306 делегатов с решающим голосом, 40 с совещательным и 150 гостей, представлявших эсеровские организации 63 губерний, 6 фронтов и флотов. Съезд принял резолюции: смысл современного момента и задачи партии; об отношении к войне; об отношении к Временному правительству; об Интернационале; по аграрной политике; по муниципальной политике; по национальному вопросу.

Вступление В. М. Чернова на пост министра земледелия было воспринято крестьянством, солдатами и эсеровской прослойкой рабочих как залог быстрого решения аграрного вопроса — безвозмездной передачи земли народу. Это ярко отразили многочисленные телеграммы, поступившие в адрес Чернова в мае 1917 года. Бобруйская организация эсеров приветствовала его как своего вождя и выражала глубокое удовлетворение тем, что «судьбы трудового народа, наконец, находятся в надежных руках и что недалеко время осуществления на деле нашей программы». Волостной сход Шумихинской волости Себежского уезда постановил приветствовать Чернова и выразил пожелание, чтобы он «содействовал скорейшему созыву Учредительного собрания и разрешению земельного вопроса на благо трудящихся»¹. Этой же мыслью было проникнуто приветствие, присланное III съезду эсеровской партии Московским губернским Советом крестьянских депутатов².

Но действия эсеровского руководства находились в вопиющем противоречии с надеждами, которые на него возлагали рядовые члены партии и ее многочисленные приверженцы. Превыше всего ставя сохранение блока с кадетами, лидеры партии заняты были поисками не путей решения аграрного вопроса, а благовидного предлога уклониться от этого. Докладчик по социально-экономическому вопросу И. А. Прилежаев усмотрел величайшую опасность в том, что крестьяне ожидают форсированного решения аграрного вопроса, «раз министром земледелия — с.-р. Чернов»³. В духе кадетов Прилежаев обрушился на крестьян, осуществляющих захват помещичьих земель, дав понять, что эсеры обязаны защищать крупное землевладение. «Содержание нашей практической аграрной программы дня, — говорил Прилежаев, — прежде всего сводится к сохранению ценностей сельского хозяйства»⁴.

Руководство партии попыталось вообще снять с обсуждения съезда аграрный вопрос. На шестой день работы съезда, 30 мая, Ракитников от имени Совета партии предложил конкретные вопросы проведения

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 274, оп. 1, д. 6, лл. 4, 20.

² См. «Третий съезд партии социалистов-революционеров», стр. 51.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 53.

аграрной программы передать на рассмотрение специальной комиссии при вновь избранном ЦК. Съезду же предлагалось определить аграрную политику на период до Учредительного собрания. В частности, Ракитников указал на необходимость предусмотреть меры к недопущению захватов крестьянами помещичьих земель и смягчению вражды крестьян к кулакам-хуторянам. По сути дела, эсеровские лидеры навязывали своей партии, выдававшей себя за защитницу интересов крестьян, охрану помещичьего и кулацкого землевладения. Предложение президиума съезда снять обсуждение аграрного вопроса вызвало недовольство многих делегатов. Левый эсер Г. Д. Закс отметил: «Товарищи, приехавшие из провинции, заявляют, что без аграрной политики они не могут вернуться домой»¹. Саботаж руководства партии в осуществлении программы социализации земли, недовольство этим крестьянских масс — главное, что питало левую оппозицию в эсеровской партии.

Вечером 3 июня, перед закрытием съезда, Ракитников предложил принять резолюцию по аграрному вопросу, «чтобы все-таки нам не разъехаться без каких бы то ни было руководящих положений», и добавил: «Я думаю, что, не произнося... длинных речей, мы просто заслушаем общую резолюцию... заслушаем предложения о поправках, проголосуем резолюцию и пока что этим ограничимся»². Зачитанный Масловым проект резолюции об аграрной политике явно свидетельствовал о стремлении руководства партии пересмотреть программу социализации земли в ущерб крестьянам и в пользу помещиков. Так, в масловском проекте не указывалось, что частновладельческая земля должна перейти в общественное достояние *безвозмездно*. Делегаты с мест запротестовали и потребовали внести в резолюцию слова: «без выкупа». Маслов ответил: «С точки зрения редакционной это... является излишним... Но если угодно для ясности, то это можно ввести»³. В действительности же дело было не в редакционных тонкостях, а в стремлении правоэсеровских лидеров угодить помещикам за счет ущемления интересов крестьян. В некоторых брошюрах, выпущенных эсеровскими издательствами, защи-

¹ «Третий съезд партии социалистов-революционеров», стр. 385.

² Там же, стр. 427—428.

³ Там же, стр. 428.

щался принцип выкупа земли¹. Необходимость уплаты крестьянами за арендованные у помещиков земли предусматривал законопроект, обнародованный в октябре 1917 года Масловым, тогда министром земледелия².

Резолюция съезда провозгласила необходимость немедленного планомерного проведения в жизнь аграрной политики, «направленной к осуществлению социализации земли»³. Как и другим решениям съезда, стремившегося угодить всем течениям в партии, этой резолюции не хватало принципиальной определенности. Правые эсеры толковали резолюцию в смысле подготовки условий к проведению социализации земли после решения Учредительного собрания, левые же эсеры рассматривали резолюцию съезда как свою победу, видя в ней шаг к практическому осуществлению аграрной программы партии.

III съезд эсеров показал также, что вопреки стремлениям масс к миру руководство партии с.-р. поддерживает империалистическую политику Временного правительства. В. Чернов пытался теоретически обосновать оборонческую линию руководства эсеровской партии. Он утверждал, будто, не в пример империалистическим странам Запада, не русская буржуазия, а лишь царизм был повинен в развязывании войны. Из этого следовало, что со свержением царизма Россия очистилась от всяких захватнических поползновений и в лице Временного правительства выступает за демократический мир. Ради достижения этого Чернов призывал способствовать укреплению армии. А. Гоц в докладе о войне развил положения Чернова. Выступавшие в прениях Керенский и Авксентьев доказывали необходимость подготовки армии к наступлению. (С этим был согласен и циммервальдист Чернов. «Нет защиты без наступления»⁴, — говорил он.) Воленародовец П. Иваницкий, оперируя теми же доводами, что и кадеты, ратовал за захват Константинополя и проливов, ибо они-де «необходимые культурные ценности для развития России»⁵.

¹ См. Г. Новоторжский. Социализация земли. Ревель, 1917, стр. 26; П. Сорский. О пути к общественному хозяйству. М., 1917, стр. 13.

² См. «Дело народа», 18 октября 1917 г.

³ «Третий съезд партии социалистов-революционеров», стр. 480.

⁴ Там же, стр. 195.

⁵ Там же, стр. 80.

Шовинистическую позицию правых и центра по вопросу о войне подверг критике докладчик левых эсеров Б. Камков. «Мы ведем, — говорил он, — империалистическую войну... Мы являемся все-таки членами определенной империалистической коалиции»¹. В своих выступлениях левые эсеры обличали руководство партии, претендующее на роль поборников интернационализма и в то же время бряцающее оружием.

Предложенная центром резолюция содержала немало интернационалистских фраз. Но суть ее была в признании необходимости приведения армии «в полную боевую готовность и создания из нее силы, способной к активным операциям»². Резолюция была принята 190 голосами против 33 при 35 воздержавшихся.

Левые эсеры, подчас резко критиковавшие политику официального руководства партии, оказались неспособны противопоставить ему позитивный политический курс. Это отчетливо проявилось при обсуждении съездом вопроса о коалиционном правительстве. Руководство партии в этом вопросе прошло зигзагообразный путь: II Петроградская конференция с.р. в начале апреля высказалась против коалиции³, в начале мая петроградские эсеры уже были за коалицию. Так же и «Дело народа»: вначале оно противилось вступлению «социалистов» в правительство, а 2 мая высказалось за вступление, но «в достаточном количестве и на достаточно важные посты»⁴. Когда же выяснилось, что в коалиционном правительстве «социалисты» будут в меньшинстве, эсеровский официоз смирился и с этим, заявив: «Решающее значение имеет не просто количество, а качество...»⁵ В докладе о коалиционном правительстве на III съезде партии Н. Д. Авксентьев оправдывал союз с буржуазией и выступал против перехода власти в руки демократии из-за ее «незрелости». Демократия, говорил Авксентьев, сможет взять власть лишь в далеком будущем, когда она окрепнет и будет понимать, как надо действовать. Возражая докладчику, левый эсер В. А. Алгасов признал ошибкой передачу демократией власти буржуазии

¹ «Третий съезд партии социалистов-революционеров», стр. 113.

² Там же, стр. 478.

³ См. «Дело народа», 7 апреля 1917 г.

⁴ «Дело народа», 2 мая 1917 г.

⁵ «Дело народа», 5 мая 1917 г.

в февральско-мартовские дни. «Глубоко были правы те, — заявил Алгасов, имея в виду большевиков, — кто с первого дня образования Временного правительства вскрыл сущность этого правительства и говорил, что не может быть такого правительства в революционной России. И, конечно, это Временное буржуазное правительство должно было пасть». О коалиционном правительстве Алгасов отозвался как о недостойном революционной России¹. Но как только левые эсеры переходили к изложению положительной программы действий, становились очевидными слабость и противоречивость их политики.

Отрицательно относясь к коалиции с буржуазией, докладчик левых эсеров не выступал, однако, за переход власти к Советам, хотя признал легкость этого («достаточно, чтобы Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов приняли правильное решение»²). Предложение левых эсеров сводилось к тому, чтобы правительство было ответственно перед Советом. «Весь состав Временного правительства (а не только 6 министров-социалистов) должен быть ответствен перед С. Р. и С. Д. как высшим органом страны»³, — требовал Алгасов. Мелкобуржуазные демократы не освободились еще от утопической идеи — руками буржуазных министров под контролем Совета осуществлять нужную народу политику. Съезд 156 голосами против 27 при 29 воздержавшихся принял соглашательскую резолюцию центра.

Таким образом, III съезд эсеровской партии ознаменовал победу оппортунистического центра, опиравшегося на большинство в партии и поддерживаемого полукadetской группой воленаородовцев. Левых эсеров насчитывалось на съезде 42 человека⁴. Пока малочисленные в партии, левые эсеры имели опору вне ее — среди солдат и крестьян, воспринявших эсеровскую программу, но недовольных тем, что она не выполняется.

Подытоживая работу съезда, Чернов вынужден был признать, что на нем не было крепкого товарищеского

¹ См.: «Третий съезд партии социалистов-революционеров», стр. 215.

² Там же, стр. 214.

³ Там же, стр. 218.

⁴ «Партийные известия» (ЦК с.-р.), 1917, № 4, стр. 9.

единства, а некоторые группы в первое время «смотрели друг на друга волками и с недоверием»¹. В. Зензинов в своем выступлении выразил надежду, что напряженная борьба мнений не приведет к расколу партии². Но фактически уже на съезде были сделаны первые шаги к расколу. Левые эсеры заявили об избрании ими своего оргбюро. Центр, чтобы удержать за собой левых, попытался отмежеваться от крайне правых. Это сказалось в неизбрании Керенского (факт, отмеченный В. И. Лениным³) в состав ЦК, якобы из-за его занятости в правительстве⁴.

После закрытия съезда внутривнутрипартийная борьба среди эсеров усилилась. Фракция эсеров на I Всероссийском съезде Советов осудила шовинистическую направленность газеты «Воля народа». 12 июня ЦК потребовал от редакции снять с газеты официальное указание на партийную принадлежность («издание партии с.-р.») и девиз («В борьбе обрешь ты право свое!»)⁵. Газета осталась на положении органа признанного течения в партии. Пресловутая «Бабушка» (Е. К. Брешко-Брешковская) заявила о выходе из состава ЦК в знак протеста против неизбрания в ЦК Керенского⁶.

В целях укрепления дисциплины в партии эсеровский ЦК запретил критические выступления в партийной прессе и на партийных собраниях по вопросам тактики, решенным съездом⁷. Оправдывая затем принятое постановление, ЦК вынужден был публично признать царящий в партии разброд. В постановлении отмечалось, что одни члены партии выступают за поддержку коалиционного правительства, другие — против; одни требуют энергичной деятельности, направленной к скорейшему заключению мира без аннексий и контрибуций, другие —

¹ «Третий съезд партии социалистов-революционеров», стр. 426.

² См. «Дело народа», 9 июня 1917 г.

³ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 382.

⁴ В действительности причиной неизбрания Керенского явились его шовинистические выступления, о которых на закрытом заседании съезда сообщили левые эсеры. Позднее Керенский обвинил в своем неизбрании в ЦК В. Чернова (см. «Воля народа», 5 сентября 1917 г.).

⁵ См. «Партийные известия» (ЦК с.-р.), 1917, № 4, стр. 7. Ранее, 7 июня, такое требование выдвинула фракция с.-р. Петроградского Совета (см. «Дело народа», 8 июня 1917 г.).

⁶ См. «Воля народа», 21 июня 1917 г.

⁷ См. «Дело народа», 13 июня 1917 г.

выступают за продолжение войны до победы; одни высказываются за переход земли в общее владение без выкупа, другие же — за выкуп по «справедливой оценке»¹.

Но эсеровский ЦК не в силах был остановить процесс размежевания в партии. Дальнейшее обострение классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией неизбежно подрывало единство этой партии, социально разнородной, вобравшей в себя как элементы, тяготеющие к буржуазии, так и тех, что искали союза с рабочим классом.

4. КОАЛИЦИЯ С КАДЕТАМИ — «СОЮЗ ДЛЯ ОСТАНОВКИ РЕВОЛЮЦИИ»

Политическая партия, находящаяся в оппозиции к существующему строю, приобретает сторонников путем пропаганды своей программы, которую она обязуется выполнять, став у власти. О правящих же партиях массы судят по тому, что эти партии делают или не делают. Став правящей, оказавшись лицом к лицу с народом, та или иная партия или должна оправдать надежды своих приверженцев, или она неизбежно дискредитирует себя, если ее вчерашние слова разойдутся с сегодняшними делами. После Февральской революции меньшевики и эсеры вначале неофициально, а со вступлением их лидеров 5 мая 1917 года во Временное правительство и юридически стали правящими партиями. Крестьяне, солдаты и значительная часть рабочих, одобрявшие этот шаг, связывали с пребыванием меньшевиков и эсеров у власти быстрое достижение справедливого мира, осуществление в интересах трудящихся назревших социально-экономических преобразований. Напротив, буржуазия рассчитывала с помощью этих партий упрочить свою власть, пошатнувшуюся после апрельских событий. Лидеры меньшевиков и эсеров произносили для успокоения масс «революционные» и «интернационалистские» речи, а действовали так, как того хотела буржуазия. В угоду последней вожди мелкобуржуазных партий, обязанные своими министерскими портфелями авторитету Советов, стали на путь их ликвидации. «Раз вступив на наклонную

¹ См. «Дело народа», 18 июня 1917 г.

плоскость соглашательства с буржуазией, — указывал В. И. Ленин, — эсеры и меньшевики покатались неудержимо вниз и докатились до дна»¹.

Остановимся на основных моментах эволюции меньшевиков и эсеров от соглашательства к контрреволюции.

27 апреля премьер-министр Временного правительства Г. Е. Львов в письме председателю Петроградского Совета Н. С. Чхеидзе просил обсудить вопрос о вступлении в правительство представителей Совета. Предложение не было неожиданным. После апрельского кризиса вопрос о создании коалиционного правительства интенсивно обсуждался в политических кругах и в печати. Ранее уже отмечалось, что большинство кадетского ЦК смирилось с необходимостью создания коалиционного министерства как временной меры на пути к неограниченной власти буржуазии. С другой стороны, ЦК РСДРП(б) под влиянием растущей революционности масс, ярко проявившейся 21—22 апреля, еще энергичнее выступал за переход всей власти к Советам. Лидеры меньшевиков (Чхеидзе, Церетели, Скобелев, Дан, Войтинский, Либер, Богданов, Гвоздев) и эсеров (Авксентьев, Гоц), собравшиеся вечером 27 апреля на квартире Скобелева для обсуждения предложения Львова, оказались в затруднительном положении. Верные своему взгляду на русскую революцию, которая допускает-де лишь одну возможность — сосредоточение всей власти в руках буржуазного правительства, лидеры меньшевиков и эсеров не были, однако, убеждены, что их вступление в это правительство укрепит его. Меньшевики небезосновательно опасались, что, входя во Временное правительство и не оправдывая вызванных в связи с этим в народных массах надежд, они скомпрометируют себя, а влияние большевиков окрепнет. Церетели заявил, что, если своим вхождением меньшевики пробудят в массах надежды, которых удовлетворить не могут, это усилит левые течения, меньшевистское влияние ослабнет, и разлад между политикой правительства и народными стремлениями будет расти². Чхеидзе, председательствовавший на совещании, предложил войти в правительство только эсерам, а меньшевикам остаться

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 68.

² См. И. Г. Церетели. Воспоминания о Февральской революции, кн. 1, стр. 130.

вне правительства, чтобы защищать его перед массами. Гоц возражал: без с.-д. эсеры не могут войти в правительство — таково общее мнение фракции¹ (эсеровской фракции Петроградского Совета). Совещание не пришло к единому мнению. Это сказалося при обсуждении вопроса в Исполкоме Совета 28 апреля. За вхождение в правительство высказались трудовики и народные социалисты (энесы)², а также многие эсеры и меньше-

¹ См. И. Г. Церетели. Указ. соч., стр. 129.

² *Трудовая группа* образовалась в I Государственной думе в апреле 1906 года из числа мелкобуржуазных депутатов — зажиточных крестьян и интеллигентов народнического толка. Не решаясь переступить рамки легальности, трудовики в условиях царизма оставались на положении группы в Государственной думе (в I Думе насчитывалось 107 трудовиков, во II — 104, в III — 13, в IV — 10), не имея прочной политической организации вне ее. Трудовики выступали с требованиями демократических преобразований, которые не выходили за рамки буржуазного строя. В годы войны большинство трудовиков оказалось на позиции социал-шовинизма. После Февральской революции они встали на путь полной поддержки Временного правительства. V Всероссийский съезд трудовиков, проходивший в Петрограде 7—9 апреля 1917 года (в президиуме находились наиболее видные деятели партии: М. Е. Березин, Л. М. Брамсон, В. М. Вершинин, В. В. Водозов, В. И. Дзюбинский, С. Ф. Знаменский, А. П. Карпинский, А. В. Карташев, И. Н. Мясоедов, Н. В. Чайковский), признал «необходимым пополнение состава Временного правительства представителями всех главных социалистических партий» («Дело народа», 11 апреля 1917 г.). Съезд высказался за объединение народнических партий, т. е. эсеров, трудовиков и народных социалистов. Имея в виду эту цель, а также учитывая настроенные масс, трудовики, не осмеливавшиеся раньше быть даже республиканцами, объявили себя «социалистами» (в этом плане была пересмотрена съездом платформа трудовой группы). Съезд избрал ЦК во главе с М. Е. Березиным.

Близки к трудовикам были *народные социалисты*. Их надежды стать влиятельной политической силой ценой приспособления к царизму, отказа от программы социализации земли и от революционных методов борьбы не оправдались. Энесы вплоть до февраля 1917 года оставались узкой, интеллигентской по составу организацией, не имевшей поддержки в массах. Деятельность партии оживилась после Февральской революции. Организационному комитету (председатель В. А. Мякотин) удалось наладить выпуск газет в Москве («Народный социалист»), в Петрограде («Народное слово») и других городах. К июню 1917 года в стране насчитывалось более 100 местных групп партии н.-с. (см. «Спутник избирателя в Учредительное собрание». Пг., 1917, стр. 37). Энесы во всем поддерживали буржуазное Временное правительство, решительно выступали, как заявила конференция партии, состоявшаяся 23—25 марта 1917 года в Москве, против «попытки каких бы то ни было организаций присвоить себе функции правительственной власти», т. е. против того, чтобы Советы стали властью («Дело народа», 28 марта 1917 г.; см.

вики. Большевики и часть меньшевиков были против. 24 голосами против 22 при 8 воздержавшихся Исполком постановил не посылать представителей Совета во Временное правительство. Но правительство настаивало на пополнении его «социалистами». Необходимость спасения буржуазной власти в настоящем заставила эсеровских и меньшевистских лидеров пренебречь возможными отрицательными последствиями этого шага для их партий в будущем. Председатель Московского Совета меньшевик Л. М. Хинчук, присутствовавший при решении Исполкомом Петроградского Совета вопроса о коалиционной власти, докладывал 13 мая Московскому Совету: «Первым решили вопрос о вхождении в кабинет соц.-рев., но при условии вхождения соц.-дем., причем т. Чернов свое вхождение в министерство ставил в зависимость от вхождения в него Церетели»¹. В ночь на 2 мая Церетели добился принятия Исполкомом Совета 44 голосами против 19 (в основном большевиков) при 2 воздержавшихся резолюции в пользу создания коалиционного правительства. 5 мая пленум Петроградского

также В. Мякотин. Великий переворот и задачи момента. «Русские записки» («Русское богатство», 1917, № 2-3, стр. 404).

В середине марта 1917 года состоялось совещание представителей партий н.-с., эсеров и трудовиков по вопросу объединения их в одну партию. 12 апреля была сделана попытка создать «народнический» блок в Петроградском Совете. Избранное бюро из представителей с.-р., н.-с. и трудовиков должно было руководить работой блока. Но блок вскоре распался (см. «Дело народа, 14 апреля 1917 г.; «Партийные известия» (ЦК с.-р.), 1918, № 5-6, стр. 29). Эсеры не решились пойти на объединение с трудовиками и энесами. Фактическое влияние этих партий было ничтожным, а их откровенная прокадетская политика могла повредить эсерам. II Петроградская конференция эсеров, а затем их III съезд решили не ставить вопроса об объединении на практическую почву (см. «Дело народа», 7 апреля 1917 г.; «Третий съезд партии с.-р.», стр. 393).

Происходившие одновременно в Петрограде съезд народно-социалистической партии (открылся 17 июня) и VI съезд трудовиков (открылся 19 июня) вынесли решение об объединении обеих партий в *Трудовую народно-социалистическую партию*. В конце сентября 1917 года в Москве состоялся очередной съезд этой партии. Новоявленная «социалистическая» партия отодвигала социализм в далекое будущее, а в настоящем видела свою задачу в поддержке и укреплении буржуазной власти и в борьбе против пролетарской революции. Трудовая н.-с. партия ничем существенно не отличалась от кадетов и всемерно их поддерживала. Среди трудящихся масс не пользовалась влиянием.

¹ ГАМО, ф. 66, оп. 12, л. 149, л. 2; д. 33, л. 2.

Совета подавляющим большинством голосов выразил доверие коалиции — буржуазному правительству, включившему в свой состав представителей Совета — лидеров «социалистических» партий.

Русская буржуазия, предприняв маневр с созданием коалиционного правительства, рассчитывала подорвать роль Советов как органов власти и с помощью «социалистов» двинуть армию в наступление¹. Когда новое правительство еще только формировалось, В. И. Ленин писал о нем: «Увы! Нового в нем будет немного... Побольше фраз, новых блесков, пышных обещаний, пестрой шумихи насчет „мира без аннексий“...»². Так оно и было. В декларацию нового правительства, опубликованную 6 мая, были включены по настоянию министров-«социалистов» пункты, указывавшие, что целью правительства является «скорейшее достижение всеобщего мира... мира без аннексий и контрибуций на началах самоопределения народов», борьба с хозяйственной разрухой «планомерным проведением государственного и общественного контроля над производством...». Декларация обещала осуществить «мероприятия по всесторонней защите труда», принять все необходимые меры по увеличению производства хлеба, «регулировать землепользование в интересах народного хозяйства и трудящегося населения» и прибегнуть в необходимых случаях даже «к организации производства»³. Эти и другие, явно не осуществимые при сохранении буржуазной власти, обещания призваны были внушить массам доверие к Временному правительству, с тем чтобы оно могло выполнить свое главное назначение — продолжать вместе с союзниками империалистическую войну. Указание декларации от 6 мая, что важнейшей задачей правительства будет укрепление боевой силы армии «как в оборонительных,

¹ Церетели и Керенский, заметил большевик В. П. Ногин в речи на заседании ИК Московских Советов Р. и С. Д. 13 мая, нужны буржуазному Временному правительству как «„жизненный эликсир“, чтобы заставить двинуться армии, которые двигаться не хотят» (ГАМО, ф. 66, оп. 12, д. 149, л. 9). Сторонник Мартова Я. А. Пилецкий заявил на Общероссийской конференции меньшевиков 8 мая: «Союзники надеялись, что только с вступлением социалистов в министерство создается крепкая армия для наступления» (ЦПА ИМЛ, ф. 275, оп. 1, д. 8, л. 14об.).

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 22.

³ «Революционное движение в России в мае—июне 1917 г.», стр. 229—230.

так и в наступательных действиях»¹, выражало подлинные цели правительства.

Соглашатели пытались уверить массы, что с вступлением «социалистов» в правительство произойдет коренное изменение его политики и «музыка пойдет не та». Комментируя декларацию нового правительства, «Известия» писали, что отныне оно «стоит целиком на почве требований демократии как во внешней, так и во внутренней политике»². Министров-капиталистов соглашатели изображали в роли послушных исполнителей воли «социалистической» части правительства. Выступая на офицерском съезде 8 мая, Церетели высокопарно говорил о роли Советов как контролирующем органе демократии, которому Временное правительство обязано своей силой. Льстивые в адрес Совета речи должны были подвести слушателей к главному тезису Церетели: Советы и Временное правительство «в настоящее время едины более, чем когда бы то ни было», и потому все, признающие Советы, должны всемерно поддерживать и Временное правительство³. Член меньшевистской фракции Московского Совета рабочих депутатов Кибрик заявил 13 мая, что «теперь, когда в самом правительстве наши представители... от прежней условной поддержки мы отказываемся и переходим к полной поддержке с активным проведением на местах программы Временного правительства»⁴.

¹ «Революционное движение в России в мае—июне 1917 г.», стр. 229.

² «Известия Петроградского Совета», 6 мая 1917 г.

³ См. «Стенографический отчет заседаний Всероссийского съезда офицерских депутатов армии и флота...», т. 1, стр. 114—115. Многие демократически настроенные офицеры с доверием отнеслись к словам Церетели. Подпоручик Антонов говорил: «Мы верим только Совету рабочих и солдатских депутатов. Правительство в составе кадетов существует только «постольку, поскольку» доверяет ему Совет Р. и С. Д. Совет только потому верит этому правительству, что в состав его вошли его представители» (там же, стр. 141). Прапорщик Злоказов: Временное правительство до вступления министров-социалистов «было паровой машиной без топлива и пара, было тем парализованным органом, у которого не действовали ни руки, ни ноги. И только когда в него вошли представители С. Р. и С. Д., у Временного правительства явилась возможность обеспечить полноту власти» (там же, стр. 181—182).

⁴ ГАМО, ф. 66, оп. 12, д. 149, лл. 5—6. В ответ на эту речь меньшевика, т. е. представителя одной из правительственных партий, В. П. Ногин сказал, что только с переходом всей власти к Советам «не стыдно будет называться правительственной партией» (там же, л. 11).

Таким образом, умаляя на деле роль Советов, пытаясь превратить их в парадные, ничего не решающие собрания, соглашатели в то же время использовали их авторитет для укрепления буржуазной власти¹.

В противоположность большевикам, настойчиво убеждавшим рабочих, солдат и крестьян в невозможности при сохранении капиталистического строя вывести страну из кризиса, спасти ее от краха, избавить от войны, меньшевики и эсеры внушали массам надежду на решение неотложных задач реформистским путем, без новой революции. В. И. Ленин писал по поводу платформ, деклараций, клятвенных обещаний министров-«социалистов», что это «сплошная издевка над народом»². Сам по себе факт, что лидеры мелкобуржуазных партий, имея возможность взять всю полноту власти, удовлетворились лишь шестью министерскими портфелями³, свидетельствовал, что они вступили в правительство не ради осуществления требований трудящихся, а для примирения рабочих и крестьян с буржуазной властью⁴.

¹ На съезде Советов Северо-Западной области, состоявшемся в середине мая в Пскове, меньшевики и эсеры пытались доказать, что создание коалиционного правительства — победа демократии. «Мы сможем... заставить буржуазное правительство илти туда, куда мы покажем», — говорил представитель Исполкома Петроградского Совета, член ОК меньшевиков Вайнштейн. Эсер Ромм, подчеркивая решающее значение во Временном правительстве министров-«социалистов», заявил: «Буржуазия представляет из себя собачку, которую демократия ведет в данное время на цепочке». Возражая ему, большевик Крумин остроумно заметил, что министры-«социалисты» скорее напоминают мужика из сказки, который, будучи пойман медведем, хвастался, что поймал медведя («Журналы заседаний 2-го съезда представителей Советов С. Р. и Кр. Д. Северо-Западной области». Псков, 1917, стр. 38, 42).

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 259.

³ Военного и морского министра — А. Ф. Керенский (эсер), земледелия — В. М. Чернов (эсер), почт и телеграфов — И. Г. Церетели (меньшевик), труда — М. И. Скобелев (меньшевик), продовольствия — А. В. Пешехонов (эсер), юстиции — П. Н. Переверзев (трудовик).

⁴ 5 мая на вечернем заседании Крестьянского съезда В. М. Чернова спросили: как могут министры-социалисты отстаивать интересы народа, когда буржуазных министров больше? Чернов на это ответил: «Мы еще не доказали, что нас в стране большинство. Это скажется только в Учредительном собрании, тогда спорить об этом будет больше невозможно, тогда ваш голос будет законодательным голосом» («Дело народа», 7 мая 1917 г.). Лидер эсеров заранее пытался оправдать отказ «социалистов» от законодательной деятельности в пользу народа.

На известное время им это удалось. Временное правительство, оказавшееся в дни апрельского кризиса на грани краха, вновь обрело некоторую устойчивость. Коалиционное правительство приветствовали крестьяне, солдаты, в том числе и те, что 20—22 апреля открыто выступали против правительства Милюкова. Конечно, коалиционное правительство имело определенную классовую опору: в союзе с буржуазией была заинтересована кулацкая часть деревни¹, но большинство крестьян, солдат, а также часть рабочих выражали удовлетворение вступлением «социалистов» в правительство из-за своей несознательности и доверчивого отношения к обещаниям меньшевиков и эсеров. Почти единодушное одобрение Петроградским Советом создания коалиционного правительства В. И. Ленин объяснял тем, что в Совете большинство депутатов — солдаты, которые не понимают, чего *на деле* добивается каждая партия².

Назначение коалиционного правительства В. И. Ленин определил лаконично и точно: «союз для остановки революции»³. Этому служила правительственная деятельность соглашателей — пассивная в одном и энергичная в другом.

Важнейшей проблемой того периода являлось предотвращение экономической катастрофы, грозившей стране голодом, бестоварьем, безработицей. Соглашатели выдвинули развернутую программу мер с целью «плановой организации народного хозяйства» — введение торговой государственной монополии на хлеб, мясо, соль, кожи, образование регулируемых государством трестов в металлургической и топливной промышленности, участие государства в распределении сырья и товаров, в фиксации цен. Они признавали необходимым ввести трудовую повинность для борьбы с тунеядством, установить высокое налоговое обложение имущих классов⁴.

В. И. Ленин отмечал, что программа борьбы с экономической разрухой, декларированная соглашателями, аналогична большевистской, «ибо иной программы выхода из действительно грозящего, действительно ужас-

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 22, 27.

² См. там же, стр. 50.

³ См. там же, стр. 300.

⁴ См. «Известия Петроградского Совета», 17 мая 1917 г.

ного краха быть не может»¹. Но большевики связывали проведение этой программы в жизнь с революционными действиями самих масс, с переходом власти в руки рабочего класса, соглашатели же сковывали революционную самостоятельность трудящихся, внушая им, будто необходимые меры по предотвращению разрухи осуществит коалиционное правительство. Министр Скобелев обещал даже невозможное: забрать у капиталистов в условиях буржуазного строя «100 процентов прибыли», возвратить в народную казну миллиарды, нажитые капиталистами на войне². Но стоило буржуазии выразить категорический протест против намерения коалиционного правительства вмешаться в сферу ее экономических интересов (18 мая, после принятия Исполкомом Петроградского Совета резолюции о мерах борьбы с разрухой, подал в отставку министр торговли и промышленности А. И. Коновалов; против контроля над производством протестовала Всероссийская конференция представителей промышленности и торговли, состоявшаяся 1—2 июня 1917 года³), как министры-«социалисты» отказались от своих широкообещательных обещаний. В унисон с буржуазной печатью соглашатели стали обвинять в разрухе рабочих за их «чрезмерные» требования. В обращении «Ко всем рабочим России», опубликованном 28 июня, Скобелев осуждал «самочинные» действия рабочих и предлагал им через примирительные камеры улаживать конфликты с предпринимателями.

Провозгласив радикальную, чуть ли не большевистскую экономическую программу, соглашатели оказались неспособны ее осуществить. Из страха оттолкнуть представителей буржуазии от власти соглашатели отказались принять ими же обещанные меры против капиталистов с целью оздоровления экономики и предотвращения голода и разрухи.

Такую же позицию заняли министры-«социалисты» в отношении аграрной проблемы. По установленному в соглашательском блоке «разделению труда», рабочим вопросом занимались в основном меньшевики, крестьянским — эсеры. Так же как первые выступали против

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 75.

² См. там же, стр. 105, 106, 108.

³ См. подробнее П. В. Волобуев. Экономическая политика Временного правительства. М., 1962, стр. 65—69.

большевистского лозунга рабочего контроля над производством, вторые отвергали обращенный к крестьянам призыв большевиков организованно захватывать помещичьи земли. Эсеры, сами звавшие крестьян в 1905 году к захвату помещичьей земли, теперь встречали этот лозунг в штыки. Организованный — значит не захват, захват — значит не организованный, иронизировал В. Чернов. Выступая на крестьянском съезде 24 мая 1917 года, Чернов призывал сохранить неприкосновенность помещичьего землевладения до Учредительного собрания и отказаться от захвата «даже организованного»¹. Чтобы удержать за собой крестьянство, эсеры хлопотали об издании закона, запрещающего сделки с землей (ею стали усиленно спекулировать помещики, почувствовав шаткость своего положения), и закона о передаче земли в полное распоряжение земельных комитетов. С. Л. Маслов уговаривал Временное правительство запретить всякого рода сделки с землей: «Скорее же издайте этот законодательный акт, ибо здесь потеря времени смерти подобна»². Но проходили недели, месяцы... Кадета Шингарева на посту министра земледелия сменил эсер Чернов, а обещанных законоположений не было, ибо их изданию противились кадеты. А «социалистические» министры мирились с этим во имя сохранения коалиции с кадетами³.

В выступлениях на первом Всероссийском съезде Советов министры-«социалисты» вынуждены были признать, что месяц пребывания их у власти (срок в условиях революции огромный!) не принес коренных преобразований ни в экономике, ни в финансах, ни в земельном вопросе. Вместо отчета о сделанном ими министры-«социалисты» распространялись о планах и законопроектах, составляемых, обсуждаемых, подготовляемых. «Мы, министры-социалисты, предполагаем предложить систему регулирования народного хозяйства... Мы, министры-социалисты... разрабатываем законопроекты... Некоторые законопроекты уже готовы», — докладывал Церетели. Скобелев сообщил, что у Временного правительства «есть целый ряд законопроектов в виде

¹ «Дело народа», 26 мая 1917 г.

² «Дело народа», 27 апреля 1917 г.

³ Только в середине июля 1917 года Временное правительство издало постановление о воспрещении земельных сделок.

реформ». Чернов представил как величайшее достижение Временного правительства разработку законопроекта о реорганизации органов местного самоуправления¹. Каждый из них при этом подчеркивал спасительность коалиции. Бездеятельность коалиционного правительства в области социально-экономической Церетели пытался оправдать тем, что, дескать, ни одно правительство в мире не может в 1—2 месяца выполнить того, что нужно России². В действительности же причина состояла не в новизне и трудности задач, а в политике коалиционного правительства, которое не решалось обуздать капиталистов-саботажников, мирилось на деле с их антинародными действиями.

5. ПОДДЕРЖКА НАСТУПЛЕНИЯ НА ФРОНТЕ

Истинная сущность «средней» линии лидеров меньшевиков и эсеров особенно отчетливо проявилась в области внешнеполитической. Обе партии, вслед за большевиками, признавали виновником войны империализм, осуждали ее как величайшее зло. Большевики и эсеры и в отдельности и совместно выпустили ряд обращений, воззваний, манифестов с призывом заключить мир без аннексий и контрибуций, на основе самоопределения народов. Вместе с тем меньшевики и эсеры твердили в духе кадетов о необходимости укрепления армии, о недопустимости разрыва с союзниками и т. д. и непосредственно включились в подготовку войск к наступлению.

Таким образом, внешнеполитическая концепция соглашателей соединила выдвинутое большевиками требование мира без аннексий со стремлением кадетов продолжать войну «до окончательной победы». Соглашатели пытались придать цельность и убедительность искусственно слепленной ими концепции включением в нее тезиса об «особом» месте России среди воюющих стран. А именно: Россия — государство не империалистическое; русской буржуазии чужды захватнические стремления; Временное правительство приняло мирную программу демократии — достижение мира без аннексий и контрибуций.

¹ См. «Первый Всероссийский съезд Советов», т. I, стр. 61, 63, 92, 109.

² См. там же, стр. 64.

На этих и аналогичных им фальсифицированных и несостоятельных положениях основывалась «мирная программа» меньшевиков и эсеров. Она формулировалась ими как достижение «двуединой задачи»: борьба за всеобщий мир и оборона страны. Для достижения мира соглашательские лидеры предлагали: а) Временному правительству воздействовать на правительства союзных стран, с тем чтобы они отказались от аннексионистских планов и согласились на соответствующий пересмотр тайных договоров; б) Петроградскому Совету и партиям, входящим в него, побудить социалистов воюющих стран развернуть кампанию за мир и оказать давление на свои правительства, чтобы последние приняли демократические условия мира, которые им предложит правительство России. Вместе с тем эсеры и меньшевики признавали за Россией (в отличие от других воюющих стран) право на оборону «во имя защиты революции». Такова была программа соглашателей по вопросам войны и мира, с которой они неизменно выступали. На практике она свелась к многочисленным призывам и обращениям к народам воюющих стран бороться с захватническими стремлениями своих правительств. (К этому призывали манифест «К народам всего мира» Петроградского Совета 14 марта; обращение Исполкома Петроградского Совета «К социалистам всех воюющих стран» 2 мая 1917 года, известившее о том, что Петроградский Совет решил взять на себя инициативу созыва международной конференции всех социалистических партий для выработки условий мира¹; резолюция III съезда эсеров² и обращение к международному пролетариату меньшевистского ОК³.) Эти обращения соглашателей были лицемерны, неискренни. «...Искренность в политике, — указывал В. И. Ленин, — есть вполне доступное проверке *соответствие между словом и де-*

¹ См. «Известия Петроградского Совета», 2 мая 1917 г.

² «Мы призываем народы воюющих стран заставить свои правительства и свои господствующие классы отказаться от своих захватных стремлений; взять дело мира в свои руки» («Третий съезд партии социалистов-революционеров», стр. 477).

³ В середине июня ОК призвал пролетариат всего мира, всех воюющих и нейтральных стран «поддержать почин Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, зовущего представителей пролетариев всего мира на международное совещание для борьбы за общий мир» («Партийные известия» (ОК РСДРП), 1917, № 1, стр. 7).

лом»¹. Интернационалистские и антивоенные воззвания меньшевиков и эсеров находились в вопиющем противоречии с проводимой ими политикой. Призывая рабочих других стран к революции против буржуазии, меньшевики и эсеры сами вошли в коалицию с российской буржуазией и вместе с ней выступали против назревавшей в стране социалистической революции. Требуя от других воюющих стран отказа от аннексий, соглашатели обеляли Временное правительство, утверждая, будто оно (несмотря на заявления о верности грабительским тайным договорам царского правительства) «усвоило платформу мира без аннексий». Опубликованное 2 мая, одновременно с воззванием «К социалистам всех стран», воззвание Исполкома Петроградского Совета «К армии» было уже явно рассчитано на морально-политическую подготовку солдат к наступлению. «Поклявшись защищать русскую свободу, не отказывайтесь от наступательных действий...»² — призывало воззвание.

В. И. Ленин разоблачил показной «интернационализм» соглашателей. «Не выходит ли у вас, — писал он по поводу воззвания «К армии», — «интернационализм на вывоз», «революционность на вывоз»? — для немца революция против капиталистов, а для русских (несмотря на кипящую тоже революцию в России) *соглашение с капиталистами?*» И далее делал вывод: «Чернов, Чхеидзе, Церетели окончательно скатились к защите русского империализма»³.

Даже министр иностранных дел М. И. Терещенко признавал, что и «демократические круги» (имелись в виду меньшевики и эсеры) в течение летних месяцев 1917 года исходили из того, что «центр тяжести борьбы за мир лежит в активности армии», и соответственно этому действовали⁴.

Соглашатели стремились убедить массы, будто поиском мира успешно занимаются Совет и Временное правительство, а задача рабочих и солдат «во имя мира»

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 259.

² «Известия Петроградского Совета», 2 мая 1917 г. В тот же день «Речь» в передовой «Давно пора!» с удовлетворением писала: «Воззвание разъясняет весьма обстоятельно, что независимо от целей войны... необходимо бывает переходить в наступление».

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 16—17.

⁴ См. «Былое», 1918, № 12, стр. 15.

крепить оборону, готовиться к наступлению на фронте. «Пока войне не положен конец усилиями международного пролетариата, — говорилось в резолюции майской конференции меньшевиков, — вся революционная демократия обязана всемерно содействовать укреплению боеспособности русской армии для всесторонней защиты страны от угрожающих ей внешних опасностей»¹. К этому же, как отмечалось выше, призывал эсеровский съезд. И если в области борьбы за мир соглашатели лишь имитировали деятельность и энергичность, то в осуществлении кадетской программы наступления они проявили подлинную заинтересованность. Не случайно одно из первых публичных выступлений Церетели в качестве министра состоялось на офицерском съезде. Заверив офицеров в том, что Временное правительство борется за всеобщий мир, Церетели призвал армию «исполнить свой долг»². Керенский в мае—июне редко появлялся в столице. Он носился по фронтам, произносил «зажигательные» речи, иступленно заклинал солдат наступать «во имя революции». В речи на эсеровском съезде Керенский заявил: «Готовлю армию к наступлению»³. В это дело включился также и Скобелев, побывавший в июне в воинских частях. По распоряжению коалиционного правительства началось формирование ударных батальонов. Меньшевики и эсеры, поддерживая военные приготовления правительства, вслед за кадетами «обличали» братание. Меньшевицкая конференция в мае 1917 года высказалась «против проповеди братанья, как метода борьбы за мир»⁴. Газета меньшевиков 12-й армии главной своей задачей считала борьбу против братания, которую пропагандировала большевицкая «Окопная правда»⁵.

На другой день после перехода русских войск в наступление, 19 июня, на Всероссийском съезде Советов выступил ликующий Церетели. Наступление — настойчивое требование союзного империализма и отечественной реакции, с которым последняя связывала свои далеко

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 275, оп. 1, д. 7, л. 41об.

² «Стенографический отчет заседания Всероссийского съезда офицерских депутатов армии и флота...», стр. 116.

³ «Третий съезд партии социалистов-революционеров», стр. 128.

⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 275, оп. 1, д. 7, л. 35.

⁵ См. «Красное знамя» (Рига), 10 мая, 18, 21 и 28 июня 1917 г.

идушие планы разгрома русской революции¹, — Церетели фарисейски преподносил съезду как величайшее благо для мировой революции, исходный пункт «конечной победы русской революции»². В таком же тоне говорили о наступлении Чернов и Скобелев. ОК меньшевиков 21 июня призвал рабочий класс и всю революционную демократию «всемерно поддерживать революционную армию, перешедшую в наступление»³. «Рабочая газета» убеждала, будто «наступление подчинено задаче борьбы за мир и обороны»⁴. Ей вторил эсеровский ЦО: «Русская революционная армия пошла в наступление, пошла с красными знаменами и одержала победу»⁵.

В буржуазном лагере не придавали значения революционному фразерству соглашателей, воздавая им должное в подготовке наступления (Родзянко послал поздравительную телеграмму Керенскому). По-иному реагировали широкие массы. Они все более убеждались, что не во имя мира и революции, а в интересах отечественных и союзных империалистов льется кровь русских солдат.

6. СОУЧАСТНИКИ АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИХ РЕПРЕССИЙ

Временное правительство, несмотря на пополнение «социалистами», оказалось неспособным остановить дальнейшее развитие революции⁶. Включение соглашателей во Временное правительство не устранило, как на то рассчитывали кадеты, двоевластия. Трудящиеся массы продолжали рассматривать Советы как органы

¹ Кадет Маклаков говорил 3 июня 1917 года: «Если нам действительно удастся наступать и вести войну... как мы вели ее раньше, тогда очень скоро наступит полное оздоровление России... Тогда оправдается и укрепитя и наша власть... и наш режим» («Буржуазия и помещики в 1917 г.», стр. 112).

² «Первый Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д.», т. II. М.—Л., 1931, стр. 84.

³ ЦПА ИМЛ, ф. 275, оп. 1, д. 9, л. 27.

⁴ «Рабочая газета», 20 июня 1917 г.

⁵ «Дело народа», 20 июня 1917 г.

⁶ Выступления лидеров меньшевиков и эсеров на I Всероссийском съезде Советов, проникнутые паническим страхом перед ростом революционного движения в стране, красноречиво свидетельствовали об этом. Например, М. И. Либера жаловался съезду: «...длящаяся революция в обстановке войны создает огромные затруднения» («Первый Всероссийский съезд Советов», т. I, стр. 47).

власти, и именно с их деятельностью они связывали надежды на достижение мира, получение земли, преодоление хозяйственной разрухи. Кадеты обвиняли меньшевиков и эсеров в том, что они не отстранили Советы от власти¹. Лидеры соглашателей, сокрушаясь вместе с кадетами о вторжении Советов в сферу государственной деятельности, обвиняли в этом Временное правительство первого состава. На I Всероссийском съезде Советов Либер упрекал Временное правительство в том, что оно, запоздав с реформой местного самоуправления, открыло путь «для тех сепаратных переворотов, маленьких республик и анархии, которые мы видим теперь»². («Анархией» меньшевистский деятель называл революционное творчество Советов, в ряде мест действовавших как власть. Они охраняли порядок, боролись с контрреволюцией, контролировали производство и распределение товаров. Об этом рассказывали на съезде многие делегаты³.)

Обсуждение на съезде Советов вопроса о власти особенно отчетливо выявило шаткость и противоречивость позиции соглашателей. Признавая слабость коалиции, которая, по словам эсера В. Н. Филипповского, «не обладает той полнотой власти, тем авторитетом власти, которым должно обладать, чтобы спасти страну, чтобы вывести ее из тупика»⁴, соглашатели тем не менее цепко держались за коалицию с буржуазией⁵. Упрекая, вслед за кадетами, Советы «в расхищении революционной власти», соглашатели вынуждены были обращаться к ним как единственно реальной силе и от них же требовать... укрепления власти буржуазии.

Основными виновниками своих неудач в области государственной, а также экономической и в других сфе-

¹ П. Н. Милуков, выступая 9 июня на казачьем съезде, настаивал на сохранении всей полноты власти до Учредительного собрания Временным правительством (см. П. Н. Милуков. История второй русской революции, т. I, вып. I. София, 1921, стр. 209).

² «Первый Всероссийский съезд Советов», т. I, стр. 48.

³ См. там же, стр. 128, 247, 251, 255 и др.

⁴ «Первый Всероссийский съезд Советов», т. I, стр. 169.

⁵ О «спасительности» союза демократии с буржуазией говорил Чхеидзе, открывая съезд Советов, а также Чернов (он пугал «сужением базиса» революции в случае отсечения буржуазии от власти) и Дан (буржуазия может вместе с рабочими и крестьянами «делать революционное дело») (см. там же, стр. 4, 108, 139, 162, 172).

рах лидеры меньшевиков и эсеров считали, с одной стороны, большевиков, требовавших перехода к Советам всей полноты власти, с другой стороны, кадетов, вообще не желавших признавать Советы. Поэтому лидеры соглашательского блока объявили своей задачей борьбу с «анархией слева» (подразумевая большевиков) и «защиту революции» от нападок справа. На практике же эта «серединная» позиция обернулась тем, что лидеры меньшевиков и эсеров вместе с кадетами повели контрреволюционный поход против большевиков.

Об опасности справа эсеры и меньшевики вспоминали лишь время от времени. Так, 8 июня 1917 года газета «Дело народа» выступила против «Речи» со статьей «Стрелять-с надо!», в которой осуждала «благовоспитанных господ», жаждавших репрессий, свирепой расправы над «нарушителями порядка» («Дело народа» упомянуло, в частности, о профессоре, слывшем при царизме либералом, а теперь требовавшем расстрела тех, что «даже принцип собственности отрицают!»). В ответ на реплику «Правды»: «Как же можно оставаться в министерстве, большинство которого говорит «стрелять-с надо?»» — эсеровские борзописцы фарисейски, с видом обиженной добродетели возражали: «Неужели, оставаясь в министерстве, наши товарищи-социалисты способствуют легкости осуществления задачи «стрелять-с надо», выдвигаемой известной частью буржуазии»¹.

На мобилизацию контрреволюцией своих сил изредка указывали и меньшевики. Но, находясь в союзе с буржуазией, они, так же как и эсеры, проявляли полную пассивность в борьбе с контрреволюцией. На заявление «Рабочей газеты», будто ей неизвестен штаб контрреволюции и степень его организованности, В. И. Ленин саркастически ответил через «Правду»: «Вам неизвестен штаб контрреволюции? Позвольте вам помочь в вашем неведении». И в сотый раз «Правда» называла точные адреса: Временное правительство, в которое входят шесть «социалистов»; Совещание IV Государственной думы, где верховодят Милюков, Родзянко и К^о; кадеты, заседающие в коалиционном правительстве. «Если вы хотите не только плакаться на контрреволюцию, но и бороться с ней, вы обязаны сказать

¹ «Дело народа», 8 и 10 июня 1917 г.

вместе с нами: долой 10 министров-капиталистов...»¹ — указывал В. И. Ленин. Он, в частности, предлагал принять решительные меры для обуздания контрреволюционной печати. Ленин заклеил лидеров «министерских партий» — меньшевиков и эсеров, ничего не сделавших для борьбы против контрреволюционной печати, специализировавшейся на травле большевиков².

Соглашатели выступили в неблагоприятной роли защитников монархической Государственной думы. На одном из первых заседаний Всероссийского съезда Советов А. В. Луначарский предложил немедленно и окончательно упразднить Государственную думу и Государственный совет — эти пережитки старого режима³. (Предложение было встречено аплодисментами.) Думцев взяли под защиту министры-«социалисты» Скобелев и Чернов, заявившие, что, дескать, «Думы нечего пугаться», что участники совещаний — «мертвецы», с которыми, естественно, не надо считаться⁴. Но реакционные депутаты Государственной думы, регулярно с 22 апреля устраивавшие «частные совещания», не считали себя побежденными. «Наше дело не кончено, наше дело — формировать общественное мнение»⁵, — определил задачу думцев октябрист Н. В. Савич. В распоряжении думцев имелись огромные возможности «формировать общественное мнение». В их руках была лучшая в Петрограде типография со штатом в 1000 человек и 30 наборными машинами. Там печатались стенограммы частных совещаний Думы (стенограммы девяти частных совещаний, состоявшихся с 27 апреля по 19 июля, вышли в количестве 2,8 миллиона экземпляров), речи Масленникова, Пуришкевича и других ярых трубадуров контрреволюции (не-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 348.

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 349. В. И. Ленин назвал наиболее гнусные черносотенные газеты, издание которых терпели власть имущие меньшевики и эсеры: «Новое время», «Маленькая газета», «Русская воля». Первая — официоз департамента полиции при царизме — стала маскироваться под республиканскую и демократическую газету. «Маленькая газета», рассчитанная на темные, неразвитые слои городского населения, объявила себя «газетой внепартийных социалистов». Под стать им была и «Русская воля». Все они были проникнуты звериной ненавистью к революции и партии большевиков.

³ См. «Первый Всероссийский съезд Советов», т. I, стр. 83—84.

⁴ См. там же, стр. 92, 107.

⁵ «Буржуазия и помещики в 1917 г.», стр. IV.

которые выходили тиражом до 1,5 миллиона экземпляров), там было издано 300 тысяч экземпляров различных брошюр, в основном кадетских авторов, а также и монархистов. В. Зензинов, сообщая в начале сентября об этих фактах в «Деле народа», беспомощно вопрошал: «Доколе?»¹. Еще раньше в другой своей статье он писал: «Существование Государственной думы в виде «государственного учреждения» есть одно из странных противоречий нашей политической жизни... Благодаря нерешительности революции эта фикция остается реальным фактом жизни, подкапываемым под самые основы революции»². Редактор «Дела народа» «забыл», однако, отметить, что именно его партия была ответственна перед народом за то, что контрреволюционные думцы смогли в столь широких масштабах творить черное дело реакции.

В то же время меньшевики и эсеры, лишь на словах осуждавшие контрреволюцию, но не пресекавшие ее пагубной деятельности, по требованию кадетов приняли самое активное участие в репрессиях против большевистской партии. «...Кадетская партия, с Милоковым и газетой «Речь» во главе, — отмечал В. И. Ленин, — уже с апреля месяца требует репрессий против большевиков»³. ЦК кадетской партии поставил одним из условий вступления своих представителей в коалиционное правительство усиление борьбы против большевистской партии. Эти требования и выполняли меньшевики и эсеры. Особенно изощрялись в нападках на большевиков меньшевистские органы: «Единство», «День» и официоз партии «Рабочая газета». Эсеровское «Дело народа» в первые месяцы революции пыталось создавать видимость «объективности», иногда даже «журило» меньшевиков за их чрезмерное увлечение антибольшевистской агитацией. «Сегодняшний № «Единства», — писало «Дело народа» 13 апреля, — ...целиком посвящен Ленину. О Ленине — передовица, о Ленине — фельетон, о Ленине — статьи...» Эсеры опасались, как бы акцентирование внимания на Ленине не усилило интереса масс к его учению. «Мне смешно... — притворно восклицал

¹ «Дело народа», 1 сентября 1917 г. (см. также «Дело народа», 2 сентября 1917 г.).

² «Дело народа», 30 июля 1917 г.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 42.

Чернов, — когда фигура Ленина так гипнотизирует внимание целых газет вроде „Единства“»¹. Чернов поначалу рассчитывал, очевидно, победить большевизм, замалчивая его. Вскоре, однако, и эсеровский орган включился в травлю большевиков, заимствовав у того же «Единства» лексикон бранных слов и штампованных фраз против партии революционного пролетариата.

Лидеры соглашательских партий пытались превратить I Всероссийский съезд Советов, на котором они имели подавляющее большинство, в публичное осуждение РСДРП(б). Какой бы вопрос на съезде ни обсуждался, поднимавшиеся на трибуну эсеры и меньшевики не упускали случая, чтобы не бросить какого-нибудь обвинения в адрес большевиков. «Несомненно, — вынужден был признать Церетели, — удельный вес этой группы (т. е. большевиков. — *Авт.*) на съезде не соответствует тому вниманию, которое уделяется этой группе не только нами, министрами-социалистами, но всем съездом». Церетели оправдывал это тем, что якобы ошибки большевиков «открывают ворота, через которые может ворваться контрреволюция»². Однако вряд ли даже рядовые члены партий Церетели и Чернова могли понять, почему в интересах «защиты революции» надо шельмовать ее самых стойких и последовательных борцов. «...Империалисты пытаются, — писал В. И. Ленин, — рукой вождей мелкобуржуазной демократии, Церетели, Черновых и т. д. — одним резким и решительным ударом покончить с растущей силой пролетарской партии»³.

Враги пролетарской революции решили нанести удар по партии большевиков, воспользовавшись назначенной ею на 10 июня мирной демонстрацией под лозунгом «Вся власть Советам!». Меньшевики и эсеры пытались создать впечатление, что рабочий класс не поддерживает большевистских лозунгов. Пролетариат не добивается мандата на спасение страны, утверждала 7 июня «Рабочая газета», «это только за него и от его имени хлопочут ленинцы». В воззвании «Ко всем рабочим и солдатам Петрограда» ЦК и ПК эсеровской партии заявляли, будто большевики назначили демонстрацию с

¹ «Дело народа», 13 апреля 1917 г.

² «Первый Всероссийский съезд Советов», т. I, стр. 357.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 333.

целью поднять авторитет своей партии, «день ото дня теряющей свое влияние»¹. Соглашатели обвиняли большевиков во всех неурядицах, представляя их в виде главной помехи на пути страны к Учредительному собранию. Вечером 9 июня съезд Советов в искусственно взвинченной президиумом обстановке принял резолюцию против демонстрации под тем предлогом, что ею «хотят воспользоваться притаившиеся контрреволюционеры»². Против последних, однако, никаких мер принято не было. Напротив, огонь был сосредоточен против большевиков. Присутствовавшие на съезде представители соглашательских армейских комитетов 5, 12, 3-й армий Северного фронта выразили готовность перебросить в Петроград военную силу для расправы с большевиками³. Даже после отмены демонстрации часть эсеровских и меньшевистских деятелей настаивала на расправе с большевиками. 11 июня на собрании президиума съезда Советов, членов Исполнительных комитетов Петроградского Совета и Совета крестьянских депутатов, а также членов бюро всех фракций съезда Церетели, клеветнически обвинив большевиков в заговоре против правительства с целью захвата власти, предложил не ограничиться запретом демонстрации, но разоружить революционные воинские части и Красную гвардию. По существу предложение Церетели сводилось к тому, чтобы поставить большевиков вне Советов. Но большинство участников собрания не рискнуло бросить вызов революционному Петрограду. Была лишь принята резолюция, запрещающая «самочинные вооруженные выступления»⁴.

Полумиллионная демонстрация петроградских рабочих и солдат, состоявшаяся 18 июня по решению съезда Советов, убедительно показала огромную популярность большевистских лозунгов. «Демонстрация, — указывал Ленин, — развеяла в несколько часов, как горстку пыли, пустые речи о большевиках-заговорщиках...»⁵ Кадетам не удалось использовать июньскую демонстрацию для расправы с большевиками. Они попытались это

¹ «Дело народа», 10 июня 1917 г.

² «Первый Всероссийский съезд Советов», т. II, стр. 378.

³ См. И. Г. Церетели. Указ. соч., кн. II, стр. 211—212.

⁴ См. «Правда», 13 июня 1917 г.; И. Г. Церетели. Указ. соч., кн. II, стр. 226—241.

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 360.

осуществить с помощью лидеров меньшевиков и эсеров в июльские дни.

4 июля руководимые большевиками рабочие и солдаты Петрограда вышли на улицу с требованием, чтобы ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов и Исполком Совета крестьянских депутатов порвали союз с буржуазией и взяли всю власть в свои руки. С другой стороны, кадеты требовали от министров-«социалистов» расправы с демонстрантами и большевиками, давая понять, что при этом условии они вновь примут участие в правительстве, из которого вышли 2 июля. Лидеры меньшевиков и эсеров не могли на сей раз прикрыться внешне «нейтралистским» решением. Необходимо было занять ясную позицию: перейти на сторону революционного пролетариата или же вместе с буржуазией ополчиться на него. Из этой альтернативы лидеры меньшевиков и эсеров выбрали второе.

На первых порах центральная власть, состоявшая в основном из «социалистов», делала вид, что она непричастна к антибольшевистским репрессиям. Разгром «Правды» на рассвете 5 июля был произведен юнкерами Владимирского училища и отрядом «увечных воинов». Командующий военным округом П. А. Половцев заявил, будто он приказал лишь разоружить караул солдат, охранявший редакцию, а отряд «превысил полномочия», учинив погром в самой редакции «Правды»¹. Гнусная фальшивка, обвинявшая Ленина и других большевиков в «шпионаже» и «государственной измене», сфабрикованная в контрразведке, была опубликована 5 июля в бульварном черносотенном листке «Живое слово» (и перепечатана затем кадетской газетой «Свободный народ») за подписями социал-шовиниста, заведомого клеветника Г. Алексинского и эсера В. Панкратова. 6 июля была разгромлена редакция «Солдатской правды» и типография ЦК РСДРП(б) «Труд». За напечатанным здесь «Листком „Правды“» была учинена настоящая погоня: убит рабочий-большевик И. А. Воинов, распространявший «Листок», захвачен автомобиль, вывозивший тираж газеты из типографии. Номера газеты тотчас же были сожжены, а находившиеся в машине работники типографии

¹ См. Б. Заславский, И. Сазонов, X. Астрахан. «Правда» 1917 года. М., 1962, стр. 118—122.

С. М. Закс и А. И. Гертик арестованы контрразведкой¹. Эти, на первый взгляд случайные, разбойничьи акты «ответственных» властей и безответственных черносотенных громил явились по существу реализацией того, чего уже давно требовали кадеты, — репрессий против большевиков. Программа эта осуществлялась Временным правительством при активной поддержке эсеро-меньшевистского руководства ЦИК Советов². С согласия последнего в Петроград были вызваны войска с фронта, разоружены революционные части, обрушены репрессии на большевиков. 7 июля Временное правительство распорядилось арестовать В. И. Ленина. 13 июля объединенное заседание ЦИК Совета рабочих и солдатских депутатов и ИК Всероссийского Совета крестьянских депутатов потребовало явки В. И. Ленина в суд на основании заведомой фальшивки, против публикации которой возражали даже Чхеидзе и Церетели. 15 июля были официально запрещены «Правда», а также «Солдатская правда», «Окопная правда», большевистские газеты в Кронштадте, Ревеле, Гельсингфорсе³.

ЦИК Советов в угоду Временному правительству самоустранился от расследования июльских событий и согласился передать дело прокурору Петроградской судебной коллегии⁴. 9 июля бюро ЦИК Советов санкционировало право Временного правительства арестовывать и привлекать к судебной ответственности членов ЦИК. Это решение было направлено против большевиков.

15 июля руководители ЦИК Советов участвовали в церемонии похорон казаков, погибших при подавлении рабоче-солдатских демонстраций в июльские дни. Шествовавшие в одном ряду главари контрреволюции и лидеры

¹ ЛГАОРСС, ф. 131, оп. 1, д. 206, лл. 31, 32. В июльские дни, как это видно из милицейских рапортов, участились факты задержания граждан по обвинению в большевистской агитации (ЛГАОРСС, ф. 131, оп. 1, д. 70, лл. 22, 52, 56; д. 35, л. 10; д. 3, л. 50; д. 12, л. 95).

² Меньшевик Н. Д. Соколов заявил 9 июля, что командующий Петроградским военным округом генерал Половцев план действий против большевиков и их сторонников в июльские дни разрабатывал «совместно с нами», т. е. эсеро-меньшевистским руководством ЦИК Советов (ЦГАВМФ, ф. р-2063, оп. 1, д. 7, л. 172об).

³ См. подробнее А. Ф. Бережной, Х. М. Астрахан, И. С. Сазонов. Большевистская печать в борьбе за власть Советов. Л., 1960, стр. 123—142.

⁴ См. подробнее О. Н. Знаменский. Июльский кризис 1917 года. М.—Л., 1964, стр. 209—223.

Советов олицетворяли единство буржуазии и соглашателей в борьбе против революции. «Эсеры и меньшевики связали себя всей своей политикой по рукам и по ногам, — отметил В. И. Ленин. — Как связанные люди, звали они (или терпели призыв) контрреволюционные войска в Питер. А это связало их еще более. Они скатились на самое дно отвратительной контрреволюционной ямы. Они трусливо распускают свою собственную комиссию, назначенную расследовать «дело» большевиков. Они лютло выдают большевиков контрреволюции. Они униженно участвуют в демонстрации похорон убитых казаков, целуют таким образом руку контрреволюционеру»¹. Угодничество высших исполнительных органов Советов перед Временным правительством, поспешное санкционирование ими репрессий властей против революционных рабочих, солдат, против партии большевиков отразили происшедший в июльские дни перелом в развитии русской революции: двоевластие сменилось единовластием. Советы, возглавляемые меньшевиками и эсерами, стали бессильным придатком буржуазного Временного правительства.

Ответственность за контрреволюционные акции Временного правительства, одобренные ЦИК Советов (репрессии против большевиков, введение смертной казни, разоружение рабочих), несут не только представители мелкобуржуазных партий в правительстве и Советах, но и официальное руководство этих партий. В июльские дни ОК меньшевиков и ЦК партии эсеров приняли ряд постановлений и обращений, проникнутых злобными, клеветническими нападками на РСДРП(б). Эсеровский ЦК и ОК меньшевиков решительно выступали против перехода власти к Советам, одобряли преследования большевиков². «Дело народа» напечатало передовую, восхваляющую постановление объединенного заседания исполкомов Советов о явке большевиков на суд. «Большевики объявлены врагами народа и революции»³, — злорадствовала эсеровская газета. 14 июля за подписью военных организаций при ЦК партии эсеров и ОК меньшевиков было опубликовано воззвание «Ко всем солдатам и матросам фронта и тыла»,

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 46.

² См. «Дело народа», 5 и 8 июля 1917 г.; «Партийные известия» (ОК РСДРП), 1917, № 2, стр. 4.

³ «Дело народа», 14 июля 1917 г.

полное самых клеветнических (в духе Алексинского) нападок на большевиков. Резолюция большинства, принятая VII Советом партии эсеров, начиналась словами: «Революционная демократия правильно поступила, обратив силу своей власти против движения 3—5 июля...»¹

Меньшевики и эсеры, много толковавшие о «едином демократическом фронте», поспешили в угоду воинствующим контрреволюционерам отмежеваться от большевиков. Это требование было выдвинуто, в частности, 8 июля реакционной буржуазной газетой «Новое время». Спустя три дня «Дело народа» дало понять, что предложение «Нового времени» принято. Эсеровский орган неистовствовал по адресу большевиков: «Прочь их компрометирующее соседство! Нам с ними не по дороге... Перестанем «по старой памяти» считать их товарищами по революции. Они — худшие ее враги»². Опубликованное тогда же воззвание ОК меньшевиков утверждало, что Ленин «далеко ушел от социал-демократии»³.

Меньшевики и эсеры проявили немалую изобретательность в травле и преследовании большевиков. Соглашательский исполком Калужского Совета лишил большевистскую фракцию ассигнованных ей 2000 рублей для ведения агитации по выборам в городскую думу⁴. В Таганроге меньшевики добивались исключения большевиков из Совета⁵. Большевистский комитет Тулы был выселен из занимаемого им помещения⁶. Из различных районов страны в ЦК РСДРП(б) поступали сообщения о преследовании большевиков. «Травят нас здесь не меньше и не хуже, чем вас, дорогие товарищи, там, в Питере», — писал 13 июля из Луганска К. Е. Ворошилов. Со станции Ветка (Екатеринославская губ.) докладывали, что большевикам пришлось перейти, по

¹ «Дело народа», 11 августа 1917 г.

² «Дело народа», 11 июля 1917 г.

³ «Рабочая газета», 11 июля 1917 г. Газета «Новое время» откликнулась 12 июля статьей «Социал-демократы отрекаются от Ленина». 10 июля антибольшевистская резолюция была проведена меньшевиками и эсерами на заседании ИК Московских Советов (ГАМО, ф. 66, оп. 12, д. 153, лл. 14—15; см. также Е. Игнатов. Указ. соч., стр. 270—275).

⁴ См. «Из партийного прошлого». Калуга, 1921, стр. 349.

⁵ См. И. Зайцев. 1917—1918 гг. в Таганроге. «Пролетарская революция», 1926, № 10(57), стр. 70.

⁶ См. А. Сорокин. Указ. соч., стр. 31.

существо, на нелегальное положение. Грушевско-Власовский комитет большевиков (Донбасс) почти не имел возможности выступать перед массами¹. В Оренбурге власти начали следствие по «делу» о распространении листовки ЦК РСДРП(б)². Особенно массовый характер приняли репрессии на фронте³.

Соглашателям, как и кадетам, казалось, что большевики после понесенного в июльские дни поражения не смогут более оправиться. «Период ленинизма закончился», — провозгласило 8 июля плехановское «Единство». На меньшевистской конференции в Петрограде И. С. Астров заявил: «...сейчас условия благоприятные для нас, ибо главный наш противник слева, большевики, лежат на земле»⁴.

Но торжество контрреволюции оказалось кратковременным⁵. Партия большевиков продолжала жить и бороться, ее доверие к своему вождю не было поколеблено ни на йоту.

24 июля общегородская конференция большевиков Екатеринбургa первым своим делегатом на VI съезд РСДРП(б) избрала В. И. Ленина. «Своим демонстративным избранием, — отмечала 28 июля «Уральская правда», — екатеринбургские рабочие подчеркнули, что

¹ См. «Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями», т. 1, стр. 135, 153, 182.

² ГИАЛО, ф. 1695, оп. 2, д. 2, л. 2.

³ Унтер-офицер 4-го Финляндского полка (эсер) писал в начале октября 1917 года в ЦК РСДРП(б): «Я объехал более 30 гауптвахт и везде вижу товарищей социалистов-демократов — большевиков арестованных. Я спрашиваю за что? «Да за агитацию!» За какую? «Да между товарищами!».. Вот за это арестовывают. Помогите!! Спасите товарищей!!! Они гибнут своими начальниками» (ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 373, л. 7). 13 июля был арестован и посажен в киевскую тюрьму Н. В. Крыленко (ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 44, л. 34). Подробнее о репрессиях против большевиков после июльских событий см. И. И. Минц. Указ. соч., т. 2, стр. 612—613.

⁴ «Рабочая газета», 18 июля 1917 г. Принимая желаемое за действительное, о гибели партии революционного пролетариата заговорили ее враги и в провинции. «У нас песня большевиков спета...» — доносили кадетскому ЦК из Кувшинского завода на Урале (ВПНС, 1917, № 17-18, стр. 15).

⁵ Некоторые буржуазные историки утверждают, что после июльских событий партия большевиков будто бы была объявлена вне закона и фактически сошла с общественно-политической арены (см. А. Меуер. *Op cit.*, p. 172). Эти измышления понадобились фальсификаторам для подкрепления своей насковзь лживой версии, что якобы лишь случайное стечение обстоятельств подняло большевиков из «небытия» к власти.

они вполне солидарны с политической линией товарища Ленина...»¹ VI съезд РСДРП(б), открывшийся в Петрограде 26 июля, избрал В. И. Ленина своим почетным председателем. «Этим, — писал М. С. Ольминский, — мы лишний раз подчеркнули, что наша партия неотделима от тов. Ленина, как, в свою очередь, он неотделим от партии»².

28 июля «Дело народа», недавно «хоронившее» большевизм, вынуждено было признать, что его лозунги снова находят «широкий отзвук».

Контрреволюционная печать упрекала правительство в том, что оно проявило якобы либерализм, не доведя до конца разгром большевиков. Незаслуженное обвинение... Временное правительство и его пособники использовали в борьбе против ненавистой им партии революционного пролетариата все средства. И если вопреки этому ленинская партия большевиков не была сломлена, то исключительно потому, что она имела твердую опору в рабочем классе и число ее сторонников среди трудящихся масс с каждым днем увеличивалось.

Если кадеты говорили не то, что думали, то меньшевики и эсеры говорили одно, а делали другое. И меньшевики, всуе поминавшие Маркса и Энгельса, и эсеры, спекулировавшие на именах Герцена и Чернышевского, действовали так, как того хотели кадеты. Называя себя «революционной» и даже «социалистической» демократией, эсеры и меньшевики, вступив в блок с кадетами, не хотели, да и не могли в силу своей оппортунистической природы решить в интересах народа назревшие социально-экономические задачи. Каждый шаг меньшевиков и эсеров навстречу буржуазии отталкивал от этих партий все новые и новые слои трудящихся. Они отворачивались от много обещавшей и ничего не выполнявшей коалиции эсеров и меньшевиков с кадетами.

Процесс изоляции мелкобуржуазных партий в важнейших пролетарских районах страны и среди значительной части солдат и матросов развернулся особенно интенсивно после июльских событий.

¹ «Большевики Урала в борьбе за победу Октябрьской социалистической революции», стр. 129.

² М. Ольминский. Тов. Ленин. «Пролетарская революция», 1924, № 3(26), стр. 26.

III. ПАРТИИ ПОСЛЕ ИЮЛЬСКИХ СОБЫТИЙ. БОЛЬШЕВИКИ ОБРЕТАЮТ МАССОВУЮ ОПОРУ

Глава шестая МЕНЬШЕВИКИ И ЭСЕРЫ. КАПИТУЛЯЦИЯ ПЕРЕД КАДЕТАМИ. ДАЛЬНЕЙШЕЕ ОБОСТРЕНИЕ КРИЗИСА МЕЛКОБУРЖУАЗНЫХ ПАРТИЙ

1. НА ГОСУДАРСТВЕННОМ СОВЕЩАНИИ

Буржуазные и мелкобуржуазные политические деятели, считавшие себя знатоками истории, полагали, что во всякой революции после кратковременного подъема должен неминуемо наступить спад. Начиная с марта 1917 года они ждали (одни с надеждой, другие со страхом) изменения хода революции. Разгром июльской демонстрации и кампания массовых антибольшевистских репрессий были восприняты в лагере буржуазии, а также руководством мелкобуржуазных партий как начало движения русской революции по наклонной плоскости. Буржуазия торопилась воспользоваться благоприятной обстановкой, чтобы окончательно упрочить свое положение. Господствующие классы, еще недавно заискивавшие перед рабочими и солдатами, борющиеся с Советами и другими демократическими организациями завуалированно, перешли теперь в открытое наступление против революции.

В. И. Ленин писал 10 июля: «...настоящая суть политики военной диктатуры, царящей ныне и поддерживаемой кадетами и монархистами, состоит в подготовке разгона Советов»¹. Особенно неистовствовали против Советов участники совещаний членов Государственной думы. На очередном своем сборище 18 июля (на нем присутствовали и министры Временного правительства И. Н. Ефремов и И. В. Годнев) А. М. Масленников за-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 1—2.

явил об Исполкоме Петроградского Совета, что это «кучка сумасшедших фанатиков, кучка проходимцев, кучка предателей»¹. На деликатную просьбу председателя не употреблять таких резких выражений В. М. Пуришкевич возразил: «...пора говорить настоящим языком». Одоблив введение смертной казни на фронте, Пуришкевич кричал: «Раньше всего нужно вешать здесь, потому что здесь источник всех безобразий... Правительство не может терпеть параллельно с собой власть Советов солдатских и рабочих депутатов, нужно распустить Советы...»² С выступлениями Масленникова и Пуришкевича солидаризировался Милюков. Но он не считал, что уже настал момент для замены правительства другим, более приемлемым для буржуазии³. Кадетский ЦК дал понять о готовности снова войти в правительственную коалицию при условии полной независимости ее от Советов⁴.

8 июля Временное правительство было реорганизовано. Вместо подавшего в отставку князя Львова министром-председателем стал Керенский (сохранив пост военного и морского министра). Церетели возглавил Министерство внутренних дел (оставаясь министром почт и телеграфов). Остались на своих постах министры-«социалисты» Скобелев, Чернов, Пешехонов. На другой день объединенное заседание ЦИК Совета рабочих и солдатских депутатов и ИК Совета крестьянских депутатов объявило Временное правительство «правительством спасения революции», и ему были вручены неограниченные полномочия⁵. Это означало формальный отказ ЦИК, возглавляемого меньшевиками и эсерами, от контроля над властью. Для успокоения масс заявлялось, что министры-«социалисты» будут докладывать объединенному собранию исполнительных комитетов Советов о своей деятельности. Обману масс служила и правительственная декларация, опубликованная 8 июля. В ней было обещано добиться мира, созвать в срок (17 сентября 1917 г.) Учредительное собрание, подготовить к нему проект земельной реформы, разработать

¹ «Буржуазия и помещики в 1917 году», стр. 196—197.

² Там же, стр. 201—202.

³ См. там же, стр. 225.

⁴ См. О. Н. Знаменский. Указ. соч., стр. 222.

⁵ См. «Революционное движение в России в июле 1917 г. Июльский кризис. Документы и материалы». М., 1959, стр. 238.

законопроекты о 8-часовом рабочем дне, охране труда, социальном страховании. Вместе с тем из декларации в угоду кадетам были исключены пункты, имевшиеся в ее первоначальном варианте, — о провозглашении республиканского строя, роспуске Государственной думы и Государственного совета.

Кадеты тем не менее отказывались возобновить правительственную коалицию. Они были против сохранения даже видимости ответственности министров-«социалистов» перед ЦИК Советов, их не устраивали также пункты правительственной декларации 8 июля, предусматривавшие проведение некоторых социальных реформ до Учредительного собрания.

Меньшевики и эсеры громко возмущались неуступчивостью кадетов. «Мы за соглашение с буржуазией, — откровенно заявила в передовой 16 июля «Рабочая газета», — но мы не можем и не должны покупать это соглашение ценой „резывания демократических требований“, ценой „принижения революционных задач“». Эсеровский ЦО выступил в тот день с «грозной» передовой «Этому не бывать!». В последующих номерах газета осуждала претенциозность кадетов, которые, «имея в своем распоряжении так мало, требуют непомерно много»¹, и указывала Керенскому, что он не вправе принять кадетские условия: «Нельзя изолировать правительство от демократии»². Нападая на кадетов публично, соглашатели в то же время не допускали и мысли о возможности существования правительства без представительства в нем буржуазии. Вошедшие в состав Временного правительства члены недавно оформившейся «Российской радикально-демократической партии»³

¹ «Дело народа», 19 июля 1917 г.

² «Дело народа», 18 июля 1917 г.

³ Первые шаги по созданию радикально-демократической партии были осуществлены в 1915 году в Петрограде кружком буржуазных общественных деятелей во главе с профессорами Д. П. Рузским и М. В. Бернацким. Вскоре после Февральской революции к ним присоединились видные представители фракции прогрессистов в Государственной думе И. Н. Ефремов, А. А. Барышников, И. В. Титов, М. О. Гродзицкий и др. С этого времени радикально-демократическая партия выходит на общественную арену (участвовала в выборах в районные думы Петрограда), организовала местные отделы партии (в Москве, Киеве, Одессе, Перми, Ярославле, Могилеве, Минске, Ялте, Кунгуре, Ташкенте и некоторых других городах). В июне в Петрограде стала издаваться ежедневная газета этой партии — «Отечество». Несколько газет партия имела в провинции

были недостаточно авторитетны для буржуазии. Керенский настойчиво пытался изыскать пути, облегчающие возвращение кадетов в состав правительства. Милюков 18 июля заявил: «Прежде всего правительство должно быть безответственно перед какими-либо организациями и комитетами»¹. Кроме того, кадеты настаивали на отказе правительства от декларации 8 июля, составленной без их участия и, по их мнению, «социалистической»².

Для решения вопроса о власти в Зимнем дворце в ночь на 22 июля состоялось экстренное заседание Временного правительства совместно с представителями пяти партий (кадетов, радикальных демократов, трудовиков, эсеров, меньшевиков), Временного комитета Государственной думы, ЦИК Советов рабочих и крестьянских депутатов и ИК Советов крестьянских депутатов. Лидеры меньшевиков и эсеров убеждали кадетов не бойкотировать Советы, доказывали им, что их требованиям твердой власти и продолжения войны не противоречат формулировки декларации 8 июля. Но Милюков возражал. «Нельзя основывать, — говорил он, — прочного соглашения на двусмысленных выражениях»³. Дебаты закончились тем, что исполнительные комитеты Советов и центральные комитеты меньшевиков и эсеров «самоустранились от власти», предоставив А. Ф. Керенскому право составить правительство по собственному усмотрению. 24 июля новое правительство было сформировано. В нем было 7 эсеров и меньшевиков, 4 кадета, 2 члена радикально-демократической партии и 2 беспартийных. Хотя число «социалистов» и буржуазных министров было в составе правительства примерно одинаковым, фактически второе коалиционное правительство давало значительный перевес кадетам, ибо последние

(Ярославле, Ташкенте, Одессе). Осенью 1917 года радикально-демократическая партия слилась с буржуазной республиканско-демократической партией. ЦК объединенной партии возглавлял Д. П. Рузский (ЦГАОР СССР, ф. 1239, оп. 1, д. 15, лл. 73—80). Партия объявила себя буржуазной, но левее кадетов. Российская буржуазия не признала новой партии, оставшись верной кадетам. Милюков с удовлетворением писал, что «попытка правительства заменить к.-д. членами новоявленной «радикально-демократической партии» ни к чему не привела...» (ВПНС, 1917, № 11-13, стр. 2).

¹ «Буржуазия и помещики в 1917 году», стр. 210.

² См. П. Н. Милюков. История второй русской революции, т. 1, вып. 2. София, 1921, стр. 19—20, 36.

³ П. Н. Милюков. Указ. соч., стр. 34.

добились отстранения Советов от контроля над властью и отменили принцип ответственности министров-«социалистов» перед Советами. «Речь» с удовлетворением писала 25 июля: «Самый метод составления правительства помимо Советов и комитетов уже указывает на начало эмансипации правительства от полноправных органов революционной демократии. В этой эмансипации политический смысл совершившейся перемены».

26 июля за подписью Керенского была опубликована программа нового правительства, которая умалчивала о декларации 8 июля. Кадетский орган отметил, что обращение правительства лишено «прежнего налета специфически «революционных» фраз»¹. А «Дело народа», настраивавшее Керенского против кадетов, 26 июля приветствовало новую коалицию и вознесло хвалу «политическому искусству, мудрости и такту Керенского», сумевшего примирить социалистов с кадетами. «Рабочая газета» выразила, в свою очередь, удовлетворение тем, что Керенский включил в состав правительства «лучшие силы партии народной свободы»². Резолюция большинства VII Совета партии с.-р. одобрила создание второго коалиционного правительства, «хотя и не ответственного во всем своем составе перед центральным органом революционной демократии и социалистическими партиями»³. Оборонцы, таким образом, как писал В. Володарский, отказались даже от жалкого «контроля» над правительством и согласились на безответственную диктатуру⁴.

Сущность второго коалиционного правительства раскрыл В. И. Ленин, назвав его министерством первых шагов бонапартизма. «Перед нами, — писал Ленин, — налицо основной исторический признак бонапартизма: лавирование опирающейся на военщину... государственной власти между двумя враждебными классами и силами, более или менее уравновешивающими друг друга»⁵. Пролетариат еще не имел достаточной опоры в массах, чтобы вступить в решительный бой за власть, а буржуазия не могла одним ударом покончить с Сове-

¹ «Речь», 26 июля 1917 г.

² «Рабочая газета», 26 июля 1917 г.

³ «Дело народа», 11 августа 1917 г.

⁴ См. «Рабочий и солдат», 30 июля 1917 г.

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 49.

тами, которые, несмотря на предательство их лидеров, оставались самой массовой организацией рабочих, солдат и крестьян. Буржуазия стремилась использовать «бонапартистское», т. е. внешне внепартийное, а на деле преданное капиталу правительство, для того чтобы ликвидировать Советы и установить свою неограниченную власть.

Представители буржуазно-помещичьих кругов говорили об этом в полный голос на Государственном совещании, созванном Временным правительством в Москве 12—14 августа 1917 года. Монархист Шульгин с удовлетворением констатировал: «Пять месяцев тому назад каждого, кто осмелился бы сказать что-нибудь против революции, растерзали бы на части». Теперь же, добавил он, настроение изменилось¹. Распоясавшиеся контрреволюционеры категорически требовали упразднения всех Советов, а также комитетов в армии, передачи функций управления, «присвоенных» Советами, муниципальным органам². Ораторы буржуазно-помещичьего лагеря не хотели больше мириться с пропагандой, даже из демагогических соображений, лозунгов мира. Война «до победного конца в полном единении с нашими союзниками» — этому, говорил по подсказке Корнилова казачий атаман Каледин, должна быть подчинена вся деятельность правительства³. Какие-либо реформы в аграрной и других социальных областях буржуазия решительно отвергала. «...Сейчас не время социальных реформ и социальных экспериментов. Солдат в окопах должен думать о войне, а не о дележе земли»⁴, — заявил представитель банков И. Х. Озеров. Наконец, важнейшим требованием контрреволюционного лагеря явилось продолжение борьбы с большевистской партией, объявление ее вне закона, массовые репрессии против ее членов. Уверенные в скором своем торжестве, представители контрреволюции ультимативно предлагали Временному правительству и лидерам «революционной демократии» немедленно провести в жизнь предъявленные им требования. Керенский оправдывался, заявляя, что правительство борется с большевиками, «сколько есть

¹ См. «Государственное совещание». М.—Л., 1930, стр. 107.

² См. там же, стр. 49.

³ Там же, стр. 74.

⁴ Там же, стр. 249.

силы у нас»¹. Ближайший соратник Керенского Авксентьев заверял, что возглавляемое им Министерство внутренних дел ставит своей задачей быстрее замену самовольно действующих на местах органов, т. е. Советов, основанными «на законе» органами самоуправления². Не возражали явным антисоветчикам и вожди «революционной демократии» Чхеидзе и Церетели. Первый, выступая вслед за Калединым, чуть ли не извинялся, что говорит от имени Советов, «немедленного упразднения» которых требовал предыдущий оратор³. Также и Церетели, говоривший после Родзянко, Шульгина, Милюкова, не решался дать им бой. «Я выступаю... не для того, чтобы вступать в полемику...»⁴ — сказал Церетели. Собственно, лидерам «революционной демократии» нечего было и возражать. Они также исходили из неизбежности ликвидации Советов, но хотели бы, чтобы это произошло постепенно, не вызвав недовольства масс. Полемизируя с Маклаковым, Церетели доказывал, что в интересах буржуазной власти необходимо пока сохранить Советы, которые, пользуясь своим всенародным признанием, поддерживают Временное правительство. «Нельзя еще убирать эти леса, — говорил Церетели, имея в виду Советы, — когда здание свободной революционной России еще не достроено...»⁵ Церетели поставил в заслугу «демократии» отказ от власти в пользу коалиционного правительства. «Вы говорите о власти независимой... — заявил Церетели, обращаясь направо. — Совет Р. и С. Д. признает необходимость, в интересах спасения страны, существования такой власти»⁶. Председатель армейского комитета 12-й армии меньшевик Г. Д. Кучин предостерегал против ликвидации комитетов в армии, которые (разумеется, возглавляемые меньшевиками и эсерами) «ведут активную работу поднятия авторитета командного состава. Если вы их ограничите или уничтожите, то и командный состав пострадает»⁷. Представители «революционной демократии» заверяли буржуазную часть Совещания, что употребят свое влияние в Советах, солдатских коми-

¹ См. «Государственное совещание», стр. 13.

² См. там же, стр. 18.

³ Там же, стр. 72.

⁴ Там же, стр. 118.

⁵ Там же, стр. 122.

⁶ Там же, стр. 135.

⁷ Там же, стр. 220.

тетах, профсоюзах для укрепления доверия рабочих к предпринимателям, солдат к офицерам, всего народа к Временному правительству.

Речи лидеров меньшевиков и эсеров свидетельствовали, что их политическая программа отличается от программы буржуазной контрреволюции не по существу, а лишь по методам ее проведения. Так, выступая заодно с кадетами за энергичное ведение войны, меньшевики и эсеры полагали, что лозунг борьбы за мир не мешает, но, напротив, способствует поднятию боеспособности армии. Сознание, что достижение мира «является единственной целью политики правительства, даст революционной армии, проливающей свою кровь, бодрость духа, энтузиазм и готовность к великому самопожертвованию»¹, — говорил Н. С. Чхеидзе. Эсеры и меньшевики предостерегали также кадетов, что отказ от проведения земельной реформы и других социальных преобразований вызовет резко отрицательную реакцию в армии и в народе, последствия которой могут быть катастрофическими для правительства.

Несмотря на подчеркнуто пренебрежительное отношение представителей буржуазной контрреволюции к «демократии» и нескрываемое стремление их к установлению вместо коалиционной власти военной диктатуры, вожди эсеров и меньшевиков настойчиво домогались упрочения коалиции с буржуазией. К единению всех «живых сил» вокруг коалиционного правительства Керенского призывали Брешко-Брешковская и Плеханов. 13 августа на объединенном собрании представителей демократических организаций — участников Совещания было принято предложение Церетели «сделать последнюю попытку столкнуться» с буржуазией². На следующий день Чхеидзе зачитал декларацию от имени «объединенной демократии». Многословная, подробная в деталях, внешне демократическая, эта декларация по существу означала отказ меньшевиков и эсеров от платформы Всероссийского съезда Советов и капитуляцию перед буржуазией. В угоду буржуазии в декларации не было формулы мира «без аннексий и контрибуций»³,

¹ «Государственное совещание», стр. 79—80.

² См. «Дело народа», 15 августа 1917 г.

³ «Новое время» с удовлетворением отметило исчезновение в декларации формулы, «которая так бесконечно нам опротивела» («Новое время», 18 августа 1917 г.).

содержались нападки на рабочих, крестьян. Вожди мелкобуржуазных партий выдавали свою программу за общенациональную. Церетели, почтительно обращаясь к Милюкову, взывал к «честной коалиции»¹. Но Милюков заявил, что он не вынес уверенности в готовности «демократии» решительно бороться с большевиками. Церетели снова на трибуне: «Здесь говорили: ...самую основу большевизма признайте вредной... Предохранительные меры... уже приняты. Уже проведен исключительный закон»². Уверения лидеров меньшевиков и эсеров в их преданности союзу с буржуазией, в готовности еще ревностней преследовать большевиков, казалось, «проняли» представителей контрреволюционного лагеря. 15 августа А. А. Бубликов заявил: «...когда нам... протянули братскую руку, эта рука, заявляю я от торгово-промышленного класса, не повиснет в воздухе»³. И, как зримое свидетельство прочности коалиции, Церетели и Бубликов под аплодисменты всего собрания пожали друг другу руки.

Подводя итоги Государственного совещания, официальные органы меньшевиков и эсеров писали о победе на нем «демократии» и оспаривали утверждения кадетской печати, расценивавшей Совещание как этап на пути полной ликвидации Советов и комитетов и окончательного торжества буржуазной власти. В доказательство соглашатели ссылались на смехотворный «довод», что, дескать, не Церетели подошел к Бубликову, а, напротив, Бубликов подошел к Церетели и первым протянул ему руку⁴. Чем не свидетельство «победы» демократии?! По существу же опор о победителях и побежденных применительно к участникам Государственного совещания был неуместен. В статье «О конституционных иллюзиях», написанной 26 июля, В. И. Ленин писал: «Торговля Керенского, Церетели, Чернова с кадетами имеет второстепенное, если не десятистепенное, значе-

¹ «Государственное совещание», стр. 128.

² Там же, стр. 137. 2 августа 1917 года коалиционное правительство предоставило министрам военному и внутренних дел право арестовывать граждан, «деятельность которых представляет особую угрожающую обороне государства и внутренней его безопасности» («Великая Октябрьская социалистическая революция. Хроника событий». М., 1960, стр. 68).

³ «Государственное совещание», стр. 268—269.

⁴ См. «Дело народа», 17 августа 1917 г.

ние. Победят ли кадеты в этой торговле, продержатся ли еще Церетели и Чернов «одни», суть дела не изменится, поворот эсеров и меньшевиков к контрреволюции (поворот, вынужденный всей их политикой с 6 мая) остается основным, главным, решающим фактом»¹. Именно этот основной факт еще раз продемонстрировало Государственное совещание. Поведение на нем лидеров меньшевиков и эсеров — их угодничество, заискивание перед буржуазией, отказ от программы социальных преобразований и фактическое примирение с курсом буржуазии на ликвидацию Советов — все это изобличало окончательный переход официального руководства обеих главных мелкобуржуазных партий от соглашательства с буржуазией к контрреволюции. Брешко-Брешковская имела полное основание сказать на Совещании, что она не уловила «ни одного противоречия в речах выступавших»². Это констатация факта. Объяснение его дал Милюков: эсеры и меньшевики заговорили по-кадетски. «И в речи Церетели, да и во многих речах, теперь произносимых, — отметил Милюков, — повторяется то, что мы говорили три месяца тому назад»³.

Явное смыкание лидеров меньшевиков и эсеров с контрреволюцией, потеря ими даже видимости независимости и самостоятельности, с одной стороны, рост популярности и авторитета большевиков в массах, с другой, усиливали внутренний кризис в мелкобуржуазных партиях. «Трещит по всем швам единство...»⁴ — так охарактеризовал В. И. Ленин положение, создавшееся внутри меньшевистской и эсеровской партий летом 1917 года. Организационному комитету не удалось объединить меньшевистские фракции, а эсеровскому ЦК — предотвратить назревший в партии раскол.

2. ОБЪЕДИНИТЕЛЬНЫЙ СЪЕЗД МЕНЬШЕВИКОВ

Сразу же после майской конференции меньшевиков Организационный комитет возобновил подготовку съезда с целью сплочения всех меньшевистских фракций и со-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 47.

² «Государственное совещание», стр. 227.

³ Там же, стр. 133.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 382.

здания «объединенной РСДРП», способной противостоять партии большевиков.

Наряду с ОК усиленно хлопотали о созыве объединительного съезда РСДРП внефракционные социал-демократы. В связи с тем что Организационное бюро по созыву съезда, избранное собранием социал-демократов 4 апреля, не выполнило своей задачи¹, внефракционные с.-д., группировавшиеся вокруг «Новой жизни», предприняли в этом направлении очередную попытку. По их инициативе во время работы I Всероссийского съезда Советов состоялось совещание социал-демократов — делегатов съезда, которое избрало 18 июня (57 голосами против 3 при 11 воздержавшихся) новое Бюро по созыву объединительного съезда партии, в которое вошли Г. Линдов, Н. Рожков, В. Базаров, Б. Авиллов, В. Строев и др. Ему поручалось наладить контакты с ЦК РСДРП(б), ОК РСДРП, Междурайонным комитетом и национальными социал-демократическими организациями².

Бюро энергично взялось за дело: выработало повестку дня съезда, установило нормы представительства и уже заготовило бланки, извещавшие с.-д. организации о съезде и предлагавшие им избрать делегатов³. Но ОК не хотел выпустить инициативу созыва съезда из своих рук. 20 июня Бюро ОК подчеркнуло: «Съезд созывается Организационным комитетом партии»⁴. ОК образовал комиссию по созыву съезда; в нее помимо членов ОК

¹ Оргбюро (Булкин, Бэр, Войтинский, Гольденберг, Кузнецов, Элиава) было избрано оставшимися после ухода большевиков участниками собрания (см. «Рабочая газета», 6 апреля 1917 г.). 12 апреля состоялось заседание Оргбюро, на котором были также представлены: ОК меньшевиков (Ермолаев, Горев), ЦК Бунда (Эрлих), Междурайонный комитет (Юренев), Петроградская организация меньшевиков (Гриневич), с.-д. фракции Государственных дум (Зурабов, Махарадзе) (см. «Рабочая газета», 13 апреля 1917 г.). Нет данных о присутствии представителей от с.-д. членов Исполкома Петроградского Совета, которым было предоставлено два места (ЛГАОРСС, ф. 7384, оп. 7, д. 2, л. 67). Однако первое заседание оказалось и последним. 11 апреля «Правда» сообщила, что «в собрании «объединителей»... ЦК и сторонники «Правды», разумеется, не участвуют». В начале заседания И. Юренев заявил о выходе междурайонцев из Оргбюро, так как оно объединяет с.-д. течения «не на интернациональной платформе» («Рабочая газета», 13 апреля 1917 г.).

² «Рабочая газета», 23 июня 1917 г.

³ ЦПА ИМЛ, ф. 275, оп. 1, д. 34, л. 14.

⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 275, оп. 1, д. 10, л. 29.

должны были войти представители Московской объединенной организации, Кавказской областной организации меньшевиков и Бунда, а также приглашались члены вышеупомянутого Бюро, избранного на съезде Советов. Новожиженцы воспротивились. Они настойчиво доказывали ОК, что именно им, «нейтралам», формально не связанным ни с одной частью социал-демократии, сподручнее быть инициаторами созыва объединительного съезда. Конфликт закончился тем, что в начале июля представители Организационного бюро вместе с комиссией ОК образовали Центральную комиссию по созыву объединительного съезда РСДРП. За Бюро новожиженцев было сохранено право на «самостоятельную агитацию и выступления»¹. «Самостоятельность» выразилась в том, что в отличие от членов комиссии — окистов, занимавшихся примирением различных групп меньшевиков, новожиженцы хлопотали о привлечении к участию в объединительном съезде и большевиков.

Долго подготовлявшийся и неоднократно откладывавшийся объединительный съезд открылся 19 августа в помещении Политехнического института в Петрограде. Организаторы съезда рассчитывали создать на нем единую, сильную партию, способную вырвать рабочий класс из-под влияния большевиков. В. Н. Крохмаль, открывая от имени Центральной комиссии объединительный съезд, говорил, что перед ним стоит задача «конструировать партию, положить основание ее тактике, создать организацию, единство этой организации»². Другой представитель комиссии, Г. Линдов, выразил надежду, что в результате работы съезда «будет создана действительно крепкая, действительно сильная единая с.-д. партия»³. Но это была заведомо обреченная на неудачу затея. Партия, создаваемая на платформе борьбы против пролетарской революции, не могла найти поддержки в рабочем классе России.

Меньшевицкие лидеры кичились внушительным числом членов в организациях, представленных на съезде. Более 220 делегатов съезда с решающим голосом от меньшевицких и объединенных организаций, Бунда, Кавказской областной организации и группы сторонников «Новой жизни» представляли 193 172 (по другим

¹ «Новая жизнь», 30 июля 1917 г.

² ЦПА ИМЛ, ф. 275, оп. 1, д. 12, л. 1об.

³ Там же, л. 3об.

данным — 205 тысяч) члена¹. Скобелев хвастливо заявлял, что на съезде представлено «все, что есть живого в партии». Церетели пренебрежительно говорил о большевиках как «о ничтожной величине». Но заведомая ложь и демагогия не могли обмануть даже участников съезда. Возражая Скобелеву и Церетели, Б. Авиллов констатировал как бесспорный факт отсутствие у меньшевиков поддержки и влияния в народе и то, что «партийные симпатии в различных слоях пролетариата находятся большей частью на стороне большевиков»². Сопоставление численности большевиков и меньшевиков в различных районах страны показывает, что преобладающая масса рабочих в июле—августе 1917 года уже была на стороне большевиков.

Помещенная на стр. 295 таблица показывает, что в промышленных районах (исключая Донбасс) — в обеих столицах, Прибалтике, на Урале — численность меньшевиков значительно уступала большевикам. Это еще раз свидетельствует о том, что пополнение меньшевистских организаций в 1917 году состояло преимущественно не из индустриальных рабочих, а из ремесленников, служащих, мелкобуржуазно настроенной интеллигенции. Не располагали меньшевики (исключая Закавказье) опорой и среди крестьянства. Показательно, что в военных организациях меньшевиков во второй половине августа 1917 года насчитывалось всего 4 тысячи членов³, а в большевистских военных организациях (во второй половине июля) — 26 тысяч.

Кризис меньшевизма сказывался не только в том, что он не имел опоры в рабочем классе, от имени которого выступал. Ко времени объединительного съезда стало очевидно, что масса членов продолжает числиться в списках меньшевистских организаций лишь фиктивно. Харьковский «Социал-демократ» писал 22 августа, что многотысячные организации меньшевиков, представленные на объединительном съезде, существуют лишь на

¹ «Партийные известия» (ОК РСДРП), 1917, № 3, стр. 2; № 4-5, стр. 1. В общую численность меньшевиков включены: 17 591 член Бунда и 2639 членов меньшевистской части С.-Д. Латышского края (ЦПА ИМЛ, ф. 275, оп. 1, д. 14, л. 47). О последних см. «Рабочая газета», 6 августа 1917 г.

² ЦПА ИМЛ, ф. 275, оп. 1, д. 12, л. 19.

³ Наиболее многочисленными были меньшевистские организации на Румынском и Юго-Западном фронтах.

**СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ДАННЫЕ О ЧИСЛЕННОСТИ БОЛЬШЕВИКОВ И МЕНЬШЕВИКОВ
В ОТДЕЛЬНЫХ РАЙОНАХ СТРАНЫ¹**

Название района	Численность большевиков во второй по- ловине июля 1917 г. (в тыс.)	Численность меньшевиков во второй по- ловине августа 1917 г. (в тыс.)
Районы, в которых численно преобладали большевики		
Москва с районом	50	30
Петроград	41	13 ²
Урал	25	10,6
Прибалтика	14	1,2
Поволжье	13	10
Сибирь	10	3
Районы, в которых численно преобладали меньшевики		
Кавказ	9	45
Донецкий бассейн	16	28,5
Западный край	4	14
Одесса с районом (Херсон, Евпа- тория, Новороссийск)	7	10,5
Северный район	1,5	15,7

¹ Сведения о численности большевиков взяты из протоколов: «Шестой съезд РСДРП (большевиков)», стр. 36—37, о численности меньшевиков — из «Партийных известий» (ОК РСДРП), 1917, № 3, стр. 2, и материалов мандатной комиссии объединительного съезда меньшевиков (ЦПА ИМЛ, ф. 275, оп. 1, д. 14, лл. 47, 53—56). В число меньшевиков включены также члены объединенных и национальных с.-д. организаций, представленных на объединительном съезде. Эти данные дают лишь приблизительную картину, так как нет полного географического совпадения сопоставляемых районов. В таблицу не включен Киев с районом, где численность большевиков и меньшевиков была примерно одинаковой (по 10 тысяч).

² В это число, по-видимому, включены меньшевики Петроградской губернии, бундовцы и примыкавшая к ОК латышская с.-д. группа.

бумаге, так как многие члены этих организаций фактически порвали с партией. Газета иллюстрировала это убедительнейшим фактом: «При перевыборах в Совет за наши списки на некоторых заводах подавалось меньше

голосов, чем номинально состояло членов нашей партии на этих заводах. А разве это только в одном Харькове?!»

Действительно, так было повсеместно. В Петрограде в августе 1917 года насчитывалось 8594 меньшевика, а в выборах делегатов на городскую конференцию, которая в свою очередь избирала делегатов на съезд, участвовало 2700¹. Член Нарвского райкома меньшевиков М. Ямайкер писал: «Что толку в том, что в организации числятся сотни или тысячи членов, когда даже в серьезных случаях... с трудом можно собрать из них несколько десятков человек»². Один из руководителей Петроградской окружной организации меньшевиков П. Голиков отмечал: «Нечего скрывать, в наших рядах растет апатия, царит уныние»³.

В другой крупнейшей организации меньшевиков — Московской — положение было не лучше. Отрыв рядовых меньшевиков от партии сказывался здесь в неуплате членских взносов (из 620 меньшевиков, числившихся на 1 сентября в организации Городского района Москвы, уплатили членские взносы за август только 55 членов⁴), в непосещении партийных собраний. Секретарь меньшевистского комитета Хамовнического района Москвы в отчете за последнюю декаду августа 1917 года отмечал: «Большевизм... растет неудержимо... Пока работа в ячейках идет слабо. Рабочие проявляют мало активности. Чрезвычайно трудно собирать собрания. Объясняется тем, что, войдя в начале революции в организацию, они теперь во многих случаях принадлежат к ней только номинально»⁵. В отчете комитета Московской губернской организации меньшевиков (ноябрь 1917 г.) отмечалось, что число членов организации катастрофически падало в августе и начале сентября. «Позднее, — указывалось далее в отчете, — резкого отлива не наблюдалось, но подсчет фактических сил затрудняется

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 275, оп. 1, д. 14, л. 29; «Рабочая газета», 8 августа 1917 г.

² «Рабочая газета», 8 августа 1917 г.

³ «Рабочая газета», 17 августа 1917 г. Окружная организация меньшевиков объединяла меньшевиков Петроградской губернии. На I губернской конференции 25 сентября присутствовали делегаты меньшевистских организаций 13 городов и поселков (Кронштадта, Сестрорецка, Ямбурга, Усть-Ижоры, Красного Села и др.), представлявшие 1909 членов («Рабочая газета», 26 сентября 1917 г.).

⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 275, оп. 1, д. 32, л. 10.

⁵ Там же, лл. 45, 46об.

инертностью товарищей, не ушедших из организации, но и не проявляющих никакой активности»¹. Руководитель московских меньшевиков И. А. Исув заявил на совещании в ОК: «Всюду наши организации весьма слабы»².

Падение авторитета и престижа меньшевиков усилило борьбу течений в их рядах. Особенно остро протекала она в Петрограде. Созванная 15 июля II Петроградская конференция меньшевиков, на которой присутствовало 80 делегатов, представлявших около 8 тысяч членов партии, зашла в тупик при обсуждении первого же вопроса — о кризисе власти³. Резолюция Мартова, осуждавшая капитулянтскую позицию соглашательских вождей Советов в июльские дни и в противовес коалиции с кадетами допускавшая возможность сосредоточения власти в руках Советов, собрала 36 голосов. 37 голосов было подано за резолюцию Дана, одобрявшую коалицию с буржуазией. Не приняв никакого решения, конференция 16 июля закрылась. Каждая фракция добивалась поддержки своей линии заводскими и районными организациями меньшевиков. 5 августа открылась III общегородская меньшевистская конференция⁴. 57 голосами против 42 была принята резолюция интернационалистов. Но и эта конференция не преодолела разногласий. Напротив, произошел формальный разрыв: оборонцы не приняли участия в выборах комитета (на том основании, что из 21 места им предоставили 7, а не 9, как они просили). Комитет был избран в составе 14 интернационалистов⁵. Делегатов на съезд каждая фракция избирала отдельно⁶.

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 275, оп. 1, д. 33, л. 3об. К середине ноября 1917 года в Московской губернской организации меньшевиков числилось 1343 члена вместо 3000 в начале августа (там же, л. 3).

² ЦПА ИМЛ, ф. 275, оп. 1, д. 11, л. 11.

³ См. «Рабочая газета», 18 июля 1917 г.

⁴ На конференции присутствовало 108 делегатов (59 интернационалистов и 49 оборонцев). В повестке дня стояли вопросы: о политическом положении (докладчики Мартынов, Церетели); выборы Комитета Петроградской организации; выборы делегатов на объединительный съезд. Второе (последнее) заседание конференции состоялось 13 августа (ЦПА ИМЛ, ф. 275, оп. 1, д. 34, л. 7; д. 14, л. 29; «Рабочая газета», 8 августа 1917 г.).

⁵ «Рабочая газета», 8 августа 1917 г.

⁶ 13 августа состоялось заседание конференции для избрания делегатов на съезд. Оборонцы требовали предоставления им 4 мандатов из 9. Конференция 35 голосами против 30 отклонила это требование, предоставив им 2 мандата. В знак протеста оборонцы

Таким образом, Петроградская организация меньшевиков встретила объединительный съезд расколотой. Процесс размежевания их на правых и левых происходил и на местах. Это проявилось на состоявшихся в июле—августе районных, губернских и областных съездах и конференциях меньшевиков¹. Некоторые съезды и конференции, как, например, II Туркестанский съезд РСДРП (объединенной), приняли резолюции в интернационалистском духе (осуждение коалиции с буржуазией и предложение передать власть демократии). Другие (их было больше — I Уральская областная конференция меньшевистских и объединенных организаций, Саратовская губернская конференция с.-д. меньшевиков, Алтайская губернская конференция, Вятское губернское совещание) приняли резолюции в поддержку коалиции с буржуазией. Но наибольшее число составили конференции, где происходили столкновения правых и левых меньшевиков, и первым, чтобы проташить резолюции в поддержку коалиции с буржуазией, приходилось, как правило, дополнять их пунктами, осуждавшими репрессии против большевиков и признававшими значение Советов (Донская областная конференция с.-д. меньшевиков, Юго-Западный областной съезд с.-д. меньшевиков и объединенных организаций, Владимирский губернский съезд меньшевистских и объединенных организаций, Витебская губернская конференция меньшевиков, Дальневосточная областная конференция объединенных с.-д. организаций, Московская общегородская конференция меньшевиков)².

Помимо оборонцев и интернационалистов среди меньшевиков имелись и другие, промежуточные группы.

покинули конференцию и избрали на съезд 4 своих делегатов. Большинство конференции после ухода оборонцев избрало из своей среды 9 делегатов. Мандатная комиссия съезда осудила действия большинства Петроградской конференции и постановила... предоставить «во имя единства» из 9 мандатов 7 интернационалистам и 2 оборонцам (ЦПА ИМЛ, ф. 275, оп. 1, д. 34, лл. 7, 9; д. 14, лл. 9—15; д. 13, л. 15).

¹ Съезды с целью создания районных, губернских и областных меньшевистских организаций состоялись примерно в 40 городах страны (см. «Искра», 26 сентября 1917 г.).

² Сведения о конференциях и съездах меньшевистских и объединенных организаций см.: «Партийные известия» (ОК РСДРП), 1917, № 2, стр. 7—15; № 3, стр. 2—11; № 4-5, стр. 16—22; ЦПА ИМЛ, ф. 275, оп. 1, д. 18, лл. 3, 37.

В опросных листах, заполненных делегатами объединительного съезда, в графе «фракционная принадлежность» преобладают записи: «меньшевик», «меньшевик-интернационалист», «меньшевик-оборонец». Но нередко делались и такие записи: «меньшевик-объединенец», «меньшевик-бундовец», «внефракционный социал-демократ», «внефракционный». Показательно, что некоторые делегаты причисляли себя к большевикам («примыкающий к большевикам», «большевик-объединенец», «большевик-интернационалист»); присутствовало и несколько большевиков (представителей объединенных организаций)¹.

Таково было положение в меньшевистской партии ко времени созыва объединительного съезда. В ее организациях числились сотни и тысячи членов, но большинство из них фактически порвало с партией. Резко обострились разногласия между отдельными фракциями. Естественно, что на съезде не чувствовалось воодушевления («На всех нас лежит печать... упадочности»², — заметил один из делегатов). В передовой 18 августа «Рабочая газета» писала: «Мы собираемся на объединительный съезд без достаточной уверенности, что это «объединение» не приведет к расколу».

На съезде образовались четыре фракции: приверженцы Потресова, крайние оборонцы; сторонники Церетели — Дана — Либера, так называемые «революционные оборонцы»; интернационалисты, поддерживавшие Мартова (среди них особую, более левую позицию заняли делегаты Петроградской организации меньшевиков во главе с Лариным); наконец, группа «Новой жизни», представленная Авиловым и Базаровым. Последних поддерживали представители московских меньшевиков-объединенцев Рожков и Яхонтов.

Съезд проходил в атмосфере напряженной фракционной борьбы. Почти по всем обсуждавшимся вопросам каждая фракция выставляла своего докладчика. Так, по вопросу «Политическое положение страны и задачи рабочего класса» докладчиками выступали Церетели, Мартов, Потресов и Авилов, по вопросу об отношении

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 275, оп. 1, д. 16, лл. 1—182. Данные о составе съезда, составленные на основе анкет делегатов, см. И. И. Минц. Указ. соч., т. II, стр. 899—900.

² ЦПА ИМЛ, ф. 275, оп. 1, д. 12, л. 44.

к войне и борьбе за мир — Либер, Мартынов и Суханов. Борьба развертывалась в основном между оборонцами всех мастей и интернационалистами. Poleмика между ними часто принимала характер перебранки. Ораторы щедро одаряли друг друга оскорблениями и «непарламентскими» выражениями. «Дух катастрофы, дух распада все время витал над съездом»¹, — отмечал один из его участников. Пользуясь своим численным перевесом, меньшевики-оборонцы навязывали съезду резолюции по всем основным вопросам. (Правда, их позиции были уже не столь прочны, как на Всероссийской конференции меньшевиков в мае; тогда интернационалисты составляли всего лишь 10 процентов делегатов с решающим голосом, на съезде же резолюции сторонников Мартова собрали примерно 35 процентов голосов.) Предложенная от имени ОК Церетели резолюция «Политический момент и задачи партии» собрала 114 голосов, против 58, воздержалось 15. Резолюция о войне и мире, внесенная от ОК Либером, была принята 95 голосами против 44 при 14 воздержавшихся. Наконец 120 голосами против 48 при 11 воздержавшихся съезд санкционировал дальнейшее пребывание представителей меньшевиков во Временном правительстве².

Одобрение съездом политической линии оборонческого руководства партии, которое запятнало себя к этому времени пособничеством контрреволюции и превратилось в орудие буржуазии против борющегося за власть пролетариата, оттолкнуло от меньшевизма подлинно интернационалистские элементы, еще имевшиеся в его среде. Делегаты некоторых организаций покинули съезд, не дожидаясь его окончания. Так, делегат Новониколаевской интернационалистской организации П. Коваленко внес на рассмотрение делегатов проект резолюции, в котором говорилось: «Объединительный съезд РСДРП находит, что уже созрели объективные условия начать решительную борьбу за переход всей полноты власти в руки революционной демократии — Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, — как в центре, так и на местах». Резолюция, разумеется, была отвергнута (за нее голосовало 6 человек, она была

¹ «Вперед», 31 августа 1917 г.

² ЦПА ИМЛ, ф. 275, оп. 1, д. 12, л. 146; «Рабочая газета», 24, 25 и 26 августа 1917 г.

опубликована в ЦО большевистской партии 26 августа). П. Коваленко после этого заявил, что не находит возможным участвовать в дальнейшей работе съезда¹. Покинул съезд также представитель Петровской организации РСДРП².

Даже самые горячие сторонники объединения, новожизненцы, и те отказались вступать в создаваемую съездом партию. Члены редакции «Новой жизни» В. Строев, Б. Авилов и Ст. Вольский в поданном президиуму заявлении квалифицировали резолюции, принятые съездом, как разрыв с интернационализмом и делали вывод: «Задача создания единой классовой революционной и интернациональной рабочей партии оказалась неосуществленной»³. К этому присоединилось еще несколько делегатов. Делегаты ряда объединенных организаций (Ташкентской, Петрозаводской, Самарской, Полтавской, Оренбургской) заявили, что вопрос о вхождении в создаваемую съездом партию они переносят на рассмотрение своих организаций и в выборах руководящих органов партии не будут принимать участия⁴.

Меньшевики-интернационалисты специально обсуждали вопрос о разрыве с оборонцами. Казалось, что они на пути к этому. У них был свой фракционный центр — Центральное бюро меньшевиков-интернационалистов⁵, печатные органы. Но из 30 участников собрания фракции лишь четверо (представители Петроградской организации меньшевиков во главе с Ю. Лариным) высказались за разрыв с оборонцами и за вступление в ряды партии большевиков, что было ими вскоре и сделано⁶. Остальные 26 поддержали Мартова — противника раскола. В сделанном ими «Заявлении 26-ти» указывалось, что, оставшись в рядах партии и принимая участие в выборах центра, они намерены выступить «с безоговороч-

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 275, оп. 1, д. 13, л. 24. Общее собрание Ново-николаевской организации, заслушав 14 сентября доклад П. Коваленко об объединительном съезде, высказалось за присоединение к ЦК большевиков («Рабочий путь», 27 сентября 1917 г.).

² См. «Рабочий», 26 августа 1917 г.

³ ЦПА ИМЛ, ф. 275, оп. 1, д. 13, л. 45.

⁴ Там же, лл. 11, 16, 25, 28, 56.

⁵ 19 июля бюро избрало секретариат в составе: Ф. Кон, Н. Капелинский, Г. Биншток, А. Гриневич (К. Шехтер), Успенская — для связи с провинциальными группами и организациями («Рабочая газета», 20 июля 1917 г.).

⁶ См. «Новая жизнь», 30 августа 1917 г.

ной критикой решений партии и линии партийных центров и мобилизовать против них организованный пролетариат всякий раз, как эти решения и эта линия будут идти вразрез с принципами классовой борьбы и интернационализма»¹. Заявление по меньшей мере странное... Оставаясь на съезде, мартовцы не обязывались проводить в жизнь его политическую линию; соглашаясь участвовать в выборах ЦК, они заранее предупреждали, что будут противиться выполнению его решений. А объединительный съезд, выслушав «Заявление 26-ти», фактически санкционировал право мартовцев на самостоятельное существование².

Очевидная беспринципность правых и левых меньшевиков явилась проявлением заинтересованности и тех и других в совместной борьбе против партии большевиков и надвигавшейся социалистической революции. Сторонники Мартова не решались порвать с оппортунистическим большинством партии. Официальные же лидеры рассчитывали с помощью Мартова не допустить перехода к большевикам разочаровавшихся в меньшевизме рабочих. И Мартов и Церетели надеялись на разгром большевиков, на создание в результате этого благоприятной для меньшевиков политической конъюнктуры и превращение меньшевистской партии в признанную оппозиционную партию буржуазного государства. Общая заинтересованность в предотвращении пролетарской революции, упрочении буржуазного правопорядка и сохранении меньшевистской партии удерживала основные течения меньшевизма от организационного раскола³.

В состав избранного съездом ЦК РСДРП (объединенной) в соответствии с принципом пропорционального представительства вошли 16 оборонцев (И. Церетели,

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 275, оп. 1, д. 13, л. 8 об.

² Церетели от имени группы делегатов внес резолюцию, в которой указывалось на невозможность допустить в ЦК подписавших «Заявление 26-ти». Но против этого возражали другие участники съезда. Было решено: по поводу декларации не принимать никаких решений и приступить к выборам ЦК (см. «Рабочая газета», 26 августа 1917 г.; ЦПА ИМЛ, ф. 275, оп. 1, д. 13, лл. 9, 49).

³ Меньшевики, общавшиеся с Мартовым, отмечали, что свой отказ от формального разрыва с большевиками-оборонцами и от сближения с большевиками он обосновывал неверием в возможность построения социализма в России (см. П. А. Гарви. Воспоминания социал-демократа, т. 1, стр. XXXV).

Н. Чхеидзе, А. Чхенкели, Ф. Дан, М. Либер, Л. Хинчук, И. Исув, К. Ермолаев, Б. Горев, Л. Гольдман, П. Колокольников, Ф. Юдин, А. Смирнов, Б. Батурский, П. Гарви, С. Зарецкая) и 8 интернационалистов (Л. Мартов, А. Мартынов, С. Семковский, Р. Абрамович, Н. Рожков, В. Ежов, Е. Бройдо, В. Яхонтов). Председателем партии был избран П. Аксельрод¹.

На другой день после окончания съезда (В. И. Ленин иронически назвал его «всемирно-знаменитым объединительным съездом»²) некоторые меньшевистские деятели старались убедить себя и других, будто «единая социал-демократическая партия», способная противостоять большевистской, действительно создана. Оборонец П. Голиков, подводя итоги съезда, писал о «крупном историческом и политическом значении» самого факта официального объявления меньшевистской социал-демократии партией. «...Положено начало новой странице нашего партийного бытия, — продолжал он свои высокопарные тирады, — проложена крупная борозда между партией, включавшей в свои ряды бунтарские элементы, и партией класса, осознавшего свои интересы»³.

Восторженность меньшевистского деятеля не имела под собой никаких оснований. С большим шумом и рекламой готовившийся объединительный съезд не вызвал к себе никакого интереса среди рабочих. Газета московских меньшевиков с горечью отмечала, что съезд «сделался фактом сравнительно незначительным, второстепенным»⁴. Объединительный съезд не достиг главного, к чему стремились меньшевистские лидеры, — не создал влиятельной партии, способной противостоять большевикам. Съезд не укрепил меньшевизма. Формально объединенная, РСДРП осталась механическим соединением различных фракций и групп. Авторитет РСДРП (объединенной) катастрофически падал. Осенью 1917 года

¹ «Рабочая газета», 26 августа 1917 г. Н. В. Рубан отмечает, что представители Московской объединенной организации отказались участвовать в выборах ЦК (Н. В. Рубан. Указ. соч., стр. 259). Действительно, они сделали такое заявление, но затем взяли его обратно. В состав ЦК вошли подписавшие заявление Рожков и Яхонтов.

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 417.

³ «Рабочая мысль», 1917, № 2, стр. 11.

⁴ «Вперед», 31 августа 1917 г.

многие, в том числе близко стоявшие к меньшевизму, деятели признавали неизбежность его краха¹.

Фактическая безрезультатность объединительного съезда глубоко закономерна. Во имя достижения какой, собственно, цели меньшевистские лидеры хлопотали о создании объединенной РСДРП? Послушать меньшевиков, так их партия была призвана в условиях буржуазного строя защищать интересы пролетариата и руководить его борьбой за социализм... Но так как рабочий класс России, по мнению меньшевиков, «раньше времени» развернул борьбу против капиталистического строя, то они сочли необходимым вначале помочь буржуазии отстоять ее «законное право» на власть, с тем чтобы лишь в будущем, в условиях «упорядоченного» буржуазного строя, приступить к защите интересов рабочих и начать подготовку к установлению социалистического общества.

Но пролетариат России жил и боролся не по меньшевистскому календарю. Подобная, с позволения сказать, «целеустремленность» меньшевиков его не устраивала. Включившись в борьбу за победу социалистической революции, рабочий класс не признавал «рабочей» и «социалистической» партию, которая тормозила дело пролетарской революции и помогала классовому врагу.

Меньшевики, таким образом, еще до победы Октября лишились поддержки рабочего класса и тем самым обрекли свою партию на неизбежный крах. В. И. Ленин впоследствии указывал, что партия меньшевиков — основная партия, конкурировавшая с большевиками за влияние на пролетариат, — была к ноябрю 1917 года разбита наголову².

¹ Р. Григорьев в статье «Развал меньшевизма» («Новая жизнь», 29 сентября 1917 г.) констатировал полный крах меньшевистского крыла социал-демократии, «переход его в политическое небытие». Скорую гибель меньшевиков предсказывал Л. Дейч (в статье «Агония меньшевизма»). «...Фракция меньшевизма, — писал он, — терпит поражение за поражением, и совсем не требуется быть пророком, чтобы предсказать скорую ее гибель. Дни ее, несомненно, уже сочтены» («Единство», 4 октября 1917 г.). Газета «Дело народа», комментируя 4 октября партийный состав Московского областного съезда Советов (на нем присутствовало 150 эсеров, 135 большевиков и 30 меньшевиков), делала вывод: «Съезд лишний раз обнаружил... исчезновение с политической сцены партии социал-демократов меньшевиков».

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 5.

3. НАЗРЕВАНИЕ РАСКОЛА У ЭСЕРОВ

9 июля 1917 года в газете «Земля и воля» была опубликована первая официальная декларация левых эсеров, в которой заявлялось, что левое меньшинство «считает необходимым, не порывая организационной связи с партией, определенно и твердо отграничиться от политики, усвоенной руководящим большинством, и сохранить за собой в дальнейшем полную свободу выступлений»¹. Декларация вызвала переполох в эсеровских верхах. 12 июля эсеровская фракция при Петроградском Совете предложила левым эсерам «пересмотреть свое заявление и не вносить раскола в организацию»². ЦК пригрозил исключить из партии подписавших заявление и начать партийное расследование деятельности редакторов «Земли и воли»³. Левые эсеры тотчас же пошли на попятную. 14 июля «Организационное бюро левого крыла» заявило Центральному комитету, что оно не занималось сплочением левых элементов внутри партии, никакой «организации в организации» не создавало и «считает себя в настоящее время несуществующим»⁴.

Казалось, что левые эсеры полностью капитулировали. Но продолжавшееся в стране революционизирование мелкобуржуазных масс, все усиливавшееся аграрное и антивоенное движение толкнули левых снова против руководства партии. На Северной областной конференции партии с.-р. в начале августа фракция левых эсеров вновь резко полемизировала с правыми и центром, настаивая на быстрейшем решении аграрного вопроса⁵.

6 августа предстояло открытие VII расширенного Совета партии. «Дело народа» увещевало его участников: «Пусть седьмой Совет партии пройдет под знаком партийного единства»⁶. Но этого не произошло. Напротив, Совет партии явился важным этапом в самоопределении левых эсеров и подготовке раскола партии.

¹ Заявление было подписано: «Организационное бюро левого крыла партии с.-р. (избранное фракцией левых на III съезде партии с.-р.)».

² ЦПА ИМЛ, ф. 274, оп. 1, д. 13, л. 146.

³ См. «Партийные известия» (ЦК с.-р.), 1917, № 4, стр. 9.

⁴ «Дело народа», 15 июля 1917 г.

⁵ См. «Дело народа», 6 августа 1917 г. Северная областная конференция состоялась 3—5 августа в Петрограде. К открытию конференции съехалось 80 делегатов.

⁶ «Дело народа», 6 августа 1917 г.

Предложенная ими резолюция по текущему моменту осуждала *«политику Временного правительства в целом и членов его, социалистов-революционеров, в частности»*. Резолюция собрала 34 голоса против 54-х, голосовавших за резолюцию ЦК, призывавшую к поддержке Временного правительства. Это свидетельствовало об усилении, по сравнению с III съездом партии, позиции левых с.-р. Представители левых на VII Совете партии потребовали оглашения их резолюции в печати и предоставления им права на самостоятельное существование. Оппортунистическое большинство, чтобы предотвратить раскол, сохранить левых в партии и иметь возможность через них влиять на крестьянство, приняло эти условия¹. Левым эсерам было предоставлено право защищать свои позиции в партии и вне ее. 11 августа «Дело народа» опубликовало рядом резолюции большинства и меньшинства Совета партии. «Мы, меньшинство, — писала М. Спиридонова, — оставаясь в партии... объявляем идейную борьбу за преобладание в партии соц.-рев.»².

Таким образом, VII Совет партии с.-р. санкционировал существование фракции левых эсеров. В. И. Ленин тогда же, в августе 1917 года, отметил значение этого факта, указав, что выделяющееся левое крыло эсеров доказывает, что внутри самой этой партии растет сознание невозможности осуществления коренных аграрных преобразований без свержения буржуазии³.

Резолюция меньшинства была одобрена 16—17 августа Петроградским губернским съездом партии⁴. Ее поддержала VII Петроградская городская конференция эсеров⁵. Выступившие на конференции Камков, Спири-

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 274, оп. 1, д. 14, л. 53.

² «Наш путь», 1917, № 2, стр. 34.

³ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 110. До этого В. И. Ленин упоминал о левых эсерах в статье «Расхлябанная революция», опубликованной 25 июня (см. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 382).

⁴ См. «Земля и воля», 18 августа 1917 г.

⁵ 1-е заседание Петроградской конференции партии с.-р. состоялось 10 сентября 1917 года. Присутствовало 157 делегатов, представлявших 45 300 членов («Дело народа», 12 сентября 1917 г.). 2-е, последнее, заседание состоялось 24 сентября. Присутствовало 90 делегатов с решающим голосом («Знамя труда», 26 сентября 1917 г.). Предыдущие конференции петроградских с.-р. состоялись: IV — 26 июня, V — 13—17 июля, VI — 3—11 августа (ЦПА ИМЛ, ф. 274, оп. 1, д. 14, лл. 12, 14, 44; «Дело народа», 14—19 июля и 5 августа 1917 г.). VI конференция обсуждала в числе других

донова, Шрейдер, Трутовский настаивали на отказе от сотрудничества с буржуазией. «Довольно с нас коалиции!.. Не надо вешать себе камень на шею — от этого весу не прибавится»¹, — говорил Шрейдер. Левые требовали создания однородной демократической власти, которая немедленно передаст всю землю в ведение земельных комитетов, а также настаивали на отсечении от партии воленародовцев во главе с Керенским, Авксентьевым, Сорокиным. В. Чернов отстаивал коалицию с буржуазией и отказывался порывать с крайне правыми. «Я не намерен ломом разрушать то здание, которое мы... строили по камням», — высокопарно заявил он. Подавляющее большинство делегатов приняло резолюцию левых. Из 157 делегатов против нее голосовало лишь 8². Это означало, что эсеровский ЦК потерял опору в столичной организации с.-р.

В Петроградской губернской организации левые эсеры, с одной стороны, правые и центр, с другой, располагали примерно одинаковыми силами. После того как ЦК партии запретил левым выступать на выборах в Учредительное собрание по Петроградской губернии с особым списком, последние приняли 12 октября 1917 года решение не включать своих представителей в список правых эсеров и «от всяких действий в выборной кампании отказаться»³.

Против коалиции с буржуазией, за однородную власть, ответственную перед органами революционной демократии, высказался 12 сентября Киевский губернский комитет партии с.-р. Аналогичные решения были

вопрос об отношении к возможным выступлениям, приуроченным к Московскому совещанию. В связи с этим конференция обратилась с запросом в ЦК РСДРП(б). 10 августа Петроградский комитет партии с.-р. получил ответное письмо (№ 971) ЦК РСДРП(б), которое было на следующий день оглашено на конференции. В нем говорилось: «В ответ на запрос делегации конференции вашей партии об отношении к каким-либо выступлениям в ближайшие дни ЦК РСДРП сообщает, что он считает недопустимыми и нежелательными подобные выступления и в полном согласии с решениями VI съезда РСДРП (резолюция о политическом положении, п. 9) принимает все зависящие от него меры в целях предотвращения и удержания масс от всяких уличных выступлений. С тов. приветом. Член ЦК Я. Свердлов. Секретарь ЦК В. Менжинская» («Земля и воля», 13 августа 1917 г.).

¹ «Знамя труда», 12 сентября 1917 г.

² «Дело народа», 12 сентября 1917 г.

³ «Знамя труда», 19 октября 1917 г.

приняты эсерами Верхнетуруинского и Верхнеуфалейского заводов (сентябрь), Старогрозненских нефтяных промыслов (1 октября), Златоустовского комитета (10 октября). Против коалиции с кадетами с середины сентября выступала Бакинская организация эсеров. Позиции левых эсеров усилились в организациях: Харькова (ее возглавлял В. А. Алгасов), Казани (А. Л. Коллегаев), Уфы (И. З. Штейнберг), Томска, Курска. Особенно сильной была Гельсингфорсская организация левых эсеров, возглавлявшаяся П. Прошьяном и А. Устиновым¹. Представитель ЦК, направленный в эсеровские организации Юга страны для укрепления связи с ними, побывав в Екатеринославе, Одессе, Киеве и Харькове, писал 19 сентября: «Общее положение в городах, которые я посетил, представляется мне безрадостным и вызывает пессимистические ожидания»². Фактов, свидетельствовавших о приближении раскола партии, было столь много, что В. Зензинов вынужден был констатировать: «Громко и открыто надо сказать: неблагоприятно в нашей партии! Нет прежнего единства! Нет прежней партии социалистов-революционеров!»³

Наряду с оппозицией слева, активизировались также правозсеровские элементы. 16 сентября было опубликовано воззвание Организационного совета петроградской группы с.-р. «Ко всем социалистам-революционерам», потребовавшее от ЦК более решительной борьбы с левыми эсерами. «Надо навсегда порвать, — говорилось в воззвании, — с циммервальдизмом». В заключение авторы воззвания предлагали своим единомышленникам вступить с ними в непосредственные сношения⁴.

Эсеровский ЦК грозно обрушивался на непокорных,

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 274, оп. 1, д. 26, лл. 312, 314, 297, 299, 145, 284.

² ЦПА ИМЛ, ф. 274, оп. 1, д. 26, л. 178об. Н. Ракитников в это время отмечал: «Партийные работники, приехавшие с мест, единодушны в указаниях на то, что происходящее на местах представляет нерадостную картину партийной дезорганизации, отсутствия единства в действиях, несвязанности с центром... От единодушия и единства первых дней не осталось и следа» («Дело народа», 24 сентября 1917 г.).

³ «Дело народа», 20 сентября 1917 г.

⁴ Воззвание подписали: Е. К. Брешко-Брешковская (почетный председатель Организационного совета), И. И. Майнов (председатель), С. К. Вржосек (тов. председателя), Л. Г. Буланов, Э. К. Пекарский, В. С. Панкратов, А. И. Сигов, Д. В. Соскис, Л. Я. Штернберг, И. Ю. Старынкевич и др. (см. «Дело народа», 16 сентября 1917 г.).

пугал их отлучением от партии¹. В действительности же ЦК не собирался порывать ни с крайне правыми, с которыми был солидарен в основном — в поддержке империалистической политики Временного правительства, ни с левыми. Эсеровский ЦК не без основания считал, что включение левых в избирательные бюллетени скажется благоприятно на выборах в Учредительное собрание². В итоге партия эсеров оставалась единой только формально. В первичных партийных организациях падала дисциплина. На собрании секретарей бюро районных эсеровских организаций 23 августа представители Рождественского, Петроградского, Новодеревенского, Александро-Невского, Колпинского районов отмечали плохое посещение членами партии собраний (посещаемость в этих районах колебалась от 2 процентов в Рождественском районе до 16 в Колпинском). Представитель Василеостровской организации сообщал: «Настроение за последнее время вялое... Обвиняют и ПК, и районный комитет, и правительство в уклоне вправо. Большинство рабочих тяготеет к левизне». «Настроение — вялость, усталость, разочарованность», — докладывал представитель Александро-Невского района. Представители Василеостровского, Александро-Невского и Рождественского районов говорили об уходе многих эсеров к большевикам³. Судя по статистическим отчетам, присланным некоторыми эсеровскими организациями в ЦК, по сравнению с июнем число выбывших из партии в июле увеличилось более чем в 2 раза⁴. С каждым месяцем ослабевали нити, связывавшие руководство партии с ее организациями. «Наш ЦК оторван от широких масс»⁵, — отмечалось на Петроградской конференции эсеров 11 августа 1917 года.

Таким образом, страх партии эсеров перед нараставшей в стране пролетарской революцией, отказ ее от удовлетворения насущных требований народа, союз с буржуазией явились источниками глубокого, прогрессирующего в ходе революции кризиса этой партии.

¹ См. «От ЦК» («Дело народа», 17 сентября 1917 г.).

² См. об этом: «Рабочий путь», 3 октября 1917 г.

³ ЦПА ИМЛ, ф. 274, оп. 1, д. 14, лл. 32—38.

⁴ Из 58 организаций партии с.-р. в июне выбыло 339 человек, а в июле из 123 организаций выбыло 1558 («Партийные известия» (ЦК с.-р.), 1917, № 3, стр. 21—22).

⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 274, оп. 1, д. 14, л. 50.

Глава седьмая

**КАДЕТЫ. ПРОВАЛ ИХ ПЛАНА
УСТАНОВЛЕНИЯ ВОЕННОЙ ДИКТАТУРЫ**

В первые дни после Февральской революции кадеты еще рассчитывали добиться единовластия буржуазии, льстя народу, обманывая его обещаниями, грошовыми подачками. Но уже после апрельского кризиса они стали все более склоняться к необходимости вернуться к дореволюционному методу удержания масс в повиновении — насилию. Июльские события буржуазия восприняла как «глубокий прорыв фронта» революционных рабочих, возглавляемого партией большевиков. «Фронт Ленина в тылу — прорван!»¹ — ликовала буржуазная газета «Сила земли». 8 июля «Речь» констатировала: «Мы дожили до осуществления, хотя бы частично, того пожелания, которое формулировал ЦК партии народной свободы...» Правда, кадетский официоз был не вполне удовлетворен: пролетариат потерпел поражение, но не обескровлен; Советы обессилены, но не ликвидированы; арестовывают большевиков, закрывают их газеты, но партия пролетариата в целом не запрещена². В лекции, прочитанной 14 июля, П. Н. Милюков высказался в том духе, что, мол, достигнута лишь первая ступень лечения России. «Наконец правительство арестовало вождей большевиков, Совет Р. и С. Д. наконец начинает от них отрекаться, признает их преступниками, а не своими товарищами, но это только первый шаг»³.

¹ «Сила земли», 12 июля 1917 г.

² Кадетская фракция в Московской городской думе заявила о своем нежелании заседать в президиуме думы совместно с представителями партии большевиков. К неудовольствию кадетов, их почин не был поддержан другими фракциями (см. «Русские ведомости», 23 июля 1917 г.).

³ ЦГАОР СССР, ф. 579, оп. 1, д. 854а, л. 16.

Кадеты требовали довести разгром революционных сил до конца: ликвидировать Советы и солдатские комитеты, разгромить партию большевиков. На Учредительном собрании отдела кадетской партии в Ельце (Орловская губерния) 17 июля местный деятель А. Стахович клеймил «все социалистические партии, составляющие Петроградский Совет». Войдя в раж, кадетский оратор заявил: «Сейчас разобрались и взялись за большевиков, но доберутся и до вас, господа социалисты прочих наименований. Разберутся в химерах чистой воды вроде толкования о мире без аннексий и контрибуций...»¹ Член ЦК кадетской партии графиня С. В. Панина, выступая на публичном собрании, ратовала за то, чтобы повсюду, во всей стране, был водворен необходимый порядок и уничтожено самоволие самочинных организаций (т. е. ликвидированы Советы)². В своих официальных заявлениях кадеты были более осторожны. В ходу у них были фразы («прикрывающие, — по словам Ленина, — желание спасти империалистическую программу буржуазии»³) о необходимости ради «спасения Родины» образовать «национальную, единую и твердую» власть. На деле кадеты помогали полному отстранению рабочих и солдат и их организаций от воздействия на государственную деятельность, разгрома партии большевиков, выступающей за продолжение революции.

Больше всего занимал кадетский ЦК вопрос о том, какую принять тактику, чтобы установить в стране неограниченную буржуазную власть. Могли ли кадеты рассчитывать с помощью меньшевиков и эсеров окончательно победить революционные силы и упрочить власть буржуазии? Многие в кадетском ЦК, в том числе П. Милуков, П. Новгородцев, Ф. Кокошкин, сомневались в этом. Им представлялся более предпочтительным другой путь — установление в стране военной диктатуры, которая одним ударом, «железом и кровью» покончила бы с Советами и большевиками и расчистила почву для кадетского правительства. Еще в период двоевластия в буржуазных кругах Петрограда и Москвы при участии некоторых кадетских деятелей началась подготовка к

¹ ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 16, лл. 9об.—10.

² См. «Рабочая газета», 25 июля 1917 г.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 49.

установлению в стране режима военной диктатуры. А. Ф. Керенский, выступая в 1924 году в Праге, вспоминал, что «группа обиженных революцией деятелей крупной буржуазии, тесно связанная с банками», начиная с апреля обсуждала вопрос о военной диктатуре¹. Керенский, далее, рассказал, что в июне 1917 года один из членов Временного правительства «был приглашен на квартиру крупнейшего либерального государственного деятеля. Там ему было сказано следующее: „Предполагается государственный переворот, а потому предлагаем вам своевременно подать в отставку и выйти из состава Временного правительства“»².

В планах приверженцев установления военной диктатуры большое место отводилось контрреволюционным военным организациям, и прежде всего «Союзу офицеров армии и флота». Он был создан в Ставке верховного главнокомандующего в Могилеве в мае 1917 года на съезде офицеров. Формально «Союз офицеров» являлся профессиональной организацией, объединявшей офицеров «на почве любви к армии и работы для укрепления ее боевой мощи». В уставе «Союза» подчеркивалось, что он «не имеет никакой политической платформы и не преследует никаких политических целей»³. В действительности же «Союз офицеров» находился под идейным влиянием кадетов. Его председатель подполковник Л. Новосильцев, член кадетской партии, был вхож в ЦК партии и находился в контакте с П. Милюковым, П. Долгоруковым и другими лидерами партии. Деятельность «Союза офицеров» поддерживалась Ставкой⁴.

¹ См. «Дни» (Берлин), 21 февраля 1924 г. Н. В. Некрасов заявил на кадетском митинге в Киеве, что в начале мая 1917 года во Временном правительстве разрабатывался план установления в стране режима личной диктатуры (см. «Пролетарий» (Москва), 17 мая 1917 г.).

² «Дни», 21 февраля 1924 г. Подробнее о подготовке русской буржуазией заговора с целью установления контрреволюционной военной диктатуры см.: В. Я. Лаверычев. Русские монополисты и заговор Корнилова. «Вопросы истории», 1964, № 4; Н. Я. Иванов. Корниловщина и ее разгром. Л., 1965, стр. 34—42.

³ ЦГАОР СССР, ф. 579, оп. 1, д. 2257, л. 1.

⁴ Показателен следующий факт. Главный комитет «Союза офицеров» телеграфно затребовал представления «срочных доносов на офицеров, замеченных в большевизме, для занесения их на черную доску». 23 июля 1917 года из Ставки последовал приказ начальникам штабов армий «принять зависящие меры по удовлетворению требований Союза» (ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 3, л. 49).

С «Союзом офицеров» была связана другая контрреволюционная организация, образовавшаяся в Петрограде в июне 1917 года, — «Республиканский центр», одной из целей которого была борьба с большевизмом¹. Программа «Республиканского центра» (в июле 1917 года она была распространена отдельной листовкой) повторяла политические требования кадетов: «Поддержать сильную власть в стране и водворить порядок; восстановить дисциплину в армии; довести войну до победного конца в согласии с союзниками и довести страну до Учредительного собрания». Первейшим условием осуществления этой программы «Республиканский центр» считал необходимость «прекратить деятельность групп, выступающих под флагом „большевизма“»². В первых своих листовках «Республиканский центр» призывал поддерживать Временное правительство. После подавления июльской демонстрации он приветствовал «Временное правительство и Исп. Комитеты Советов Р. С. и Кр. Депутатов, ставших на новый путь проявления твердой власти»³. Но уже в следующей листовке «Республиканский центр» утверждал, что «в России нет власти, могущей поддерживать в стране порядок»⁴. Разуверившись в способности правительства Керенского справиться с большевиками, «Республиканский центр» в контакте с Главным комитетом «Союза офицеров» и другими контрреволюционными организациями («Военной лигой», «Союзом георгиевских кавалеров», «Союзом воинского долга» и т. п.) усилил подготовку к установлению в стране военной диктатуры.

Несомненно, членов кадетского ЦК весьма прельщала перспектива завершить наступление контрреволюции, начатое 4—5 июля, с помощью военной диктатуры, одним ударом. Но они понимали явную недостаточность сил для достижения этого. В кадетском ЦК отдавали себе отчет в том, что «Союзу офицеров», которому не доверяла не только солдатская масса, но и многие офи-

¹ Вступающему в организацию предлагалось указать, чем он мог бы быть полезен «Республиканскому центру»: распространением литературы, привлечением ли новых членов и пропагандой идей организации, или же участием в «дружинах порядка», т. е. в военных формированиях, предназначенных для борьбы с революционерами (ЛГАОРСС, ф. 6276, оп. 269, д. 371, л. 2).

² ЛГАОРСС, ф. 6276, оп. 269, д. 371, л. 1.

³ Там же, л. 4.

⁴ Там же, л. 5.

церы, да еще десятку монархических и черносотенных организаций, вобравших различные темные элементы, явно не справиться с Советами и большевистски настроенными рабочими. Кроме того, многие видные кадеты еще надеялись добиться политических целей партии посредством самого Временного правительства, получившего поддержку частей, вызванных с фронта. 17 июля Милюков говорил, что сила «не в правительстве и не в Совете рабочих и солдатских депутатов... она в другом месте... и именно она восстановила сегодняшнее правительство»¹. Милюков имел в виду Генеральный штаб и калединские полки, разоружавшие революционных рабочих и солдат.

С учетом реального положения, сложившегося после июльских событий, — неподготовленности заговорщических организаций к немедленному установлению военной диктатуры и возросшей силы правительства Керенского — в кадетском ЦК в середине июля возобладала точка зрения тех, кто предлагал возобновить участие кадетов в правительственной коалиции. На этом особенно настаивали В. Д. Набоков, М. С. Аджемов, барон Б. Э. Нольде. С ними должны были согласиться П. Н. Милюков и другие противники коалиции, так как иных возможностей для политической деятельности у кадетов тогда не было. Участие во Временном правительстве являлось для кадетов новой попыткой форсировать расправу с революционными силами в стране².

Милюков не сомневался, что правые социалисты субъективно согласны с кадетами, готовы передать им всю полноту власти, окончательно отстранить Советы от влияния на политическую жизнь³ и не делают этого лишь из-за боязни масс. Он понимал, что меньшевики и эсеры лишь имитируют заинтересованность в сохранении Советов. Милюков говорил о вождях «революцион-

¹ ЦГАОР СССР, ф. 579, оп. 1, д. 854, л. 6.

² Кадеты обвиняли Керенского в том, что он не завершил разгрома большевистской партии в июльские дни. Когда Милюкова спросили: «Почему кадетская партия не использовала провал большевиков?», он ответил: «Во-первых, в тот момент мы не были министрами, а во-вторых, надо спросить, почему Временное правительство не вырвало их» (ЦГАОР СССР, ф. 579, оп. 1, д. 854, л. 14).

³ В речи 14 июля П. Милюков говорил о меньшевиках и эсерах: «Процесс оздоровления политической мысли этими партиями сделал громаднейший шаг вперед» (ЦГАОР СССР, ф. 579, оп. 1, д. 854а, л. 4).

ной демократии», что они «не верят сами в свои лозунги и переживают период официального лицемерия»¹. Идя на переговоры с лидерами меньшевиков и эсеров о восстановлении правительственной коалиции (нарушенной 2 июля), кадеты учитывали противоречивое положение своих партнеров: желание угодить буржуазии и в то же время не оттолкнуть от себя массы. Кадеты полагали, что, проявляя на переговорах максимальную твердость в защите «государственных» и «национальных» интересов, они тем самым окажут помощь лидерам «революционной демократии». Последние же, пойдя навстречу кадетам и приняв их требования, смогут представить свою уступчивость как необходимое пожертвование классовыми интересами во имя высших, «общенациональных».

Переговоры о создании нового коалиционного правительства начались в середине июля. 13 июля Керенский пригласил кадетов В. Д. Набокова, Н. М. Кишкина, Н. И. Астрова и двух представителей торгово-промышленной буржуазии (Н. Н. Кутлера и С. Н. Третьякова) войти в состав правительства. Через день кадетские деятели по решению своего ЦК письменно уведомили Керенского о согласии вступить в состав Временного правительства, поставив при этом ряд условий. Прежде всего, кадеты требовали полной независимости власти от партийных, профессиональных и иных организаций. Второй пункт кадетской программы гласил: «Осуществление всех социальных реформ и решение вопроса о форме государственного строя должны быть безусловно отклонены до Учредительного собрания». Под предлогом «незрелости» России для социалистических преобразований Милюков требовал отказа Временного правительства от решения аграрного вопроса и от проведения других социально-экономических реформ. «Нужно бросить социальные мечты, — говорил он, — и предоставить решение этих вопросов Учредительному собранию»². Кадеты требовали также полного единения с союзниками в вопросах войны и мира, восстановления строгой военной дисциплины, борьбы с «анархией» внутри страны, отсрочки выборов в Учредительное собрание.

¹ «Речь», 17 октября 1917 г.

² ЦГАОР СССР, ф. 579, оп. 1, д. 854а, л. 17.

Для проведения в жизнь предложенной программы кадеты требовали себе и торгово-промышленным кругам решающих постов во Временном правительстве.

Буржуазная печать в драматическом тоне освещала переговоры кадетов с Керенским, подчеркивая, с одной стороны, якобы общенациональный характер кадетской программы, а с другой, обвиняя «социалистов» в том, что они мешают Керенскому возобновить коалицию (в действительности же лидеры «революционной демократии» лишь из декорума стремились оттянуть соглашения с кадетами).

Первый тур переговоров, продолжавшийся 14—16 июля, кончился безрезультатно. Кадеты требовали вывода из правительства В. Чернова. Керенский не соглашался. Он рассчитывал, сохранив Чернова на посту министра земледелия, удержать за правительством огромные крестьянские массы, связывавшие с эсеровским лидером свои надежды на проведение социализации земли. 19 июля переговоры возобновились. Кадеты не возражали более против кандидатуры Чернова, но настаивали на аннулировании правительственной декларации 8 июля и на провозглашении в качестве официальной программы Временного правительства выдвинутых ими требований (в письме 15 июля).

Днем 19 июля экстренное заседание ЦК кадетской партии подтвердило невозможность вступления представителей партии во Временное правительство без принятия предложенных ими условий. Сообщая об этом, «Русские ведомости» констатировали: «...партия народной свободы второй раз была принуждена уклониться от участия во Временном правительстве»¹. Буржуазная печать метала громы и молнии против «социалистов», которые, дескать, своим упрямством мешают Керенскому поладить с кадетами. «Отчего не могло создаться необходимое стране правительство национального единства?» — вопрошала 22 июля кадетская газета «Свободный народ» и отвечала: «С одной стороны, представители социалистов, как, например, Церетели и Чернов, все еще не могут отказаться от злосчастной мысли о необходимости продолжить политику «углубления революции», с другой, являются люди, которые говорят, что на революции нужно поставить точку, что дальнейшее «углуб-

¹ «Русские ведомости», 22 июля 1917 г.

ление революции» приведет страну к разложению и погубит все, что добыто той же революцией... Последняя точка зрения единственно правильная».

21 июля Керенский заявил о своей отставке из-за невозможности создать коалиционное правительство. Это дало повод буржуазным газетам снова обрушиться на лидеров Совета, которые-де классовые интересы ставят выше общенациональных. Буржуазные газеты запестрели тревожными заголовками: «Россия остается без власти», «Страна без правительства», «Паралич». Лидеры меньшевиков и эсеров, не менее кадетов заинтересованные в скорейшем восстановлении правительственной коалиции, сочли, что настал момент, когда их уступка будет выглядеть не капитуляцией, а шагом во имя «спасения Родины и революции». На «историческом» заседании в Зимнем дворце в ночь на 22 июля перед лицом «распада власти» вожди «революционной демократии» предоставили Керенскому право образовать правительство, не ответственное перед какими-либо общественными организациями. После этого Керенский больше не вспоминал об отставке...

Таким образом, кадеты добились главного: официального признания независимости правительства от Советов, что поднимало его акции в борьбе против революционного народа. Кадеты положительно отнеслись к тому, что правительство формировалось по личному усмотрению Керенского. Сей «социалист» пока еще устраивал их в роли «спасителя отечества»¹. (Но уже вырисовывалась более подходящая кандидатура: 18 июля генерал Л. Г. Корнилов вступил в должность верховного главнокомандующего...) 22 июля кадетский ЦК, заслушав доклады Милюкова и Винавера о совещании в Зимнем дворце, решил «всемерно поддерживать Временное правительство, которое образует Керенский»². Вечером 24 июля, после сформирования второго коалиционного правительства, ЦК кадетов постановил: «Принимая во внимание заявление министра-председателя о его на-

¹ А. И. Шингарев писал 30 июля в частном письме о Керенском: «Он пока единственный претендент на звание «спасителя отечества», и это дает ему силу бороться с Советами рабочих и солдатских депутатов. Его властолюбие здесь очень кстати» (А. Хрущов. Андрей Иванович Шингарев. Его жизнь и деятельность. М., 1918, стр. 123).

² «Русское слово», 23 июля 1917 г.

мерении положить в основу создания сильной власти суровую необходимость вести войну, поддерживать боеспособность армии и восстановить хозяйственную мощь государства, ЦК партии к.-д. предоставляет своим товарищам, по личному выбору Керенского, войти в состав правительства и занять предложенные им посты»¹.

Кадеты добились главного, но не всего. Керенский не рискнул провозгласить кадетскую программу официальной правительственной программой и открыто отказаться от декларации 8 июля. В новом правительственном заявлении он дипломатично умолчал о неугодной кадетам декларации. В связи с этим Милюков заявил: «Что касается программы Временного правительства, то в этом отношении партия народной свободы остается непримиримой. Мы не разделяем этой программы, хотя временно будем поддерживать Временное правительство». М. Винавер выразил надежду, что «само Временное правительство пересмотрит свои декларации»².

Большинство местных кадетских организаций отнеслось к решению ЦК возобновить коалицию с «социалистами» настороженно, если не отрицательно. Жаждавшие «твердой власти» кадеты опасались, что наличие в составе правительства «социалистов» ослабит волю и решимость Временного правительства в борьбе с революционным движением. Эти настроения, широко распространенные в кадетской партии, сказались на работе ее IX съезда.

Съезд планировали провести в Москве. Туда к 23 июля, к открытию съезда, прибыло 250 делегатов (москвичей из них было 70—80). Но за день до этого пришло сообщение, что петроградские члены Центрального комитета не могут приехать, так как заняты разрешением правительственного кризиса. ЦК предложил перебазировать съезд в столицу, но московский отдел ЦК постановил передать решение вопроса самому съезду. 23 июля съезд открылся. Некоторые делегаты высказались против переезда в Петроград (Н. М. Кишкин,

¹ См. Вера Владимировна. Революция 1917 года. Хроника событий, т. III. М.—Л., 1923, стр. 214.

² «Биржевые ведомости» (здесь и далее утренний выпуск), 25 июля 1917 г.

Л. А. Кроль), другие (П. Д. Долгоруков, В. А. Степанов) предлагали принять предложение ЦК. Незначительным большинством (112 голосами против 98) было решено дальнейшую работу съезда продолжить в Петрограде¹. Выступившие на первом заседании П. И. Новгородцев, А. А. Кизеветтер и Н. М. Кишкин высказались против вступления кадетов в коалиционное правительство. «Мы хотим власти настоящей, но не ее призрака»², — заявил Новгородцев. Съезд постановил воздержаться от вступления представителей партии в правительство³.

На следующий день, 24 июля, после возобновления работы съезда в Петрограде⁴, делегаты узнали о вступлении кадетов в коалиционное Временное правительство. В беседе с корреспондентом Милюков сказал, что ЦК принял это решение, «не запрашивая съезд к.д.», и добавил: «Я полагаю, что мнение Центрального комитета будет одобрено съездом»⁵. Кадетскому ЦК предстояло разъяснить делегатам съезда, что согласие на восстановление правительственной коалиции не означает отказа кадетов от намерения установить в стране твердую буржуазную власть, и если это не будет достигнуто в результате коалиции с умеренными социалистами, ЦК прибегнет к иным средствам борьбы.

На утреннем заседании съезда 25 июля П. Н. Милюков выступил с докладом о тактике. К этому времени стал известен личный состав нового правительства. Делегаты остались недовольны доставшимися кадетам министерскими портфелями: кадеты зарились на Министерство юстиции и внутренних дел, а получили Министерство просвещения и находившееся в плачевном состоянии Министерство путей сообщения; кроме того, им

¹ См. «IX съезд партии народной свободы. Стенографический отчет: 1-й день съезда (в Москве)» (Приложение к «Вестнику партии народной свободы», 1917, № 21-22), стр. 10.

² «Русские ведомости», 25 июля 1917 г.

³ «Речь», 26 июля 1917 г.

⁴ На съезде присутствовало свыше 300 делегатов: представители местных и столичных комитетов, члены ЦК. Съезд обсудил вопросы: о тактике; военный; экономическая политика; железные дороги; продовольствие и финансы; национальный; об Учредительном собрании; церковный. На закрытом заседании съезда обсуждались организационно-агитационные вопросы. 28 июля 1917 года съезд закончил работу.

⁵ «Биржевые ведомости», 25 июля 1917 г.

были предоставлены посты обер-прокурора Синода и государственного контролера. К тому же Керенский не пригласил в правительство кадетских деятелей первой величины. Среди кадетской четверки, вошедшей в правительство, — С. Ф. Ольденбург, П. П. Юренев, А. В. Карташев, Ф. Ф. Кокошкин — лишь последний пользовался широкой известностью и поддержкой партии. На Кокошкина (кстати, решительного противника коалиции, которого Керенский включил в состав правительства по настоянию Милюкова) кадетский ЦК возложил ответственность за проведение линии партии во Временном правительстве. Делегаты съезда были неудовлетворены отсутствием в правительстве представителей торгово-промышленных кругов, которые могли бы упрочить позиции кадетов-министров.

Милюкову предстояло примирить съезд с коалиционным правительством. Сам — противник коалиции, согласившийся на нее лишь из-за отсутствия более эффективных путей борьбы с революцией, Милюков пытался представить вступление кадетов в правительство как победу партии, предпосылку ее конечного торжества.

В своем докладе он развил следующие положения:

— Кадетский ЦК начиная с образования Временного правительства добивался, чтобы оно было *единственным* правительством, «которое не подчинялось бы никому другому», имело возможность «применить силу там, где недостаточно убеждения», «чтобы война продолжалась и велась в согласии с союзниками».

— В невыполнении этой программы виновны партии, составляющие большинство в Советах и комитетах и представленные во Временном правительстве. «Министры-социалисты, — говорил Милюков, — ...уступали требованиям большевизма, как только являлось сколько-нибудь определенное требование с той стороны». В результате, по словам докладчика, создался хаос в армии, во внешней политике, в промышленности и национальном вопросе.

— В результате июльских событий создалась совершенно новая обстановка, а именно: Советы, обессиленные в дни 3—5 июля, «не могут быть более теми факторами дальнейшей эволюции, какими были до сих пор», большевизм побежден и сейчас не опасен, и, наконец, умеренные социалисты по ряду вопросов стали на кадетскую точку зрения. «Они обращаются к нам, как к ис-

точнику спасения, — говорил Милюков. — Нам теряться нельзя... Надо помочь Родине, и мы это делаем сегодняшним вступлением наших товарищей в правительство». Доклад он закончил словами: «Таким образом, в новый период революции мы входим при благоприятной аспирации»¹.

Оптимистическая оценка настоящего и будущего кадетской партии, данная в докладе, была явно рассчитана на то, чтобы поднять дух делегатов, внушить им больше доверия к линии ЦК.

Учитывая негативное отношение к коалиции, выявившееся на первом заседании съезда в Москве, Милюков доказывал возможность установления «твердой власти» силами кадетско-соглашательского блока. При этом он умолчал о другом, более импонировавшем ему, способе установления неограниченной власти буржуазии — о военной диктатуре. Именно последнее обстоятельство вызвало неудовлетворенность съезда. Из 13 делегатов, выступивших в прениях по докладу, лишь трое (Дубо-сарский, Мандельштам и Капнист) одобрили вступление кадетов во Временное правительство. Остальные отнеслись к этому отрицательно. Делегат Самары Васильев упрекал Милюкова в том, что он «розово смотрит на будущее». Евлахов (Ростов-на-Дону) обрушился на Советы, назвав их «единственными виновниками того, что сейчас совершается» (т. е. того, что революция никак не входит в угодные буржуазии рамки)². Другие выступавшие также осуждали «самочинные организации», возмущались предоставлением кадетам второстепенных постов в правительстве, выражали сомнение в возможности, действуя в коалиции с «социалистами», создать сильную власть. «И на этот раз, — досадовал делегат Любарский, — формирование твердой, сильной, могучей государственной власти... не удалось». Выступивший последним П. Д. Долгоруков заявил, что «разделяет сомнения, которые были высказаны на съезде, по поводу нового правительства»³. В качестве альтернативы существующей власти ораторы предлагали подумать, как осторожно выразился, обобщая прения, Милюков, «о более сильной комбинации, и комбинации, по воз-

¹ «Речь», 26 июля 1917 г.

² «Речь», 27 июля 1917 г.

³ «Русские ведомости», 27 июля 1917 г.

можности, не временной, а окончательной»¹. Разумеется, имелось в виду создание однородной буржуазной власти, способной покончить с революцией. Ф. И. Родичев задачу кадетов-министров видел в том, чтобы добиться осуществления требований Корнилова, в частности предоставления ему права распоряжаться войсками не только на фронте, но и в тылу. «Без удовлетворения этого требования, — сказал Родичев, обращаясь к кадетам-министрам, — вам нет места в рядах правительства»². Съезд восторженно приветствовал речь Родичева.

Неудовлетворенность почти всех выступавших коалицией, нескрываемое делегатами съезда стремление как можно быстрее и решительнее расправиться с революционным движением и установить в стране твердый буржуазный порядок пришлось по душе Милюкову. «Я очень ценю, — сказал он в заключительном слове, — возражения, раздавшиеся против нашего вступления в министерство. Это доставляет мне большую радость...»³ Кадетский лидер еще раз убедился в том, что большинство съезда, так же как и он сам, стремится к установлению военной диктатуры. Полагая, однако, что момент для этого еще не наступил, Милюков в заключительном слове недвусмысленно дал понять, что ЦК мирится с коалиционной властью лишь временно и готовится к возможному повороту событий в желаемом направлении. Милюков говорил об этом достаточно ясно, несмотря на то что публичность выступления вынуждала его быть осторожным. Возражая противникам коалиционной власти, требовавшим создания «более сильной... окончательной комбинации», Милюков сказал: «Да, это было бы очень хорошо... если бы такая комбинация была возможна. Но я вас спрашиваю, возможна ли она и какими силами вы такую комбинацию смогли бы составить? Тут говорили, что мы должны были осмелиться взять политическую инициативу целиком и не думать о частичных приспособлениях. Я согласен с тем, что так надо было сделать... Но можно ли надеяться... что такой исход прошел бы безболезненно, мирно и спокойно для России? Не последовало ли бы... за такого рода

¹ «Русские ведомости», 27 июля 1917 г.

² «Речь», 26 июля 1917 г.

³ «Русские ведомости», 27 июля 1917 г.

исходом нечто вроде гражданской войны? Таким образом, в сущности говоря, нам не было другого исхода»¹.

Явное саморазоблачение кадетского лидера! Конечно, не опасение гражданской войны, а отсутствие достаточных сил, чтобы закончить ее победой, страх поражения вынудили кадетский ЦК согласиться на создание коалиционной власти. Но Милюков не только разъяснил создавшуюся обстановку. Еще важнее для него было обеспечить поддержку всей партии в момент, когда ЦК сочтет условия благоприятными для установления буржуазно-диктаторского режима. Отметив, что вступление кадетов во Временное правительство «облегчает возможность дальнейшего изменения комбинации изнутри», Милюков заявил: «Принятое нами решение... не есть решение радикальное, это решение временное, неполное и несовершенное». «Если окажется, — предупредил он, — что мы имеем дело не с падающим влиянием Советов и того социалистического утопизма, который в них до последнего времени господствовал, если окажется, что дух Циммервальда, который пошел на убыль... вновь возродится, если окажется, что большевики опять появятся на улицах Петрограда... если все это произойдет, то речь будет другая»². Это уже была неприкрытая контрреволюционная угроза.

Заключительная речь Милюкова устранила недоумения делегатов, вызванные возобновлением коалиции. Они убедились в неизменности курса своего ЦК на установление в стране буржуазно-военной диктатуры. Взаимопонимание между руководством кадетской партии и съездом было восстановлено. Принятая съездом резолюция призвала к поддержке Временного правительства, предложив ему «быть сильной и независимой властью»³. Одобрив политику ЦК в настоящем, съезд предоставил ему, по словам Милюкова, «свободу действий... в будущем»⁴.

В работе и решениях IX съезда особенно отчетливо проявилось истинное лицо кадетской партии — партии буржуазной контрреволюции. На предыдущих съездах (VII и VIII) кадеты, надеясь еще привлечь в свои организации людей из народа, пытались представить себя

¹ «Русские ведомости», 27 июля 1917 г.

² «Речь», 27 июля 1917 г.

³ «Речь», 26 июля 1917 г.

⁴ ВПНС, 1917, № 11-13, стр. 3.

приверженцами демократии, не чуждыми даже социалистическим идеалам. Демагогия не привлекла к кадетам симпатий трудящихся и не оттолкнула от них имущих. Не только по своим целям, но и по социальному составу кадетская партия осталась партией буржуазии, партией крупных собственников вообще. «Кадеты впитали в себя все имущие классы...»¹ — указывал В. И. Ленин. Делегаты кадетских организаций Харькова, Полтавы, Курска, Рязани, отмечалось в газетном отчете, сообщили, что союзы земельных собственников (т. е. помещиков и крупных кулаков) склонны идти за партией к.-д. и уже предлагают на местах те или иные соглашения².

Разуверившись в возможности путем демагогических обещаний привлечь на свою сторону трудовые массы, кадетские деятели стали более откровенно защищать интересы имущих классов. В докладе IX съезду об экономических задачах текущего момента А. А. Мануйлов, осуждая стремление масс участвовать в управлении страной, с нескрываемым раздражением говорил о «скверной русской привычке управлять скопом». Если в марте, на VII съезде, раздалось несколько голосов сочувствия социалистическому идеалу и никто не решился против этого возразить, то на IX съезде многие обрушились на «ходячие социалистические идеалы». Большое место этому уделил тот же Мануйлов. Свой доклад он закончил словами: «Мы должны открыто и громко сказать, что развитие народного хозяйства базируется на свободе личного почина. Мы должны сказать, что

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 135.

² См. «Русская воля», 25 июля 1917 г. Характерно, что руководители организации «хлеборобов-собственников» Полтавской губернии обосновывали «право собственности на капиталы, в чем бы они ни выражались, как-то: в домах, фабриках, заводах, рудниках...» и «неприемлемость» социализма для России ссылками на кадетские авторитеты — Герценштейна, Мануйлова, Петрункевича (ЦГАОР СССР, ф. 579, оп. 1, д. 2890, л. 1; д. 2889, л. 1). Новозыбковское исполнительное бюро Совета крестьянских депутатов и местный левозеро-ровский комитет в специальном воззвании предостерегали крестьян от вступления в Союз земельных собственников, «защищающий интересы помещиков-кулаков» (ЦГАОР СССР, ф. 406, оп. 6, д. 5, л. 123). Рязский уездный съезд мелких собственников, состоявшийся в начале октября 1917 года, постановил отклониться от союза с крупными собственниками, как организацией контрреволюционной (ЦГАОР СССР, ф. 406, оп. 6, д. 7, л. 114).

в области промышленности, как и в аграрной программе, мы не являемся сторонниками социализации, не отрицаем личную собственность»¹. О «бессмысленности» мечтаний социалистов, «которые думают, что они завтра устроят социализацию фабрик, передадут в руки трудящихся классов орудия производства»², говорил А. И. Шингарев — другой докладчик по экономическим вопросам. Выступивший в прениях профессор В. А. Косинский (Киев) сказал без обиняков: «Партия народной свободы — есть партия порядка»³, т. е. буржуазного порядка, чуждого и враждебного народу.

IX съезд кадетской партии ярко отразил стремление российской контрреволюции создать в стране буржуазно-военную диктатуру, которая бы завершила полный разгром революционных сил. Съезд свидетельствовал о решимости кадетов достичь этой цели если не мирными средствами, то путем развязывания гражданской войны. Большевики, внимательно следившие за главным своим противником, отметили, что Милюков на съезде «говорил почти открыто о необходимости применения вооруженной силы» и что саботаж капиталистами производства зафиксирован кадетским съездом в качестве определенной системы борьбы против рабочего класса⁴.

Закрывая съезд, Милюков сказал: «В настоящий момент политическое положение несколько улучшилось, но, весьма вероятно, скоро от нас потребуются вновь решительные действия. И тогда ваша поддержка и доверие нам особенно понадобятся»⁵. Высказанная им угроза была повторена «Речью» в статье, посвященной итогам съезда. Газета предупреждала, что если вступление кадетов в правительство не приведет к «скорой и решительной» перемене в его политике, тогда на очередь дня встанет вопрос «о новой и более решительной перемене»⁶. Кадетское руководство, осведомленное о планах Корнилова, прозрачно намекало на возможность контрреволюционного переворота.

Замысел Корнилова предусматривал распространение смертной казни, введенной Керенским на фронте, на

¹ «Речь», 27 июля 1917 г.

² «Биржевые ведомости», 26 июля 1917 г.

³ «Речь», 28 июля 1917 г.

⁴ См. «Шестой съезд РСДРП(б)», стр. 129, 152.

⁵ «Биржевые ведомости», 29 июля 1917 г.

⁶ «Речь», 30 июля 1917 г.

тыловые части, резкое усиление репрессий против революционных солдат и их организаций, милитаризацию рабочих железнодорожного транспорта и военных заводов¹. Ближайший помощник Корнилова генерал Деникин так определил суть его программы: Корнилов стремится ввести на территории всей страны репрессии против Советов, и особенно против большевиков². Контрреволюционный лагерь, полностью разделявший эту программу, связывал ее осуществление с установлением в стране военной диктатуры в лице генерала Корнилова. С прибытием его в Ставку туда началось паломничество представителей различных контрреволюционных организаций. С Корниловым установили тесный контакт Главный комитет «Союза офицеров» и «Республиканский центр», которые совместно приступили к разработке плана заговора против революции.

Керенский был осведомлен о планах Ставки из первоисточника. 3 августа Корнилов представил ему записку с изложением своих требований. После доклада Корнилова Временному правительству о стратегическом положении на фронте он и Керенский с глазу на глаз обсуждали шансы на успех переворота с целью установления диктатуры³. Полностью разделяя корниловскую программу «спасения страны», военный министр разошелся с верховным главнокомандующим в вопросах тактики. Бывший адвокат Керенский, более осмотрительный политик, чем генерал Корнилов, опасался, что предложенный последним план разгрома революционных сил чреват опасностями. Идя напролом, контрреволюция рискует потерять все. Напротив, действуя его, Керенского, методами, можно будет постепенно, шаг за шагом, ограничить влияние Советов и комитетов на политическую жизнь, а затем ликвидировать их и подавить по частям отряды революционной армии.

Соглашение между Керенским и Корниловым окончательно достигнуто не было. Более того, каждый из них видел в другом конкурента. Керенский подумывал об отстранении Корнилова с поста верховного главноко-

¹ См. Н. Я. Иванов. Корниловщина и ее разгром, стр. 49—64.

² См. А. И. Деникин. Очерки русской смуты, т. II. Париж, 1928, стр. 8.

³ См. Н. Я. Иванов. Указ. соч., стр. 54—55.

мандующего. Это вызвало бурные протесты крайне правых сил. 6 августа Совет «Союза казачьих войск» на экстренном заседании постановил довести до сведения Временного правительства, что «генерал Корнилов не может быть смещен, как истинный народный вождь и, по мнению большинства населения, единственный генерал, могущий возродить боевую мощь армии и вывести страну из крайне тяжелого положения»¹. Аналогичную резолюцию приняли Главный комитет «Союза офицеров» и конференция «Союза георгиевских кавалеров». Конференция угрожала в случае смещения Корнилова немедленно «кликнуть боевой клич всем георгиевским кавалерам о выступлении совместно с казачеством»².

Вокруг корниловской Ставки сплотились все реакционные, буржуазно-помещичьи организации. Листовка «Республиканского центра», выпущенная в конце июля — начале августа, требовала изменить «самое направление деятельности» Временного правительства, пополнить его представителями казачества, имея в виду Корнилова и Каледина. Советам же рабочих и солдатских депутатов листовка предписывала «отойти пока от какого бы то ни было вмешательства в дело спасения Родины»³.

Буржуазные деловые круги — биржевые комитеты, советы съездов промышленности и торговли, общества фабрикантов и заводчиков, купечества — всемерно поддерживали Корнилова, рассчитывая, что он разгромит рабочее движение. Делегаты 2-го торгово-промышленного съезда, проходившего в Москве 3—5 августа, афишировали свою неприязнь к Временному правительству, которое, по словам С. Н. Третьякова, слишком медленно эволюционирует в желательном направлении⁴. П. П. Ря-

¹ ГАМО, ф. 66, оп. 3, д. 1067, л. 9.

² Там же.

³ ГАМО, ф. 66, оп. 3, д. 1183, л. 34.

⁴ См. «Русские ведомости», 4 августа 1917 г. «Дело народа» 11 августа 1917 года в передовой «Боевой клич» писало: «Казачество, георгиевские кавалеры и инвалиды — вот три главные силы, вокруг которых началась энергичная работа кадетско-черносотенных элементов». Примыкавший к кадетам «Союз эволюционного социализма» послал 2 августа 1917 года от имени созданного им в Петрограде митинга приветственную телеграмму Корнилову. Среди подписавших ее были председатель «Союза» Б. Гуревич и председатель Совета казачьих войск полковник А. Дутов (ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 16, л. 20).

бушинский выразился еще резче: «Все попытки создать твердую власть остались без результата... Вместо подлинного правительства видим мы только какой-то политический ералаш». Рябушинский дал ясно понять, что торгово-промышленная и финансовая буржуазия рассматривает существующую власть как переходную ступень к полной буржуазной диктатуре. «Настоящая революция, — говорил Рябушинский, — буржуазная, буржуазный строй неизбежен... Управляющие государством должны буржуазно мыслить и буржуазно действовать»¹.

Еще громче заявило о солидарности с Корниловым совещание общественных деятелей — представителей буржуазно-помещичьих кругов и военщины, состоявшееся в Москве 8—10 августа. Совещание ратовало за создание «сильной национальной власти». Телеграмма, посланная Корнилову («вся мыслящая Россия смотрит на вас с надеждой и верой»²), ясно указывала, что именно с ним контрреволюция связывает надежды на свое торжество.

Итак, в лагере контрреволюции в начале августа обострились разногласия по вопросу о методах расправы с революционными силами. Буржуазно-помещичьи круги настаивали на осуществлении плана Корнилова — нанесении решительного удара по большевикам, разгоне Советов, установлении военной диктатуры. Лидеры мелкобуржуазной демократии, перешедшие на сторону контрреволюции, поддерживали более осторожную тактику Керенского, рассчитанную на то, чтобы постепенно, «без всяких излишних потрясений в армии и в стране»³, провести нужные меры по упрочению буржуазного строя.

С внешней стороны позиция кадетского ЦК выглядела противоречивой. Кадеты входили во Временное правительство Керенского и в то же время возглавляли буржуазно-помещичьи круги, вставшие в оппозицию к правительству. По существу же между действиями кадетов в правительстве и вне его не было разлада. Полностью разделяя цели Корнилова, но сомневаясь в успехе военного антиправительственного выступления, кадетский ЦК пытался, опираясь на крайне правые силы, вынудить Ке-

¹ «Русские ведомости», 4 августа 1917 г.

² «Отчет о Московском совещании общественных деятелей 8—10 августа 1917 г.», М., 1917, стр. 59.

³ А. Ф. Керенский. Дело Корнилова. М., 1918, стр. 22.

ренского более энергично проводить кереновскую программу.

Министры-кадеты, следуя наказу, данному им IX съездом, добивались официального одобрения правительством программы Керенова. В канун Московского государственного совещания 11 августа Кокошкин предъявил ультиматум Кереновому. Последний писал позднее: «11 августа утром ко мне явился Кокошкин с заявлением о том, что сейчас же выйдет в отставку, если не будет сегодня же принята программа ген. Керенова»¹. Кадеты использовали совещание общественных деятелей для нажима на Керенового. Е. Н. Трубецкой в своем докладе на совещании упрекал Керенового, что тот не выполняет данного кадетам обещания: не порвал окончательно с Советами и не проводит полностью программы Керенова (не распространил применение смертной казни на тыловые части, не принял мер против «своевластия» рабочих-железнодорожников и против крестьянских захватов)². Резолюция совещания требовала от правительства признать, что оно вело страну по ложному пути, и предлагала ему «немедля и решительно порвать со служением утопиям, которые оказывали пагубное влияние на его деятельность... начать самую энергичную борьбу с ядовитыми всходами этого посева во всех областях народной жизни»³.

Ультимативное требование Кокошкина было, по словам Милюкова, последней попыткой оказать давление на Керенового⁴. Опасаясь нового правительственного кризиса, Кереновский попытался на вечернем заседании Временного правительства 11 августа уладить конфликт с министрами-кадетами. Он обещал заявить на Московском совещании о необходимости принятия предложенных Кереновым мер⁵. «Соглашение с грехом пополам состоялось»⁶, — констатировал впоследствии Милюков. Вряд ли кадеты уверовали в способность Керенового изменить правительственный курс. Есть убедительные

¹ А. Ф. Кереновский. Указ. соч., стр. 31.

² См. «Отчет о Московском совещании общественных деятелей 8—10 августа 1917 г.», стр. 10—14.

³ Там же, стр. 134—135.

⁴ См. П. Н. Милюков. История второй русской революции, т. 1, вып. 2, стр. 109.

⁵ См. А. И. Деникин. Указ. соч., стр. 21.

⁶ П. Н. Милюков. Указ. соч., стр. 110.

основания считать, что именно в канун открытия Государственного совещания кадетский ЦК замыслил отстранение Керенского и замену его на посту главы государства Корниловым.

11—12 августа состоялось заседание ЦК партии к.-д., на котором, по свидетельству участника заседания В. А. Оболенского, выступил Милюков с докладом, посвященным взаимоотношениям между Временным правительством, Петроградским Советом и верховным главнокомандующим. Милюков, по словам Оболенского, «давал понять, что в той фазе, в которую вступила революция, Временное правительство обречено и что спасти Россию от анархии может лишь военная диктатура». «Насколько помню, — продолжает Оболенский, — Милюков представлял себе стадию этой диктатуры в виде дуумвирата Керенского и Корнилова, предполагая, что под влиянием организованного Корниловым военного давления Керенский вынужден будет уступить и покончить с Советом Р. и С. депутатов». Милюков «допускал в худшем случае отказ Керенского от подобной комбинации и образование новой власти без его участия»¹.

Судя по воспоминаниям Оболенского, Милюков умолчал в своем докладе о военно-практических приготовлениях Корнилова. Оно и понятно. Заговорщики соблюдали строжайшую конспирацию. Милюков не решался посвящать в планы заговора даже членов Центрального комитета кадетской партии. Сам Милюков, а также члены ЦК Кишкин и Маклаков были введены в курс подготовки заговора незадолго до рассматриваемого заседания ЦК. 8 августа они участвовали в конспиративном совещании буржуазных деятелей в Москве. Посланец Корнилова информировал собравшихся о решении Ставки направить в Петроград конный корпус Крымова, «которому предстоит ликвидировать большевиков, Советы и, может быть, выступить против правительства»². Корниловский эмиссар просил собравшихся высказать свое отношение к плану Ставки. Ответ был дан через 2—3 дня Милюковым на очередном конспиративном совещании. От лица общественных деятелей кадетского направления он заявил, что «они сердечно сочувствуют намерениям

¹ См. Н. Г. Думова. Малоизвестные материалы по истории корниловщины. «Вопросы истории», 1968, № 11, стр. 82.

² А. И. Деникин. Указ. соч., стр. 31. См. также С. И. Шидловский. Воспоминания, ч. II. Берлин, 1923, стр. 141.

Ставки остановить разруху и разогнать Совдеп. Однако намерения эти могут иметь значение лишь постольку, поскольку массы с ними. А в этом вопросе заранее можно сказать, что общественные массы были бы против, если бы они активно выступили против Временного правительства». Поэтому, заключил Милюков, на него и его единомышленников рассчитывать нельзя¹.

Отсюда, конечно, не следует, будто кадетский лидер отстранился от участия в корниловской аванюре. Полностью разделяя цель Корнилова — установление военной диктатуры, Милюков не исключал возможности прийти к ней «конституционным» путем. Детально обсуждать этот вопрос он предпочел с самим Корниловым, а не с его офицером, не внушавшим к тому же особого доверия. В докладе на заседании ЦК 11 августа Милюков дал ясно понять, что он на стороне Корнилова. «От речи Милюкова, — пишет Оболенский, — у меня создалось впечатление, что он уже вел переговоры с Корниловым и обещал ему поддержку»².

Исследователи уже не раз обращались к этому заседанию кадетского ЦК³. Остановимся здесь на одном недостаточно освещенном в литературе моменте — заключительной речи Милюкова. В прениях, развернувшихся после его доклада, большинство поддержало курс на установление военной диктатуры. Некоторые выражали опасения, сомневались в успехе. Обсуждение вопроса формально не закончилось оглашением и принятием резолюции. Фактически ею стала заключительная речь Милюкова. Судя по тезисам этой речи, написанным самим Милюковым⁴, в ней была дана оценка политического положения и определена ближайшая задача партии.

¹ См. Н. Г. Думова. Указ. соч., стр. 78; см. также А. И. Деникин. Указ. соч., стр. 32.

² См. Н. Г. Думова. Указ. соч., стр. 82.

³ См. А. М. Мальков. Разгром большевиками кадетской контрреволюции в 1917 г. Докторская дисс. М., 1954, стр. 597; Н. Ф. Славин. Из истории политической подготовки корниловщины. «Труды Петрозаводского государственного университета», т. VII, 1957, стр. 46—47; Н. Я. Иванов. В. И. Ленин о крахе буржуазной демократии в России (март—октябрь 1917 г.). В кн.: «В. И. Ленин и историческая наука». Л., 1970, стр. 85.

⁴ Рассматриваемый документ, фигурирующий в литературе как «протокол» кадетского ЦК, в действительности является записями самого Милюкова. Записи сделаны карандашом на двух сторонах листа. Они конспективны, трудно читаемы, местами неразборчивы (ЦГАОР СССР, ф. 579, оп. 1, д. 699, лл. 1—10б.).

Эта речь — убедительное свидетельство взятого ЦК партии кадетов курса на поддержку корниловщины. Приведем тезисы заключительной речи Милюкова на заседании ЦК:

«Мое резюме (на другой день, 12, утром)...

1. Теперь борьба правительства с *здоровыми элементами армии*.

2. В этой борьбе наше место на стороне *армии*.

3. Предусмотреть *союз с буржуазными* элементами, вырисовавшийся на Москов[ском] совещании 8—10 августа.

4. С «умеренными» социалистами идти *не можем...*¹

По свидетельству Оболенского, после выступления лидера кадетов «составилось впечатление, что большинство товарищей по ЦК разделяло мнение Милюкова»².

Если при «посторонних», на конспиративном совещании, состоявшемся в присутствии корниловского офицера, Милюков из осторожности говорил лишь о сочувствии кадетов намерениям Ставки, то, находясь среди «своих», на заседании ЦК, он без обиняков заявил, что в предстоящей борьбе место кадетов «на стороне армии», т. е. Корнилова. Большинство кадетского ЦК окончательно разуверилось в способности Керенского одолеть силы революции³. Милюковское резюме предельно четко отразило новый курс, взятый кадетским ЦК перед Московским совещанием: поддерживая контрреволюционную и антидемократическую верхушку армии, в союзе со всеми буржуазными элементами отбросить умеренных социалистов и установить в стране военно-буржуазную диктатуру.

На заседании ЦК не обсуждался вопрос о способах установления военно-диктаторского режима. Всем было

¹ ЦГАОР СССР, ф. 579, оп. 1, д. 699, л. 1об.

² См. Н. Г. Думова. Указ. соч., стр. 82.

³ Показательно, что даже А. И. Шингарев, слышавший в кадетском ЦК «либералом», видел спасение в насилии над массами. 9 августа он писал жене: «Все же Керенский не волевой тип, а лишь упрямый истерик». Шингарев недоволен тем, что большевики не объявлены «врагами родины», тем, что «Совет все еще пишет резолюции, а глава правительства все еще ходит на поклон к Совету». Кадетскому либералу не по душе, что «вожди демократии» и правительство не смогли отбить у масс желания революционных преобразований. «Массы еще не отрезвели, — пишет он 16 августа, — от психологии революционного «правотворчества», и только горький опыт может сурово разбить их иллюзии» (см. А. Хрущев. Указ. соч., стр. 125, 131).

ясно, что желанная цель может быть достигнута лишь за спиной народа. Массы предполагалось поставить перед свершившимся фактом. Кадетский ЦК не стал обсуждать этого «деликатного» вопроса, предоставив своим лидерам свободу действий. Милюков, судя по его ответу корниловскому офицеру, воспоминаниям Оболенского и другим данным, склонялся к тому, чтобы диктатура Корнилова была установлена при содействии Керенского, а не вопреки ему. Эту мысль Милюков старался втолковать Корнилову во время Московского государственного совещания. «В личной беседе с Корниловым в Москве (13 августа), — писал позднее Милюков, — я предупредил его о несвоевременности борьбы с Керенским и не встретил с его стороны решительных возражений. Об этом я сообщил и ген. Каледину, посетившему меня в те же дни»¹. Умный, опытный буржуазный политик указывал ограниченному, склонному к авантюризму генералу, как ему следует действовать, чтобы стать диктатором. План Милюкова предусматривал создание «сильной власти» путем «реорганизации» Временного правительства, включения в его состав Корнилова и оттеснения им Керенского. Судя по тому, что Корнилов просил Милюкова, «чтобы партия к.д. его поддержала хотя бы отставкой министров к.д. в решительную минуту»², кандидат в диктаторы согласился с кадетским лидером и намерен был полюбовно договориться с Керенским³. Что касается Милюкова, то он, как видно из

¹ П. Н. Милюков. Указ. соч., стр. 174 (см. также стр. 183).

² «Последние новости» (Париж), 6 марта 1937 г.

³ В военных кругах были убеждены, что между Керенским и Корниловым достигнуто полное согласие. Ближайший помощник управляющего Военным министерством корниловца Б. В. Савинкова Ф. Степун отмечает в своих воспоминаниях: «Что касается центрального вопроса всего «дела Корнилова», т. е. вопроса об участии в «заговоре» самого Керенского, то должен сказать с полной определенностью, что разговоры с Савинковым не оставляли во мне ни малейшего сомнения, что предстоящий переворот подготовлялся с ведома и согласия министра-председателя» (Ф. Степун. Бывшее и несбывшееся, т. II. Нью-Йорк, 1956, стр. 164—165). Еще одним подтверждением этого является телеграмма Савинкова Корнилову от 19 августа. Сообщив о том, что В. И. Ленин и другие ушедшие в подполье большевики разыскиваются, а ранее арестованные остаются под стражей, Савинков выразил в заключение уверенность в том, что «согласно указаниям министра-председателя и с Вашею (т. е. Корнилова. — Авт.) помощью не только армия, но и вся страна будут очищены от противогосударственных... элементов» (ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 44, лл. 11—12).

последующего хода событий, обещал в нужный момент спровоцировать правительственный кризис. Акция вполне «конституционная» и уже один раз испробованная кадетами.

Итоги Московского совещания не изменили взятого ЦК партии к.-д. курса на установление военной диктатуры, хотя меньшевики и эсеры дали немало свидетельств своей заинтересованности в союзе с буржуазией. Церетели, например, заявил, что Советы — не более как временные леса, нужные лишь для постройки здания демократического народоправства. Рукопожатие Церетели и Бубликова должно было символизировать единство «демократии» и буржуазии. Эти и подобные им заявления и жесты не изменили отрицательного отношения кадетов к коалиции. Кадетские деятели не сомневались в искреннем стремлении вождей «революционной демократии» остановить дальнейшее развитие революции, но понимали их бессилие сделать это. «Русские ведомости» писали: «Мы вполне ценим государственную мудрость, обнаруженную на совещании вождями трудовой демократии. Но нет у нас и не может быть уверенности в том, что массы пойдут за прошедшими теперь школу государственной выучки, отрекшимися от прежних убеждений (т. е. скатившимися к контрреволюционности. — *Авт.*) вождями». Газета сокрушалась, что параллельно процессу поправления центральных органов демократии идет другой, противоположный «процесс усиления в рабочих кругах... большевизма... В этом, — заключала газета, — весь трагизм русской революции...»¹.

В действительности же положение создалось трагическое не для революции, а для буржуазии. Большевики и эсеры, на которых буржуазия опиралась после свержения царизма, сами повисли в воздухе, быстро теряли доверие широких народных масс. «Какие у нас есть гарантии, — вопрошали «Русские ведомости», — что к их (лидеров Совета. — *Авт.*) голосу станут прислушиваться солдаты... рабочие... железнодорожники?»² Таких гарантий не было. Напротив, каждый день свидетельствовал о растущей изоляции меньшевиков и эсеров. Буржуазная власть теряла опору. Военная диктатура представлялась единственным спасением. Кадеты всецело от-

¹ «Русские ведомости», 18 августа 1917 г.

² Там же.

дались ее осуществлению. Некоторые из них непосредственно участвовали в военно-технической подготовке заговора. Кадетская печать всецело занялась идеологической подготовкой корниловщины.

Особенную активность развила «Речь», руководимая Милюковым (он был автором большинства передовых статей газеты). С начала августа газета уже не довольствовалась пропагандой кадетско-корниловской программы, которую по существу принял Керенский, а требовала передать в «твердые» руки ее осуществление. «Но главное все-таки не в том, что надо сделать, — писала передовая «Речи» 8 августа, — а как и кто может сделать то, что необходимо для спасения России...» (Фразами о «спасении родины» кадеты, по словам Ленина, прикрывали «желание спасти империалистическую программу буржуазии»¹.) 12 августа «Речь» обвинила правительство в том, что оно слишком медленно, слишком поздно приходит к «правильным выводам» и продолжает быть связано «с теми органами (имеется в виду ЦИК Советов. — Авт.), государственная эволюция которых совершается еще медленнее, чем эволюция самого правительства». Газета указывала, что лишь «суровыми, решительными мерами» можно спасти Россию². В корреспонденции о Государственном совещании сотрудник газеты П. Рысс писал: «„За“ и „против“ Корнилова — вот что зрительно разбивало совещание на две группы». С презрением он отзывается о меньшевиках и эсерах: «Мы видели растерянную, барахтавшуюся, цепляющуюся за видимость дела „революционную демократию“, которая... не в силах организовать власть и наладить жизнь»³. Передовая «Речи» 17 августа требовала, по существу, отставки правительства Керенского. Если Временное правительство, указывал кадетский официоз, созвало совещание «в целях самосохранения... то в этом оно жестоко ошиблось». Вывод газеты категоричен: Московское совещание «поставило под вопрос и современный состав правительства». Имея в виду «социалистических» министров и Керенского, газета предлагала тем, кто получил власть «по капризу судьбы», уступить ее

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 49.

² См. «Речь», 12 августа 1917 г.

³ «Речь», 17 августа 1917 г.

представителям «внепартийной государственности», т. е. Корнилову, кадетам.

Милюковский печатный орган был, таким образом, целиком поставлен на службу Корнилову. Повторяя из номера в номер тезис о непригодности коалиционного правительства и спасительности «внепартийной государственности», «Речь» стремилась подтолкнуть Керенского принять решение о замене коалиционного кабинета кадетско-корниловским. Передовая 17 августа выразила это наиболее откровенно. Правда, на следующий день (возможно, под влиянием протеста Керенского¹) газета заговорила в более мягком тоне. Передовая «Речи» 18 августа допускала возможность сохранения коалиции при условии «дальнейших уступок правительства общенародной (т. е. кадетско-корниловской. — *Авт.*) программе». 22 августа «Речь», взбешенная почти единодушным голосованием Петроградского Совета против введения смертной казни на фронте, потребовала от Временного правительства «решительно и окончательно порвать со своей зависимостью от Советов и принять предложения ген. Корнилова».

В том же ключе, что и «Речь», вели кампанию в поддержку Корнилова «Русские ведомости» и провинциальная кадетская печать². Кадеты-веховцы, в прошлом благословлявшие царизм на подавление демократического движения, в 1917 году уповали, естественно, на установление военной диктатуры. Н. Бердяев писал в апреле 1917 года: «...если будут попытки продолжать революцию в духе социально-классовом, если в массах будут господствовать социал-демократы «большевики»... — то

¹ По словам В. Д. Набокова, Керенский его спросил: отражает ли точку зрения кадетского ЦК «Речь», повторяющая изо дня в день требование его, Керенского, ухода (см. «Революционное движение в России в августе 1917 г. Разгром корниловского мятежа. Документы и материалы». М., 1959, стр. 376—377).

² Приведем для иллюстрации выдержки из газеты Тифлисского комитета партии к.-д. «Народная свобода»: «Кадетизм грядет, романтики революции сворачивают знамена: одну за другой сдают свои позиции с.-д. и с.-р.» (6 августа 1917 г.); «Стране надоели «уговаривающие» большие и маленькие, будь то Керенский или представители С. С. и Р. Д. Она требует правителей»; «Советы сыграли свою роль... и теперь должны уступить свое место внеклассовым организациям» (9 августа 1917 г.); «Быстро приближаемся мы к роковой черте, — предвещала статья «Двенадцатый час», — к тому времени, когда нужно будет или переродиться, или уступить место чему-то другому» (12 августа 1917 г.).

контрреволюционные попытки неизбежны и будут иметь оправдание»¹. А в августе московский кадет Г. И. Чулков открыто призывал к военному перевороту: «Мы все берем на себя ответственность за «кровь и железо», которые должны закрепить победу революции»² (т. е. установить неприкрытую диктатуру буржуазии).

Содержание «Речи» и других кадетских печатных органов в августе 1917 года свидетельствовало о непосредственном участии партии «народной свободы» в контрреволюционном корниловском заговоре. Именно статьи кадетского официоза до и во время корниловского мятежа (архивные документы и материалы не стали тогда еще достоянием гласности) дали основание большевикам заклеить кадетов как корниловцев. «Партия кадетов — ...главная корниловская партия (ее бы следовало, кстати сказать, так и начать теперь звать корниловской партией)...»³ — указывал В. И. Ленин в начале сентября 1917 года.

Подготавливая почву для корниловской диктатуры, кадеты, разумеется, скрывали истинные, контрреволюционные цели, преследуемые ими и их ставленником. В. И. Ленин отмечал, что партия кадетов «никогда не решалась и не решается открыто говорить народу ни о диктатуре буржуазии, ни о разгоне Советов, ни о корниловских целях вообще!»⁴. Об этом кадеты вели речь в своем кругу, при закрытых дверях. На заседании ЦК партии кадетов 20 августа выступавшие говорили, как о само собой разумеющемся, что последствиями военной диктатуры будут «экзекуции в селах против анархических элементов», т. е. против борющихся за землю крестьян, и «кровавые расстрелы». Часто вспоминали о «хирургии» и ее достоинствах перед «терапией». А. В. Карташев осуждал власть, которая, по его словам, до сих пор «в лечении всех государственных болезней применяла только методы терапии»⁵. З. Г. Френкель рассуждал: «Гангренозный процесс начался давно, с 1 марта, но и до сих пор еще не определилась совершенно точно демаркационная линия зараженного

¹ «Русская свобода», 1917, № 1, стр. 8.

² «Народоправство», 1917, № 7, стр. 24.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 217.

⁴ Там же.

⁵ См. «Революционное движение в России в августе 1917 г. ...», стр. 372.

места. В хирургии иногда ждут, чтобы процесс охватил больше места...»¹ На неизбежность «хирургического вмешательства» указывали и другие ораторы. Заседание кадетского ЦК, своей фразеологией напомиравшее консилиум врачей, представляло не что иное, как сговор палачей революции.

Опыт июльских событий показал, что «кадеты... предпочитают действовать *за кулисами*»². То же повторилось и во время корниловщины. Даже в своем кругу кадеты делали вид, будто они непричастны к подготавливаемой военной диктатуре, что она вроде рока — неизбежного финала всякой революции, после которого устанавливается «нормальный» буржуазный порядок. На заседании ЦК 20 августа Карташев утверждал, будто наблюдается «рабское тяготение страны к будущей диктаторской власти». Шингарев констатировал: «...в перспективе уже показывается диктатор», и это он считал естественным результатом предшествующего развития событий³. Милюков умалчивал об участии кадетов в заговоре против революции, но не отрицал заинтересованности своей партии в победе Корнилова: «...назревающие в стране события нельзя смотреть, как на какой-то объективный, физиологический процесс... Процесс этот совершится без нас, но мы по отношению к нему не в нейтральном положении: мы призываем его и сочувствуем ему в известной мере...»⁴

Несмотря на нарочитую туманность речей, недомолвки и иносказания выступавших, из протокола заседания кадетского ЦК 20 августа следует, что руководство партии пришло к выводу об обреченности правительства Керенского. «Ход вещей, — утверждал Милюков, — зависит от чего-то другого, во всяком случае, не от правительства в его нынешнем составе. Главный его представитель, по-видимому, уже засиделся у власти»⁵. Однако в составе правительства военной диктатуры, полагали кадеты, целесообразно оставить Керенского, но обязательно включить в него Савинкова или самого Корнило-

¹ См. «Революционное движение в России в августе 1917 г. ...», стр. 375.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 416.

³ См. «Революционное движение в России в августе 1917 г. ...», стр. 372, 373.

⁴ Там же, стр. 376.

⁵ Там же.

ва. Военно-диктаторский режим, расправившись с революционными силами, призван был расчистить путь к власти им, кадетам. Некоторые из членов ЦК выражали опасение, как бы кадеты открытой поддержкой военной диктатуры не дискредитировали себя в глазах народа. «Если бы даже диктатура, — говорил «совестливый» А. И. Шингарев, — после кровавых расстрелов, захотела опереться на умеренные слои и обратилась к кадетам с предложением спасти отечество, в каком положении очутилась бы партия, принявши эту историческую миссию? Если бы ей и удалось спасти отечество, происхождение ее власти надолго было бы для нее политическим самоубийством»¹. По-видимому, об этом думал и Милюков. «Собственно, и для партии выгоднее, — сказал он, — чтобы жизнь нынешнего правительства продлилась дольше, чтобы неизбежные репрессии были предприняты по инициативе и решению самого социалистического правительства»².

Кадетским деятелям не удалось скрыть свою причастность к корниловскому заговору. Крайняя заинтересованность в установлении военной диктатуры выдала их. После того как мятеж Корнилова стал фактом, кадеты не могли ограничиться лишь соответствующей идеологической обработкой общественного мнения. Они стремились практически помочь Корнилову утвердиться у власти. 26 августа во второй половине дня член Государственной думы В. Н. Львов явился в Зимний дворец и вручил министру-председателю А. Ф. Керенскому требование ген. Корнилова о передаче ему всей власти. При этом Львов подчеркивал важность легальной передачи власти Корнилову. «Львов, — писал позднее Керенский, — раза три возвращался к этому и говорил, что чрезвычайно важно для них, чтобы было постановление правительства о передаче власти, чтобы все в легальных формах произошло»³. В литературе справедливо отмечалось, что тезис о легальной передаче власти Корнилову был внушен Львову Милюковым, с которым этот думский деятель встречался до и после переговоров с Керенским⁴. Кадетский лидер стремился утвердить

¹ «Революционное движение в России в августе 1917 г. ...», стр. 373.

² Там же, стр. 376.

³ А. Ф. Керенский. Указ. соч., стр. 131; см. также стр. 114.

⁴ См. Н. Г. Думова. Указ. соч., стр. 85.

у власти Корнилова, не доводя дело до открытого военного столкновения его с революционными войсками и народом, в котором успех заговорщиков был сомнителен.

После того как Керенский на вечернем заседании Временного правительства 26 августа (затянувшемся до утра 27 августа) неожиданно объявил о разрыве с Корниловым и потребовал себе диктаторских полномочий, министры-кадеты заявили об отставке. Еще 22 августа В. Н. Львов, не застав в Петрограде руководящих членов кадетского ЦК Милюкова и Винавера, пришел к В. Д. Набокову и передал ему записку, в которой министры-кадеты предупреждались, «чтобы они такого августа подали в отставку, в целях создания правительству новых затруднений и в интересах собственной безопасности». Далее Львов сказал: «Готовится переворот, выработана программа для новой власти с диктаторскими полномочиями. Керенскому будет предложено принять эту программу». О содержании разговора Набоков тотчас известил министров Кокوشкина, Ольденбурга и Карташева¹. Их отставка должна была, по замыслу заговорщиков, вызвать правительственный кризис и облегчить создание новой власти во главе с Корниловым или при его участии.

«Я первым взял слово и заявил, — сообщил Кокوشкин корреспонденту, — что для меня не представляется возможным оставаться в составе Временного правительства при диктаторском характере власти его председателя»². Кадеты рассчитывали войти в правительство диктатора Корнилова, поэтому они и объявили о выходе из правительства претендующего на диктаторство Керенского. Оставшись тем не менее в Зимнем дворце, бывшие министры-кадеты пытались примирить Керенского с Корниловым. Имея в виду кадетских деятелей, Керенский впоследствии писал: «Эти лица хотели отсрочить, вообще, опубликование «конфликта»... Временного правительства с генералом Корниловым для того, чтобы не потеряна была возможность найти «компромисс», исчерпать недоразумение мирными средствами на почве „взаимных уступок“»³.

¹ См. В. Набоков. Временное правительство. «Архив русской революции», т. 1. Берлин, 1922, стр. 43—44.

² «Русские ведомости», 1 сентября 1917 г.

³ А. Ф. Керенский. Указ. соч., стр. 139.

Но, испуганный за судьбу своего премьерского кресла, Керенский решил открыто объявить войну Корнилову. 27 августа Керенский подписал текст радиогаммы, оповещавшей страну и армию о корниловском мятеже. Выдавая себя за защитника революции, он рассчитывал подправить свою репутацию в глазах народа и, упрочив свое положение, энергично проводить ту же корниловскую программу. Не случайно, объявив о смещении Корнилова, Керенский уже 27 августа вызвал генерала Алексеева, известного своей приверженностью к Корнилову и к программе «оздоровления армии», чтобы предложить ему занять пост верховного главнокомандующего. Не хотел Керенский разрыва и с кадетами. Несмотря на то что страна справедливо связывала мятеж Корнилова с деятельностью кадетской партии (28 августа ЦО большевиков заявил в передовой статье: «Факт, что партия кадетов теперь, как и в июле, оказалась в одном лагере с предателями на фронте и злейшими контрреволюционерами в тылу¹), Керенский вслед за Алексеевым вызвал из Москвы другого корниловца — кадета Кишкина для переговоров о вступлении его в правительство². Все это обнадеживало кадетских лидеров, побуждало их к энергичным действиям ради восстановления альянса Керенский—Корнилов.

Надеясь примирить Керенского с Корниловым, 28 августа около 3 часов дня в Зимний дворец явились Милюков и Алексеев. «П. Н. Милюков и я, — сообщил Алексеев, — отправились еще раз к министру-председателю, чтобы сделать еще попытку склонить его к командированию в Могилев нескольких членов правительства и П. Н. Милюкова для выяснения и соглашения...»³ По словам Милюкова, он стремился убедить Керенского в том, что «планы Корнилова имеют целью спасти Россию

¹ «Рабочий», 28 августа 1917 г. 28 августа митинг солдат 6-го саперного, запасного Вольнского, Литовского и Преображенского полков потребовал арестовать «всех заговорщиков и кадетов с их штабом — ЦК их партии» («Рабочий», 29 августа 1917 г.). Совместное заседание Гельсингфорского Совета, Областного комитета Финляндии и ЦК Балтийского флота 2 сентября потребовало «арестовать ЦК кадетской партии» (ЦГАВМФ, ф. р-2063, оп. 1, д. 8, л. 98).

² Керенский пытался представить дело так, будто лишь отдельные кадеты, а не партия, не ЦК причастны к корниловскому мятежу (см. А. Ф. Керенский. Указ. соч., стр. 134, 136).

³ «Русские ведомости», 4 октября 1917 г.

от окончательного распада»¹. Но Керенский, успевший уже всенародно объявить Корнилова мятежником, отказался идти на попятную.

Лидеры кадетов упорствовали. У них появился мощный козырь: 28 августа поступили сведения о продвижении корниловских войск к Петрограду. «Должен признать, — писал Керенский, — что внешне Милюков выбрал очень удобную минуту для того, чтобы доказывать мне, что реальная сила на стороне Корнилова². На частном совещании членов Временного правительства (начиная с 27 августа не было официальных заседаний Временного правительства: министры-кадеты были в отставке, а остальные передали свои полномочия Керенскому) вечером 28 августа Ф. Ф. Кокошкин предложил поставить во главе правительства генерала Алексеева³.

Распри внутри контрреволюционного лагеря между сторонниками Керенского, с одной стороны, и Милюкова—Корнилова, с другой, продолжались недолго. К исходу дня 29 августа стало очевидно, что в результате мощного подъема революционного движения, возглавляемого большевиками, корниловская авантюра обречена на поражение. Это обстоятельство снова сблизило оба отряда контрреволюции.

¹ П. Н. Милюков. Указ. соч., стр. 251.

² А. Ф. Керенский. Указ. соч., стр. 146. Кадеты преднамеренно преувеличивали силу Корнилова. Один из министров на вечернем заседании 28 августа «признал положение безвыходным, так как через несколько часов корниловские войска, вероятно, уже будут в Петрограде» («Русские ведомости», 1 сентября 1917 г.).

³ См. «Русские ведомости», 1 сентября 1917 г. Это предложение было инспирировано Милюковым и, возможно, впервые сделано им днем 28 августа. «Выясняется, что партия народной свободы, — сообщали «Биржевые ведомости», — выдвигает М. В. Алексева на ответственный пост и убеждает Керенского дать согласие на образование кабинета для спасения страны под главенством М. В. Алексева. Об этом с Керенским вели переговоры Милюков и В. А. Маклаков. Оба они убеждали Керенского во имя спасения страны и для избежания страшного кровопролития сложить с себя министерства-председателя и согласиться на образование кабинета под председательством Алексева» («Биржевые ведомости», 29 августа 1917 г.). В биографическом очерке о Милюкове говорится, что во время корниловского восстания он пытался «примирить Керенского с Корниловым, выдвигая при этом кандидатуру ген. Алексева во главу правительства» («П. Н. Милюков. Сборник материалов по чествованию его 70-летия. 1859—1929». Париж, 1929, стр. 165; см. также П. Н. Милюков. Указ. соч., стр. 252).

30 августа «Речь» вышла без передовой, заготовленной в предвидении победы Корнилова. «Мы не боимся сказать, что генерал Корнилов преследовал те же цели, какие мы считали необходимыми для спасения Родины» — этими словами «Речь» собиралась встретить прибытие Корнилова-победителя в Петроград. Узнав о поражении Корнилова, Милюков поспешил изъять гранки статьи из номера (газета вышла в свет с двумя белыми столбцами)¹. Кадеты, еще вчера надеявшиеся прочно стать у власти и окончательно сокрушить революционное движение, теперь помышляли лишь о том, чтобы хотя бы сдержать революционный порыв масс. 30 августа при обсуждении в Зимнем дворце вопроса о власти кадеты предложили привлечь в состав нового правительства представителей командного состава армии и торгово-промышленного класса. «Корниловское дело должно быть ликвидировано так, чтобы не повлечь к углублению гражданской войны»², — заявили представители кадетов. Керенский с готовностью принял их предложение. Он назначил начальником штаба при верховном главнокомандующем (эту последнюю должность он возложил на себя) генерала Алексеева, фактически дав тем самым понять, что корниловская программа остается программой правительства и будет проводиться ее ревностным сторонником. Вечером 30 августа Керенский предложил кадету Н. М. Кишкину возглавить в новом правительстве Министерство внутренних дел (кадеты давно стремились заполучить это министерство). С согласия ЦК Кишкин дал положительный ответ и по поручению Керенского тотчас же выехал в Москву для переговоров с торгово-промышленными кругами по привлечению их представителя в состав правительства. Керенский старался восстановить контакт с капиталистами, доказать им, что он лучше, вернее, чем Корнилов, одолеет революцию. 1 сентября был опубликован состав нового правительства. В нем фигурировали кадеты Кишкин и Карташев, представители торгово-промышленных кругов Коновалов и Смирнов. Но выехав-

¹ Гранки статьи были доставлены наборщиками в Петроградский Совет (см. В. Чернов. «Подполье» и «Надполье» в подготовке корниловского движения. «Воля России» (Прага), 1923, № 4, стр. 34). Содержание этой статьи было оглашено на Демократическом совещании (см. «Рабочий путь», 2 октября 1917 г.).

² «Русские ведомости», 1 сентября 1917 г.

шим 1 сентября из Москвы Кишкину и другим кандидатам в министры не удалось тогда занять предназначенные им посты. Ненависть революционных масс к кадетам — соучастникам корниловщины была столь сильна, что даже меньшевики и эсеры потребовали от Керенского не включать кадетов в правительство. Керенский объявил о создании Директории (Совета пяти), в которую не ввел кадетов.

Впервые с начала революции кадеты не по своей воле оказались вне правительства. Во время апрельского кризиса гнев солдат и рабочих был направлен против Милюкова-министра, проводника империалистической политики во Временном правительстве. Теперь же, в августе—сентябре 1917 года, в лице Милюкова массы обличали кадетскую партию *в целом* как контрреволюционную силу. Редактор «Речи» И. В. Гессен отмечал, что после поражения Корнилова «в редакции было большое смятение, со всех сторон на «Речь», и в частности на Милюкова, пальцами показывали, как на вдохновителей и виновников заговора»¹. Кадетским деятелям, недавно рассчитывавшим на всю полноту власти, теперь пришлось домогаться хотя бы той ее части, которой они лишились в результате поражения корниловщины. Прежде чем вновь перейти в наступление, кадеты стремились восстановить коалицию со своими союзниками слева. Разумеется, Милюков, дискредитированный участием в заговоре, для этой цели не подходил. В начале сентября он выехал в Крым, временно устранившись от руководства партией. Работу ЦК возглавил В. Д. Набоков, пользовавшийся доверием Керенского и Церетели². Вместе с другими членами ЦК — Аджемовым и Шингаревым — Набоков считал необходимым восстановить правительственную коалицию, существовавшую до выступления Корнилова. Кадеты, писали «Известия», «чуть не насильно стараются влезть в правительство»³. «Известия» умолчали при этом о крайней заинтересованности эсеро-меньшевистского руководства ЦИК Советов, чьим органом являлась газета, во вхождении кадетов в правительство. Между тем только благодаря стараниям лидеров меньшевиков и эсеров каде-

¹ И. В. Гессен. В двух веках. Жизненный отчет. «Архив русской революции», т. XXII. Берлин, 1937, стр. 373.

² См. В. Д. Набоков. Указ. соч., стр. 79.

³ «Известия ЦИК», 3 сентября 1917 г.

ты, в конечном счете, вновь оказались во Временном правительстве.

В момент борьбы с корниловским мятежом под влиянием революционного подъема в стране меньшевики и эсеры качнулись влево. Центральные комитеты меньшевиков (31 августа¹) и эсеров (в ночь на 1 сентября²) признали абсолютно недопустимым участие в правительстве представителей кадетской партии. В связи с появившимися сообщениями о переговорах Керенского с кадетом Кишкиным «Дело народа» 2 сентября заявило: «...для представителей демократии в правительстве рядом с г. Кишкиным места нет». «Известия» писали 3 сентября о том, что необходим и возможен «решительный и бесповоротный разрыв демократии с кадетами». Но соглашатели лишь формально отмежевались от кадетов. Отвергая предложения большевиков о создании власти из представителей рабочих и крестьян — реальной альтернативы коалиции с кадетами, лидеры меньшевиков и эсеров должны были неизбежно стать на путь восстановления прежней коалиции. 2 сентября объединенное заседание ЦИК Советов по предложению Н. Д. Авксентьева большинством голосов постановило поддержать Директорию, созданную Керенским в результате закулисной сделки с кадетами. Революционность масс вынуждала лидеров меньшевиков и эсеров маскировать свои действия по восстановлению коалиции. Выразив доверие Директории, пленум ЦИК Советов вместе с тем принял решение созвать так называемое Демократическое совещание, якобы для создания подлинно демократической власти. В связи с предстоящим Совещанием меньшевики и эсеры стремились убедить массы в необходимости коалиции с цензовыми элементами, т. е., по существу, с кадетами. «Гони кадета в дверь, впускай его в окно»³ — так «Рабочий путь» определил позицию мелкобуржуазных партий. 12 сентября при обсуждении пленарным заседанием ЦИК Советов вопроса о Демократическом совещании И. Г. Церетели пытался обелить буржуазию, утверждая, что только «некоторые цензовые элементы высказали свои симпатии» Корнилову. В. М. Чернов убеждал, что «сотрудничество с несоциа-

¹ См. «Партийные известия» (с.-д.), 1917, № 4-5, стр. 15.

² См. «Рабочий», 1 сентября 1917 г.

³ «Рабочий путь», 5 сентября 1917 г.

листическими элементами безусловно приемлемо». 119 голосами против 101 при 1 воздержавшемся была принята резолюция в пользу коалиции¹. Принятие этой резолюции незначительным большинством голосов (к тому же в ней имелась оговорка о недопустимости коалиции с кадетами) явилось плохим предзнаменованием для приверженцев буржуазной власти. Действительно, как ни ратовали меньшевистские и эсеровские деятели с трибуны Демократического совещания (14—22 сентября) за коалицию с буржуазией², они не встретили единодушной поддержки даже в своих фракциях. Фракция меньшевиков 14 сентября отвергла (86 голосами против 51 при 8 воздержавшихся) коалицию с кадетами и незначительным большинством (81 против 77) согласилась на коалицию с ценовыми элементами, а затем, на заседании 15 сентября, высказалась против этого (73 голосами против 65)³. Несмотря на уговоры Н. Д. Авксентьева поддержать коалицию с кадетами («нельзя совершенно выкидывать за борт всю партию», — убеждал он), эсеровская фракция высказалась за коалицию, но без кадетов⁴.

¹ ЦГАОР СССР, ф. 6978, оп. 1, д. 126, лл. 1—2.

² Меньшевик Б. Богданов, начав с критики коалиционной власти, закончил: «...объективное положение ценовых элементов делает возможным продолжение коалиции...» (ЦГАОР СССР, ф. 1238, оп. 1, д. 3, л. 38). М. Скобелев пугал участников Совещания, что без привлечения буржуазии «мы с промышленной и хозяйственной жизнью не справимся» (там же, д. 4, л. 4). А. В. Пешехонов, признав, что кадеты в дни корниловщины держали себя «не очень хорошо», призывал к коалиции с ними (там же, л. 13). О недопустимости изоляции буржуазии говорил правый эсер Минор (там же, д. 7, л. 25). Особенно ревностно защищал коалицию, как единственный якобы способ избежать гражданской войны, И. Церетели.

³ «Рабочая газета», 15 и 17 сентября 1917 г.; «Искра», 26 сентября 1917 г. «Рабочий путь» 19 сентября 1917 года писал о заседании меньшевистской фракции: «Это была жалкая картина. Ряд ораторов занимались самобичеванием, резко набрасывались друг на друга и выискивали причины краха меньшевизма и мощного роста большевистских идей среди широких пролетарских и солдатских масс... Дух схоластики веет в этом собрании интеллигентов, оторванных от подлинной жизни, отъединенных от пролетариата, от крестьян, от широких народных масс». Так же характеризует положение в меньшевистской фракции Н. Жордания, избранный ее председателем: «Полная неразбериха. Никто не знал, что делать, как действовать». И далее: «Меньшевики и социалисты-революционеры одинаково изолированы как от народа, так и от военных» (Н. Жордания. Моя жизнь, стр. 77—78).

⁴ См. «Дело народа», 14 и 16 сентября 1917 г.

После того как даже подтасованное Демократическое совещание¹ отвергло 19 сентября организацию власти на основе коалиции с кадетами², лидеры меньшевиков и эсеров попытались обманным путем протасовать последних в правительство. Организаторы Совещания стали утверждать, будто главным вопросом является не состав правительства, а его ответственность перед представительным органом. 20 сентября Демократическое совещание по предложению И. Г. Церетели приняло решение о выделении из своего состава постоянного представительного органа — Всероссийского демократического совета, которому поручалось «содействовать созданию власти», т. е. открыть кадетам лазейку для проникновения во Временное правительство. Еще в канун Демократического совещания Керенский начал переговоры с представителями кадетов и торгово-промышленных кругов Москвы (Н. М. Кишкиным и П. А. Бурышкиным) о вхождении их в правительство³. В противоположность «Рабочему пути», разоблачавшему этот сговор⁴, «Дело народа» 16 сентября в редакционной статье «Пустые слухи» писало: «Мы считаем невероятным, чтобы Временное правительство попробовало пройти мимо Демократического совещания». После же того как Демократическое совещание не санкционировало сделки с буржуазией, эсеры и меньшевики подменили его задачу: не создание, а лишь *содействие* созданию власти. Правда, чтобы сгладить свою капитуляцию перед кадетами, церетелевская резолюция предусматривала подотчетность правительства Предпарламенту — органу, выделенному из состава Демократического совещания и пополненному делегатами буржуазных групп. В знак

¹ Советы — выразители воли рабочих, солдат и крестьян — получили на Демократическом совещании всего 240 мест из 1500, а органы местного самоуправления и кооперативы, объединявшие преимущественно буржуазно настроенные слои населения, получили соответственно 300 и 150 мест.

² 813 голосами против 183 про 80 воздержавшихся Демократическое совещание отвергло коалицию с кадетами.

³ Н. Ф. Славин пишет, что 21 сентября Керенский вступил в контакт с ЦК кадетской партии с целью привлечения кадетов в правительство (см. Н. Ф. Славин. Кризис власти в сентябре 1917 г. и образование Временного совета республики (Предпарламента). «Исторические записки», 1957, № 61, стр. 48). В действительности же такой контакт был установлен еще до открытия Совещания (см. П. Н. Миллюков. История второй русской революции, т. 1, вып. III. София, 1924, стр. 52).

⁴ См. «Рабочий путь», 17 сентября 1917 г.

протеста против попыток организаторов Совещания навязать народу правительство с участием кадетов большевики покинули Совещание¹.

22 сентября от имени закончившегося в этот день Демократического совещания и избранного им так называемого Демократического совета Чхеидзе, Церетели, Гоц, Авксентьев и др. приняли участие в переговорах в Зимнем дворце с членами Директории во главе с Керенским и лидерами кадетов Набоковым, Аджемовым, Кишкиным по вопросу о формировании нового правительства. Кадеты категорически возражали против ответственности правительства перед Предпарламентом. Церетели пошел на попятную, заявив, что Демократический совет «не требует сейчас признания... формальной ответственности правительства перед Предпарламентом, а оставляет за собой право добиваться установления этой ответственности в будущем, в самом Предпарламенте»².

23 сентября вечером состоялось единственное заседание Демократического совета. Церетели доложил о переговорах в Зимнем дворце. Большевики потребовали прервать переговоры с цензовиками и приступить к созданию революционной власти. Но это предложение было отклонено. Большинством голосов Демократический совет одобрил достигнутое в Зимнем дворце соглашение о пополнении Предпарламента представителями буржуазии и высказал лишь пожелание о формальной ответственности правительства перед Предпарламентом. Таким образом, Демократический совет фактически санкционировал безответственность власти, т. е. нарушил принцип, ради защиты которого он был образован³. Расчистив кадетам дорогу к власти, Демократический совет — детище Демократического совещания — ушел в небытие, чтобы после пополнения цензовыми элементами воскреснуть по воле Керенского в виде Временного совета республики — Предпарламента.

В сформированное Керенским 25 сентября третье коалиционное правительство вошли кадеты Н. М. Киш-

¹ ЦГАОР СССР, ф. 1238, оп. 1, д. 10, л. 9.

² Там же, л. 14; д. 12, л. 12.

³ См. стенограмму заседания Всероссийского демократического совета — ЦГАОР СССР, ф. 1238, оп. 1, д. 13, лл. 1—20. Решение было принято поздно ночью. Вышедшие 24 сентября «Дело народа» (передовая «Предпарламент»), «Рабочая газета» (передовая «На пути к решению»), не успев «перестроиться», твердили еще о «подотчетности» и ответственности власти перед Предпарламентом.

кин, А. В. Карташев, А. И. Коновалов и примыкающий к кадетам С. Н. Третьяков. О роли кадетов в правительстве нельзя судить по числу доставшихся им министерских портфелей. По существу, кадетский ЦК имел решающее значение в определении политической линии третьего коалиционного правительства. Коновалов — министр торговли и промышленности — был вместе с тем заместителем министра-председателя. Коновалов и Кишкин (министр государственного призрения) являлись личными друзьями Керенского и оказывали на него большое влияние. Ежедневно по вечерам кадеты-министры встречались с представителями ЦК партии — Набоковым, Аджемовым, Шингаревым, Винавером и Милюковым (вернувшимся в начале октября в Петроград) для информации и принятия решений¹. Коновалов и Кишкин, отмечает Милюков, пользовались своим положением «для проведения общих взглядов и решений упомянутого кружка»².

Первейшей задачей Временного правительства кадеты считали «решительную борьбу с анархией», «установление порядка в стране»³, т. е. подавление революционного движения и упрочение буржуазного строя. Предпарламент призван был дать правительству твердую опору, которой у него не было: демократия, как показало даже подтасованное соглашателем Демократическое совещание, была враждебна кадетам, а буржуазно-помещичьи круги и генералитет не простили Керенскому его измены Корнилову. Предпарламент, как указывал один из его «архитекторов» Аджемов, призван был «дать должный отпор Советам»⁴. Набоков отмечал впоследствии, что, создавая Совет республики, обе сговаривавшиеся стороны — «социалисты» и кадеты — «преследовали совершенно определенную цель — укрепить Временное правительство в его борьбе с большевизмом»⁵.

Таким образом, кадеты, отстраненные после разгрома корниловщины от государственной деятельности, в конце сентября вновь стали с помощью лидеров меньшевиков и эсеров участниками правительственной коалиции и получили возможность для активного проведения своей политики подавления революции.

¹ См. В. Д. Набоков. Указ. соч., стр. 83.

² П. Н. Милюков. Указ. соч., вып. III, стр. 77—78.

³ См. там же, стр. 52; «Русская воля», 26 сентября 1917 г.

⁴ См. «Рабочий путь», 10 октября 1917 г.

⁵ В. Д. Набоков. Указ. соч., стр. 79.

Глава восьмая

**БОЛЬШЕВИКИ. КУРС
НА ВООРУЖЕННОЕ ВОССТАНИЕ**

**1. ОТНОШЕНИЕ К ЛОЗУНГУ
«ВСЯ ВЛАСТЬ СОВЕТАМ!»**

Большевики, проводя в период двоевластия лозунг «**Вся власть Советам!**», стремились создать единый с меньшевиками и эсерами фронт против буржуазии и таким путем привлечь к борющемуся за социализм рабочему классу непролетарские трудящиеся массы. Переход в июльские дни лидеров меньшевиков и эсеров на сторону контрреволюционной буржуазии вынудил большевиков временно отказаться от прежнего лозунга. Отныне только путем бескомпромиссной борьбы с меньшевиками и эсерами, разоблачения их предательской роли можно было добиться сплочения масс, которые еще поддерживали эти партии, вокруг революционного пролетариата. В статье «**Политическое положение**», написанной 10 июля, В. И. Ленин теоретически обосновал необходимость временного снятия лозунга «**Вся власть Советам!**». «Лозунг перехода всей власти к Советам, — отмечалось в статье, — был лозунгом мирного развития революции, возможного в апреле, мае, июне, до 5—9 июля, т. е. до перехода фактической власти в руки военной диктатуры. Теперь этот лозунг уже неверен, ибо не считается с этим состоявшимся переходом и с полной изменой эсеров и меньшевиков революции на деле»¹.

Не все в партии сразу поняли необходимость снятия лозунга «**Вся власть Советам!**», несоответствие его сложившейся обстановке. Резолюция расширенного совещания ЦК партии 13—14 июля не подчеркивала факта ликвидации двоевластия и необходимости снятия лозунга «**Вся власть Советам!**»². По этому поводу В. И. Ле-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 2—5.

² См. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», т. 1. М., 1970, стр. 480—482.

нин в статье «К лозунгам», написанной в середине июля в Разливе, заметил: «Слишком часто бывало, что, когда история делает крутой поворот, даже передовые партии более или менее долгое время не могут освоиться с новым положением, повторяют лозунги, бывшие правильными вчера, но потерявшие всякий смысл сегодня...»¹

Вопрос о лозунге «Вся власть Советам!» детально обсуждался VI съездом РСДРП(б). В докладе о политическом положении, с которым выступил 30 июля 1917 года И. В. Сталин, была изложена разработанная В. И. Лениным новая тактика партии. «До 3 июля, — говорил докладчик, — была возможна мирная победа, мирный переход власти к Советам... Но теперь, после того как контрреволюция организовалась и укрепилась, говорить, что Советы могут мирным путем взять власть в свои руки, — значит, говорить впустую. Мирный период революции кончился, наступил период немирный, период схваток и взрывов...»²

Обсуждение шло активно, страстно, заинтересованно. Выступавшие аргументировали свою позицию доводами марксистской науки, опытом прошлых и настоящей революций. В ходе прений поступило предложение сократить число выступающих. «Я возражаю... — заявил Ем. Ярославский. — Вопрос — чрезвычайной важности, и потому я предлагаю не сокращать списка ораторов»³. Его поддержали Н. А. Скрыпник, Д. З. Мануильский. Обсуждение было продолжено. Многие (Н. С. Ангарский, Е. А. Преображенский, И. Юренев, В. Володарский, П. А. Джапаридзе, В. П. Ногин, В. Н. Залежский, Д. З. Мануильский, Ем. Ярославский) возражали против снятия лозунга «Вся власть Советам!».

В исторической литературе встречается утверждение, будто «все выступления против новой тактики... сводились к одному доводу, что Россия не созрела для социалистической революции»⁴. С этим согласиться нельзя. Лишь некоторые, в частности Ангарский и Преображен-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 10.

² «Шестой съезд РСДРП (большевиков)», стр. 114.

³ Там же, стр. 130.

⁴ См., напр., И. И. Минц. История Великого Октября, т. II, стр. 686.

ский, высказались против новой тактики из-за неверия в возможность победы социалистической революции в России. Съезд решительно осудил их попытки ревизовать принятый Апрельской конференцией курс на социалистическую революцию. Большинство же выступивших против снятия лозунга «Вся власть Советам!» разделяло стратегический курс партии. Неясные или нечеткие формулировки, встречающиеся в их выступлениях, не могут заслонить того, что в основном они стояли на ленинской платформе борьбы за переход к социалистической революции. «Эта революция является переходной к социалистической...» — говорил Володарский. «Русская революция есть революция буржуазная, которая держит курс на социалистическую», — заявил Залежский. «Мы призываем на штурм», — заявил Ярославский¹. Небезынтересна следующая деталь. После того как председательствовавший огласил предложение предоставить слово двум товарищам, поддерживавшим точку зрения Ногина — Юренева, и двум — в защиту докладчика, В. П. Ногин заявил протест против того, чтобы называть товарищей, придерживавшихся прежних лозунгов, «группой Юренева и Ногина». «У нас в партии, — сказал он, — нет резких разногласий, различие лишь в оттенках, и клички создают только недоумения»². Его поддержал Мануильский: «Товарищи, в настоящее время не может быть и речи об обособленных течениях внутри нашей партии. То, что будет принято нами на съезде, каждый из членов партии будет защищать не за страх, а за совесть»³.

Ошибка сторонников сохранения доиюльской тактики (речь идет не о нескольких оппортунистически настроенных делегатах — противниках ленинской теории социалистической революции) порождена была непониманием того, что ликвидация двоевластия исключает возможность мирного развития революции. Докладчик И. В. Сталин и другие делегаты, отстаивая ленинские тактические установки, отмечали, что снятие лозунга «Вся власть Советам!» не означает «Долой Советы!», не ведет к отказу от государства Советов. Советы, сказал

¹ См. «Шестой съезд РСДРП (большевиков)», стр. 119, 132, 140.

² Там же, стр. 134.

³ Там же.

В. П. Милютин, будут еще играть колоссальную роль, но сейчас нелепо требовать перехода к ним власти. «Мы будем говорить, — продолжал он, — об организации государственной власти, которая опиралась бы на пролетариат и беднейшие слои крестьянства»¹. Партия, указывали многие ораторы, должна готовить эти классы к вооруженному восстанию. «И если раньше, — заявил, например, А. С. Бубнов, — мы говорили о «переходе» власти, то теперь этот термин устарел, надо накапливать силы для решительного боя, для «захвата» власти»².

Принятая съездом резолюция о политическом положении одобрила ленинскую тактику, рассчитанную на подготовку рабочего класса и его союзника — деревенской бедноты к свержению, при благоприятных условиях, Временного правительства. Решению этой задачи Ленин посвятил ряд работ. В статье «Из дневника публициста. *Крестьяне и рабочие*», опубликованной 29 августа, Ленин указывал на важность разъяснения крестьянам, что осуществление их требований, изложенных в сводке 242 наказов (передача народу помещичьих земель, недопущение наемного труда и др.), невозможно без перехода власти в стране в руки рабочего класса.

Против меньшевиков и эсеров была направлена также ленинская статья «Из дневника публициста» (раздел «*Корень зла*»), опубликованная в ЦО большевистской партии 1 сентября. Ленин высмеял утверждение меньшевика Н. Суханова, будто при желании Советы смогут легко вернуть себе власть без борьбы с контрреволюцией, стоящей у власти. В. И. Ленин показал, что решительный поворот теперь абсолютно невозможен без новой революции, в ходе которой «надо *победить* враждебные классы, надо *свергнуть* защищающую их государственную власть...»³.

Принятый VI съездом РСДРП(б) курс на вооруженное восстание умело и последовательно отстаивала большевистская пресса. Она указывала трудящимся, что сложившаяся после июльских событий обстановка исключает возможность мирного развития революции. «Для того, чтобы свергнуть иго буржуазии, — разъяс-

¹ «Шестой съезд РСДРП (большевиков)», стр. 119.

² Там же, стр. 139.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 124.

няла газета Центрального Комитета партии, — необходим новый революционный подъем. Время слов миновало. О всех партиях судите по их делам. Не верьте тем, кто на словах стояли и за мир справедливый, за землю без выкупа, за всякие свободы, а на деле ведут войну по-старому, собираются сажать крестьян за самочинные захваты, сами занимаются арестами настоящих революционеров. На страже революции остался только пролетариат и его партия. Но его победа возможна только при поддержке всей крестьянской бедноты»¹. Газета кронштадтских большевиков заботилась об уяснении рабочими и всеми трудящимися, что «в результате предательства меньшевиков и эсеров в дни 3—5 июля и временной победы контрреволюции мирное развитие революции стало невозможным»². Предельно ясно газета разъясняла новую расстановку сил в стране: «У нас теперь стоят друг против друга два непримиримых лагеря: пролетариат и беднейшее крестьянство, с одной стороны, крупная буржуазия с крупным землевладением, с другой»³. Большевистская газета «Окопный набат» заклеила меньшевиков и эсеров как «газителей революции» и призвала солдат сплотиться вокруг партии большевиков, борющейся за мир, за интересы беднейших классов населения⁴. Опровергая клеветнические утверждения меньшевиков, будто большевики начали «яростный поход против Советов», печатный орган ЦК разъяснял: «Большевики ведут «поход» не против Советов, а против вас, меньшевики и эсеры, которые своими уступками контрреволюции умаляют значение Советов»⁵. «Бакинский рабочий» писал, что меньшевики и эсеры лишили Советы всякого влияния и нанесли этим революции жесточайший удар⁶. Материалы большевистских газет убедительно показывали, что после июльских событий меньшевики и эсеры окончательно переметнулись в лагерь контрреволюции. Орган самарских большевиков отмечал: «Основная борьба ведется между революционной социал-демократией, с од-

¹ «Рабочий и солдат», 6 августа 1917 г.

² «Пролетарское дело», 9 августа 1917 г.

³ «Пролетарское дело», 25 августа 1917 г.

⁴ См. «Окопный набат», 6 августа 1917 г.

⁵ «Рабочий и солдат», 26 июля 1917 г.

⁶ «Бакинский рабочий», 6 августа 1917 г.

ной стороны, контрреволюционной буржуазией и так называемыми соглашательскими партиями, с другой»¹.

Указывая рабочему классу, трудящимся массам путь дальнейшей борьбы, не скрывая ее трудностей, большевики вместе с тем поддерживали в массах уверенность в победе. Газета Харьковского комитета большевиков отмечала: «Мы готовим и будем готовить новую революцию, которая поставит у власти пролетариат... Нас не запугаете! Ибо нас миллионы, ибо наша рать растет! Ибо наша цель — социализм — наступит неминуемо»².

Оптимизм большевиков имел своим источником марксистско-ленинскую теорию, опыт самой революции. Продолжающаяся империалистическая война, нерешенность аграрного вопроса, умышленная дезорганизация фабрикантами и заводчиками промышленности, наконец, разгул контрреволюции после июльских дней (разоружение рабочих, карательные экспедиции против крестьян, введение смертной казни на фронте, ограничение прав фабзавкомов, солдатских и крестьянских комитетов) — все это не только усиливало сопротивление масс буржуазной власти, но и восстанавливало их против меньшевиков и эсеров. Большевистский лозунг создания власти из представителей революционного пролетариата и беднейшего крестьянства с каждым днем приобретал все больше приверженцев на фабриках, заводах, в казармах.

Изменения, происшедшие в политическом положении страны в результате разгрома корниловщины, поставили партию большевиков перед необходимостью пересмотреть формы и методы решения коренного вопроса социалистической революции — установления диктатуры пролетариата. В ходе борьбы против корниловского мятежа оживились Советы. Они проявили себя боевыми организациями рабочего класса и крестьянской бедноты, способными отразить натиск буржуазной контрреволюции. В Советах возросло влияние большевиков, вытеснявших оттуда меньшевиков и эсеров. В связи с этим в партии в конце августа был вновь поставлен вопрос об отношении к лозунгу «Вся власть Советам!». Неко-

¹ «Приволжская правда», 5 августа 1917 г.

² «Пролетарий», 13 августа 1917 г.

торые большевики в Петрограде и Москве высказывались за восстановление этого лозунга, другие возражали¹. Резолюция-декларация ЦК РСДРП(б) «О власти», принятая 31 августа, требовала отстранить от власти не только представителей партии кадетов, замешанной в мятеже, но цензовые элементы вообще. В ней указывалось: «Единственный выход — в создании из представителей революционного пролетариата и крестьянства власти...»² По существу, резолюция ЦК РСДРП(б) «О власти» означала возвращение к лозунгу «Вся власть Советам!»³.

В. И. Ленин, по инициативе которого партия после июльских дней сняла лозунг «Вся власть Советам!», первый открыто заявил и всесторонне обосновал возможность восстановления этого лозунга после разгрома корниловщины. Находясь на нелегальном положении в Гельсингфорсе, Ленин 1 сентября в статье «О компромиссах» сформулировал задачу, которая в резолюции ЦК «О власти» (более чем вероятно, что Владимир Ильич не знал еще тогда содержания этой резолюции⁴) лишь имелась в виду: «...возврат к доиюльскому требованию: вся власть Советам, ответственное перед Советами правительство из эсеров и меньшевиков»⁵.

¹ Вопрос об отношении к лозунгу «Вся власть Советам!» обсуждался 1 сентября на заседании Московского комитета, 4 сентября — на заседании МОБ РСДРП(б) (см. «Революционное движение в России в августе 1917 г. ...», стр. 100; ЦПА ИМЛ, ф. 60, оп. 1, д. 21, л. 19), 7 сентября на заседании Петербургского комитета большевиков (см. «Первый легальный ПК большевиков в 1917 г.», стр. 261—266).

² «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б)», стр. 38.

³ Обоснование этой точки зрения см.: А. М. Совокин. В. И. Ленин о восстановлении лозунга «Вся власть Советам!». «Вопросы истории КПСС», 1971, № 8; см. также «В. И. Ленин и революция. 1917 год». Л., 1970, стр. 307—308.

⁴ Н. Я. Иванов, ссылаясь на сообщение Г. Ровио о том, что петроградские газеты доставлялись В. И. Ленину в день их выхода, утверждает, что при написании статьи «О компромиссах» Ленин, несомненно, знал текст резолюции ЦК «О власти» (см. Н. Я. Иванов. Корниловщина и ее разгром, стр. 130). По другим данным, столичные газеты приходили в Гельсингфорс, как правило, на другой день после их выхода (см. В. И. Старцев. О некоторых работах В. И. Ленина первой половины сентября 1917 г. В кн.: «В. И. Ленин в Октябре и в первые годы Советской власти», стр. 31). Из содержания статьи «О компромиссах» не следует, что В. И. Ленин знал о резолюции ЦК «О власти».

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 134.

Вождь большевистской партии, проводившей после июльских событий курс на вооруженное восстание, предлагал теперь меньшевикам и эсерам компромисс: большевики откажутся от тактики, рассчитанной на немедленное установление диктатуры пролетариата путем вооруженного восстания, эсеры и меньшевики, со своей стороны, должны порвать с кадетами и создать правительство, ответственное перед Советами, а вся власть на местах — перейти к Советам.

В. И. Ленин отмечал, что предложение компромисса продиктовано не отсутствием благоприятных перспектив для прямого штурма капитализма, не потому, что пролетарское восстание не имеет шансов на успех. В. И. Ленин особо подчеркивал наличие у пролетариата России благоприятных предпосылок выйти победителем из войны против буржуазии¹. И если, тем не менее, В. И. Ленин предложил меньшевикам и эсерам компромисс, то лишь потому, что в результате разгрома корниловщины появились, казалось бы, некоторые новые факторы, обеспечивающие мирное развитие революции. Меньшевики и эсеры отмежевались от кадетов. 30 августа на заседании ЦИК Советов Церетели, Авксентьев, Скобелев — ревностные защитники принципа коалиции — хотя и робко, но заговорили о том, что представителям кадетов не место в правительстве². Центральные комитеты меньшевиков и эсеров, как уже отмечалось, приняли решение не посылать своих представителей во Временное правительство, если в него войдут кадеты. Учтя это, а также пятидневный опыт союза большевиков с эсерами и меньшевиками с 26 по 31 августа, способствовавшего быстрой и легкой победе над Корниловым, В. И. Ленин и предложил меньшевикам и эсерам компромисс. Сделано это было в интересах обеспечения «мирного развития революции — возможности, *крайне редкой в истории и крайне ценной*»³. Ленин был убежден, что при подлинно демократических выборах и перевыборах и при обеспечении свободы агитации большевики смогут добиться победы в Советах мирным путем. Начавшаяся полоса большевизации Советов — Петроградского 31 августа, Московского 5 сентября,

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 137.

² См. «Известия ЦИК», 31 августа 1917 г.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 135.

а вслед за ними ряда провинциальных Советов — подтверждала реальность такой перспективы. А. Ломов докладывал по возвращении из Петрограда на заседании МОБ 10 сентября: «Замечается возвращение к лозунгу «Вся власть Советам» ввиду полевения их. Питерская советская фракция склоняется тоже к этому»¹.

Мирный путь развития революции, т. е. установление в стране власти Советов как революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства с последующим перерастанием ее в диктатуру пролетариата, был возможен при условии, если меньшевики и эсеры на деле порвут с кадетами и примут компромисс, предложенный им большевиками. Факты, однако, свидетельствовали об упорном нежелании мелкобуржуазных партий порывать коалицию с буржуазией. Объединенное заседание ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов и Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов в ночь на 2 сентября отвергло предложение большевиков, отказалось взять власть в свои руки². Меншевик М. И. Скобелев заявил, что требование передачи власти Советам не стало после корниловщины более убедительным. Против большевистского предложения выступил и В. М. Чернов³. Объединенное заседание ЦИК Советов одобрило состав сформированной Керенским Директории из пяти человек (А. Ф. Керенский, А. И. Верховский, Д. Н. Вердеревский, А. М. Никитин и М. И. Терещенко).

Санкционировав Директорию, мелкобуржуазные партии показали, что, качнувшись в дни корниловщины к большевикам, они отходят теперь назад, к буржуазии. Это дало В. И. Ленину основание сделать 3 сентября приписку к неотправленной статье «О компромиссах»: «...по прочтении субботних и сегодняшних, воскресных газет, я говорю себе: пожалуй, предложение компромисса уже запоздало»⁴. В тот же день в «Проекте резолюции о современном политическом моменте» Ленин писал о возглавляемых меньшевиками и эсерами Советах, что они «упустили еще один момент мирно взять

¹ «Революционное движение в России в сентябре 1917 г. ...», стр. 28.

² См. «Известия ЦИК», 3 сентября 1917 г.

³ См. «Известия ЦИК», 2 сентября 1917 г.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 138.

всю власть в момент ликвидации восстания Корнилова»¹.

Печать мелкобуржуазных партий убеждала массы, будто устойчивую, подлинно народную власть (взамен Директории) создаст назначенное на 12 сентября Демократическое совещание. В действительности же еще перед открытием Демократического совещания стало очевидно, что лидеры меньшевиков и эсеров окончательно отвергли предложенный большевиками компромисс и не помышляют порвать правительственную коалицию с буржуазией. Тем самым возможность мирного развития революции исключалась. Это вновь повлекло за собой изменение содержания лозунга «Вся власть Советам!».

В июле большевики противопоставили этому лозунгу курс на вооруженное восстание. В начале сентября они выразили готовность отказаться от вооруженного восстания и восстановить доиюльский лозунг. Примерно с середины сентября лозунг «Вся власть Советам!» выдвигается большевиками не вместо установки на вооруженное восстание, а как ее адекватное выражение, как воплощение воли рабочего класса России и его союзников к свержению буржуазного Временного правительства и завоеванию диктатуры пролетариата.

2. РОСТ СПЛОЧЕННОСТИ ПАРТИИ

VI съезд РСДРП(б) убедительно свидетельствовал о росте сплоченности большевистской партии. Если на Апрельской конференции были представлены 78 местных партийных организаций, то на съезде — 162 организации. Конференция заслушала 11 докладов с мест, съезд же — 20, в том числе от большевистских организаций Минска, Средней Сибири, Прибалтийского края, представители которых не выступали на Апрельской конференции.

Несмотря на очевидный провал беспринципного меньшевистского плана объединения большевиков с меньшевиками, в дни работы съезда новожиженцами была принята очередная попытка в этом направлении. 30 июля в приложении к «Новой жизни» был опубликован бюллетень так называемого «Организационного бюро по

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 147—148.

созыву Объединительного съезда социал-демократической партии», адресованный, по существу, большевикам. Б. Авилов, В. Базаров, Г. Линдов в своих статьях «обосновывали» (главный их аргумент — якобы невозможность победы социалистической революции в России и осуществления социализма в одной стране) необходимость объединения интернационалистов и оборонцев. «Одной из наиважнейших и вреднейших утопий надо признать мечту, — поучал В. Базаров, — что наш пролетариат... способен стать светочем мира, показать Европе пример того, как надо делать социалистическую революцию». Новожиженцы пытались убедить большевиков в якобы несущественности их разногласий с меньшевиками, которые, мол, «тоже» являются интернационалистами. Новожиженцы выступали фактически в роли раскольников большевизма, стремясь поколебать единство революционной партии пролетариата. В. Строев в статье «К единству» призвал членов объединенных и большевистских организаций принять, вопреки своим центрам, участие в объединительном съезде. К этому же призывало «Открытое письмо большевикам» анонимного автора¹.

Орган ЦК РСДРП(б) «Рабочий и солдат» разоблачал попытки «объединителей» скрыть от рабочих глубочайшие расхождения между большевиками и меньшевиками, исключая возможность их объединения. Газета привлекла внимание рабочих к двум принципиальным заявлениям, сделанным в один и тот же день. 29 июля был опубликован проект избирательной платформы меньшевиков при выборах в Учредительное собрание, в котором подчеркивалась «неподготовленность» России к социализму и указывалось, что «добиться осуществления социализма можно будет лишь тогда, когда развитие промышленности и рост народного богатства подготовят для этого почву и когда большинство народа станет сознательными социалистами». А в статье В. И. Ленина «Начало бонапартизма», опубликованной также 29 июля, говорилось, что страна приближается к следующей эпохе, когда революционный пролетариат возьмет власть, начнет социалистическую революцию, привлечет к ней «пролетариев всех передовых стран, и

¹ См. «Новая жизнь», 30 июля 1917 г. См. также Г. Линдов. К объединению социал-демократической партии. Пг., 1917.

победит и войну и капитализм»¹. Сопоставив 2 августа в редакционной статье «К утопии объединения» большевистскую и меньшевистскую оценки перспектив революции, газета «Рабочий и солдат» делала очевидной для всех рабочих беспочвенность планов новоожизненцев объединить в одной партии оппортунистов и революционных марксистов².

Новоожизненцам не удалось привлечь на свою сторону межрайонцев, занимавших в предреволюционные годы колеблющуюся между большевиками и меньшевиками позицию. Состоявшаяся в начале мая конференция межрайонцев приняла по вопросам о войне и об отношении к Временному правительству резолюции, близкие по своему содержанию к резолюциям Апрельской конференции большевиков³. Учитывая это, ЦК РСДРП (б) признал желательным объединение с межрайонцами. В. И. Ленин, присутствовавший на конференции межрайонной организации, предложил принять резолюцию, предусматривавшую немедленное объединение⁴. Однако конференция не приняла текст резолюции. По-видимому, руководители «межрайонки» (в их числе был Троцкий, вернувшийся в начале мая из эмиграции) еще надеялись найти приверженцев на местах, связаться с ними и в качестве общероссийской организации иметь возможность проводить свою «особую» линию. Представители «межрайонки» выезжали в Мурманск, Полтаву, Гомель, Киев, добываясь от местных интернационалистских организаций признания Петербургского междурайонного комитета своим центром⁵. Но руководителям «межрайонки» не удалось превратить ее в общероссийскую организацию. Подлинно интернационалистские организации сплывались вокруг большевистской

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 52.

² См. «Рабочий и солдат», 2 августа 1917 г. Разоблачению планов новоожизненцев были посвящены также статьи в этой газете 3, 19, 20, 22 августа 1917 г.

³ Общегородская конференция Петербургского междурайонного комитета объединенных социал-демократов состоялась 7—11 мая 1917 года. Присутствовало 58 делегатов (в июле 1917 года в межрайонной организации насчитывалось 4000 членов). С докладом об отношении к Временному правительству выступил М. С. Урицкий. (О резолюциях конференции см. А. Луначарский. Расслоение социал-демократии. «Летопись», 1917, № 5-6.)

⁴ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 112—113.

⁵ См. «Вперед», 1917, № 5, стр. 14; № 6, стр. 14; № 8, стр. 10.

партии. Принципиальная и в то же время гибкая политика большевиков по отношению к интернационалистам, на деле порывавшим с оборонцами (например, заключение блока с межрайонцами на выборах в районные думы), подготавливала вступление подлинных интернационалистов в РСДРП(б). «...Центральный Комитет решил сделать все возможное для объединения всех интернационалистских элементов социал-демократии»¹, — отмечалось в письме Секретариата ЦК от 1 июля, подписанном Я. М. Свердловым и В. Р. Менжинской. Междурайонный комитет под давлением рядовых членов своей организации вынужден был пойти на объединение с партией большевиков. В конце июня по соглашению между ЦК большевиков и Междурайонным комитетом было образовано Организационное бюро по созыву VI съезда РСДРП(б).

Организационное бюро приглашало на партийный съезд с решающим голосом «все с.-д. организации, стоящие на почве интернационализма: организации, связанные с ЦК, межрайонцев, м-ков интернационалистов и проч.»². Резолюция съезда «Об объединении партии» нанесла удар по беспринципным «объединительным» планам новоожизненцев. Съезд решительно высказался против всяких попыток «примирения империалистских и революционно-интернационалистских элементов социализма путем „объединительного съезда...”»³. Принятие в РСДРП(б) межрайонцев⁴, раскол объединенных и создание новых большевистских организаций на местах означали полный провал планов меньшевиков дезорганизовать ряды большевистской партии.

После VI съезда большевики форсировали разрыв с меньшевиками в сохранившихся еще объединенных организациях. Окончательный переход меньшевиков в лагерь контрреволюции дискредитировал их в глазах рабочих. Рядовые члены первоначально неопределившихся организаций становились убежденными большевиками. Так, вопреки меньшевикам, преобладавшим в Костром-

¹ Я. М. Свердлов. Избр. произведения, т. 2. М., 1959, стр. 15.

² «Правда», 29 июня 1917 г.

³ «Шестой съезд РСДРП (большевиков)», стр. 269.

⁴ Последующие события показали, что Троцкий и его ближайшие сторонники, вступив в числе межрайонцев в РСДРП(б), не отказались от антиленинских взглядов и пытались подорвать партию изнутри, подменить ленинизм троцкизмом.

ском, Херсонском, Полтавском комитетах, большинство членов подчиненных этим комитетам организаций вошло в состав созданных в августе—сентябре большевистских коллективов¹. Повышение политической сознательности революционно настроенных членов объединенных организаций, уяснение ими несоциалистической природы меньшевизма предreshали окончательное организационное самоопределение всех большевиков. На Томской губернской конференции делегат из Кемерово говорил: «До событий 3—5 июля мы не разбирались в с.-д. течениях, но эти события, а особенно теперь корниловщина, пробудили интерес к вопросам политической жизни, и организация наша определилась как большевистская»². При расколе ряда объединенных организаций большевикам удавалось повести за собой многих меньшевиков-интернационалистов (в Баку, Калуге, Витебске, Одессе, Николаеве, Челябинске и др.).

В августе 1917 года собрание Могилевской объединенной организации большинством голосов (большевиков и меньшевиков-интернационалистов) постановило порвать с меньшевистским ОК. В знак протеста меньшевики-оборонцы вышли из организации, и она стала называться объединенной с.-д. организацией интернационалистов и большевиков. Руководящая роль в комитете принадлежала большевикам (А. Н. Залманзон, А. И. Черницкий и др.)³.

В августе—октябре 1917 года оформились большевистские организации в губернских городах Европейской России (Костроме, Курске, Рязани, Тамбове, Пензе, Полтаве, Херсоне, Кишиневе, Могилеве, Пскове, Астрахани, Симбирске, Оренбурге, Уфе), Кавказа (Владикавказе, Батуме, Карсе, Кутаисе), Сибири (Томске, Омске, Иркутске), Дальнего Востока (Благовещенске, Хабаровске). Самостоятельная большевистская организация образовалась в октябре в Семипалатинске. Большевики

¹ См. «Установление Советской власти в Костроме и Костромской губернии (март 1917—сентябрь 1918). Сборник документов». Кострома, 1957, стр. 96; «Переписка секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями», т. 1, стр. 310, 358, 486.

² «Борьба за власть Советов в Томской губернии (1917—1919 гг.). Сб. документальных материалов». Томск, 1957, стр. 118.

³ См. «В борьбе за Октябрь в Белоруссии и на Западном фронте», стр. 151, 164. В конце 1917 года в Могилеве была создана самостоятельная большевистская организация.

других городов Средней Азии (Ташкента, Ашхабада, Самарканда, Скобелева) не успели к октябрю 1917 года оформить свои организации, но фактически они уже порвали с меньшевиками и были в контакте с ЦК РСДРП(б)¹. Таким образом, еще в 29 губернских городах в июле — октябре стали функционировать большевистские коллективы. При расколе объединенных организаций большевики, как правило, уводили с собой пролетарскую, интернационалистски настроенную часть организации.

Следовательно, в октябре 1917 года большевистские комитеты действовали в 63 (в апреле 1917 года — в 14) из 68 упомянутых выше губернских городов. Это значит, что в канун Октябрьского штурма почти повсеместно² завершился выход большевиков из объединенных организаций. Попытки меньшевиков подорвать единство РСДРП(б) провалились. Идейно и организационно сплоченная партия большевиков самоотверженно готовила рабочий класс и широкие трудящиеся массы к низвержению буржуазной власти.

3. ПАРТИЙНОСТЬ МАСС. БОЛЬШИНСТВО ПОЛИТИЧЕСКИ АКТИВНЫХ РАБОЧИХ И СОЛДАТ — ЗА РСДРП (БОЛЬШЕВИКОВ)

«...Партийность, — писал В. И. Ленин, — есть в одно и то же время и условие и показатель политического развития. Чем более политически развиты, просвещены, сознательны данное население или данный класс, тем выше, по общему правилу, его партийность»³. В. И. Ленин подчеркивал важность изучения уровня партийности, в частности, «в интересах выяснения связи партий с *классами*»⁴.

Как следует понимать ленинское положение о партийности населения, класса? Нам представляется, что это

¹ См. В. В. Аникеев. Указ. соч. «Вопросы истории КПСС», 1958, № 3, стр. 139—140; «Очерки истории Коммунистической партии Узбекистана». Ташкент, 1968, стр. 59.

² В Петрозаводске, Вологде, Эривани, Якутске, Чите самостоятельные большевистские организации оформились после победы Октябрьской революции.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 190.

⁴ Там же.

социальное явление включает: а) осознание классовых позиций политических партий; б) различное в зависимости от этого отношение к партиям: поддержка (политическая, моральная, материальная) одних, осуждение и борьба против других; в) членство в партии, как высшее проявление классовой сознательности и решимости действовать во имя интересов данного класса.

Наиболее общее представление об отношении большинства населения России к политическим партиям в период, предшествовавший победе Октября, можно получить из анализа результатов выборов в органы местного самоуправления¹.

15 апреля 1917 года Временное правительство под давлением революционных масс вынуждено было издать постановление о проведении выборов в городские и районные думы на основе всеобщего избирательного права.

Первые выборы состоялись 27 мая — 4 июня (в районные думы Петрограда) и 25 июня (в городскую думу Москвы). В июле—августе каждое воскресенье в двух-трех десятках городов избирались новые городские думы. К середине октября выборы были проведены в 650 городах из 798, предусмотренных правительственным постановлением.

Во второй половине августа — сентябре происходили выборы в волостные земства, в сентябре — октябре — в уездные земства.

В городах избирательная кампания проходила, как правило, активно, в среднем в ней участвовало 57 процентов избирателей, причем городские низы (рабочие, работницы, солдаты, мелкий люд), по признанию «Речи», проявляли бóльший интерес к выборам, чем буржуазные слои населения. В сельской местности выборы в земства проходили менее активно. В лучшем случае в выборах участвовала половина избирателей.

На выборах конкурировали списки отдельных партий (большевиков, меньшевиков, эсеров, кадетов и др.), блоков партий (чаще всего список «социалистических» партий: меньшевиков, эсеров и родственных им организаций) и внепартийные списки (сословные, профес-

¹ Следует отметить, что сама избирательная кампания и необходимость решать, за какой список голосовать, стимулировали рост партийности населения.

сиональные, национальные¹, конфессиональные² и др.). В крупных городах избиратели отдавали предпочтение спискам партий. Напротив, в малых городах и сельской местности партийные списки еще не пользовались широкой популярностью.

Общее представление об итогах выборов в городские думы можно получить из таблицы на стр. 367.

Из таблицы видно, что в уровне партийности жителей крупных и малых городов имелся большой разрыв. Первые в подавляющем большинстве тяготели к партийным спискам, вторые — жители небольших городов (а также сельское население), еще не успевшие уяснить сущность различий между партиями, — голосовали за внепартийные списки (за внепартийные списки в губерн-

¹ В Предпарламенте в октябре 1917 года были представлены 16 буржуазных и мелкобуржуазных националистических партий и организаций (ЦГАОР СССР, ф. 1239, оп. 1, д. 21, л. 105). Многие мелкобуржуазные национальные партии именовали себя «социалистическими» и находились под идейным влиянием эсеров и энесов. 8 августа в Петрограде открылась конференция «национальных социалистических партий», созванная Объединенным советом этих партий. На ней были представлены: грузинская революционная партия социалистов-федералистов; еврейская с.-д. рабочая партия (Поалей Цион); партия социалистов-народников Литвы, имевшая свои организации в Петрограде, Москве, Твери, Орле и некоторых других городах; Белорусская громада; партия эсеров эстонских; осетинская социалистическая группа (см. «Новая жизнь», 9 августа 1917 г.; Музей Великой Октябрьской социалистической революции, ф. II. 16543/1—4). Предложенная организаторами конференции платформа, согласно которой только с санкции Учредительного собрания возможно предоставление независимости отдельным нациям, вызвала возражения. «Некоторые, — отмечалось в газетном отчете, — высказались против всякой санкции, исходящей от общегосударственных органов, считая *волеизъявление народа самой высшей и самодовлеющей санкцией*» («Новая жизнь», 11 августа 1917 г.).

² После Февральской революции церковнослужители в большинстве своем поддерживали кадетов. Отдельные представители духовенства под флагом «христианского социализма» стали создавать организации, ориентировавшиеся на мелкобуржуазные партии, в частности «Союз новых христиан — социалистов» (см. под этим названием программу союза, вышедшую в 1917 году в Киеве), христианско-демократическую партию (она предложила меньшевикам избирательный блок на выборах в Учредительное собрание, который был 31 июля 1917 года отклонен бюро ОК меньшевиков) (ЦПА ИМЛ, ф. 275, оп. 1, д. 10, л. 35). В августе 1917 года было объявлено о создании в Москве «церковно-социалистической» партии. В организации партии приняли участие обер-прокурор Синода В. Н. Львов (брат председателя помещичьего Союза земельных собственников Н. Н. Львова), правый эсер П. Н. Иваницкий и др. (см. «Земля и воля», 27 августа 1917 г.).

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ГЛАСНЫХ ПО ПАРТИЯМ НА ВЫБОРАХ В ГОРОДСКИЕ ДУМЫ, СОСТОЯВШИХСЯ В МАЕ—СЕНТЯБРЕ 1917 г. В 463 ГОРОДАХ РОССИИ (в % к ОБЩЕМУ ЧИСЛУ ГЛАСНЫХ)¹

Партии и группы	В 50 губер- ских городах	В 413 уездных городах
Большевики	7,5	2,3
Меньшевики	7,3	4,5
Эсеры	16,5	9,4
Блок социалистических партий . . .	34,4	20,5
Кадеты	12,9	5,3
Национальные группы	7,8	7,3
Внепартийные	13,6	50,7

ских городах было подано всего 13,6 процента голосов, в уездных и безуездных — 50,7 процента). Было бы, однако, неверно делать отсюда вывод об аполитичности большинства населения малых городов. Наибольшей популярностью здесь (в противовес спискам групп домовладельцев и других буржуазных организаций) пользовались списки Советов, профсоюзов, с которыми трудящиеся массы связывали дальнейшее углубление и развитие революции. На выборах в земства чаще всего фигурировали списки Советов крестьянских депутатов и редко, преимущественно в рабочих поселках, партийные списки².

Учитывая опыт избирательных кампаний 1917 года в России, В. И. Ленин сделал вывод: «Народ голосует не за лиц, а за партию. Партийность в России весьма велика, и перед народом партия имеет определенное политическое лицо»³.

¹ См. „Известия Всероссийского союза городов“, 1917, № 47-48, стр. 92.

² На выборах, состоявшихся 25—28 июля в 29 волостных земствах Пермской губернии, партийные списки были выдвинуты только в 9 волостях (4 списка с.-р., 3 большевистских, 3 меньшевистских, 2 кадетских, 1 эсеро-меньшевистский, 1 с.-д. интернационалистов и 1 объединенных с.-д.) (ГАПО, ф. 695, оп. 1, д. 17, лл. 4—7).

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 110.

Приведенные в таблице суммарные данные о соотношении голосов, полученных отдельными партиями почти за весь период муниципальных выборов, не позволяют судить о тех тенденциях, сдвигах, которые происходили под влиянием революции в политическом сознании масс. В этом отношении представляет интерес сопоставление итогов выборов на начальном и завершающем этапах избирательной кампании. В 37 городах, в которых выборы проходили в мае — начале августа, эсеры составили 44 процента всех гласных, меньшевики — 7, большевики — 5 процентов. Но по мере увеличения числа вновь избранных городских дум соотношение в них гласных заметно изменилось в пользу большевиков. Так, из общего числа гласных, избранных к середине сентября в 84 городах (21 город с населением свыше 100 тысяч, 23 — с населением более 50 тысяч и 40 небольших городов), эсеров по-прежнему было 44 процента, меньшевиков — 8 процентов вместо 7, а большевиков — 12 процентов вместо 5. Причем в крупнейших городах большевики составили 15 процентов всех гласных, а в крупных — 14 процентов¹. Следовательно, в крупнейших городах, в значительной степени определявших развитие классовой борьбы в стране, начиная с августа 1917 года влияние большевиков росло особенно быстро.

Одну из первых побед большевики одержали 2 июля в г. Красноярске². В ознаменование победы на выборах Красноярский комитет большевиков организовал 9 июля торжественную манифестацию. На улицы города вышло с большевистскими лозунгами примерно 10 тысяч рабочих и солдат³.

На выборах, происходивших непосредственно после июльских событий, положение большевиков оказалось чрезвычайно трудным. Политические противники, под-

¹ «Самоуправление», 1917, № 6-7, стр. 43; «Партийные известия» (ЦК с.-р.), 1917, № 3, стр. 8.

² Формально на выборах победил список Красноярской с.-д. организации, включавший большевиков и меньшевиков. Список собрал около 9000 голосов — столько же, сколько остальные семь, включая списки кадетов и эсеров. Фактически это была победа большевиков, незадолго перед выборами порвавших с меньшевиками. Из 41 гласного, прошедшего в думу по с.-д. списку, 38 были большевики; 3 меньшевика образовали в думе отдельную фракцию («Красноярский рабочий», 4 июля и 3 августа 1917 г.).

³ «Красноярский рабочий», 9 и 11 июля 1917 г.

хватив гнусные измышления Алексинского, повсеместно вели травлю большевиков. 9 июля на выборах в Харьковскую городскую думу большевики получили всего 11 мест (эсеры — 54, кадеты — 16, блок меньшевиков и бундовцев — 13)¹. Примерно таким же был результат выборов в Нижегородскую думу 16 июля (эсеры получили 40 мест, кадеты — 25, меньшевики — 12, большевики — 4)².

Однако такое положение сохранялось недолго. На выборах в Кронштадтском районе 23—25 июля большевики заняли второе место — после эсеров, среди которых большинство составляли левые эсеры³. С августа 1917 года победа большевиков на городских выборах перестала быть редким явлением. По количеству полученных голосов и соответственно по числу мест в думе большевики заняли первое место на выборах в Луганске и Ревеле (6 августа), Риге (13 августа), Твери, Орехово-Зуеве и Нарве (20 августа), Виннице и Иваново-Вознесенске (27 августа). Было бы неверно думать, что в этих городах программа партии большевиков пользовалась среди трудящихся преобладающим влиянием с первого дня революции в отличие от большинства других городов, в которых на выборах побеждали эсеры и меньшевики. Здесь, как и повсеместно, в марте — апреле за большевиками шли лишь наиболее сознательные, кадровые пролетарии. Значительная же часть избирателей, голосовавших за списки партии большевиков, убедилась в ее правоте только в ходе революции. Многие из тех, что на городских выборах в мае—июле еще голосовали за эсеров и меньшевиков, перешли затем на сторону большевистской партии.

Особенно важно отметить, что в городах, где муниципальные выборы в рассматриваемый период по различным причинам производились дважды, вторые выборы неизменно оказывались для большевиков благоприятнее первых (см. таблицу на стр. 371). Сопоставление итогов августовско-сентябрьских выборов в Петрограде и Москве с выборами, состоявшимися здесь несколькими

¹ «Пролетарий» (Харьков), 13 июля 1917 г.

² «Интернационал» (Нижний Новгород), 19 июля 1917 г.

³ В самом Кронштадте большевики получили 9027 голосов, а левые эсеры — 8346. Перевес эсеровскому списку дали форты Инс и Красная Горка, которые усердно опекали Авксентьев, Дан, Войтинский (там за эсеров проголосовало 2351 человек, а за большевиков — 756) (см. «Пролетарское дело», 30 июля 1917 г.).

месяцами раньше, послужило для В. И. Ленина одним из доказательств происшедшего поворота масс от соглашателей к большевикам. Он отметил, что выборы 20 августа в Петрограде доказали развал партий эсеров и меньшевиков¹. Сентябрьские выборы в Москве Ленин оценивал как один «из наиболее поразительных симптомов глубочайшего поворота в общенациональном настроении»².

После выборов в Царицынскую думу 27 августа местная меньшевистская газета сообщала: «Вчера с утра начался подсчет избирательных записок во всех избирательных участках, сразу же обнаруживший преобладание во всех участках за списком большевиков»³. Внутренней была победа большевиков и на повторных выборах в Самарскую городскую думу.

Выборы в этих городах, принесшие победу большевикам, интересны тем, что на них наиболее рельефно проявилась *общая для всей страны тенденция*: усиление в ходе революции влияния партии большевиков и ослабление позиций ее политических противников⁴. Каким классам и социальным группам большевики были обязаны неуклонным усилением своих позиций? Можно сказать, в различной степени всем — рабочим; крестьянам, солдатам, средним городским слоям, т. е. всем, исключая эксплуататоров (последние голосовали, как правило, за кадетов, обеспечивая им стабильный результат на выборах)⁵. В мае—июне за большевиков голосовали преимущественно рабочие, притом наиболее сознательные, революционно настроенные. Подводя итоги выборов в Московскую городскую думу, М. С. Ольминский отмечал, что еще значительная часть пролетариата голосо-

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 337.

² Там же, стр. 278.

³ «Рабочая мысль», 29 августа 1917 г.

⁴ В статье, посвященной итогам муниципальных выборов, журнал ЦК РСДРП(б) отмечал: «Увеличение числа голосов, поданных за большевистских гласных в Москве, Петрограде и некоторых других городах за время с июня по конец сентября, показывает, что влияние нашей партии распространяется усиливающимся темпом» («Город и земство», 1917, № 1, стр. 26). Этот факт признавался даже во враждебных большевикам изданиях (см., напр., В. Руднев. Земское и городское самоуправление в 1917 году. В кн. «100 лет русской революции», стр. 141).

⁵ В некоторых городах кадетам еще удается получить значительное число мест (напр., в г. Алексине Тульской губернии, в Рязани), но «городов, где победа достается кадетам, почти нет» («Русские ведомости», 2 августа 1917 г.).

СООТНОШЕНИЕ ГОЛОСОВ (В %), ПОЛУЧЕННЫХ ОСНОВНЫМИ ПОЛИТИЧЕСКИМИ ПАРТИЯМИ В ОТДЕЛЬНЫХ ГОРОДАХ В ХОДЕ МУНИЦИПАЛЬНЫХ КАМПАНИЙ

Города	Дата выборов	Больше-вики	Меньше-вики	Эсеры	Кадеты	Источники
Петроград	27 мая— 4 июня	19,4	55		25,6	„Известия городской думы“, 1917, № 5-6, стр. 98
	20 августа	33,6	4,3	37,4	20,8	„Дело народа“, 22 августа 1917 г.
Москва	25 июня	11	12	58	17	„Новая жизнь“, 29 сентября 1917 г.
	24 сентября	47	4	14	30	
Царицын	9 июля	37	40		?	Приблизительный подсчет по „Рабочей мысли“, 12 июля 1917 г.
	27 августа	44,4	10,28	14,35	2,3	„Рабочая мысль“, 29 августа 1917 г.
Самара	15 августа	17,8	?	50	?	„Приволжская правда“, 3 октября 1917 г.
	1 октября	31,5	2,2	29,8	13	„Городской вестник“, 4 октября 1917 г.

вала за эсеров, следовательно, шла за партией, поддерживавшей буржуазию¹. Харьковская большевистская газета, комментируя итоги выборов в местную думу, писала: «За нас голосовали только наиболее сознательные рабочие» — и выражала уверенность, что малосознательные и колеблющиеся слои населения под влиянием фактов убедятся в правоте большевиков². Естественно, что наиболее сознательные рабочие своими лишь голосами не могли обеспечить партии большевиков победу на выборах. Соглашательские партии выступали в роли победителей постольку, поскольку за них голосовали средние городские слои, многие солдаты и малосознательные рабочие. Примерно с августа 1917 года результаты выборов стали указывать на падение престижа мелкобуржуазных партий и быстрое усиление позиций большевиков. «Слово «большевик», — писал 6 сентября Я. М. Свердлов, —... стало синонимом решительного революционера. И ни одна партия не пользуется таким влиянием, как наша»³. Даже «Дело народа» вынуждено было признать, что большевизм «усилился численно за счет с.-р. и меньшевистских трудовых масс»⁴.

Таким образом, выборы в органы местного самоуправления, проводившиеся в России в течение всего периода подготовки Октября, отразили рост партийности, усиление политического размежевания в стране. Раньше других проявило дифференцированный подход к политическим партиям население крупных городов, промышленных, административных и культурных центров. Постепенно число людей, способных различать политические партии, увеличивалось и в менее крупных городах и даже в сельской местности. Можно сказать, что основная масса избирателей голосовала на выборах не за отдельных лиц и не за беспартийные группы, а за политические партии (там же, где последние не глумились еще глубоких корней, — за списки Советов)⁵. Причем, по

¹ См. М. Ольминский. Выборы в Москве. «Социал-демократ», 28 июня 1917 г.

² См. «Пролетарий», 13 июля 1917 г.

³ «Рабочий путь», 6 сентября 1917 г.

⁴ «Дело народа», 12 сентября 1917 г.

⁵ Это, конечно, не исключает, что в ряде районов, особенно в отдаленных от промышленных центров, население было мало просвещено в вопросе о партиях, пассивно относилось к выборам, выдвигало кандидатов по персональному, а не партийному принципу. Из Петрозаводска, например, сообщали, что, судя по опыту прошлого,

мере того как трудящиеся массы распознавали истинное лицо политических партий, они становились на сторону партии большевиков. Если в первые месяцы революции значительная часть рабочих (менее сознательная, сохранившая больше связей с деревней), солдаты и средние городские слои поддерживали меньшевиков и эсеров, то по мере развития революции и они поворачивали к большевикам.

В России к осени 1917 года было достигнуто то, что В. И. Ленин считал решающим условием победоносной революции: большинство сознательных, мыслящих, политически активных рабочих вполне поняло необходимость социалистического переворота и готово было идти на смерть ради него¹. Особенно отчетливо это наблюдалось в столице страны.

Как уже отмечалось, в марте — апреле большевиков поддерживало большинство рабочих 17 крупнейших петроградских заводов и фабрик. С каждым последующим месяцем революции число предприятий, где большинство рабочих перешло на сторону РСДРП(б), возрастало.

Помещаемая ниже таблица² отражает процесс большевизации основной массы рабочих 56 крупнейших заводов и фабрик, которые в марте — апреле солидаризировались с линией Петроградского Совета, не различая представленных в нем партий.

Кроме того, в сентябре — октябре большевиков стала поддерживать основная масса рабочих 6 крупнейших предприятий (с общим числом рабочих 36 500 человек), где в начале революции преобладали меньшевики и эсеры.

на предстоящем 10 августа губернском съезде кандидаты в Учредительное собрание «будут крестьянством выдвигаться не партийные (в смысле рекомендации их партиями), а персональные. Будут выдвигать «хороших людей», «олонян». Роль «личностей» на крестьянском съезде будет решающей» (см. об этом ЦПА ИМЛ, ф. 275, оп. 1, д. 27, л. 226). «Выборы в волостные земства прошли под флагом личных кандидатур (политическое сознание крестьян в уезде низко)», — сообщалось из Купянска в сентябре 1917 года (там же, д. 18, л. 15).

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 70.

² Таблица составлена на основе анализа резолюций и других материалов, в которых отразилось отношение большинства рабочих рассматриваемых предприятий к политическим партиям. Разумеется, приведенные данные, учитывая характер и состояние источников (о них см. стр. 74—75), не претендуют на абсолютную точность.

	Поддерживали партию большевиков в 1917 г.		
	с мая— июня	с июля— августа	с сентяб- ря— октября
Количество предпри- ятий	13	11	32
Общее число рабо- чих на этих предприя- тиях	72 000	38 555	136 931

В мае — июне опорой большевиков стала основная масса рабочих заводов Барановского, Нобеля, «Феникс», Эриксона (Выборгская сторона), Франко-Русского (2-й Городской район), «Вулкан» (Петроградская сторона) и др. Вулкановцы, приветствовавшие 26 марта И. Г. Церетели, 6 июня при перевыборах Совета забаллотировали кандидатов церетелевской партии. Все четыре места от них в Совете достались большевикам. На «Вулкане», вспоминает рабочий завода И. А. Остолопов, «только большевики и межрайонцы, которые объединились с большевиками в июльские дни, являлись хозяевами положения»¹. Особенно важное значение имела победа большевиков на Путиловском заводе. В первые месяцы революции там преобладали эсеры и меньшевики. Выступление В. И. Ленина на митинге путиловцев оставило глубокий след в сознании рабочих. Резолюция в поддержку коалиционного правительства, принятая на митинге рабочих Путиловского завода 14 мая после выступления М. И. Скобелева и Ф. И. Дана², явилась последним успехом соглашателей на заводе. 18 июня путиловцы вышли на улицу с большевистскими лозунгами. «Путиловский завод, определяющий настроение всего района, определенно встал на нашу сторону...»³ — отмечалось на заседании ПК 20 июня.

Среди предприятий, ставших на большевистские позиции в июле — августе, были рабочие Адмиралтейского судостроительного завода, «Треугольника», Путиловской судовой верфи. В сентябре — октябре вокруг РСДРП(б)

¹ ЛПА, ф. 4000, оп. 5, д. 1249, л. 2об.

² См. «Рабочая газета», 16 мая 1917 г.

³ «Первый легальный ПК большевиков в 1917 г.», стр. 188

сплотилось большинство рабочих Балтийского, Металлического и ряда других заводов. Июльские события и особенно корниловщина излечили рабочих от иллюзии, будто власть, основанная на коалиции с буржуазией, может вывести страну из тупика. 18 сентября на двухтысячном митинге рабочие Балтийского завода заявили о своем присоединении к большевистской резолюции и потребовали перехода всей государственной власти в руки Советов¹. 1 сентября 8 тысяч рабочих Металлического завода потребовали покончить с политикой соглашательства с капиталистами². Рабочие Александровского и Невского заводов в июльские дни были в массе своей еще далеки от большевиков. В середине августа наступил перелом: рабочие обоих заводов стали опорой большевиков³.

Корниловский мятеж оттолкнул, наконец, от меньшевиков и эсеров рабочих тех заводов, которые недавно, казалось, являлись их надежной опорой: Арсенала, Патронного, «Промет», Оружейного, Вестингауза, Обуховского.

Петроградские большевики приложили немало усилий для привлечения рабочих этих заводов на свою сторону. Показательно следующее. В «Журнале учета проведенных лекций и митингов агитаторами ПК РСДРП(б)» с 23 июля по октябрь 1917 года отмечено 5 выступлений на 4 предприятиях из 17, поддерживавших большевиков с начала революции⁴, и 8 выступлений на 4 предприятиях из 6, на которых первоначально было засилие соглашателей⁵. Агитационно-пропаган-

¹ ЛГАОРСС, ф. 4598, оп. 1, д. 9, л. 10.

² См. «Рабочий путь», 3 сентября 1917 г.

³ См. «Пролетарий», 19 августа 1917 г.; «Рабочий», 1 сентября 1917 г.

⁴ После выступления 27 августа на заводе «Розенкранц» лектор Н. К. Антипов записал в «Журнале»: «Завод давно наш, и о результатах писать нечего» (ЛПА, ф. 1, оп. 1, д. 21, л. 41).

⁵ На Арсенале, Патронном, Оружейном и Обуховском заводе. Всего учтено 77 выступлений лекторов ПК на предприятиях Петрограда (ЛПА, ф. 1, оп. 1, дд. 21—22). Подробнее см. И. С. Саонов. Агитационно-пропагандистская работа большевиков Петрограда в период подготовки Октябрьской революции. В кн.: «Великая Октябрьская социалистическая революция — коренной перелом в истории человечества». Л., 1969; Л. А. Комиссаренко, Н. И. Павлицкая. В. И. Ленин и агитационно-пропагандистская деятельность партии большевиков после июльского кризиса 1917 года (июль—октябрь). В кн.: «Идеи Ленина живут и побеждают». Л., 1970.

дистская работа большевиков и собственный опыт масс дали результаты.

Таким образом, большинство рабочих 79 крупнейших предприятий столицы общей численностью 336 183 человека (что составляло 84,05 процента всех крупнейших предприятий и 94,3 процента всех занятых на них рабочих) поддерживало в октябре 1917 года большевиков¹. Правда, почти на всех этих предприятиях известная часть рабочих еще шла за соглашателями, но ни на одном из них она численно не преобладала (это не исключало возможности активизации при определенных условиях действий сторонников меньшевиков и эсеров). На единичных заводах сказалось влияние левых эсеров², которые, отвергая коалицию с кадетами, ратовали за создание «однородного социалистического» правительства.

Значительных успехов достигли также петроградские большевики в привлечении на сторону революционного пролетариата непролетарских трудовых масс, так называемых средних городских слоев: служащих государственных и торгово-промышленных предприятий, железнодорожных служащих, ремесленников³. На массы железнодорожников, объединенных во Всероссийский железнодорожный союз (Викжель), петроградские большевики влияли через союз мастеровых рабочих Петроградского железнодорожного узла. Союз образовался в июне 1917 года на общеузловой конференции представителей мастерских и депо и вскоре вошел в состав Петроградского совета профсоюзов, руководимого в основном большевиками⁴.

¹ Политическую позицию рабочих 15 крупнейших предприятий Петрограда (20 260 рабочих) не удалось выяснить.

² Среди депутатов рабочей секции Петроградского Совета, избранных в сентябре—декабре 1917 года, большевики и сочувствующие им депутаты составляли не менее 65—70%, а меньшевики и эсеры, главным образом левые эсеры, до 30—35% (см. М. Н. Потехин. Первый Совет пролетарской диктатуры. Л., 1966, стр. 40). Даже эсер Н. В. Святицкий должен был признать: «Петроградский пролетариат теперь почти сплошь идет за большевиками» («Дело народа», 12 сентября 1917 г.).

³ См. Н. И. Востриков. Борьба за массы (Городские слои накануне Октября). М., 1970.

⁴ ЦГИА СССР, ф. 229, оп. 4, д. 2003, л. 168. Подробнее см. П. Ф. Метельков. Железнодорожники в революции (февраль 1917 — июнь 1918). Л., 1970, стр. 76—78.

Деятельную работу в профсоюзе торгово-промышленных служащих вела большевистская фракция, оформленная в июле 1917 года (ее возглавлял М. А. Савельев, член партии с 1903 года). Большевики распространяли литературу среди служащих, умело использовали орган этого профсоюза журнал «Борьба» (редактор Я. О. Буров) для революционного воспитания трудящихся. Союз в основных вопросах поддерживал политику РСДРП(б) ¹.

Так же как в Петрограде, в других районах страны рабочий класс в ходе революции сплачивался вокруг партии большевиков. Это сказалось на составе и решениях I Всероссийской конференции фабрично-заводских комитетов (Петроград, 17—22 октября). Среди 167 делегатов конференции было 96 большевиков, 24 эсера, 13 анархистов, 7 меньшевиков, 5 максималистов, 1 интернационалист, остальные — беспартийные. Решения конференции по важнейшим вопросам — о рабочем контроле над производством и распределением, о фабрично-заводских комитетах, о финансовом положении страны — были приняты в большевистском духе. Вопреки попыткам меньшевиков доказать якобы незрелость России для социалистической революции, конференция приняла большевистскую резолюцию, которая указывала, что спасение революции *«в переходе власти в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»* ². Самая представительная конференция рабочего класса России солидаризовалась с политикой партии большевиков. Единство рабочего класса, нарушенное в результате пополнения его с начала войны мелкобуржуазными и малосознательными элементами, к октябрю 1917 года было восстановлено. Сплоченный вокруг партии большевиков российский пролетариат выступал ведущей силой нарастающей в стране социалистической революции.

По сравнению с рабочими путь солдат от доверия соглашателям к поддержке большевиков был более сложным. В. И. Ленин, отмечая двойственную природу мелкобуржуазной массы, писал, что она «колеблется между старым, вековым доверием к капиталистам — и озлоблением против них, стремлением довериться рево-

¹ ЛПА, ф. 1, оп. 1, д. 13, л. 5.

² «Рабочий путь», 22 октября 1917 г.

люционному пролетариату»¹. Это в полной мере относится к солдатам, состоявшим в основном из крестьян. Прежде чем решиться поддержать большевиков, многим солдатам предстояло изжить доверие не только к соглашательским партиям, но и к кадетам (этап, давно пройденный рабочим классом России). Но, даже повернув в сторону партии революционного пролетариата, часть солдат в критические моменты отступала, делала шаг назад, к буржуазии, а затем возвращалась в революционный строй. Несмотря на эти колебания, солдатская масса в ходе революции неуклонно сближалась с рабочим классом, проникалась все большим доверием к нему и его партии.

В Петроградском гарнизоне наиболее «крестьянскими» были гвардейские полки, комплектовавшиеся из жителей преимущественно непромышленных губерний. В самом Петрограде размещалось 16 запасных батальонов гвардейских полков, в которых насчитывалась если не половина, то значительная часть Петроградского гарнизона².

Сразу же после свержения царизма петроградские большевики развернули широкую агитационную и организаторскую работу в частях гарнизона. Она направлялась Военной организацией при ЦК РСДРП(б). К середине июня почти во всех полках были созданы большевистские организации. Важными рычагами воздействия партии на Петроградский гарнизон стали газета «Солдатская правда» и солдатский клуб «Правда».

Первым гвардейским полком, воспринявшим лозунги большевиков, был Московский полк. Несомненно, этому способствовала дислокация полка на Выборгской стороне, среди революционных рабочих. Близок к большеви-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 319.

² По данным П. Голуба, численность боевых сил Петроградского гарнизона в дни Октября составляла 90 тысяч человек, в том числе в гвардейских полках — 56 тысяч (П. Голуб. Указ. соч., стр. 173—174). По подсчету Б. М. Кочакова, подтверждаемому работой Г. Л. Соболева, гарнизон Петрограда в октябре 1917 года насчитывал 145—155 тысяч человек, из которых 63 тысячи гвардейской пехоты (см. Б. М. Кочаков. К вопросу о составе, численности и расположении Петроградского гарнизона накануне Октябрьского вооруженного восстания. В кн.: «Ленин и Октябрьское вооруженное восстание». Л., 1964, стр. 295; Г. Л. Соболев. Петроградский гарнизон в 1917 г. «Исторические записки», 1971, № 88, стр. 76).

кам был и Гренадерский полк. Большинство солдат остальных гвардейских полков в начале революции с доверием восприняло обещания Временного правительства отказаться от аннексий и добиться справедливого мира.

Под влиянием «ноты Милюкова» солдатская масса сделала крен влево. Подавляющее большинство солдат, поверив ранее в искренность «миролюбивых» обещаний Временного правительства, было потрясено подтверждением Милюковым империалистических целей войны. Солдаты «почувствовали, что они оказались обмануты»¹. Тотчас же, 20 апреля, солдаты Финляндского полка направились к Мариинскому дворцу с целью выразить свое возмущение. К ним присоединились Кексгольмский, Московский, Павловский полки и другие воинские части гарнизона. «...Широкая, неустойчивая колеблющаяся масса, — писал Ленин, — ближе всего стоящая к крестьянству, по научно-классовой характеристике мелкобуржуазная, колебнулась *прочь от капиталистов на сторону революционных рабочих*»². После же того, как соглашательское руководство Совета, удовлетворившись «разъяснением» ноты Временным правительством, 21 апреля признало «инцидент исчерпанным», мелкобуржуазная масса «снова пошла за меньшевистскими и народническими вождями, проводящими «доверие» к капиталистам и «соглашательство» с ними»³. Так, солдаты Петроградского полка постановили 25 апреля «выразить полное одобрение Совету Р. и С. Д., добившемуся от Временного правительства разъяснения ноты 18 апреля». Полк заявил о своей поддержке «займа свободы»⁴.

Однако многих солдат апрельский кризис политически просветил. Они поняли, что не соглашатели, а большевики указывают единственно возможный путь к миру. В ряде полков (Павловском, Егерском, Измайловском и др.) работа большевистских организаций активизировалась. На митинге в Егерском полку 25 мая после выступления большевика С. М. Нахимсона была принята резолюция, призвавшая солдат поддержать на выбо-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 316.

² Там же, стр. 325.

³ Там же, стр. 319.

⁴ См. «Рабочая газета», 29 апреля 1917 г.

рах в районную думу большевиков и меньшевиков-интернационалистов. Усилились позиции большевиков в Московском и Гренадерском полках.

Июньская демонстрация выявила несомненные успехи, достигнутые большевиками среди солдат гарнизона. Наряду с Московским и Гренадерским полками с большевистскими лозунгами «Вся власть Советам!», «Долой 10 министров-капиталистов!», «Против политики наступления» вышли на демонстрацию солдаты Егерского, Кексгольмского, Павловского, Петроградского, Финляндского полков. В колонне Литовского полка перемежались эсеровские и большевистские лозунги. Демонстрация 18 июня вместе с тем показала, что еще определенная часть солдат гарнизона (Семеновский, Преображенский, Волинский полки) поддерживает меньшевиков и эсеров. Солдаты этих полков не освободились от иллюзорных надежд добиться мира и земли в результате давления на Временное правительство, твердой решимости бороться за власть Советов у них еще не было. Это сказалось в ходе июльских событий. Солдаты одних гвардейских полков выступали вместе с рабочими под руководством большевиков за власть Советов, другие полки остались в казармах, третьи оказались слепым орудием контрреволюционного Временного правительства, приняв участие в подавлении демонстрации¹.

После июльских событий большевики усилили работу среди солдат. Созванное Военной организацией ЦК РСДРП(б) 21 июля делегатское собрание представителей партийных коллективов 12 частей Петрограда постановило «с удесятенной энергией приступить к организационной работе в частях»². Большевики помогли солдатам извлечь уроки из июльских событий.

Особенно быстро развернулся процесс большевизации Петроградского гарнизона в сентябре—октябре, после разгрома корниловщины. Солдаты Волинского полка, в июльские дни преследовавшие революционеров, в начале сентября требовали немедленного освобождения их из тюрем, «так как они являются несправедливо оклеветанными». Петроградский, Измайловский,

¹ См. О. Н. Знаменский. Июльский кризис 1917 года, стр. 70—71, 103—104; ЛГАОРСС, ф. 6276, оп. 269, д. 126, лл. 234, 241.

² «Солдат», 20 августа 1917 г.

Волынский гвардейские полки, в недавнем надежная опора правительства Керенского, приняли 3—4 сентября резолюции с требованием «немедленного удаления кадетов и буржуев из правительства»¹. Аналогичные резолюции были приняты также в Павловском и Семеновском полках².

В сентябре — октябре большинство солдат гвардейских полков окончательно отвернулось от меньшевиков и эсеров, осудило их коалицию с кадетами и все решительнее поддерживало большевиков в борьбе за переход власти к Советам. «...Мы, волынцы, выражаем недоверие настоящему, ни перед кем не ответственному Временному правительству и требуем создания нашими Советами власти вполне демократической», — гласила резолюция, принятая на митинге полка 27 сентября 1917 года. Собрание Егерского полка 28 сентября выразило уверенность, что «революционная армия встретит вновь образованное Керенским правительство словами: „В отставку!“»³. Недоверие последнему коалиционному правительству выразили солдаты Финляндского, Преображенского, Кексгольмского, Петроградского, Павловского, Измайловского, Гренадерского и Московского полков. «Мы надеемся, — говорилось в резолюции солдатского митинга в Кексгольмском полку, — что Всероссийский съезд Советов положит конец тому предательству, которое наносила революции политика буржуазии и соглашателей-«социалистов». Мы всеми имеющимися у нас силами поддержим наш Совет в осуществлении лозунга: мира, хлеба и свободы»⁴. 18 октября в Смольном на закрытом собрании представителей полковых и ротных комитетов Петроградского гарнизона делегаты Семеновского и Московского полков заявили, что солдаты их полков доверяют исключительно большевистскому Петроградскому Совету⁵.

Следовательно, все рассматриваемые здесь гвардейские полки к октябрю 1917 года отвернулись от Временного правительства и поддерживали партию большевиков. То же произошло и почти во всех частях гарнизона.

¹ «Солдат», 6 и 7 сентября 1917 г.

² См. «Солдат», 17 и 19 сентября 1917 г.

³ «Солдат», 30 сентября 1917 г.

⁴ «Солдат», 20 октября 1917 г.

⁵ См. «Рабочий путь», 20 октября 1917 г.

К этому времени большевики имели также прочную опору среди матросов и солдат Гельсингфорса¹.

Процесс большевизации в других частях армии происходил, правда, значительно медленнее, чем в центре. Из анкет, представленных в августе — сентябре 105 солдатскими комитетами различных частей и подразделений действующей армии², видно, что партийность там была еще невысока. 45 комитетов, т. е. более 48 процентов, были внепартийными.

Партийный состав остальных 57 комитетов представлял следующую картину: 9 комитетов состояло из одних эсеров; в 28 — эсеры преобладали; 2 комитета составляли одни социал-демократы (по-видимому, члены объединенных с.-д. организаций), в 1 — преобладали социал-демократы, в 2 — большевики и в 15 комитетах соотношение большевиков, меньшевиков, представителей других партий и беспартийных было примерно равным³.

В конце сентября — октябре партийный состав комитетов резко изменился. В результате перевыборов даже в отдаленных от центра воинских частях увеличилось представительство в солдатских комитетах большевиков, вытеснивших соглашателей. В расположенных же вблизи пролетарских центров частях процесс большевизации солдатских комитетов развернулся особенно интенсивно. Так, в 5-й армии Северного фронта после разгрома корниловщины были переизбраны многие комитеты низшего звена: большевики сменили в них эсеров и меньшевиков. 11 сентября объединенное собрание полковых и дивизионного комитетов 70-й пехотной дивизии выразило недоверие армейскому комитету 5-й армии, избранному в марте, «когда части были еще не организованы и не могли дать зарекомендовавших себя работников». Соб-

¹ См. В. В. Петраш. Моряки Балтийского флота в борьбе за победу Октября. М.—Л., 1966, стр. 217—248; С. С. Хесин. Октябрьская революция и флот. М., 1971, стр. 363—364, 396—406 и др.

² 14 августа 1917 года Военный отдел Московского Совета направил в армейские и полковые комитеты анкетные листы, в которых имелся и следующий вопрос: «Партийность состава комитета (указать, сколько членов какой партии и беспартийных)» (ГАМО, ф. 684, оп. 4, д. 24, л. 8). Здесь анализируются ответы на этот вопрос.

³ ГАМО, ф. 684, оп. 4, д. 24 (подсчет автора).

рание солидаризировалось с резолюцией Петроградского Совета от 31 августа 1917 года¹.

На 1-й конференции большевистских организаций 5-й армии, состоявшейся 8—9 октября 1917 года в Двинске, отмечалось, что «огромное большинство армии настроено большевистски, и большевики пользуются безграничным влиянием»². Конференция призвала членов партии «с еще большей энергией основывать новые организации в частях и развивать существующие»³. К середине октября большевики возглавили корпусные комитеты всех трех корпусов (19, 28 и 37-го)⁴, а 16—17 октября армейский съезд 5-й армии избрал новый комитет в составе 28 большевиков, 23 эсеров, 7 с.-д. интернационалистов и 2 меньшевиков. Председателем армейского комитета стал руководитель военной организации большевиков армии, член партии с 1903 года Э. М. Склянский. Это была важная победа.

Таким образом, полумиллионная армия, находившаяся в непосредственной близости от Петрограда, перешла на сторону партии пролетарской революции. С устранением меньшевиков и эсеров от руководства армейским, корпусными и многими нижестоящими комитетами буржуазная власть, реакционное командование лишились единственно имевшейся у них возможности влиять на солдатскую массу. Командир одного из корпусов 5-й армии барон А. Будберг расценивал смену руководства солдатскими комитетами как собственное поражение и предвосхищение близкого краха правительства Керенского. Вот некоторые записи в дневнике Будберга: «9 октября. В 280-м сурском полку. Застал уже комитеты нового выбора и нового состава: впечатление скверное. 12 октября... Всюду идут пере выборы комитетов, и всюду проходят только большевики... таким образом исчезает последняя ниточка, на которой мы еще держались до сих пор,—авторитет выборных комитетов... 21 октября.

¹ См. «Революционное движение в России в сентябре 1917 г. ...», стр. 421.

² «Рабочий путь», 26 октября 1917 г.

³ «Революционное движение в России накануне Октябрьского вооруженного восстания. Документы и материалы». М., 1962, стр. 62.

⁴ Представитель 37-го корпуса заявил на заседании Московского совета фабрично-заводских комитетов 17 октября, что армия «день за днем левеет, и уже партии эсеров и меньшевиков-оборонцев не пользуются доверием масс» (там же, стр. 403).

Ночью вернулся с армейского съезда председатель корпусного комитета прапорщик В., по его словам, впечатление от съезда отчаянно скверное. На стороне большевиков несомненное большинство». И далее: «Происходящая на съезде борьба является последней битвой эсеров, которые с начала революции без соперников царили во всех комитетах V армии, и царили разумно; теперь же их песенка спета; их время ушло»¹. Барон с умилением пишет о бывшем председателе армейского комитета трудовике Виленкине и комиссаре армии меньшевике Ходорове. Только при их помощи командование смогло в июльские дни двинуть некоторые части 5-й армии против рабочих и солдат Петрограда и жесточайше расправиться с революционно настроенными солдатами на фронте.

Таким образом, войска, оказавшиеся после свержения царизма в массе своей под влиянием мелкобуржуазных партий с их идеологией «революционного оборончества», в результате титанической работы большевиков и собственного политического опыта постепенно, после некоторых колебаний, перешли на сторону партии социалистической революции.

Революция стала для миллионов трудящихся школой партийности. Газеты и брошюры, митинги и собрания, а главное, непосредственное участие в развертывавшейся борьбе классов просвещали массы, помогали им уяснить классовые основы главных партий, цели и стремления каждой из них. И, что следует подчеркнуть, рост сознательного отношения масс к политическим партиям имел своим следствием укрепление позиции одной партии — большевистской. Опорой кадетам служила не только сила богатства, но и, как показала корниловщина, «сила темноты и обмана»². Эсеры широко эксплуатировали легковерие масс, принимавших в начале революции фразу за дело. Большевики, в отличие от других партий, связывали свои успехи с ростом сознательности пролетариата и непролетарских трудящихся масс. «Сила большевиков только в численности пролетариев, в их

¹ «Дневник барона Алексея Будберга. 1917 год». «Архив русской революции». Берлин, 1923, т. XII, стр. 204, 210, 224.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 219.

сознательности, в симпатиях эсеровских и меньшевистских «низов» (т. е. рабочих и беднейших крестьян) к большевистским лозунгам»¹, — писал В. И. Ленин. Большевики развивали в массах способность к самостоятельному суждению, к сопоставлению того, что различные партии обещают и как они поступают на деле, разъясняли общенародный характер своей программы, поднимали рабочих, солдат и крестьян на борьбу за ее осуществление.

Раньше других эксплуатируемых определился в партийном отношении рабочий класс. Пролетариат был основным резервом пополнения РСДРП(б). По подсчету З. В. Степанова, удельный вес рабочих-большевиков в рядах фабрично-заводского пролетариата составил в октябре 1917 года по стране 5,3, а по Петрограду с окрестностями — 7,04 процента².

Попытаемся определить удельный вес рабочих-меньшевиков среди фабрично-заводских рабочих Петрограда в 1917 году. По мнению З. В. Степанова, в марте — апреле 1917 года эсеры и меньшевики преобладали почти на всех предприятиях Петрограда³. Это верно лишь в отношении эсеров (их численное преобладание над большевиками было особенно значительным на предприятиях Невского, Нарвского и Московского районов). Меньшевистские же организации лишь на немногих предприятиях численно превышали большевистские. В Василеостровском районе летом 1917 года было 2000 меньшевиков (крупнейшая меньшевистская организация в Петрограде) и 4500 большевиков, соответственно в Нарвском районе — 1500 и 5274, в Невском — 260 и 1300, в Петроградском — 1721 и 2500, в Сестрорецке — 300 и 848, в 1-м Городском районе меньшевиков было 700, большевиков — 675⁴. По двум районам — Василеостровскому и Петроградскому — известна точная численность рабочих-меньшевиков: 1500 в Василеостровском, что со-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 218.

² З. В. Степанов. Указ. соч., стр. 48.

³ См. там же.

⁴ О численности меньшевистских организаций см. «Рабочая газета», 7 и 28 мая, 10 и 20 июня, 15 июля, 21 и 28 сентября 1917 г. Численность большевистских организаций дана по состоянию на 1 июля 1917 года (см. «Вторая и третья Петроградские общегородские конференции большевиков», стр. 14).

ставляет 2,89 процента всех рабочих района¹ (рабочих-большевиков здесь было 9,69 процента), и 966 в Петроградском районе, что составляет 2,58 процента (рабочих-большевиков здесь — 7,37 процента). Если учесть, что в меньшевистских организациях двух этих районов пролетарская прослойка была большей, чем в других районах столицы, то можно предположить, что удельный вес рабочих-меньшевиков среди фабрично-заводских рабочих Петрограда летом 1917 года не превышал 2—2,3 процента. В октябре 1917 года в меньшевистской организации Петрограда осталось едва ли 2—3 тысячи рабочих². К этому времени меньшевики, выдававшие свою партию за «чисто пролетарскую», практически остались без рабочих.

Начиная с лета 1917 года происходит также отлив рабочих из эсеровских организаций, особенно на крупных заводах (Путиловском, Айваз, «Русский Рено», «Динамо», Патронном и др.). Часто целые группы рабочих заявляли о своем разрыве с партией эсеров и переходе в ряды РСДРП(б)³.

Можно с уверенностью сказать, что подавляющее большинство петроградских рабочих-партийцев в октябре 1917 года являлось членами РСДРП(б), значительно меньшая часть состояла в организациях левых эсеров⁴, и еще меньшая — в организациях правых эсеров и меньшевиков. В предпочтении рабочими ленинской партии остальным политическим партиям проявилась сплоченность рабочего класса России в канун Октября вокруг партии социалистической революции.

Быстро протекал процесс определения партийности в армии. Солдаты стремились разобраться в политических партиях, определить свое отношение к каждой из них. В солдатских письмах с фронта стали обычными прось-

¹ По отношению к общей численности фабрично-заводских рабочих (данные по состоянию на январь 1917 года). См. З. В. Степанов. Указ. соч., стр. 30.

² См. З. В. Степанов. Указ. соч., стр. 49.

³ См. М. Мительман, Б. Глебов, А. Ульяновский. История Путиловского завода. М.—Л., 1941, стр. 540; «Рабочий», 29 августа 1917 г.; «Рабочий путь», 16 сентября, 4 и 20 октября 1917 г.

⁴ Наиболее многочисленные организации эсеров в Петрограде — Василеостровского, Невского, Псрховского, Нарвского, Коломенского и др. районов — поддерживали левых с.-р. (см. «Знамя труда», 1, 13, 27 сентября и 8 октября 1917 г.).

бы о присылке литературы, главным образом программ политических партий¹. С ростом сознательности солдат менялась их политическая ориентация: они порывали с меньшевиками и эсерами и вступали в ряды РСДРП(б)².

С июля 1917 года большевистские организации на флоте в значительной степени увеличивались численно за счет матросов, ушедших из эсеровских организаций³. Быстро росли большевистские организации и на фронте. На Западном фронте, где была наиболее многочисленная армейская большевистская организация, удельный вес солдат — членов РСДРП(б) в октябре 1917 года составлял 2,1 процента, а вместе с сочувствующими — примерно 5 процентов⁴, на других фронтах этот показатель был ниже.

В 1917 году стала приобщаться к партийности и деревня⁵, хотя она еще далеко отстояла в этом отношении от города и фронта. Широкий размах осенью

¹ См. Е. Ромас. Из настроений в армии. В кн.: «От Февраля к Октябрю (в Москве). Сб. статей, воспоминаний и документов», вып. 1. М., 1923, стр. 81, 89.

² Начальник Особого отдела штаба главнокомандующего Западным фронтом признал, что организованные фронтовым комитетом в Минске в июне 1917 года курсы агитаторов (было вызвано из частей 700 солдат) себя не оправдали. «В начале курсов, — отмечал он, — все или значительно большая часть слушателей были проникнуты здоровым воинским духом, к концу же курсов больше половины были пропитаны чисто большевистскими идеями, особенно в области войны и мира. Несомненно, что, явившись в войска, эти люди принесут громадный вред армии» (ЦГВИА, ф. 2048, оп. 1, д. 1349, т. 1, л. 246). В одном солдатском письме с фронта, датированном 9 августа 1917 года, говорится: «Мы раньше были против большевиков, но сейчас, после такой долгой обещанности, как Временное правительство обещалось... на первых днях свободы дать бедному народу, а потом нет, мы всецело переходим мало-помалу на сторону большевиков» («Солдатские письма 1917 года». М.—Л., 1927, стр. 91).

³ См. В. В. Петраш. Указ. соч., стр. 181.

⁴ На 25 октября 1917 года на Западном фронте числилось 1 019 759 солдат (см. Л. М. Гаврилов, В. В. Кутузов. Новый источник о численности русской действующей армии накануне Октябрьской революции. В кн.: «Источниковедение истории советского общества». М., 1964, стр. 144). Членов РСДРП(б) и сочувствующих — 48 694 (см. П. Голуб. Указ. соч., стр. 179).

⁵ Показательно утверждение крайне правого еженедельника: «До сих пор у нас в деревнях люди не знали, что значит партия. Теперь это зло пошло из городов в деревни, и там уже заводятся социалисты-революционеры, социал-демократы и меньшевики, большевики. Зачем все это?» («Воин и пахарь», 1917, № 4, стр. 14).

1917 года аграрного движения являлся реальной поддержкой крестьянской бедной революционной борьбы рабочего класса за свержение буржуазной власти и установление диктатуры пролетариата.

В. И. Ленин неоднократно отмечал в сентябре — октябре факт полного краха доверия масс к Керенскому и соглашателям. Комментируя победу большевиков на выборах в районные думы Москвы, Владимир Ильич писал: «Разве можно себе представить, чтобы народные массы как-нибудь яснее еще, чем этим голосованием, могли сказать большевикам: ведите нас, мы пойдем за вами!»¹

Партия большевиков — партия революционного пролетариата — стала во главе *общенародной* борьбы против капитализма за мир, за землю, за социалистическое переустройство страны.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 387.

IV. БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ПАРТИЯ И ЕЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОТИВНИКИ В КАНУН ОКТЯБРЯ

Ясно определившийся после разгрома корниловщины поворот широких масс трудящихся от эсеров и меньшевиков к большевикам резко изменил соотношение сил между этими партиями. С самого начала их легальной деятельности было очевидно превосходство большевиков в области идеологии (верность социализму и пролетарскому интернационализму большевиков, измена этим принципам меньшевиков и эсеров), политики (последовательность в борьбе за интересы трудящихся у большевиков, расхождение между словом и делом у эсеров и меньшевиков) и внутренней организации (крепнущие монолитность и единство большевиков, прогрессирующий разлад у меньшевиков и эсеров). Но в одном отношении меньшевики и эсеры имели в первые месяцы революции превосходство: их поддерживали большинство крестьянства, почти все солдаты и значительная часть рабочего класса. Бессильные оспорить правильность теории и политики большевистской партии, меньшевики и эсеры в доказательство своей правоты приводили, казалось, самый убедительный аргумент — поддержку их массами. «Мы, — говорил 18 июля в Петроградском Совете М. И. Скобелев, — ...предпочтем ошибаться вместе с революционной демократией, чем быть правыми, но без нее»¹. Другой лидер меньшевизма, И. Г. Церетели, пытался даже июльские репрессии против большевиков

¹ «Новая жизнь», 25 июля 1917 г.

представить как... исполнение воли демократии. «Мыслимо ли было посадить лидеров большевиков в тюрьму, — вопрошал министр-тюремщик, — если бы общественное мнение демократии против этого протестовало?»¹

Однако к сентябрю 1917 года стало очевидно, что меньшевики и эсеры лишились главного своего преимущества — они перестали быть партиями большинства. «...В данный момент, — заявил Церетели 15 сентября, — большая часть пролетариата не с нами»². Порывавшие с меньшевиками и эсерами рабочие, солдаты, крестьяне переходили на сторону большевиков. Это создало новую политическую обстановку. Большевистская партия, вождь которой еще на I Всероссийском съезде Советов в июне 1917 года объявил о готовности партии взять на себя всю полноту власти в стране, имела теперь реальную возможность, опираясь на массы, получить эту власть. В страхе лишиться ее партии правительственной коалиции спешно изыскивали наиболее действенные средства борьбы против большевиков.

Кадеты делали ставку на вторую корниловщину. Их тяготил дальнейший союз с меньшевиками и эсерами, неспособными более держать массы в повиновении. «Умеренные социалистические группы, — отмечала кадетская газета, — с головокружительной быстротой теряют свой политический кредит. Партия народной свободы не может брать на шею лишний груз»³.

Меньшевики и эсеры считали невозможным действовать лишь репрессиями и предлагали правительству осуществить некоторые реформы, которые лишили бы большевиков опоры в массах. Ф. Дан отмечал позднее, что в отличие от кадетов, рассчитывавших разбить большевиков в открытом бою, они, меньшевики и эсеры, предлагали принять меры, которые предупредили бы восстание или обрекли его на неудачу⁴.

Сплочение масс вокруг партии большевиков, усиление разногласий между правящими партиями — кризис «верхов» — свидетельствовали о приближении решающей битвы между буржуазией и пролетариатом.

¹ «Новая жизнь», 25 июля 1917 г.

² «Рабочий путь», 17 сентября 1917 г.

³ «Минская жизнь», 21 октября 1917 г.

⁴ См. Ф. Дан. К истории последних дней Временного правительства. «Летопись революции», кн. I. Берлин, 1923, стр. 168.

Глава девятая

БОЛЬШЕВИКИ ГОТОВЯТ ВОССТАНИЕ

Опыт революций прошлого свидетельствовал, что рабочий класс терпел в них поражение главным образом потому, что не находил поддержки в крестьянстве. Так было во Франции в 1848 и 1871 годах и в известной степени в России 1905 года. Учитывая это, большевистская партия считала преждевременным взятие власти в июле 1917 года. Армия и крестьянство верили еще тогда в способность Временного правительства вывести страну из тупика. 7 июля В. И. Ленин писал: «В стране есть городской пролетариат, достаточно развитый, чтобы идти своим путем, но еще не способный привлечь сразу на свою сторону большинство полупролетариев»¹. В сентябре же 1917 года вместе с рабочим классом против буржуазной власти выступали также солдаты, крестьяне, трудящиеся национальных окраин. На Демократическом совещании против коалиции голосовало подавляющее большинство представителей Советов рабочих и солдатских депутатов — 192 (за коалицию — 83), профсоюзов — 139 (за — 32), национальных организаций — 40 (за — 15)². Отношение крестьян выявилось на совещании местных Советов крестьянских депутатов 18 сентября в Петрограде. За неограниченную коалицию высказались исполкомы Советов 4 губерний, за коалицию без кадетов — 3 губерний и 2 армий, против коалиции — исполкомы Советов 23 губерний и 4 армий³. Правда, на Демократическом совещании, 19 сентября, большинство представителей крестьянских Советов (102 против 70),

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 432.

² «Революционное движение в России в сентябре 1917 г. ...», стр. 253.

³ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 298.

по-видимому под нажимом правоэсеровских лидеров Всероссийского Совета крестьянских депутатов, проголосовало за коалицию. Но гораздо убедительнее всех голосований о враждебности крестьян к Временному правительству свидетельствовали крестьянские волнения, охватившие многие районы. «Трудно представить себе, — писал В. И. Ленин в конце сентября, — чтобы в капиталистической стране пролетариат был так мало изолирован от мелкой буржуазии — и заметьте: в революции *против буржуазии* — как теперь пролетариат в России»¹.

После того как стало очевидным, что рабочий класс получил опору среди мелкобуржуазных масс, прежде всего в армии, В. И. Ленин выдвинул как задачу дня вооруженное восстание. В знаменитых письмах «Большевики должны взять власть» и «Марксизм и восстание» (12—14 сентября) В. И. Ленин поставил перед ЦК партии задачу практической подготовки восстания. «Вопрос идет не о «дне» восстания, не о «моменте» его в узком смысле... — указывал Ленин. — Вопрос в том, чтобы *задачу* сделать ясной для партии: на очередь дня поставить *вооруженное восстание* в Питере и в Москве (с областью), завоевание власти, свержение правительства»². Владимир Ильич сослался на получение большевиками большинства в Петроградском и Московском Советах как на убедительное доказательство того, что большевики могут взять государственную власть в свои руки.

Принятие Петроградским Советом 31 августа большевистской резолюции эсеро-меньшевистская пропаганда объясняла «следствием случайного состава собрания» (отсутствием на нем многих депутатов — солдат). Не в силах, однако, оспорить законность резолюции (за нее проголосовало более $\frac{2}{3}$ всех участников заседания), оппортунистические лидеры Совета пытались косвенным путем аннулировать большевистскую резолюцию. Вынужденный сложить после голосования 31 августа свои полномочия, президиум Петроградского Совета заявил, что отказывается от пропорционального представительства в новом президиуме и требует простого голосования: за или против всего старого президиума. Расчет

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 297.

² Там же, стр. 240.

состоял в том, что Совет «не посмеет» голосовать против президиума, в состав которого входила эсеро-меньшевистская «элита»: Чхеидзе, Церетели, Дан, Скобелев, Чернов, Гоц, Анисимов. Переизбрание в полном составе прежнего президиума означало бы отречение Петроградского Совета от большевистской резолюции и готовность продолжать политику сотрудничества с буржуазией. Перед 9 сентября, когда собрание Петроградского Совета должно было решать вопрос о президиуме, соглашательские газеты стращали депутатов гибелью революции в случае отставки Чхеидзе и К°. 8 сентября «Известия» писали: «...на предстоящих переВыборах будет проверка, будет подсчет, кто за сохранение прежней линии и, значит, за сохранение революции и кто за новую линию, за скачок в неизвестность»¹. 9 сентября газета назвала предстоящее собрание Совета «необычным собранием», ибо оно должно «сказать перед всей революционной Россией, какова его политическая линия»². Собрание действительно оказалось «необычным». В результате поименного голосования эсеро-меньшевистский президиум был забаллотирован (519 голосами против 414). Петроградский Совет еще раз подтвердил свой переход на большевистские позиции.

Большевистская резолюция была принята 5 сентября объединенным собранием московских Советов рабочих и солдатских депутатов. И здесь, естественно, к руководству Советом должны были прийти большевики. В большевизации Петроградского и Московского Советов В. И. Ленин увидел убедительнейшее свидетельство происшедшего поворота рабочих и солдатских масс к партии большевиков. «...Большинство в столичных Советах есть *плод* развития народа *в нашу сторону*»³, — писал В. И. Ленин в ЦК, ПК и МК РСДРП(б) и делал вывод о наличии реальных предпосылок для проведения победоносного вооруженного восстания.

«За нами, — указывал Ленин, — большинство *класса*, авангарда революции, авангарда народа, способного увлечь массы.

За нами *большинство* народа...

За нами выгода положения партии, твердо знающей свой путь...

¹ «Известия ЦИК», 8 сентября 1917 г.

² «Известия ЦИК», 9 сентября 1917 г.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 239.

За нами *верная победа...*»¹

Особенно большое значение придавал В. И. Ленин факту завоевания партией большинства в рабочем классе. «...Активное большинство революционных элементов народа обеих столиц достаточно, чтобы увлечь массы, победить сопротивление противника, разбить его, завоевать власть и удержать ее»².

В письмах в ЦК В. И. Ленин подчеркивал, что большевики не только могут, но *должны* взять государственную власть именно теперь. Он привлек внимание руководства партии к участвовавшим сообщениям о намерении Англии, Франции и США заключить сепаратный мир с Германией за счет России. Циркулировали слухи о том, что Германия, овладев Ригой, готовится захватить Петроград при тайном содействии союзников России. Партия, указывал Ленин, не может игнорировать эти сообщения. «...Предстоящая отдача Питера сделает наши шансы во сто раз худшими»³, — отмечал он, подчеркивая безотлагательную необходимость взятия большевиками власти. Курс на вооруженное восстание, указанный VI съездом РСДРП(б), в свете писем В. И. Ленина становился практической задачей дня. Вопросы военно-технической и организационной подготовки, вытекающие из марксистского отношения к восстанию как к искусству, выдвигались на первый план.

Письма В. И. Ленина о восстании обсуждались на заседании Центрального Комитета партии 15 сентября. Против них выступил Л. Каменев. Не веря в возможность победы социалистической революции в России, Каменев отвергал ленинский курс на немедленное вос-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 244.

² Там же, стр. 239.

³ Там же, стр. 240.

Один из лидеров ППС-левицы, примыкавший к меньшевикам-интернационалистам, С. Лапинский, заявил на заседании Предпарламента 20 октября: «...заклучение мира за счет России — опасность совершенно реальная...» (ЦГАОР, ф. 1239, оп. 1, д. 5, л. 12).

Об отношении империалистических правительств Запада к революционным событиям в России в 1917 году см.: В. С. Васюков. Предыстория интервенции. Февраль 1917 — март 1918. М., 1968; И. И. Минц. История Великого Октября, т. 2, стр. 533—562, 798—818; Х. М. Астрахан. Из истории борьбы большевистской партии против внешних врагов социалистической революции (Партийная публикация 1917 года об американском империализме). В кн.: «КПСС в борьбе за социализм и коммунизм». «Уч. записки кафедр общественных наук вузов Ленинграда», вып. VIII. Л., 1968.

стание, стремился к соглашению с мелкобуржуазными партиями. Г. Зиновьев, разделявший эти правооппортунистические взгляды, в статье «Наши победы и наши задачи», опубликованной 13 сентября в «Рабочем пути», утверждал, что большевики, став «правящей партией» в Петроградском Совете, должны лишь усиливать шансы на мирное развитие революции. «И открывающееся на днях Демократическое совещание, — писал Зиновьев, — могло бы еще открыть путь для такого мирного исхода». Несмотря на отклонение меньшевиками и эсерами предложенного им компромисса (В. И. Ленин подчеркнул это в письме «Марксизм и восстание»¹), Каменев и Зиновьев распространяли иллюзии о возможности создания Демократическим совещанием власти без буржуазии. Троцкий формально не возражал против восстания, но стремился приурочить его (и афишировал это) к открытию II съезда Советов, ставя тем самым под угрозу все дело революции².

Некоторым партийным работникам ленинская постановка вопроса о восстании показалась преждевременной. «Потребовался известный срок, — говорится в «Истории Коммунистической партии Советского Союза», — для изживания «парламентских» иллюзий у тех, у кого они носили характер временных заблуждений»³. Участникам заседания Центрального Комитета 15 сентября, как видно из протокола, надо было некоторое время, чтобы всесторонне обдумать предложения, выдвинутые В. И. Лениным в письмах о восстании. «Решено в ближайшее время назначить собрание ЦК, посвященное обсуждению тактических вопросов», — записано в протоколе ЦК после прочтения ленинских писем. Вместе с тем ЦК дал решительный отпор противнику восстания Каменеву: внесенная им резолюция, отвергавшая практические предложения В. И. Ленина, была единодушно отклонена⁴.

В. И. Ленин посвятил целый ряд работ обоснованию необходимости незамедлительно приступить к практиче-

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 244—245.

² См. «Владимир Ильич Ленин. Биография». М., 1970, стр. 391; И. И. Минц. Указ. соч., стр. 1027—1028.

³ «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 3, кн. 1, стр. 296.

⁴ См. «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б)», стр. 51.

ской подготовке восстания, протестовал против откладывания восстания до съезда Советов, подверг резкой критике оппортунистическую линию Каменева и Зиновьева. Особенно велико было значение статьи «Кризис назрел», написанной Лениным 29 сентября. В точных, чеканных выражениях Владимир Ильич констатировал наступление общенационального кризиса и указал партии и рабочему классу путь к победе. Специальный раздел посвящен критике наиболее упорно отстаиваемой Троцким тактики ожидания съезда Советов. В. И. Ленин предупреждал, что большевики, поддавшиеся конституционным иллюзиям «ожидания» съезда Советов, «оказались бы жалкими изменниками пролетарскому делу»¹. Раздел этот (V) — самый краткий. Оно и понятно. В статье *для открытой печати* В. И. Ленин мог сказать лишь о том, чего партия *не должна* делать, выразив положительную программу лишь двумя емкими словами: «Кризис назрел...»² Продолжение работы — раздел VI — предназначалось только членам ЦК, ПК, МК и Советов. «Что же делать?» — ставил вопрос В. И. Ленин. Осудив в еще более сильных выражениях тактику ожидания съезда Советов («...«ждать» съезда Советов есть *полный идиотизм* или *полная измена*»³), Ленин подчеркивает насущную необходимость практической подготовки восстания, особо останавливается на военной стороне вопроса.

Всего между 10 сентября и началом октября В. И. Ленин написал 13 произведений, в том числе брошюры «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» и «Удержат ли большевики государственную власть?», статьи «О героях подлога и об ошибках большевиков», «Из дневника публициста. Ошибки нашей партии» и др., в которых рассматривались различные аспекты подготовки восстания. С некоторыми работами В. И. Ленина, предназначенными не для печати, были ознакомлены не только члены ЦК, но и более широкий партийный актив. В. Н. Каюров, который в 1917 году был членом Выборгского райкома партии, вспоминал, что в первой половине октября он получил от Н. К. Крупской отпечатанное на машинке письмо В. И. Ленина (по-ви-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 279.

² Там же, стр. 280.

³ Там же, стр. 281.

димому, это было «Письмо в ЦК, МК, ПК и членам Советов Питера и Москвы большевикам»¹). Оно было прочитано на собрании активных работников района. Захват власти, представлявшийся присутствовавшим делом более или менее отдаленного будущего, ставился, в свете письма В. И. Ленина, на очередь дня. «...Для всех стало ясно, — отмечал Каюров, — что власть может оказаться завтра в наших руках, и у каждого встал в голове вопрос — что мы будем делать с властью, при весьма сложной мировой и тяжелой внутренней обстановке»². Собрание актива Выборгского района предусмотрело меры по усилению военной подготовки рабочих и создало центр для руководства предстоящим выступлением. Имеются сведения об обсуждении писем В. И. Ленина и в других районах Петрограда, а также большевиками Гельсингфорса и Москвы.

Твердость, с какой В. И. Ленин отстаивал необходимость практической подготовки восстания, его убедительная аргументация против участия в Предпарламенте помогли Центральному Комитету занять правильную линию. С середины сентября призыв «Вся власть Советам!» стал главным лозунгом партии. С этого времени он, по словам В. И. Ленина, был «равносилен призыву к восстанию»³. Центральный Орган партии «Рабочий путь» настойчиво проводил мысль о нарастании новой революции, призванной передать власть в руки Советов. 24 сентября совещание членов ЦК и ПК с местными партийными работниками признало, что переход власти к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов «становится лозунгом дня»⁴. Пленарное заседание Петроградского Совета 25 сентября выразило недоверие Временному правительству — «правительству буржуазного всевластия и контрреволюционного насилия»⁵ и призвало рабочих и солдат сплотиться вокруг своих Советов. В связи с этим В. И. Ленин писал: «Петроградский Совет и большевики объявили войну правительству»⁶.

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 340—341.

² «Пролетарская революция», 1924, № 3, стр. 34—36.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 388.

⁴ «Рабочий путь», 29 сентября 1917 г.

⁵ «Рабочий путь», 27 сентября 1917 г.

⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 264.

Однако глубоко ошибочная и вредная точка зрения оппортунистов о возможности осенью 1917 года мирного, легального перехода власти к Советам не была еще окончательно преодолена руководством партии. В резолюции партийного совещания 24 сентября (предложена Н. Бухариным) не было четкого указания на необходимость бойкота партией Предпарламента. В резолюции пленума Петроградского Совета 25 сентября (предложена Л. Троцким) проводилась мысль о возможности мирного взятия власти Всероссийским съездом Советов. 26 сентября Г. Зиновьев писал в «Рабочем пути» о «среднем течении» меньшевиков и эсеров так, будто оно еще не окончательно солидаризировалось с кадетами. Статья имела целью «образумить» представителей «среднего течения» мелкобуржуазных партий ради мирного исхода революции¹. Оппортунисты дезориентировали массы, мешали им уяснить новое содержание лозунга «Вся власть Советам!». Раньше, в период двоевластия, принятие меньшевиками и эсерами этого лозунга способствовало бы отрыву широких мелкобуржуазных масс от буржуазии и действительно создало бы предпосылки для мирного развития революции. После же того, как большевики привлекли на свою сторону большинство политически активных масс через голову меньшевиков и эсеров, а последние окончательно перекинулись на сторону контрреволюционных кадетов, проповедь блока со «средним течением», о чем хлопотали Зиновьев и его единомышленники, являлась серьезной помехой делу социалистической революции. «Использование парламентаризма — особенно в революционные времена — состоит вовсе не в том, чтобы терять дорогое время на представителей гнилья, а в том, чтобы *учить массы на примере гнилья*»². Это положение В. И. Ленина определило отношение большевиков не только к Предпарламенту, но и вообще к меньшевикам и правым эсерам. Не увещевания, а полная дискредитация, разоблачение их, как изменников революции, мобилизация масс на вооруженное свержение Временного правительства, опирающегося на блок кадетов, меньшевиков и правых эсеров, — вот что стало определяющим в большевистской агитации и пропаганде.

¹ См. «Рабочий путь», 26 сентября 1917 г.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 255.

В связи с созданием третьего коалиционного правительства с участием кадетов «Рабочий путь» писал 26 сентября: «Кадеты опять пришли. Задача революционных классов в том, чтобы их и их политических союзников бесповоротно «уйти!»». «Долг пролетариата — сомкнуть ряды и неустанно готовиться к грядущим битвам», — говорилось в передовой 27 сентября. Газета добивалась окончательного высвобождения солдатских и крестьянских масс из-под влияния партии эсеров. На многочисленных фактах большевистские публицисты показывали, что эта партия, выдающая себя за «истинно социалистическую» и «крестьянскую», одобряет посылку Временным правительством карательных экспедиций против крестьян, арест членов земельных комитетов, поддерживает поход правительства против Советов.

Вместе с тем ЦО партии поддерживал левых эсеров, подталкивал их к организационному расколу с правыми, звал левых эсеров «рука об руку бороться за интересы рабочих и крестьян, за демократический мир, за власть Советам»¹.

5 октября Центральный Комитет партии десятью голосами против одного (Каменева) принял решение «уйти из Предпарламента в первый же день по прочтении декларации»². Таким образом, предложение В. И. Ленина бойкотировать Предпарламент было принято. В день его открытия, 7 октября, «Рабочий путь» писал в передовой: «Задачей партии пролетариата является поднять массы на борьбу за ликвидацию самодержавия капитала, прикрывающегося «демократическими» ширмами». Вслед за передовой газета поместила статью В. И. Ленина «Кризис назрел»: «Все будущее русской революции поставлено на карту. Вся честь партии большевиков стоит под вопросом. Все будущее международной рабочей революции за социализм поставлено на карту»³. Проникновенные слова вождя революции звали рабочий класс на бой, на штурм власти буржуазии.

В эти дни В. И. Ленин по решению ЦК РСДРП(б) нелегально прибыл из Выборга в Петроград, чтобы непосредственно руководить подготовкой революционного рабочего класса и армии к штурму буржуазной власти.

¹ «Рабочий путь», 30 сентября 1917 г.

² «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б)», стр. 76.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 280.

Глава десятая

**ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ БОРЬБА В УСЛОВИЯХ
ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОГО КРИЗИСА**

Антикоммунистическая пропаганда, изображающая Октябрьскую революцию в виде тайного заговора, совершенного «малочисленной группой» приверженцев Ленина при безучастности народа, рассчитана на полную неосведомленность населения капиталистических стран о положении в России в канун потрясшего мир переворота. Вряд ли в истории была революция, менее неожиданная для современников, чем Великая Октябрьская социалистическая революция. В течение одного-двух предшествовавших ей месяцев в печати всех направлений, на многолюдных собраниях и митингах, происходивших чуть ли не ежедневно, только и дебатировался вопрос о возможном исходе и перспективах назревающей пролетарской революции. Вовлечению широких масс народа в обсуждение вопросов о предстоящей революции способствовали, руководствуясь противоположными побуждениями, как сторонники, так и враги революции.

Большевики, учитывая наличие объективных предпосылок революции, заботились о подготовке субъективного фактора, от которого зависит превращение революционной ситуации в победоносную революцию. В. И. Ленин учит: «...революцию осуществляют, в моменты особого подъема и напряжения всех человеческих способностей, сознание, воля, страсть, фантазия десятков миллионов, подхлестываемых самой острой борьбой классов»¹. Деятельность большевиков была устремлена на то, чтобы поднять рабочих и солдат на решающий бой, вдохнуть в них веру в победу, решимость добиться ее, каких бы жертв это ни стоило. Большевики увле-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 81.

кали, зажигали массы не только боевой, страстной агитацией, призывом свергнуть правительство бонапартиста Керенского, но и практическими действиями, стимулировавшими энтузиазм масс. Если раньше, во время апрельского, июньского, июльского кризисов, партия сдерживала отдельные отряды рабочих и солдат, рвавшихся в бой, направляя революционную энергию масс в русло мирных демонстраций, то осенью 1917 года большевики, напротив, поднимали решимость масс, помогали им переходить к революционным действиям, стремились все частные конфликты трудящихся с властями связать с назревающим общим выступлением против Временного правительства. Если в период двоевластия опасность для партии представляли левацкие элементы, выдвигавшие авантюристический тогда лозунг свержения буржуазной власти, то осенью 1917 года гораздо большая опасность исходила от оппортунистических элементов, твердивших о преждевременности вооруженного восстания.

Со своей стороны, партии, враждебные социалистической революции, — кадеты, меньшевики, эсеры и примыкающие к ним организации — пустили в ход все средства идеологического воздействия, чтобы деморализовать силы революции, подорвать у рабочего класса и его союзников веру в победу и, следовательно, парализовать волю к борьбе. Характерно, что даже противники партии большевиков не исключали возможности ее победы — столь стремителен был рост ее сил. Центр тяжести своей агитации и пропаганды партии буржуазной контрреволюции сосредоточили на том, чтобы внушить массам, будто победа большевиков не может быть прочной и длительной и что она якобы неизбежно обернется величайшей трагедией для страны и народа.

Меньшевики адресовались со своими увещеваниями и предостережениями к рабочему классу. 8 сентября, в канун обсуждения Петроградским Советом вопроса об эсеро-меньшевицком президиуме, И. Кубиков писал в «Рабочей газете», что «торжество ленинцев» равносильно полной изоляции пролетариата¹. После того как Петроградский Совет, вопреки меньшевикам, дал отставку старому президиуму, подтвердив свою солидарность с большевиками, газета пугала рабочих «страшным

¹ См. «Рабочая газета», 8 сентября 1917 г.

поражением и гибелью русской революции»¹. Переход власти к пролетариату, страшала газета, «не только восстановил бы против этой власти буржуазию, но и широкие слои демократии, объединенной в кооперативных и профессиональных организациях и представленной в думах и земствах»². «Рабочая газета» навязывала пролетариату тактику, которая привела к изоляции самих меньшевиков. Нимало не смущаясь сомнительностью своей позиции, меньшевистский орган поучал рабочих, будто в интересах укрепления связи с мелкобуржуазными массами следует не свергать, а поддерживать власть буржуазии.

Против социалистической революции выступала с первого же номера газета меньшевиков-мартовцев «Искра». «Ленинизм... по нашему глубокому убеждению, — писала газета 26 сентября, — не способен выразить действительные революционные задачи российского пролетариата». Меньшевик А. Ерманский предостерегал рабочих, что им-де не справиться с задачами социалистического переустройства экономики в отсталой, разоренной стране, не добиться мира. «...Будучи навалено на плечи одного лишь пролетариата... крайне тяжелое бремя власти сломит ему спину»³, — заключал Ерманский. А. Мартынов допускал возможность взятия власти пролетариатом, но считал, что рабочий класс не сможет ее удержать⁴. Об отсутствии в России объективных условий «для углубления революции в смысле замены капиталистического строя социалистическим» не уставая твердило плехановское «Единство». Под знаком борьбы с большевизмом прошел 10 сентября митинг в Александринском театре, устроенный редакциями «Единства» и других оборонческих газет⁵. Освобождение масс «из плена большевистской... идеологии»⁶ про-

¹ «Рабочая газета», 10 сентября 1917 г.

² «Рабочая газета», 19 сентября 1917 г.

³ «Искра», 10 октября 1917 г.

⁴ См. «Искра», 21 октября 1917 г.

⁵ Наряду с «Единством» в устройстве митинга участвовали редакции газет «Воля народа», «День», «Народное слово» и журналов «Дело» и «Рабочая мысль». Выступая на митинге, П. Сорокин сказал: «Если бы я захотел большевикам устроить злобную шутку и погубить их, я бы первый голосовал за то, чтобы большевики взяли власть в свои руки, потому что через два дня они эту власть потеряли бы, сорвались бы и были разбиты» («Единство», 13 сентября 1917 г.).

⁶ «Новая жизнь», 4 октября 1917 г.

возгласило своей целью собрание новожиизненцев, которое состоялось 2 октября.

Не менее усердно, чем меньшевики, пытались разложить революционный фронт и эсеры. Их газета «Дело народа» то вслед за меньшевиками писала об отсутствии в России объективных предпосылок для «социалистического министерства», то, сбиваясь на позицию кадетской «Речи», твердила, что большевики лишь грозятся взять власть, но не решатся это сделать. «Большевики будут обязаны формировать кабинет, — заявляло «Дело народа» 21 сентября. — ...И пусть они не делают бесполезных усилий скрыться за наскоро создаваемые теории о невозможности им взять власть. Этим теориям демократия не приемлет». Газета пыталась создать впечатление, что в противоположность эсерам, «ответственно» относящимся к судьбам страны, большевики проводят «безответственную политику». Заведомая ложь, клевета, несуразные измышления — ничем не гнушался эсеровский ЦО в тщетных попытках отвлечь рабочих, солдат и крестьян от борьбы за власть под руководством партии большевиков. Задавшись целью опровергнуть положение Ленина о разрывании в стране общенационального кризиса, газета объявляла крестьянские восстания «бунтами», «погромами»¹. И это писал орган печати, претендовавший на роль защитника крестьянства. Газета страшила обывательские мелкобуржуазные массы, что победа большевиков приведет к «гибели революции».

Таким образом, все враждебные большевикам партии, от кадетов до новожиизненцев, твердили, что если большевики решатся и возьмут власть, то «не смогут удержать ее даже в течение самого короткого времени»².

Первостепенная важность вопроса побудила В. И. Ленина написать специальную работу — «Удержат ли большевики государственную власть?», в которой он разоблачил несостоятельность доводов всех тех, кто пророчил поражение большевикам. На убедительных фактах В. И. Ленин доказал, что по коренным вопросам революции — аграрному, национальному, по вопросу о мире — пролетариат отнюдь не изолирован от мелкой буржуазии, имеет на своей стороне сочувствие

¹ «Дело народа», 10 октября 1917 г.

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 290.

большинства народа, выступает «поистине как представитель *всей* нации, всего живого и честного *во всех* классах»¹. Ленин опроверг распространенное утверждение врагов о неспособности пролетариата технически овладеть государственным аппаратом и привести его в движение. Опираясь на марксистское учение о государстве, развитое им в труде «Государство и революция», Ленин показал, что в ходе социалистической революции пролетариату необходимо разбить все, что есть угнетательского, рутинного, несправимо-буржуазного в старом государственном аппарате, и поставить на его место свой, новый аппарат. «Этот аппарат и есть Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»². В то время как меньшевики и эсеры, вытесняемые из Советов, стали открыто их шельмовать, Ленин раскрыл величайшее преимущество Советов как нового государственного аппарата, подлинно демократического, позволяющего авангарду угнетенных классов, рабочих и крестьян, поднимать, воспитывать, обучать и вести за собой *«всю гигантскую массу* этих классов, до сих пор стоявшую совершенно вне политической жизни, вне истории»³.

Таким образом, большевики давали решительный отпор попыткам кадетов, меньшевиков и эсеров деморализовать рабочих и солдат, внушить им страх перед победой, запугать трудностями, которые им якобы не осилить, став у власти. «Мы не должны давать запугать себя криками запуганных буржуа, — писал Ленин, — ...«неразрешимых» общественных задач мы себе никогда не ставили, а *вполне* разрешимые задачи немедленных шагов к социализму... разрешит только диктатура пролетариата и беднейшего крестьянства»⁴.

Преданный великим идеалам социализма, уверенный в реальной возможности его осуществления, пролетарский авангард своей энергией, беззаветностью увлекал массы на решающий бой против буржуазии, за власть Советов.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 300.

² Там же, стр. 303.

³ Там же, стр. 304.

⁴ Там же, стр. 295.

Глава одиннадцатая

**ПРОТИВОРЕЧИЯ МЕЖДУ ПАРТИЯМИ
ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ КОАЛИЦИИ**

Программа большевиков и в условиях общенационального кризиса была ясна и определена. Она звала рабочих, солдат и крестьян к вооруженному свержению Временного правительства, к созданию Всероссийским съездом Советов органа диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства, способного решить в интересах трудящихся вопросы о мире, о земле, о рабочем контроле. Демонстративным уходом 7 октября из Временного совета Российской республики (Предпарламента) большевики давали ясно понять, что настало время, когда «оружие критики» надо сменить «критикой оружия» — свергнуть «правительство народной измены»¹. Пленум Петроградского Совета 9 октября одобрил выход большевиков из Предпарламента². Руководимый большевиками съезд Советов Северной области (11—12 октября) ясно продемонстрировал готовность рабочих, солдат и матросов выступить против буржуазной власти. «Временное правительство губит страну и держится только на силе, — говорилось в резолюции съезда. — Но страна хочет жить, и Временное правительство должно сойти с ее дороги. На стороне Советов не только право, но и

¹ См. «Рабочий путь», 8 октября 1917 г. («Декларация фракции большевиков, оглашенная перед уходом на вчерашнем заседании Совета Республики»). Реакция политических противников на выход большевиков из Предпарламента лишний раз подчеркивала правильность этого шага. «Дело народа» в передовой 8 октября давало понять, что оно предпочло бы бичующие речи большевиков в Совете республики действиям их вне его. Укоряя большевиков, газета писала: «Но разве ради «разоблачения» нашей «лживости» не должен был бы раздаваться с всероссийской трибуны большевистский голос «беспощадной критики?»»

² См. «Рабочий путь», 10 октября 1917 г.

сила. Время слов прошло. Наступил час, когда только решительным и единодушным выступлением всех Советов может быть спасена страна и революция и решен вопрос о центральной власти»¹.

Вслед за большевиками, хотя и непоследовательно, выступали за созыв Всероссийского съезда Советов левые эсеры. В канун созыва Демократического совещания их газета «Знамя труда» еще писала, будто это Совещание «по объему своей власти, без сомнения, значительнее, чем всероссийский Совет организаций, все-таки в меньшей степени представляющий волю населения»², но с середины сентября чуть ли не в каждом номере левоэсеровский орган помещал лозунг: «Мы требуем созыва Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов!» Левые эсеры при этом подчеркивали, что, в отличие от большевиков, они не связывают со съездом Советов установление диктатуры пролетариата, а рассматривают его лишь «как гарантию своевременного созыва и спокойной работы Учредительного собрания»³.

Большевикам было несравненно легче найти общий язык с рядовыми левыми эсерами, чем с их руководителями. Так, на съезде Советов Северной области один из левоэсеровских деятелей А. Л. Колегаев отстаивал лишь парламентские методы борьбы с Временным правительством, а член его же фракции кронштадтский матрос П. И. Шишко выступал за единство действий с большевиками. В канун Октября почти повсюду сложился фактический блок большевиков с левыми эсерами. Это подталкивало левоэсеровских лидеров к более решительным выступлениям против эсеровского центра, что ослабляло противостоящий пролетарской революции лагерь⁴.

Какую же позитивную программу выдвигали противники социалистической революции в условиях, когда

¹ «Рабочий путь», 13 октября 1917 г.

² «Знамя труда», 8 сентября 1917 г.

³ «Знамя труда», 1 октября 1917 г.

⁴ См. К. Гусев. Крах партии левых эсеров. М., 1963; А. С. Смирнов. Об отношении большевиков к левым эсерам в период подготовки Октябрьской революции. «Вопросы истории КПСС», 1966, № 2; П. А. Голуб. О блоке большевиков с левыми эсерами в период подготовки и победы Октября. «Вопросы истории КПСС», 1971, № 9.

страна находилась в состоянии общенационального кризиса, когда хозяйственная жизнь оказалась дезорганизованной, голод охватил ряд губерний и городов и коснулся даже армии, когда поднялась волна стачек и крестьянских восстаний, антиправительственных выступлений солдат, когда усилилось национально-освободительное движение, когда сговор иностранных империалистов угрожал национальной независимости и целостности России?

Состав и деятельность Предпарламента сделали очевидным для всей страны растерянность, разброд и бессилие врагов революции. Единодушия не было не только между главными партиями, представленными в Предпарламенте, но и внутри каждой из них. В эсеровской, самой многочисленной, фракции (63 человека) разногласия в отношении к Предпарламенту выявились еще до его открытия. Левые эсеры отказались поддерживать вновь образованное коалиционное правительство, правые же эсеры признали и его, и Временный совет республики «приемлемыми до Учредительного собрания, хотя не отвечающими вполне интересам народа»¹. Представители левых эсеров (М. А. Натансон и Б. Д. Камков) на встрече с большевиками, накануне ухода последних из Предпарламента, заявили, что остаются в Предпарламенте, но обещают «полную поддержку большевикам в случае революционных выступлений вне его». 15 октября И. З. Штейнберг сделал на заседании эсеровской фракции заявление о неподчинении левых эсеров постановлениям фракции². В особую фракцию — «Группа по списку № 10» — выделились также эсеры-воленародовцы (от имени этой группы выступал С. К. Вржосек).

Раскол произошел и во фракции меньшевиков (62 человека). Накануне открытия Предпарламента обособились меньшевики-интернационалисты, несогласные с тем, что принятый устав фракции запрещает им голосовать

¹ «Земля и воля», 7 октября 1917 г. На 2-й Петроградской губернской конференции партии с.р. 28—29 сентября 1917 года за резолюцию левых эсеров было подано 39 голосов, против 36, 2 воздержавшихся; за резолюцию правых эсеров, где содержалось утверждение о «приемлемости» коалиции и Предпарламента, — 16 голосов, против 37, воздержалось 4 (там же).

² См. «Армия и флот свободной России», 18 октября 1917 г.

против предложений большинства¹. Вопреки постановлению ЦК РСДРП (объединенной) меньшевики-оборонцы Петрограда приняли в середине октября решение выступить на выборах в Учредительное собрание с собственным списком². Самостоятельными фракциями были представлены в Предпарламенте вышедшая из РСДРП (объединенной) группа с.-д. интернационалистов (В. П. Волгин, В. И. Яхонтов, Б. В. Авилон)³ и не входившая в РСДРП (объединенную) организация «Единство» (ее представлял Г. В. Плеханов)⁴.

Скрытая борьба происходила и внутри кадетской фракции (56 мандатов)⁵.

Представленные в Предпарламенте партии (исключая малочисленные фракции левых эсеров, меньшевиков-интернационалистов и объединенных с.-д. интернационалистов⁶) были враждебны Советам. Меньшевики и

¹ См. «Искра», 10 октября 1917 г.; «Рабочая газета», 13 октября 1917 г.

² См. «Новая жизнь», 14 октября 1917 г.

³ ЦГАОР СССР, ф. 1239, оп. 1, д. 21, л. 107об.

⁴ После состоявшегося в Петрограде 20—24 июля совещания групп «Единство» организация стала именоваться — Всероссийская с.-д. организация «Единство».

⁵ Были, в частности, серьезные разногласия внутри кадетской партии между русскими и национальными (украинскими, литовскими, мусульманскими и др.) ее организациями. Последние возражали против того, что национальная программа партии (принятая VIII съездом) фактически отказывала нерусским народам в праве на подлинную автономию. Особенно сильной была оппозиция кадетскому ЦК со стороны Киевского областного комитета партии (ЦГАОР СССР, ф. 579, оп. 1, д. 1041, л. 1; д. 2748, лл. 1—2).

⁶ Общим для этих фракций являлось отрицательное отношение к коалиции с буржуазией. Что же касается позитивной программы, то здесь имелись некоторые различия. Меньшевики-интернационалисты и с.-д. интернационалисты выдвигали в Демократическом совещании и Предпарламенте (ЦГАОР СССР, ф. 1238, оп. 1, д. 9, лл. 5, 8а), пропагандировали в печати (см. редактируемую Мартовым газету «Искра») лозунг «Вся власть демократии!», ратовали за создание «однородного демократического министерства». Обе эти группы исключали для России социалистическую перспективу в ближайше обозримый исторический период, их программа не выходила за рамки установления буржуазно-демократической республики. Левые же эсеры полагали, что русская революция (при победе революции на Западе) сможет положить начало переходу к социализму, но реализацию этой возможности они связывали с установлением не диктатуры пролетариата, а диктатуры трудовой демократии» (см. В. Трутовский. Особенности русской революции. «Знамя труда», 28 сентября 1917 г.; С. Метиславский. Перспективы русской революции. «Знамя труда», 23 и 24 сентября 1917 г.). Раз-

эсеры, недавно почтительно величавшие их «полномочными органами революционной демократии», стали заодно с кадетами третировать Советы. Правоменьшевистский «День» утверждал, будто творческая роль Советов кончается и «дальнейшее их развитие наносит непосредственный ущерб закреплению революции». «Развенчанием» Советов занялось эсеровское «Дело народа», отказываясь признать за ними государственные функции и утверждая, что Советы не могут быть «составным элементом государственной организации демократической республики»¹. В роли могильщика Советов выступил и орган ЦИК Советов «Известия», редактируемый меньшевистским лидером Ф. Даном. 12 октября газета возвестила о «кризисе советской организации», о необходимости замены Советов органами местного самоуправления, избранными «по лучшему, более совершенному... более демократичному избирательному закону, чем выборы в Советы». Конечно, буржуазная печать восторженно приветствовала поход эсеро-меньшевистской газеты против Советов².

Поставив своей целью не допустить перехода власти к Советам, основные партии Предпарламента не могли, однако, договориться между собой о том, каким образом этого добиться. Правосоциалистические группы, которые, по словам В. И. Ленина, *ничем* серьезным не отличались от кадетов³, хотели видеть в Предпарламенте опору Временного правительства в борьбе против революционных сил, прежде всего против большевиков. Когда идея

лично была социальная база рассматриваемых групп. Большевики-интернационалисты потеряли к осени 1917 года остатки своего влияния среди рабочего класса, сплотившегося в основном вокруг РСДРП(б). Левые эсеры пользовались еще доверием крестьян и небольшой части рабочих. Эти различия обусловили особенность тактики рассматриваемых групп. Хотя каждая из них выступала как против коалиции с буржуазией, так и против установления диктатуры пролетариата, левые эсеры делали упор на первом, левые меньшевики — на втором. Левые эсеры, подталкиваемые крестьянством, вступили перед Октябрем в блок с большевиками против буржуазной власти. Сторонники же Мартова оказались на противоположной стороне баррикад.

¹ «Дело народа», 6 октября 1917 г.

² «И вот, наконец, наступил день, — ликовала 13 октября «Русская воля», — когда о смерти Советов говорит уже не «контрреволюционная» и не «буржуазная» пресса, а говорит об этом прямо и открыто орган Центрального Исполнительного Комитета Советов...»

³ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 250.

Предпарламента только вынашивалась, «Воля народа», этот официоз Керенского, призывала «вождей демократии», т. е. лидеров меньшевиков, эсеров и кадетов, «объединиться и железной рукой принудить большевизм покориться». К тому же зывали и «День», в котором управлял Потресов, и энесовское «Народное слово». Эти газеты всецело поддерживали Временное правительство, вели травлю большевиков, призывали к насильственной расправе с ними.

В отличие от крайне правых групп официальное руководство партий меньшевиков и эсеров избрало более изворотливую тактику. Под предлогом важности сохранения единого фронта «революционной демократии» меньшевики и эсеры выступали против созыва II съезда Советов, против свержения буржуазной власти. «...Не нужно делать опыта захвата власти, потому что если это удастся, то этим вы (т. е. большевики. — Авт.) разорвете фронт демократии...»¹ — заявил 17 октября на заседании ИК Советов Москвы меньшевик И. А. Исув. Съезду Советов в качестве спасительного средства от всех бед меньшевики и эсеры противопоставляли Учредительное собрание. «Дело народа» призвало 30 сентября «претерпеть» коалиционное правительство «до близкого момента, когда на авансцену истории появится полновластный представитель всего народа». «Созыв съезда Советов — безумие», — писала эта газета 13 октября. Под флагом защиты Учредительного собрания эсеровский орган пытался мобилизовать силы для борьбы против большевиков. «Мало желать Учредительное собрание, нужно еще для своевременного созыва его бороться с Лениным», — подстрекало «Дело народа» 14 октября.

Антисъездовскую кампанию и открыто, и замаскированно вели «Рабочая газета» и «Известия ЦИК». Эсеровские деятели провели в ЦИК Совета крестьянских депутатов резолюцию о бойкоте съезда. Аналогичные решения приняли некоторые оторванные от солдатских масс армейские комитеты. Вместе с тем лидеры мелкобуржуазных партий понимали, что лишь одними посула-

¹ ГАМО, ф. 66, оп. 12, д. 37, л. 19. В таком же духе выступил меньшевик Кибрик (там же, л. 27), а также представители эсеров. Решительную и аргументированную отповедь им дали большевики Лукин и Ломов (там же, лл. 24—26, 30—32).

ми созвать Учредительное собрание им не предотвратить революции. Накал классовой борьбы свидетельствовал о том, что рабочие, солдаты и крестьяне не намерены «претерпеть» до Учредительного собрания существующую «комбинацию власти». Поэтому лидеры меньшевиков и эсеров стали, наряду с увещанием масс, добиваться от Временного правительства проведения некоторых реформ. Эсеро-меньшевистский ЦИК Советов обещал использовать Предпарламент для воздействия на Временное правительство, чтобы оно немедленно начало переговоры с союзниками о заключении мира и издало закон о передаче земель в распоряжение земельных комитетов¹. Действительно, Предпарламент, приступив 10 октября к «деловой» работе, вначале рассмотрел вопрос об обороне государства (докладчик военный министр генерал А. И. Верховский), затем о внешней политике (с докладом выступил министр иностранных дел М. И. Терещенко). 23 октября Предпарламент обсуждал аграрный вопрос. Но все эти дебаты были бесплодны. Подлинная цель эсеровских и меньшевистских верхов состояла не в быстрой ликвидации войны и немедленном наделении крестьян землей, а в отвлечении масс от революции. В этом лишний раз убеждают отчеты о секретных заседаниях комиссий Предпарламента по иностранным делам и обороне (12, 17, 20 октября 1917 г.), в которых участвовали руководящие деятели буржуазных и мелкобуржуазных партий².

Соглашательские партии уже многие месяцы обещали массам добиться отказа союзников России от аннексий и контрибуций, что должно было создать условия для достижения справедливого мира. Наконец стало известно, что долгожданная межсоюзническая конференция откроется в начале ноября 1917 года в Париже. Для участия в ней ЦИК Советов постановил делегировать, наряду с министром Временного правительства, своего представителя — М. И. Скобелева. В день открытия

¹ См. «Дело народа», 8 сентября 1917 г.

² В числе участников заседаний были: кадеты П. Н. Милоков, В. Д. Набоков, Б. Э. Нольде; эсеры А. Р. Гоц, В. Н. Рихтер, Н. Д. Авксентьев, М. В. Вишняк, Д. С. Розенблюм, И. З. Штейнберг; меньшевики Ф. И. Дан, М. И. Скобелев, Л. Мартов, Б. О. Богданов (см. «Накануне Октябрьского переворота. Отчеты о секретных заседаниях комиссии Временного Совета Российской республики». «Былое», 1918, № 12, кн. 6).

Предпарламента, 7 октября, в «Известиях ЦИК» был опубликован так называемый «Наказ Скобелеву» — резолюция ЦИК Советов, обязывавшая уполномоченного российской «демократии» добиваться на конференции пересмотра договоров с целью достижения мира без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов. Публикуя «Наказ Скобелеву», эсеро-меньшевистский ЦИК стремился отвлечь внимание масс от предстоящего II съезда Советов, внушить им надежду на возможность достижения справедливого мира без новой революции.

Резолюция ЦИК Советов была неодобрительно встречена правительствами союзных стран и отечественной буржуазией, отвергавшими самую мысль о возможности отказа от своей доли добычи при послевоенном дележе мира. Терещенко, выступая 12 октября в комиссии по иностранным делам, а 13 и 16 октября — в Предпарламенте, от имени Временного правительства отмежевался от резолюции ЦИК Советов и указал, что на предстоящей конференции делегат ЦИК обязан отстаивать линию правительства¹.

Ответная реакция эсеро-меньшевистских лидеров ЦИК изобличила фальшивость предпринятой ими «мирной инициативы», показала, что подлинной их целью было не достижение демократического мира, а предотвращение социалистической революции. 17 октября на заседании комиссии по иностранным делам Ф. Дан, упрекнув Терещенко за «публичное» осуждение наказа, заявил, что, по существу, наказ «лишь намечает основы желательного мира, оставляя, таким образом, открытой возможность всяких соглашений после обмена мнений с союзниками»². Большевистский лидер давал ясно понять, что ЦИК Советов не намерен связывать руки Временному правительству в переговорах с союзниками. «Наказ вовсе не содержит обязательных условий мирного договора»³, — подчеркивал Дан. Он выговаривал Терещенко не столько за негативное отношение к наказу по существу, сколько за публичное осуждение его, что

¹ См. об этом В. С. Васюков. Внешняя политика Временного правительства. М., 1966, стр. 431—462.

² «Былое», 1918, № 12, кн. 6, стр. 24.

³ Там же, стр. 25. Милюков, участник заседания, имел основания характеризовать «Наказ Скобелеву» как «продукт официального лицемерия» (ЦГАОР СССР, ф. 1239, оп. 1, д. 2, л. 11).

подрывало успех антибольшевистской кампании, развернутой меньшевиками и эсерами. «Допущенная министром иностранных дел резкая публичная критика взглядов революционной демократии не ведет к соглашению»¹, — жаловался Дан.

Неожиданно для себя меньшевики и эсеры получили поддержку со стороны военного министра А. И. Верховского. В первых же выступлениях в Предпарламенте 10 октября Верховский предложил точно определить цели войны и сделать ясным для солдат, что «мы идем на смерть не ради захватов»². Вскоре он сделал еще более сенсационное заявление. В докладе на закрытом заседании Предпарламента 20 октября Верховский, дав анализ состояния армии, сделал вывод, что «воевать мы не можем», и предложил в целях борьбы с большевизмом «немедленно возбудить вопрос о заключении мира». Развивая эту мысль, он выразил уверенность, что весть о мире «вызовет в армии прилив энергии. Тогда найдутся части, которые... возьмутся подавить анархию и развал как на фронте, так и в тылу». На вопрос Мартова, «следует ли понимать его заявление о подавлении анархии внутри страны в смысле установления диктатуры», Верховский ответил утвердительно. Он заявил, что суть не в названии, но «для борьбы с анархией так же необходима сильная единоличная власть, как и для командования армией, и в этом смысле означенная власть может считаться диктатурой»³.

Поддержка военного министра не усилила, однако, позиций эсеро-меньшевистских лидеров ЦИК. Предложенная ими резолюция по обороне не собрала большинства (впрочем, как и резолюции, выдвинутые другими фракциями в Предпарламенте⁴). После выступления Верховского в комиссиях Предпарламента Временное правительство приняло решение об увольнении его в отставку. Правительство Керенского рассчитывало подавить революционные силы, ни на йоту не поступаясь империалистическими интересами российской буржуазии и союзного капитала.

¹ «Былое», 1918, № 12, кн. 6, стр. 24.

² См. Н. Ф. Славин. Из истории кризиса верхов накануне Октябрьской революции. «История СССР», 1964, № 6, стр. 13.

³ См. «Революционное движение в России накануне Октябрьского вооруженного восстания», стр. 224, 226, 227, 229.

⁴ ЦГАОР СССР, ф. 1239, оп. 1, д. 4, лл. 8, 9.

Позиция Временного правительства в канун Октября станет яснее, если учесть политическую линию кадетов в рассматриваемый период. Рост революционной сознательности и организованности рабочих приводил кадетов в бешенство. В мае, после отставки Милюкова, российские буржуа заговорили о «грозовых тучах», заслонивших «светлое небо свободы»; в сентябре, после поражения корниловцев, — о наступлении «темной ночи». 17 октября кадетский ЦК решил отметить двенадцатую годовщину образования партии¹, рассчитывая, по-видимому, поднять этим дух в партии и среди ее сторонников. Но никого этот юбилей не заинтересовал. Да и кадетским верхам было недо праздника. Пути и методы подавления нарастающей революции — вот что занимало их.

Группа членов кадетского ЦК во главе с В. Набоковым связывала разгром революционных сил с укреплением правительства Керенского. Еще в конце сентября Набоков конфиденциально обсуждал с Церетели способы борьбы с большевизмом². Ликвидация большевизма руками «законного» правительства представлялась этой группе наиболее желательным методом укрепления буржуазной власти в стране. В этом плане представители ЦК Набоков, Аджемов, Кишкин, Коновалов вели переговоры с Керенским и лидерами меньшевиков и эсеров. Н. М. Кишкин пытался уговорить Керенского перебраться с правительством в Москву, «чтобы высвободиться из-под влияния Советов»³. Керенский же в ответ уверял, что им приняты все меры для разгрома большевиков. Набоков и Кишкин передавали эту информацию Центральному комитету кадетской партии⁴.

Но в руководстве кадетской партии имелось и другое течение, возглавляемое Милюковым и Новгородцевым, которое не рассчитывало на способность правительства Керенского справиться с нарастающей пролетарской революцией и делало ставку на подготовку второй корниловщины, на установление военной диктатуры. Представители этого течения имели широкую поддержку в буржуазно-помещичьих кругах. «Русские ведомости»

¹ ЦГАОР СССР, ф. 579, оп. 1, д. 1351, л. 5.

² См. В. Набоков. Указ. соч., стр. 69.

³ См. А. С. Изгоев. Пять лет в Советской России. «Архив русской революции», т. X. Берлин, 1933, стр. 17.

⁴ См. там же, стр. 20.

под рубрикой «Анархия в стране» в сентябре—октябре изо дня в день помещали сообщения, искаженно представлявшие революционные выступления рабочих, солдат, крестьян. Кадетская газета пыталась подбодрить все контрреволюционные элементы в России, внушить им, что достаточно только проявить решимость и настойчивость — и большевизм будет сокрушен. На 2-м совещании общественных деятелей (12—14 октября), душою которого был П. Новгородцев¹, открыто раздавались призывы к продолжению дела Корнилова. А. С. Белоруссов, публицист «Русских ведомостей», в речи на совещании славил корниловское движение, которое, по его словам, желало «вернуть Россию с пути анархии». Другой оратор (приват-доцент Ильин) говорил о Корнилове как о «вожде партии порядка». На совещании раздавались требования вернуть Корнилова на пост верховного главнокомандующего². Ф. Дан впоследствии вспоминал, что правые мечтали о «сильной власти» в корниловском духе, стремились довести до конца то, что им не удалось в августе: «спасти» Временное правительство силами военщины, а затем преобразовать его по своему желанию³.

Представители обоих течений кадетского ЦК («соглашательского» и «принципиально-партийного» — по определению «Речи»⁴) выступили с защитой своих позиций на X съезде кадетов, открывшемся в Москве 14 октября 1917 года⁵. Съезд созывался для решения вопросов, связанных с подготовкой к выборам в Учредительное собрание, но они были отеснены на второй план более актуальным для кадетов вопросом — о мерах борьбы с назревавшей пролетарской революцией.

¹ См. С. П. Руднев. При вечерних огнях. Воспоминания. Харбин, 1928, стр. 66.

² «Русские ведомости», 13 октября 1917 г.

³ См. Ф. Дан. Указ. соч., стр. 170.

⁴ См. «Речь», 17 октября 1917 г.

⁵ В повестке дня X съезда кадетской партии стояли вопросы: тактические доклады; выборы в Учредительное собрание; аграрный вопрос на окраинах; прием новых членов; устав партии; финансово-экономическая программа. Численность делегатов источники не указывают. На съезде присутствовали представители армейских кадетских организаций. Председатель военной фракции В. Г. Коренчевский сообщил, что на фронте и в тылу имеется до 600 ячеек и фракций партии к.-д. («Речь», 15 октября 1917 г.). Съезд закончился 16 октября.

Представители большинства ЦК — В. Д. Набоков и Н. М. Кишкин ратовали за укрепление правительства Керенского, единственной, по их мнению, реальной силы в борьбе с революцией. Они предлагали образовать в Совете республики блок кадетов с умеренными «социалистическими» группами для поддержки Временного правительства. Кишкин уверял, что он будет «всемерно призывать правительство к тому, чтобы оно сбросило с себя самогипноз слабости и стало силою»¹. Набоков призывал создать в Предпарламенте здоровое большинство, которое помогло бы правительству пойти «верным путем»².

С этим был согласен и Милюков. И он считал необходимым добиваться от правительства выполнения кадетской программы. «Нашу задачу, — говорил Милюков, — мы видели в том, чтобы заставить ее (т. е. власть. — Авт.) перешагнуть через эту грань колебаний... И теперь нам нужно заставить правительство осуществить нашу программу»³. Но в отличие от Набокова Милюков сомневался в том, что союз с правыми группировками меньшевиков и эсеров укрепит кадетов. Возражая Набокову и Аджемову, призывавшим пойти навстречу той части демократии, которая повернула вправо, Милюков заявил: «Центр демократии, отброшенный от своего политического и социального базиса... находится в некоем размышлении. Это, может быть, и приближает его к нам. Но он бессилен, а следовательно, и бесполезен. Так зачем же нам нашими ясными лозунгами поддерживать их лживую фразеологию?..»⁴ Не отрицая необходимости использования для борьбы с революционным движением правительственной коалиции с меньшевиками и эсерами, Милюков не был уверен, что кадетам удастся «заставить правительство «держаться на деле»... заставить его отказаться от непротивленства». Поэтому он предлагал активно действовать вне правительства и Предпарламента. Кадетский лидер избегал открыто призывать к повторению жорниловщины, но именно ее он имел в виду, указывая, что кадеты должны «искать союзников», «ассимилировать их» для осуществления своей программы. В числе этих союзников Ми-

¹ «Речь», 15 октября 1917 г.

² Там же.

³ «Русские ведомости», 15 октября 1917 г.

⁴ «Русские ведомости», 16 октября 1917 г.

люков назвал казачество, на зажиточную верхушку которого рассчитывали опереться Корнилов и Каледин¹. «Страна должна будет прийти к государственной программе, и надо, чтобы программу эту дала именно партия к.-д.»², — говорил Милюков. Его единомышленники Ф. Кожошкин и П. Новгородцев, выступая на съезде, не удержались от того, чтобы не произнести хвалу Корнилову. В других выступлениях также достаточно ясно проступала мысль о спасительности военной диктатуры. С. М. Леонтьев (Ростов-на-Дону; с его выступлением солидаризировался Милюков) заявил: «В правительстве нет сил, нет лидеров... Правительство — только видимость. Теперь создали новую видимость: видимость парламента... Мы должны стать в оппозицию к правительству, не признающему метода принуждения. Наша задача не в политике соглашения, а в обострении наших требований»³. Велихов заявил, что кадеты должны поддерживать правительство «постольку, поскольку оно станет на путь восстановления правовых условий в стране»⁴, т. е. на путь подавления революционного движения.

В защиту правительственной коалиции выступил Аджемов. «Второй день мы занимаемся тем, — говорил он, — что рвем коалицию. Но сегодня ведь другой коалиции быть не может»⁵. Бурные протесты делегатов свидетельствовали, что большинство съезда главную ставку делает на вторую корниловщину, надеясь, что она принесет победу буржуазной контрреволюции. Принятая большинством голосов резолюция одобрила действия кадетов в правительстве и Предпарламенте. Съезд ориентировал представителей партии на создание в Совете республики «руководящего центра государственной мысли», а не большинства (как предлагали Набоков и Аджемов) для поддержки Временного правительства⁶. «Громадное большинство съезда в вопросах тактических, — писала 17 октября «Речь», — скорее на стороне „несоглашателей“». Минская кадетская газета, полно-

¹ См. об этом В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 219, 220, 406.

² «Речь», 17 октября 1917 г.

³ «Русские ведомости», 17 октября 1917 г.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ См. «Речь», 17 октября 1917 г.

стью разделявшая позицию Милюкова, приветствовала резолюцию съезда. «Несомненно, — указывала газета, — политический центр разлагается, происходит бурный процесс брожения, переформирования и кристаллизации. Все слабые политические образования исчезнут, распадутся... Ходом истории, процесса исторической дифференциации намечены два фланга — большевики и кадеты. Это будут два главных врага, которые скрестят оружие...»¹

Таким образом, в борьбе против приближающейся социалистической революции (вопрос, занявший центральное место на десятом, оказавшемся последним, съезде кадетской партии) кадеты, не вполне полагаясь на Временное правительство, стремились активизировать и непосредственно возглавить самые реакционные силы, стоявшие за спиной Корнилова. Подготавливая второе издание корниловщины, кадеты рассчитывали приурочить ее к наиболее критическому моменту в жизни страны. Выступая на 2-м совещании общественных деятелей, генерал А. А. Брусилов выразил сожаление, что Корнилов «явился несвоевременно»². Эта мысль, несомненно, разделялась и многими кадетскими деятелями. Они полагали, что «корниловцы второго призыва», выступив в благоприятный момент (когда бедствия народа в результате голода или вторжения неприятельских войск достигнут крайнего предела), смогут, воспользовавшись усталостью масс, задушить революцию и установить военно-буржуазную диктатуру.

Сподвижники Корнилова в Ставке заняты были сосредоточением боевых сил (ударных батальонов, юнкерских училищ, чехословацкого и польского корпусов) для нанесения удара по революционным центрам. Фабриканты и заводчики один за другим стали закрывать предприятия, оставляя рабочих без средств существования. «Когда заводы начнут закрываться, тогда будет легче справиться с „товарищами“»³, — говорил в своем кругу банковский делец и кадетский деятель М. М. Федоров. «Торгово-промышленная газета» открыто грозила локаутом. «Быть может, такая мера, — писала газета 15 октября, — заставит рабочих переменить усвоенную

¹ «Минская жизнь», 21 октября 1917 г.

² «Русские ведомости», 14 октября 1917 г.

³ См. П. В. Волобуев. Пролетариат и буржуазия России в 1917 году, стр. 303.

пагубную тактику насильственных самочинных действий?»

В начале октября в Москве образовался новый центр торговцев и промышленников — Совет съездов (его возглавили П. А. Бурыйшкин, С. Н. Третьяков, А. И. Шингарев, П. П. Рябушинский), провозгласивший своей задачей борьбу с «самочинными организациями и безумными требованиями рабочих». «Рабочий путь» 19 октября писал в связи с созданием этого центра локаутчиков: «Ясно, что проводится всероссийский локаут, всероссийский заговор, имеющий целью схватить рабочий класс за горло костлявой рукой безработицы и голода». Разоблачая замыслы буржуазии, В. И. Ленин отметил 17 октября: «Именно Родзянки и К°, именно буржуазия готовит голод и спекулирует удавить революцию голодом»¹.

В борьбе против социалистической революции российская буржуазия готова была опереться на поддержку иностранного капитала. Характерно в этом отношении письмо, присланное Милюкову из г. Бердянска Таврической губернии «демократически-республиканской группой». Авторы письма (оно датировано 30 апреля 1917 г.) рекомендовали в качестве радикальной меры воздействия на массы инспирировать «коллективную ноту правительств союзных держав русскому правительству и народу с предупреждением, что в случае, если Россия откажется воевать, союзные державы выступят «соединенными силами против нее, дабы наказать изменников общему делу союзных народов». Авторы письма в заключение отмечали: «Предлагаемую меру, мы полагаем, можно провести без всякой огласки, которая, разумеется, была бы равносильна провалу всего дела»².

Подобные настроения — стремление расправиться с революционными силами с помощью иностранных (союзных или германских) войск — получили осенью 1917 года широкое распространение среди русской буржуазии, которую больше занимала проблема, как покончить с большевизмом, чем вопросы защиты от внешнего врага³. Это

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 410.

² ЦГАОР СССР, ф. 579, оп. 1, д. 2283, л. 10б.

³ В листовке офицеров-монархистов, распространявшейся в июле 1917 года на фронте, заявлялось, что они будут «всеми силами стараться и стремиться, чтоб победа была на стороне немцев, и пусть тогда немец покажет эту проклятую свободу... русскому народу» (ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 44, л. 19).

вынуждено было признать даже «Единство». В отчете об упоминавшемся уже митинге в Александринском театре (на нем была представлена буржуазная публика) газета писала: «...наиболее живой отклик находили те замечания ораторов, которые в той или иной форме были направлены против большевиков. ... И, наоборот, почти что равнодушно выслушивались места, касавшиеся вопроса о необходимости обороны». И далее газета делает вывод: «Большевики внушают, таким образом, более живую тревогу, нежели немецкое нашествие»¹.

В то время как большевистски настроенные матросы Балтийского флота героически защищали подступы к Петрограду (Моонзундское сражение 29 сентября — 7 октября), русская буржуазия даже не скрывала своей готовности пожертвовать столицей ради удушения революции². Кадеты и их приверженцы в тылу и на фронте выжидали удобного момента (голодных бунтов, сдачи Петрограда) для нанесения удара по революции.

Таким образом, между партиями правительственной коалиции выявились острые разногласия по вопросу о способах борьбы против нарастающей социалистической революции. Меньшевики и эсеры считали, что наряду с военными контрмерами Временное правительство должно что-то предпринять для достижения мира и наделения крестьян землей, с тем чтобы лишить большевиков поддержки масс. Кадеты же решительно возражали против пересмотра внешнеполитической программы³ и каких-либо социальных реформ, давая ясно по-

¹ «Единство», 12 сентября 1917 г.

² См. «Утро России», 8 октября 1917 г.; см. также Джон Рид. 10 дней, которые потрясли мир. М., 1958, стр. 30—32.

³ Отдельные члены кадетского ЦК (Б. Э. Нольде, В. Д. Набоков и некоторые другие) осенью 1917 года поднимали вопрос о необходимости несколько умерить внешнеполитические аппетиты русской буржуазии, но это было отвергнуто. «Милюков, со свойственной ему холодной отчетливостью, доказывал, — писал Нольде, — что цели войны должны быть достигнуты...» (см. Б. Э. Нольде. В. Набоков в 1917 г. «Архив русской революции», 1922, т. VII, стр. 10). Поэтому, когда А. И. Верховский перед выступлением в комиссиях Предпарламента явился в кадетский ЦК, чтобы заручиться здесь поддержкой, ему в этом отказали (см. В. Д. Набоков. Указ. соч. «Архив русской революции», т. 1, стр. 82). Таким образом, действия умеренно настроенной группы членов кадетского ЦК не вышли за рамки самого ЦК и никак не повлияли на политический курс партии (это правильно было отмечено В. С. Васюковым. Указ. соч., стр. 480—483).

нять, что если Временное правительство окажется неспособным разгромить революционные силы, то это будет сделано помимо него. Характеризуя обстановку в канун Октябрьского вооруженного восстания, В. И. Ленин отмечал: «Ни о каком *действительном* единстве эсеров и меньшевиков с кадетами против нас не могло быть и речи в тот момент»¹.

Из двух тактических линий правительство Керенского предпочло ту, которая предлагалась более сильной стороной. Кадеты, казалось, имели больше преимуществ. Силы сторонников меньшевиков и эсеров быстро таяли, а кадетов поддерживали капитал, буржуазная интеллигенция, генералитет и офицерство, зажиточная часть казачества. Поэтому корниловская политика кадетов стала политикой Керенского. В угоду кадетам Керенский дал отставку А. И. Верховскому, подчеркнув тем самым решимость продолжать войну; в угоду кадетам правительство Керенского отказывалось посягнуть на помещичье землевладение.

11 октября министр земледелия эсер С. Л. Маслов внес в правительство законопроект о передаче земель сельскохозяйственного значения в ведение земельных комитетов, 18 октября он был опубликован. Несмотря на то что законопроект, как показал В. И. Ленин, в корне отступал от эсеровской аграрной программы (признавал за помещиками право на землю и на взимание арендной платы)², Временное правительство отказалось его рассмотреть. Не помогли всеподданнейшие просьбы эсеровского ЦК³. Законопроект так и не вышел за стены министерского кабинета.

Вечером 24 октября Предпарламент большинством в 123 голоса против 102 при 28 воздержавшихся принял резолюцию эсеров и меньшевиков, предлагавшую правительству немедленно издать декрет о передаче земель

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 7.

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 428. Даже «Дело народа» признало, что законопроект «содержит ряд дефектов» и отступает от эсеровской программы социализации земли (см. «Дело народа», 20 октября 1917 г.). Факт вопиющего расхождения между программой и политическими действиями эсеров в аграрном вопросе 12 октября был отмечен «Новой жизнью».

³ 19 октября «Дело народа» опубликовало постановление ЦК партии с.-р. в поддержку законопроекта Маслова.

в ведение земельных комитетов и возбудить перед союзниками вопрос о мире. Представители Предпарламента Дан, Гоц и Авксентьев доставили в ночь на 25 октября резолюцию Керенскому. Эсеро-меньшевистские лидеры предприняли еще одну, оказавшуюся последней, попытку спасти буржуазную власть. Но маневр не удался. Керенский и на этот раз не рискнул пойти против кадетов. Он отверг резолюцию. «Теперь время не разговаривать, а действовать», — заявил он, рассчитывая, что сумеет подавить начавшееся восстание петроградских рабочих и солдат¹.

¹ См. Ф. Дан. Указ. соч., стр. 174.

Глава двенадцатая

**ПРИХОД БОЛЬШЕВИКОВ
К ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ**

1. ПО ОБЕ СТОРОНЫ БАРРИКАД

Большевики, разумеется, не могли знать в деталях о расприх, происходивших в правительственных сферах в связи с обсуждением плана подавления нарастающей социалистической революции. Можно лишь удивляться проницательности В. И. Ленина, своевременно разгадавшего двоякого рода опасность: контрреволюция попытается или спровоцировать, как в июльские дни, уличные выступления рабочих и солдат, чтобы расправиться с ними (план, к которому склонялись лидеры меньшевиков и эсеров), или повторить в подходящий момент корниловский способ удушения революции (замысел кадетов). Вождь пролетарской революции при разработке плана вооруженного восстания учел вероятность и того, и другого варианта действий контрреволюционных сил.

В первое время после VI съезда РСДРП(б), взявшего курс на подготовку вооруженного восстания, В. И. Ленин допускал возможность перерастания, при условии умелого руководства большевиков, стихийного выступления масс в победоносное восстание. После всеобщей политической стачки 12 августа в Москве Владимир Ильич писал в ЦК РСДРП(б) о возможности нарастания в Москве движения типа 3—5 июля. В этом случае, указывал он, большевики должны будут возглавить движение, взять власть и объявить себя правительством. «Крайне важно, — подчеркивал Ленин, — чтобы в Москве «у руля» стояли люди, которые бы не колебались вправо, не способны были на блоки с меньшевиками, которые бы в случае движения понимали *новые* задачи, *новый* лозунг взятия власти, *новые* пути и средства к нему»¹.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 77.

Осенью 1917 года, в условиях общенационального кризиса, когда вооруженное восстание назрело и стало неизбежным, В. И. Ленин не связывал более восстания с ожиданием стихийного выступления масс, аналогичного июльскому. В своих сентябрьских письмах «Большевики должны взять власть» и «Марксизм и восстание» Ленин сосредоточил внимание руководства партии на организационной, военно-технической подготовке вооруженного восстания. Он приступил к разработке плана восстания, в котором предусмотрел организацию штаба повстанческих отрядов, определил объекты, которые предстояло занять в первую очередь. 27 сентября В. И. Ленин в письме из Выборга в Гельсингфорс И. Т. Смилге (в то время председателю Областного комитета армии, флота и рабочих Финляндии) предлагал «*все внимание* отдать военной подготовке финских войск + флота для предстоящего свержения Керенского»¹. В письме были даны конкретные рекомендации по подготовке восстания.

В последнем, не предназначавшемся для печати, разделе статьи «Кризис назрел» В. И. Ленин конкретизировал план восстания. Он рассмотрел здесь в органическом единстве политические и военно-стратегические аспекты восстания. «Победа восстания, — писал Ленин, — *обеспечена* теперь большевикам: 1) мы можем (если не будем «ждать» Советского съезда) ударить *внезапно* и из трех пунктов, из Питера, из Москвы, из Балтийского флота; 2) мы имеем лозунги, обеспечивающие нам поддержку... 3) мы в большинстве *в стране*; 4) развал у меньшевиков и эсеров полный; 5) мы имеем техническую возможность взять власть в Москве... 6) мы имеем *тысячи* вооруженных рабочих и солдат в Питере, кои могут *сразу* взять и Зимний Дворец, и Генеральный Штаб, и станцию телефонов, и все крупные типографии; не выбить нас оттуда, — а агитация в *армии* пойдет такая, что *нельзя* будет бороться с этим правительством мира, крестьянской земли и т. д.»².

Связывая начало восстания с Петроградом, В. И. Ленин не исключал и того, что застрельщиками его могут стать московские рабочие. Так он думал еще 7 октяб-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 265.

² Там же, стр. 281—282.

ря¹. 8-го же октября вывод В. И. Ленина окончателен: «Под Питером и в Питере — вот где может и должно быть решено и осуществлено это восстание...»². В написанных в тот же день «Советах постороннего» Ленин, развивая вслед за Марксом и Энгельсом учение о восстании, кратко и выразительно сформулировал главные правила вооруженного восстания и указал, как их следует применять в Петрограде в октябре 1917 года. На доставшемся дорогой ценой, оплаченном кровью побежденных повстанцев опыте В. И. Ленин учил большевиков науке победы. Заканчивая «Советы постороннего», он писал: «Будем надеяться, что в случае, если выступление будет решено, руководители успешно применят великие заветы Дантона и Маркса»³.

Вопрос о выступлении был решен 10 октября. Центральный Комитет РСДРП(б) на конспиративном заседании десятью голосами против двух принял написанную В. И. Лениным резолюцию, которая констатировала, что вооруженное восстание неизбежно и вполне назрело, и предлагала всем организациям партии подчинить всю свою работу делу проведения восстания⁴.

Таким образом, на очередь дня было поставлено вооруженное восстание. ЦК, Петроградская партийная организация перенесли центр тяжести своей деятельности на его военно-техническую подготовку. Создание боевых центров, разработка оперативных планов, приведение в готовность Красной гвардии, дальнейшее вооружение и обучение ее, укрепление связей с воинскими частями и матросами Кронштадта и Гельсингфорса, принятие мер по своевременной поддержке восстания Москвой и провинцией — эти и многие другие военно-технические и организационные вопросы стали главными в деятельности ЦК, ПК и районных комитетов большевиков столицы.

Титаническую работу партии по подготовке восстания пытались сорвать Зиновьев и Каменев. На заседании ЦК 10 октября лишь они, двое, выступили против ленинского курса. Оказавшись в изоляции, они на следующий день обратились к большевикам Москвы, Пет-

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 348.

² Там же, стр. 390.

³ Там же, стр. 384.

⁴ См. там же, стр. 393.

рограда и Гельсингфорса с пространным письмом «К текущему моменту». Полные пессимизма, недооценивающие силы пролетариата и преувеличивающие силы буржуазии, Зиновьев и Каменев предрекали неизбежное поражение восстания и предлагали партии, заняв оборонительную позицию, добиваться осуществления своих целей через Учредительное собрание. Не веря в возможность победы социалистической революции в России, они, вслед за меньшевиками и эсерами, предлагали ждать Учредительного собрания, в сущности не помышляя ни о чем более, как только о буржуазно-парламентарной республике. Оппортунисты и маловеры, они допускали для партии возможность лишь вынужденного выступления, в случае новой корниловщины: «Противник *может принудить* нас принять решительный бой до выборов в Учредительное собрание. Попытки новой корниловщины, конечно, не оставят нам и выбора... Но, поскольку выбор зависит от нас, мы можем и должны теперь ограничиться *оборонительной позицией*»¹.

Капитулянты пытались обречь партию на пассивное ожидание нового корниловского мятежа. Они не хотели или не были способны понять, что точное повторение прошлого невозможно, что корниловцы, учтя уроки неудачной вылазки в августе, прибегнут к новым уловкам, попытаются применить другие методы борьбы с революцией. Высмеивая убогость «стратегии» капитулянтов, В. И. Ленин писал о ней: «Как она похожа на «авось да небось»! Авось корниловцы опять начнут не вовремя! — не правда ли, какой это сильный «довод»? Какое это серьезное обоснование пролетарской политики?»²

Проповедники пассивности пролетарской партии перед лицом мобилизующейся контрреволюции получили решительный отпор на расширенном совещании ЦК РСДРП(б) 16 октября. Окончательно запутавшись в своих попытках дискредитировать резолюцию 10 октября, Зиновьев и Каменев, с одной стороны, безосновательно обвиняли ЦК в заговорщической тактике, а с другой, упрекали в том, что большевики подняли «трезвон» о своем скором выступлении³. Они предна-

¹ «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б)», стр. 90.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 406.

³ См. «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б)», стр. 98, 99—100.

меренно смешивали вопрос о наличии в стране объективных предпосылок для восстания с вопросом о его военно-технической подготовке. Опровергая измышления о «заговоре», В. И. Ленин в своем выступлении на заседании ЦК заявил: «Если говорить, что восстание назрело, то говорить о заговорах не приходится. Если политически восстание неизбежно, то нужно относиться к восстанию, как к искусству. А политически уже оно назрело»¹. Партия открыто говорила о неизбежности и необходимости восстания, поднимая на него под лозунгом «Вся власть Советам!» широчайшие народные массы. Вместе с тем, памятуя, что восстание есть искусство, партия, целеустремленно занимаясь его военно-технической подготовкой, принимала все меры, чтобы осуществить это по возможности скрытно от врага.

В. П. Милютин, соглашаясь с необходимостью восстания, предлагал ЦК не брать на себя инициативу «нанесения первого удара», а выждать, когда в силу объективных условий произойдет столкновение классов, и тогда возглавить выступление масс². Это предложение отражало прежние, уже опровергнутые ходом событий прогнозы и также уводило партию от активных действий. В. И. Ленин, исходя из того, что восстание объективно назрело, возразил Милютину: «Почему ЦК не может начать? Это не вытекает из всех данных»³.

Большинство участников заседания поддержало Ленина и высказалось против капитулянтской позиции Зиновьева и Каменева, обрекавшей партию на пассивность и бездействие. И. А. Рахья доказывал, что массы сознательно готовятся к восстанию. «Наступления контрреволюции, — отметил он, — ждать не приходится, ибо оно уже есть»⁴. Важность взятия инициативы в свои руки подчеркивал М. И. Калинин. «Ждать, пока нападут, тоже не следует, — говорил он, — ибо сам факт наступления дает шансы победе»⁵. 19 голосами против 2 при 4 воздержавшихся заседание приняло резолюцию, призывавшую партийные организации, рабочих и солдат «к всесторонней и усиленной подготовке вооружен-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 396—397.

² См. «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б)», стр. 97.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 396.

⁴ «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б)», стр. 98.

⁵ Там же, стр. 100.

ного восстания, к поддержке создаваемого для этого Центральным Комитетом центра». Резолюция выражала «полную уверенность, что ЦК и Совет своевременно укажут благоприятный момент и целесообразные способы наступления»¹.

Это была победа Ленина. Разработанный им план восстания стал боевой программой действий партии, революционных рабочих и солдат. Доклад В. И. Ленина на расширенном заседании ЦК 16 октября произвел, по свидетельству А. В. Шотмана, неизгладимое впечатление на присутствовавших². Сейчас, когда хорошо известны все тогдашние замыслы врагов революции, мудрость ленинского плана особенно очевидна. Пассивная, оборонительно-выжидательная тактика, навязываемая партии капитулянтами, объективно была на руку контрреволюции. ЦК партии принял ленинский план восстания, рассчитанный на активные наступательные действия. Это был единственно возможный в тех условиях путь победы социалистической революции. Партия не свернула с этого пути и после штрейкбрехерства Зиновьева и Каменева, выдавших врагу планы большевиков.

Военно-революционный комитет, созданный в середине октября при Петроградском Совете, стал под руководством большевиков легальным штабом подготовки вооруженного восстания. 16 октября ЦК партии избрал Военно-революционный центр в составе А. С. Бубнова, Ф. Э. Дзержинского, Я. М. Свердлов, И. В. Сталина и М. С. Урицкого — партийный орган по непосредственному руководству восстанием.

ЦК партии, проводя подготовку восстания в Петрограде, предусмотрел меры по поддержке его другими пролетарскими центрами. Вся предшествующая титаническая деятельность партии — идеологическая, политическая, организационная — подготовила ее к тому, чтобы обеспечить победу восстания рабочих и революционных солдат против буржуазной власти. Большевистскими организациями на местах руководили, как правило, твердые ленинцы, инициативные, энергичные, безгранично преданные революции. Получив информацию об

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 397.

² См. «Ленин — вождь Октября. Воспоминания петроградских рабочих». Л., 1956, стр. 172.

историческом решении ЦК 10 октября, они отдали все свои силы делу победы восстания. Это ярко проявилось в работе Московской областной организации большевиков. 14 октября на заседании узкого состава Московского областного бюро (МОБ) были поставлены два вопроса: 1) доклад о заседании ЦК 10 октября с. г.; 2) о проведении в жизнь резолюции ЦК от 10 октября. Присутствовавшая на заседании ЦК В. Н. Яковлева кратко доложила о нем и огласила принятую там резолюцию. Областное бюро без всяких прений присоединилось к резолюции ЦК, ибо она, как отмечено в протоколе, «вполне совпадает с принятой на пленуме 27—28 сентября резолюцией»¹.

Весьма примечательны намеченные МОБ меры по осуществлению постановления ЦК от 10 октября. Постановление, как известно, предлагало всем организациям партии обсуждать и разрешать все практические вопросы исходя из того, что вооруженное восстание неизбежно и вполне назрело. Резолюция ЦК не детализировала, что и как следует делать большевикам различных районов страны. Они должны были сами определить свои задачи, пути их решения для обеспечения победы вооруженного восстания. МОБ сочло первой своей задачей максимально активизировать революционные действия масс, приняв 14 октября специальное постановление, в котором предложило местным организациям стремиться отныне не к компромиссному решению назревающих конфликтов, а к обострению их, не останавливаясь перед конфликтами с представителями центральной власти. Далее постановление рекомендовало в тех местах, где власть фактически уже принадлежала Советам, развернуть кампанию за оформление этого юридически. Ориентируя большевиков области на активные наступательные действия, Областное бюро вместе с тем предупреждало, что переход к крайним формам борьбы, грозящим кровавыми столкновениями, допустим «лишь в условиях и в интересах общего выступления». Бюро поручило своим работникам выехать в губернские центры — Владимир, Нижний Новгород, Смоленск,

¹ «Революционное движение в России накануне Октябрьского вооруженного восстания», стр. 82. Об этом пленуме см. Г. А. Трухан. Октябрь в Центральной России. М., 1967, стр. 231—234.

Тверь, Кострому, Тулу, Орел, Рязань, Тамбов, чтобы оповестить большевиков о резолюции ЦК и проинструктировать местных работников «самым подробным образом, принимая во внимание все местные особенности и условия». Было рекомендовано создать на местах рабочие центры по руководству выступлением. Областное бюро собирало данные о численности гарнизонов, их вооружении, настроении в городе и области, чтобы в случае выступления в Москве «знать, на помощь каких частей можно рассчитывать». Во избежание разновременности выступления Бюро заранее составило тексты условных телеграмм (отдельно для каждого центра), которые должны были быть посланы Секретариатом в момент начала восстания¹.

Это постановление МОБ — яркое свидетельство ответственного и серьезного отношения к восстанию, хотя в процессе его выполнения встретились известные трудности и были допущены некоторые ошибки (опоздание с созданием партийного центра в Москве²). Московские большевики активизировали деятельность своих организаций, воодушевили рабочих и солдат, подготовили их к решительному бою³.

По заданию Центрального Комитета партии М. С. Урицкий выступил на совещании большевиков — участников VII Всероссийского съезда городов⁴ (состоявшегося в Москве 14—17 октября) с информацией о решении ЦК. Совещание обсудило задачи большевиков на местах по оказанию помощи Петрограду и Москве в восстании⁵. ЦК принял и другие меры для осведомления

¹ См. «Революционное движение в России накануне Октябрьского вооруженного восстания», стр. 83—84.

² См. «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 3, кн. 1, стр. 362—363.

³ О ходе выполнения постановления МОБ от 14 октября см. Г. А. Трукан. Указ. соч., стр. 240—251. 25 октября, когда в Москве стало известно о восстании в Петрограде, МОБ поручило секретарю послать условные телеграммы — сигнал к решительным действиям — в губернские центры (ЦПА, ф. 60, оп. 1, д. 21, л. 33).

⁴ В их числе были: И. И. Скворцов-Степанов (Москва), А. А. Языков (Кострома), И. А. Червяков (Луганск), С. К. Минин (Царицын), Б. М. Эльцин (Уфа), А. С. Киселев (Иваново-Вознесенск), Н. И. Карпов (Нарва) (см. «Известия Всероссийского союза городов», 1917; № 49, стр. 118).

⁵ См. Б. Эльцин. Дни октябрьского переворота на Южном Урале и в Уфе. «Пролетарская революция», 1922, № 10, стр. 352.

крупнейших организаций партии о назревающих событиях¹.

По мере приближения съезда Советов (17 октября Бюро ЦИК перенесло открытие съезда с 20 на 25 октября) политическая напряженность усиливалась. Страна жила в ожидании решающей схватки между защитниками старого мира и общественными силами, поднявшимися на борьбу за его переустройство. Каждая из сторон интенсивно готовилась к предстоящей борьбе соответственно своим представлениям о том, как будут развиваться события.

В штабе Петроградского военного округа ожидали такого же выступления рабочих и солдат столицы, как в июльские дни. По сообщению газет, начальник штаба округа генерал Я. Г. Багратуни доложил Керенскому, что в его распоряжении будто бы имеются сведения о подготовке большевиками демонстрации протеста, которая будет «носить мирный характер, но рабочие выйдут на эту демонстрацию вооруженными». Генерал заверял, что он заранее будет осведомлен о моменте выступления и примет необходимые меры по предотвращению развития большевистской демонстрации в уличные беспорядки². Газета «День» напечатала даже «план выступления большевиков», указав предполагаемые маршруты движения их отрядов и пункты, которые они намерены захватить. 16 октября генерал-квартирмейстер штаба округа подполковник Пораделов приказал командиру самокатного батальона установить наблюдательные посты самокатчиков с целью своевременного сообщения в штаб округа сведений «в случае движения к Зимнему дворцу толп манифестантов или вооруженных людей»³.

¹ См. И. Кристаловский. От Февральской революции к победе Октября (Из истории Одесской большевистской организации). «Коммунист» (Одесса), 1922, № 23, стр. 32. Даже в отдаленных от центра районах большевики, сознавая исключительную ответственность момента, с полной отдачей сил готовили массы к решающему бою. В листовке, приуроченной Сызранским комитетом большевиков ко дню выборов в городскую думу 22 октября 1917 года, каждый абзац кончался рефреном: «Приближается великий исторический час... близится рабочая социалистическая революция». Листовка призывала рабочих, работниц, солдат и всех трудящихся к сплочению вокруг подлинно социалистической партии большевиков (ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Русский фонд).

² См. «Рабочий путь», 15 октября 1917 г.

³ «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Документы и материалы». М., 1957, стр. 260.

В ночь на 17 октября Временное правительство заслушало доклады командующего Петроградским военным округом полковника Г. П. Полковникова, его помощника эсера А. И. Козьмина и начальника штаба округа генерала Багратуни «о мерах, принимаемых для предупреждения и ликвидации готовящегося, по слухам, уличного выступления»¹. Петроградская военная комиссия партии эсеров предложила всем своим организациям в частях гарнизона «в уличных манифестациях не участвовать»². Центральные комитеты партий меньшевиков, эсеров, ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов, Исполком Совета крестьянских депутатов увещевали рабочих и солдат Петрограда «воздержаться от выступлений»³.

Контрреволюционеры ожидали нового варианта июльских событий и готовились нанести пролетарскому Питеру окончательный удар. Врагам было неизвестно, что тактика, которую они навязывали пролетариату, была, по настоянию В. И. Ленина, решительно отвергнута ЦК РСДРП(б). В условиях, когда восстание объективно назрело, когда ему была обеспечена поддержка большинства политически активных масс, успех решала тщательность подготовки восстания. После исторических заседаний ЦК вся деятельность партии — политическая, организационная, военная — сосредоточилась на подготовке восстания. Этому была подчинена партийная пропаганда и агитация, работа в Советах, профсоюзах, фабзавкоммах и других массовых организациях трудящихся. Великая цель воодушевляла коммунистов столиц и провинции, армии и флота. Настойчиво и целеустремленно готовили они боевые силы революции — Красную гвардию, солдат и матросов — к битве за власть Советов. Центральный Комитет — главный штаб партии, В. И. Ленин — великий вождь пролетарской революции умело направляли всю многогранную деятельность по подготовке восстания.

¹ «Дело народа», 19 октября 1917 г.

² Там же.

³ «Дело народа», 22 октября 1917 г. Лезоэсеровская газета «Знамя труда» также полагала, что протест масс против политики Временного правительства выльется в уличные демонстрации, которые газета считала несвоевременными (перед съездом Советов). Она неоднократно обращалась к рабочим и солдатам с призывом воздержаться от выступления (см. «Знамя труда», 13, 15 и 22 октября 1917 г.).

В. И. Ленин решительно выступал против выжидательной тактики Троцкого, пытавшегося отсрочить восстание до II съезда Советов. Промедление выступления могло быть использовано Временным правительством для подтягивания верных ему частей и попыток путем различного рода маневров дезорганизовать революционный фронт.

22 и 23 октября В. И. Ленин писал Я. М. Свердлову: «*Наступать* из *всех сил* и мы победим вполне в несколько дней!»¹

Штаб Петроградского военного округа, не дождавшись уличных манифестаций рабочих и солдат, перешел на рассвете 24 октября в наступление на революционные силы². Так же как и в июльские дни, было совершено нападение юнкеров на типографию Центрального Органа большевистской партии. Снова, как 5 июля, штаб округа приказал развести мосты, рассчитывая таким образом разобщить и подавить по частям революционные силы. Правительству не удалось, однако, ни приостановить выхода большевистских газет, ни отрезать рабочие окраины от центра.

В. И. Ленин со своей конспиративной квартиры писал на исходе дня 24 октября членам ЦК:

«Правительство колеблется. Надо *добить* его во что бы то ни стало!

Промедление в выступлении смерти подобно»³.

Вечером 24 октября вождь революции прибыл в Смольный и непосредственно возглавил руководство вооруженным восстанием. Сплоченность масс вокруг партии большевиков, убежденность в правоте дела революции, немощь неприятельского лагеря, который, по меткому сравнению Владимира Ильича, «был подкопан, подорван, размыт длинным политическим периодом с февраля по октябрь, точно кусок льда весенней водой, и уже внутренне был совершенно обессилен»⁴, обеспечили на редкость бескровный и на редкость успешный характер переворота.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 434.

² Комментируя речь Керенского в Совете республики 24 октября, кадетская газета с удовлетворением отметила, что правительство «вчера, наконец, решило действовать и покончить с восстанием самими решительными мерами» («Свободный народ», 25 октября 1917 г.).

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 436.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 43.

2. II ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ ВРУЧАЕТ РУКОВОДСТВО СТРАНОЙ ПАРТИИ БОЛЬШЕВИКОВ

В результате смелых и решительных действий отрядов революционных рабочих и солдат Петрограда к утру 25 октября Временное правительство было низложено. Власть перешла в руки органа Петроградского Совета — Военно-революционного комитета. Об этом возвестило написанное В. И. Лениным обращение ВРК «К гражданам России!». Штурм Зимнего дворца и арест министров Временного правительства в ночь с 25 на 26 октября явились финалом хорошо организованного, стремительно развивавшегося, победоносного вооруженного восстания. II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, открывшийся вечером 25 октября, заслушал в 3 часа 10 минут ночи сообщение о взятии Зимнего дворца и объявил, в соответствии с волей большинства народа¹, о взятии власти в свои руки.

Съезд Советов сделал очевидным для всей России наличие глубокой пропасти между большевиками, с одной стороны, меньшевиками и правыми эсерами — с другой. Отношение политических партий к победившему вооруженному восстанию рабочих и солдат Петрограда отчетливо раскрыло истинное лицо каждой из них, провело резкую грань между подлинными социалистами и теми, кто лишь называл себя так.

Из 560 делегатов, прибывших к открытию съезда, по фракциям записалось 518: большевиков — 250, эсеров — 159, меньшевиков — 60, представителей других партий — 27, беспартийных — 22². Члены большевистской фракции съезда принимали непосредственное участие в вооруженном восстании в роли его передовых бойцов³.

¹ Всего на съезде было представлено 402 Совета. Помимо Советов рабочих и солдатских депутатов на съезд прибыли, вопреки запрету Исполкома Совета крестьянских депутатов, представители ряда местных крестьянских Советов (см. Е. Н. Городецкий. Рождение Советского государства. М., 1965, стр. 53).

² «Второй Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д.». М.—Л. 1928, стр. 163 (прим. 2).

³ Делегаты съезда — большевики, как отмечал А. П. Спундз, после регистрации в Смольном «немедленно включались в работу по организации восстания». В частности, А. П. Спундз был направлен ВРК в ночь на 25 октября в Красное Село (см. «Новый мир», 1967, № 10, стр. 177).

На заседаниях большевистской фракции, происходивших 24—26 октября, рассматривались практические вопросы, связанные с обеспечением победы восстания и формированием пролетарской власти. Фракция детально обсуждала важнейшие декреты, которые предстояло принять съезду. Воодушевленные великим социалистическим идеалом, окрыленные победой восстания, большевики видели задачу съезда Советов в создании в России новой власти — диктатуры пролетариата, способной поднять трудящихся на строительство социалистического общества. Выступая днем 25 октября на экстренном заседании Петроградского Совета, В. И. Ленин указывал: «В России мы сейчас должны заняться постройкой пролетарского социалистического государства»¹. Партия большевиков исходила из реальной возможности российского пролетариата, взявшего власть в свои руки, преодолеть сопротивление эксплуататорских классов и повести весь народ по пути к социализму.

Буржуазия, поверженная Октябрьским восстанием, была убеждена в недолговечности пролетарской власти. Утром 25 октября Керенский выехал в расположение войск Северного фронта. Он рассчитывал, опираясь на них, восстановить через несколько дней власть Временного правительства. Это мнение полностью разделяли кадеты. 25 октября кадетские лидеры П. Н. Милюков и М. М. Винавер выехали в Москву. «Все мы тогда считали, — писал позднее Милюков, — что отлучка продлится максимум две-три недели»². Это же подтверждает редактор «Речи» И. В. Гессен. «Я не видел человека, — писал он, — который сомневался бы в непосредственно предстоявшем свержении большевиков. Вопрос сводился именно лишь к тому, как и когда...»³

В условиях открытого столкновения буржуазии и пролетариата меньшевики и правые эсеры окончательно разоблачили себя как прислужники контрреволюции. Партии, претендовавшие на звание социалистических, не только не разделяли радость победы, одержанной

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 3.

² П. Н. Милюков. М. М. Винавер как политик. В кн.: «М. М. Винавер и русская общественность начала XX века». Париж, 1937, стр. 30.

³ И. В. Гессен. Указ. соч., стр. 382.

питерскими рабочими и солдатами — славными продолжателями дела парижских коммунаров, но выступали в качестве компонента лагеря контрреволюции¹. В рядах контрреволюционных войск было немало офицеров и солдат с членскими билетами эсеровской и меньшевистской партий.

После тщетных попыток предотвратить свержение Временного правительства лидеры меньшевиков и правых эсеров стремились сорвать работу II Всероссийского съезда Советов. Перед его открытием на фракционных заседаниях меньшевиков и правых эсеров было решено покинуть съезд². Представители этих фракций Л. М. Хинчук (меньшевик) и М. Я. Гендельман (правый эсер) выступили на первом заседании с заявлением о якобы неправомерности съезда и объявили об уходе их фракций со съезда. За ними последовали меньшевики-интернационалисты. Но оппортунистам не удалось сорвать съезд Советов. Твердость и решительность большевиков, составлявших подавляющее большинство делегатов (390 из 649 зарегистрированных в ходе работы съезда³), повлияли на колеблющиеся интернационалистские элементы. На съезде остались левые эсеры (98 человек, т. е. большинство эсеровской фракции), фактически порвавшие 25 октября с эсеровской партией; объединенные социал-демократы интернационалисты (6 человек); украинские социалисты. Не последовали за своими лидерами и некоторые меньшевики и правые эсеры. В итоге со съезда ушло от 25 до 51 человека⁴. Съезд клеймил попытку прислужников буржуазии сорвать «полномочное всероссийское представительство рабочих и солдатских масс в тот момент, когда авангард этих масс с оружием в руках защищает съезд и революцию

¹ К борьбе против победившего пролетариата Петрограда истерично взывал В. Чернов в речи, произнесенной им в Минске в двенадцатом часу дня 25 октября на фронтовом съезде крестьянских депутатов Западного фронта (ЦГВИА, ф. 2048, оп. 1, д. 1359, лл. 1—2, 7—20; см. также «Социалист-революционер» (Минск), 28 октября 1917 г.). Против Чернова выступил видный руководитель большевиков Белоруссии А. Ф. Мясников. Часть делегатов отказалась поддержать принятую съездом антибольшевистскую резолюцию (ЦГВИА, ф. 2048, оп. 1, д. 1359, лл. 3, 20—21).

² ЦГАОР СССР, ф. 6978, оп. 1, д. 239, л. 3.

³ «Второй Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д.», стр. 171.

⁴ «Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Сб. документов». М., 1957, стр. 418.

от натиска контрреволюции»¹. Уйдя со съезда Советов, партии меньшевиков и правых эсеров разоблачили себя перед всем народом как прислужники буржуазии. Выступая 26 октября на заседании ИК Московского Совета рабочих и солдатских депутатов, В. П. Ногин назвал уход меньшевиков и эсеров со съезда «предательской изменой»². Противопоставив себя победившему пролетариату, меньшевики и эсеры обрекли свои партии на позорную смерть. Их надежды опереться на мелкобуржуазную Россию в борьбе против пролетарской диктатуры были беспочвенны. Принятые съездом Советов декреты о мире и о земле предопределили переход на сторону Советской власти и тех слоев непролетарских трудящихся масс, которые еще сохраняли до этого доверие к эсерам и меньшевикам.

Большевики предварительно ознакомили левых эсеров со своими предложениями по вопросу о мире и земле и предложили им вступить в состав Советского правительства. Н. К. Крупская отмечает, что между большевиками и левыми эсерами была достигнута договоренность по вопросам о мире и земле. «Хуже обстояло дело с образованием правительства»³. Левые эсеры отказались войти в правительство, рассчитывая привлечь в его состав покинувшие съезд правые группы.

В 9 часов вечера 26 октября открылось второе заседание съезда. С докладом о мире выступил Владимир Ильич Ленин. «Вопрос о мире, — сказал он, — есть жгучий вопрос, больной вопрос современности... Поэтому позвольте мне перейти к чтению декларации, которую должно будет издать избранное вами правительство»⁴.

Декрет о мире адресовывался народам и правительствам всех воюющих стран. Им предлагалось немедленно начать переговоры о заключении мира, без захвата чужих земель, без насильственного присоединения чужих народностей и без контрибуций. В обстановке бушевавшей мировой войны измученные и истрадавшиеся народы России и других стран обрели надежду. Только что победившая в России пролетарская власть

¹ «Второй Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д.» (1928), стр. 42—43.

² ГАМО, ф. 66, оп. 12, д. 176; л. 4.

³ Н. К. Крупская. Октябрьские дни. В кн.: «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», т. 1. М., 1968, стр. 489.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 13.

стала в сознании трудящихся масс оплотом борьбы за мир. Империалистической политике удушения и порабощения народов ленинский декрет противопоставил идею борьбы за безопасность и свободу народов.

Декрет о мире был принят единогласно.

В. И. Ленин выступил также с докладом о земле. Зачитанный им Декрет о земле отвечал чаяниям и нуждам многомиллионного крестьянства: помещичья собственность на землю отменялась без всякого выкупа; конфискация имений, в соответствии с пожеланием крестьян, возлагалась на волостные земельные комитеты и уездные Советы крестьянских депутатов. В декрет был полностью включен без всяких поправок сводный «Крестьянский наказ о земле». Осуществилось то, о чем предупреждали крестьян большевики: не в союзе с капиталистами и под руководством эсеров, а в союзе с рабочими под руководством большевиков программа 242 крестьянских наказов приобрела силу закона. Главное требование наказа — конфискация помещичьих земель, отмена частной собственности на землю, превращение ее во всенародное достояние — соответствовало большевистской программе национализации земли. «...Как демократическое правительство, мы не можем обойти постановление народных низов, хотя бы мы с ним были несогласны, — говорил В. И. Ленин по поводу требований «Крестьянского наказа» об уравнительном землепользовании. — В огне жизни, применяя его на практике, проводя его на местах, крестьяне сами поймут, где правда»¹.

Декрет о земле был единодушно утвержден съездом.

Ленинские декреты о мире и о земле обеспечивали Советской власти поддержку подавляющего большинства трудящегося населения страны.

Было уже за полночь, когда съезд приступил к обсуждению вопроса о создании нового рабоче-крестьянского правительства — Совета Народных Комиссаров. Подавляющим большинством голосов съезд одобрил создание правительства из большевиков во главе с В. И. Лениным. Избранники народа — делегаты съезда вручили власть партии, под руководством которой была совершена в России победоносная социалистическая революция.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 27.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Великая Октябрьская социалистическая революция по своим масштабам, по воздействию на судьбы мира превзошла все великие события прошлого. Российскому пролетариату впервые в мировой истории удалось одержать прочную победу над своим классовым врагом — буржуазией, завоевать власть и приступить к планомерному переустройству общества на социалистических началах. Историческая победа рабочего класса России в октябре 1917 года привела к свержению правительственного блока кадетов, меньшевиков и эсеров и превратила партию большевиков в правящую партию.

Комплексное исследование истории политических партий России в марте — октябре 1917 года, когда все они открыто выступали на общественно-политической арене, позволяет проследить во всей конкретности тогдашней исторической действительности сложную, полную драматизма борьбу партий, динамику взаимоотношений каждой из них с массами, глубже понять истоки конечной победы большевиков.

С падением царизма в феврале 1917 года на первый план общественно-политической жизни России выступили противоречия между основными классами-антагонистами — пролетариатом и буржуазией. Рабочие создали Советы, фабзавкомы, Красную гвардию — новые формы организации, предназначенные для борьбы против буржуазии. Это были реальные шаги по дальнейшему развитию революции, по превращению ее в социалистическую. Однако под воздействием мелкобуржуазных масс, вовлеченных Февральской революцией в политическую жизнь, значительная часть пролетариата восприняла идеологию «революционного оборончества»

и поддерживала партии меньшевиков и эсеров, проводивших политику классового мира с буржуазией. Лишь передовые, революционно настроенные рабочие, сплотившиеся вокруг партии большевиков, сознательно добивались развития и углубления революции во имя ликвидации власти эксплуататоров.

Партия кадетов, представлявшая интересы капиталистов и обуржуазившихся помещиков, фактически возглавив Временное правительство, стремилась остановить дальнейшее развитие революции, укрепить всевластие буржуазии, парализовать влияние на политическую жизнь Советов и других представительных органов рабочих, солдат и крестьян. Не имея возможности добиться этих целей военной силой, кадеты пытались склонить на свою сторону массы трудящихся посредством социальной демагогии и политического маневрирования. Известная своей приверженностью к монархии, кадетская партия после свержения царизма объявила себя «республиканской», а некоторые ее члены стали даже маскироваться под социалистов («Союз эволюционного социализма»). Партия капиталистов и помещиков пыталась вовлечь в свои организации трудящихся, особенно крестьян. Но демагогия и обман, посулы социальных реформ не помогли кадетам расположить к себе народные массы. Более того, откровенно империалистическая внешняя политика кадетов вызвала со стороны рабочих и солдат столь сильный протест, что в дни апрельского кризиса под угрозой оказалось само Временное правительство. Удержавшись у власти только благодаря помощи меньшевиков и эсеров, кадеты вместе с крайне правыми, черносотенными силами стали на путь подготовки контрреволюционного переворота с целью установления в стране режима военной диктатуры.

В отличие от кадетов, меньшевики и эсеры первоначально пользовались большой популярностью. Их поддерживали мелкобуржуазные массы и отсталые рабочие. Меньшевики и эсеры оказались во главе большинства Советов, получили преобладание в городских думах, их партии быстро росли численно. С марта 1917 года фактически, а после вступления лидеров меньшевиков и эсеров во Временное правительство и юридически, эти партии были правящими. Усилия свои меньшевики и эсеры сосредоточили не на решении коренных задач

революции в интересах трудящихся, а на упрочении капиталистического строя. Меньшевики, выдававшие себя за «рабочую партию», противились установлению рабочего контроля над производством. Эсеры, выступавшие от имени крестьян, фактически отреклись от своей программы социализации земли. Ратуя на словах за мир без аннексий и контрибуций, обе партии на деле поддерживали политику продолжения империалистической войны. Начав с соглашательства с буржуазией, меньшевики и эсеры в июльские дни скатились к пособничеству буржуазной контрреволюции.

Среди политических партий, действовавших в России в 1917 году, была партия, не имевшая себе подобной ни в одной стране, — марксистская рабочая партия нового типа — партия большевиков. В других странах рабочий класс представляли тогда только социал-демократические партии. Сформировавшиеся в последней трети XIX века, в условиях относительно мирного развития капитализма, эти партии, сыграв определенную роль в организации и политическом воспитании рабочего класса, оказались неспособными перестроиться применительно к наступившей с началом XX века эпохе империализма, когда резко обострившиеся противоречия капитализма делали неизбежной социалистическую революцию. Вместо подготовки масс к надвигающимся революционным боям лидеры большинства социалистических партий, входивших во II Интернационал, целиком отдались парламентской деятельности в надежде выторговать у буржуазии некоторые реформы. Игнорируя открывшиеся в эпоху империализма революционные возможности, теоретики II Интернационала отодвигали социалистическую революцию на далекое будущее в ожидании дальнейшего развития производительных сил и обусловленного им роста численности рабочего класса. Меньшевики, ориентировавшиеся на западноевропейскую социал-демократию, следовали ее оппортунистической линии даже в 1917 году, когда классовая борьба пролетариата переросла в революцию против буржуазии.

В. И. Ленин — преемник и продолжатель дела К. Маркса и Ф. Энгельса, первым увидевший опасность сползания лидеров западноевропейской социал-демократии к оппортунизму, уже в самом начале нашего века заявил: «...дайте нам организацию революционеров — и

мы перевернем Россию!»¹ Такой организацией и являлась партия большевиков. «Создание большевистской партии, — отмечается в Тезисах ЦК КПСС к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, — открыло новый этап в российском и международном рабочем движении. Впервые пролетариат получил организацию, способную в новых исторических условиях успешно руководить его борьбой за свое социальное освобождение»².

Учитывая, что объективные предпосылки пролетарской революции уже созрели, большевики сосредоточили свои усилия на формировании субъективного фактора, приобретшего первостепенное значение. Партия сама тщательно готовилась и всесторонне — идейно-политически, организационно, психологически — готовила рабочий класс к руководству революцией против царизма, которая в последующем неизбежно должна была перерасти в социалистическую. После Февральской буржуазно-демократической революции, в победе которой большевикам принадлежала огромная роль, ленинская партия выдвинула программу перехода к социалистической революции.

В противоположность буржуазным и мелкобуржуазным партиям, препятствовавшим революционному творчеству масс, большевики всемерно поддерживали выступления рабочих против саботажа капиталистов, борьбу крестьян против помещичьего землевладения, общенародное движение против войны, подчеркивая, что ни один из этих вопросов не может быть решен в интересах трудящихся без свержения власти буржуазии.

Со всей присущей большевикам энергией и беззаветностью они отдались делу политического воспитания и организации масс. Вместо звонких фраз эсеров и меньшевиков о «революционном народе», о «революционной демократии», которые лишь затемняли сознание трудящихся, большевики добивались уяснения пролетариатом новой расстановки классовых сил в стране и стоящих перед ним и его союзником — беднейшим крестьянством — задач в революции. В условиях наступившего после разгрома корниловщины общенационального кризиса большевики призывали рабочих и солдат к сверже-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 127.

² «К столетию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Сб. документов». М., 1970, стр. 37.

нию власти буржуазии, вдохнули в них веру в победу и решимость добиться ее. Как отмечал У. Фостер, один из руководителей Компартии США, партия большевиков была «мозгом и нервами, сердцем и душой революции». Она направляла рабочий класс и его союзников к осуществлению социалистической революции наиболее безболезненным и коротким путем.

Россия 1917 года представляла собой гигантскую арену, на которой сталкивались классы, партии, социальные учения. Партии держали экзамен на знание законов общественного развития. Проверялись теория и практика политических партий, понимание ими роли в общественной жизни самого передового класса — пролетариата. Проверялись ум, сознательность, сила политических партий, их связи с массами, способность учиться у революции и влиять на нее.

Развитие революции показало бесспорное превосходство партии большевиков над ее противниками и в идейно-теоретическом, и в политическом, и в организационном отношениях.

На основе марксистского анализа социально-экономической обстановки партия большевиков пришла к выводу, что Россия не может идти дальше вперед, не идя к социализму, что союз рабочего класса с беднейшим крестьянством способен свергнуть власть буржуазии, что созданные революционным творчеством масс Советы станут государственной формой диктатуры пролетариата. Эти и другие теоретические выводы большевиков помогали рабочему классу ориентироваться в сложной обстановке, идейно вооружали его в борьбе за социализм.

Псевдосоциалистическая, противоречившая революционной практике доктрина меньшевиков и эсеров о «незрелости» России для социализма устраивала буржуазию, но была в конечном счете отброшена рабочим классом.

Ленинская партия доказала, что она, как ни одна другая партия, овладела сложной наукой и искусством руководства массами в ходе революции. Меньшевики и эсеры под видом проведения «реалистичной» политики поддерживали буржуазную власть, убеждали трудящихся, будто военная обстановка и хозяйственная разруха исключают возможность пролетарской революции. Большевики, напротив, подчеркивали, что эти и другие

факторы настоятельно диктуют необходимость быстрее-шего перехода власти в руки рабочего класса. Партия смело и оперативно применяла разнообразные формы и методы борьбы, учитывая особенности каждой данной ситуации. Развернув широкую деятельность в целях мирного перехода власти к Советам, большевики под влиянием изменившейся в июле обстановки взяли курс на подготовку вооруженного восстания.

Наряду с традиционными формами организации и борьбы (профсоюзы, кооперативы, больничные кассы, стачки и демонстрации и т. д.) партия использовала новые, рожденные революцией формы (Советы, фабзавкомы, Красную гвардию, рабочий контроль над производством, братание на фронте и т. д.). Лозунги партии, скульптурно лаконичные и точные, концентрировали внимание масс на самом *главном* для данного момента. Опытные, закаленные в борьбе большевистские кадры настойчиво и искусно проводили в жизнь линию партии.

Идейное и политическое единство большевиков дополнялось и закреплялось единством организации. Верная ленинским организационным принципам, партия большевиков с началом своей легальной деятельности быстро преодолела тенденцию к объединению с меньшевиками-оборонцами и осталась самостоятельной партией революционного пролетариата, непримиримой к оппортунизму.

Новое пополнение, влившееся в РСДРП(б) в 1917 году (в основном передовые рабочие, а также революционно настроенные солдаты и интеллигенты), под влиянием большевиков-подпольщиков воспитывалось в духе героических традиций партии. Принцип демократического централизма, проводившийся после Февральской революции в партийном строительстве в полном объеме, создавал условия всем членам партии для активного участия в выработке политики партии и вместе с тем обеспечивал монолитность и единство ее организаций в осуществлении принятых решений.

Великие преимущества организационной структуры большевистской партии выступают особенно рельефно при сопоставлении ее с партиями меньшевиков и эсеров. Вопиющее противоречие между признанием социализма в программах и прислужничеством буржуазии в политике привело к глубокому внутреннему кризису обеих

основных мелкобуржуазных партий — к фактическому провалу плана объединения меньшевистских фракций и расколу партии эсеров. Недоверие рядовых эсеров и меньшевиков к руководителям своих партий, сомнение в правильности проводимой ими политики обусловили инертность, пассивность членов этих партий, падение дисциплины, массовый выход из организаций.

Строго научная идеология партии большевиков, ее политика, отвечавшая интересам трудящихся, организационная сплоченность позволили ей привлечь на сторону рабочего класса — гегемона революции — деревенскую бедноту, широкие непролетарские трудящиеся массы, в том числе и те, которые раньше шли за меньшевиками и эсерами. «Партия большевиков, — отмечается в Тезисах ЦК КПСС, посвященных 50-летию Октября, — опираясь на союз рабочего класса и крестьянства, смогла объединить и направить к единой цели различные революционные потоки: социалистическое движение рабочего класса за свержение буржуазии, революционную борьбу крестьянства против помещиков, национально-освободительное движение за равноправие народов, всенародное требование мира и прекращения кровавой империалистической войны»¹.

Руководимые партией большевиков рабочий класс и беднейшее крестьянство вырвали в октябре 1917 года власть у буржуазии, установили диктатуру пролетариата — орудие построения социалистического общества.

Октябрьская революция дала мощный толчок мировому освободительному движению. Большевизм, с самого своего возникновения оказывавший воздействие на международное рабочее движение, после 1917 года вышел на мировую арену. Из социал-демократических партий выделились левые группы, оформившиеся в новые партии по типу большевистской. «...Под влиянием великой победы русского пролетариата и революционного кризиса в своих странах, — писал О. В. Куусинен, — мы, вчерашние левые социал-демократы... стали целеустремленными революционерами, борющимися под знаменем диктатуры пролетариата. Это был решающий шаг в нашем переходе в лагерь коммунизма»².

¹ «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Документы и материалы». М., 1967, стр. 27.

² О. В. Куусинен. Избр. произведения (1918—1964). М., 1966, стр. 666.

Мировое коммунистическое движение, рожденное под воздействием Октябрьской революции, закаленное Коминтерном, стало ныне самой влиятельной силой нашей эпохи, важнейшим фактором общественного прогресса. С деятельностью коммунистов связаны построение в СССР развитого социалистического общества, образование и укрепление мирового социалистического содружества, крушение позиций империализма в колониальных и зависимых странах.

Перед лицом всех революционных сил возрастает интенсивность сопротивления империализма, прибегающего с целью сохранения своего господства к различным маневрам. Еще русская буржуазия в 1917 году, наряду с грубо насильственными методами подавления революции, пыталась, хотя и робко, использовать в демагогических целях социалистическую фразеологию, рассчитанную на привлечение симпатий масс. Ныне буржуазные идеологи еще больше изощряются в попытках подурмянить капитализм, представляя, в частности, дело так, будто ему присущи социалистические тенденции. Правители капиталистических стран чаще и в значительно более широких масштабах, чем это делалось русской буржуазией в 1917 году, прибегают к социальным реформам, дабы предупредить революционный взрыв. Но никакие паллиативы не могут обеспечить стабилизацию буржуазного строя. Государственно-монополистический капитализм, обостряя присущие капитализму противоречия, делает настоятельно необходимым революционный переход к социализму.

Важнейшим условием дальнейшего развития мирового революционного процесса является единство рабочего класса, идущего пока в большинстве капиталистических стран частично за коммунистами, а частично за социал-демократическими или другими мелкобуржуазными партиями. Судьба меньшевиков и эсеров, которые выступали в период Октября против революционного пролетариата, в результате чего сошли с политической арены, а также другие уроки последних десятилетий не прошли для социал-демократии бесследно: хотя медленно и неравномерно, в социал-демократических партиях усиливается левое крыло, склоняющееся к союзу с коммунистами. «Коммунисты, — говорится в итоговом Документе международного Совещания коммунистических и рабочих партий 1969 года, — придавая решающее

значение единству рабочего класса, высказываются за сотрудничество с социалистами и социал-демократами, чтобы установить передовой демократический строй сегодня и построить социалистическое общество в будущем»¹.

Опыт большевиков по подготовке и проведению Октябрьской революции, изучение их отношений с другими партиями особенно важны в современных условиях, когда революционное движение гигантски разрослось, вобрав в себя социально разнородные силы. Деятельность партии большевиков в период Октября показывает первостепенное значение для пролетарской партии научности и ясности концепции, твердости и смелости в отстаивании политического курса, единства и сплоченности, крепнущих в борьбе с оппортунистами справа и «слева». Непримиримость к главному врагу — буржуазии и ее партиям — большевики сочетали с максимальной внимательностью к интересам мелкой буржуазии, и прежде всего крестьянства. Разоблачая оппортунистических лидеров мелкобуржуазных партий, большевики выражали готовность сотрудничать с этими партиями при условии их разрыва с буржуазией.

Опыт руководства массами в революции, осуществленный партией Ленина в 1917 году, остается немеркнущим образцом для пролетарских партий, продолжающих великое и благородное дело Октября.

¹ «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы». М., 1969, стр. 306.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абрамович Р. А. 303
 Авилов Б. В. 38, 220, 226, 292, 294, 299, 301, 360, 408
 Авксентьев Н. Д. 44, 56, 59, 244, 251, 252, 256, 288, 307, 345, 346, 348, 357, 369, 411, 422
 Агарев А. 13
 Аджемов М. С. 314, 344, 348, 349, 414, 416, 417
 Аксельрод П. Б. 45, 303
 Алгасов В. А. 252, 253, 308
 Александрович В. 58
 Алексеев М. В. 341—343
 Алексинский Г. А. 276, 279, 369
 Ангарский Н. С. 351
 Андреев М. П. 157
 Анжикеев В. В. 105, 364
 Анисимов В. А. 393
 Анисимов Н. А. 139
 Анненский Н. Ф. 54
 Антипов Н. К. 107, 375
 Антонов 260
 Аргунов А. А. 244
 Аросев А. Я. 110
 Астрахан Х. М. 134, 136, 140, 276, 277, 394
 Астров И. С. 45, 228, 280
 Астров Н. И. 315

 Бабко В. А. 139
 Бапдатъев С. Я. 69, 99, 108, 132
 Баденко В. И. 49
 Багратуни Я. Г. 431, 432
 Базаров В. А. 29, 220, 226, 292, 299, 360
 Барышников А. А. 284
 Батурский Б. С. 45, 48, 49, 224, 225, 303
 Бебель А. 88
 Белопольский И. И. 113
 Белоруссов А. С. 415
 Бердяев Н. А. 177, 336
 Бережной А. Ф. 277
 Березин М. Е. 257
 Бернацкий М. В. 284
 Бернштейн Э. 219
 Биншток Г. 301
 Бискуп А. К. 73
 Бобров А. 28
 Богданов Б. О. 45, 47, 48, 229, 256, 346, 411
 Бонч-Бруевич В. Д. 89
 Борисов А. П. 49

 Брамсон Л. М. 257
 Бранников В. С. 138
 Брежнев Л. И. 90
 Брейдо Г. Е. 228
 Брешко-Брешковская Е. К. 149, 233, 254, 289, 291, 308
 Бройдо Е. Л. (Львова) 303
 Бройдо М. И. 46
 Бронштейн П. А. см. Гарви
 Брусиллов А. А. 164, 418
 Брянцев Е. И. 116
 Бубликов А. А. 290, 334
 Бубнов А. С. 124, 125, 353, 428
 Бугаев Е. И. 15
 Будберг А. П. 383, 384
 Буланов Л. Г. 308
 Булкин А. А. 292
 Бунаков 44
 Бурджалов Э. Н. 28, 55
 Буров Я. О. 377
 Бурьшкин П. А. 347, 419
 Бурьянов Л. Ф. 225
 Бухарин Н. И. 398
 Быстрянский В. 14, 233
 Быховский Н. 121
 Бэр И. 110, 292
 Вайнштейн А. И. 164, 261
 Вардин И. В. 10, 11, 16
 Васильев 321
 Васильев М. И. 97
 Васильев Н. В. 225
 Васюков В. С. 16, 394, 412, 420
 Великанова А. Я. 152
 Велихов Л. А. 209, 417
 Вердеревский Д. Н. 358
 Вернадский Г. В. 184
 Верховский А. И. 358, 411, 413, 420, 421
 Вершинин В. М. 257
 Виленкин 384
 Виленский Г. И. 182
 Винавер М. М. 194, 195, 199, 317, 318, 340, 349, 435
 Вишняк М. В. 65, 411
 Владимирова В. 318
 Воблый К. Г. 182
 Водовозов В. В. 257
 Водолагин В. Н. 9
 Воинов И. А. 276
 Войтик П. М. 145
 Войтинский В. С. 97, 103, 121, 124, 256, 292, 369

- Волгин В. П. 408
 Волобуев П. В. 16, 263, 418
 Володарский В. 169, 286, 351, 352
 Вольский М. 218
 Вольский С. 301
 Ворошилов К. Е. 279
 Востриков Н. И. 376
 Вржосек С. К. 308, 407
 Высоцкий А. Д. 241
 Гаврилов Л. М. 387
 Гальперин Л. 109
 Гапоненко Л. С. 6, 156
 Гарви (Бронштейн П. А.) 225, 226, 302, 303
 Гарденин Ю. — см. Чернов В. М.
 Гарин С. А. 97
 Гармиза В. В. 14
 Г-в А. М. 177
 Гвоздев К. А. 45, 47, 48, 256
 Гендельман М. Я. 436
 Генкина Э. Б. 13
 Герасимов П. В. 199
 Гертик А. И. 277
 Герцен А. И. 281
 Герценштейн М. Я. 324
 Гессен И. В. 344, 435
 Глебов Н. 108
 Глебов Б. Д. 386
 Глебов Н. П. 132
 Годнев И. В. 282
 Голиков Г. М. 200
 Голиков Г. Н. 9
 Голиков П. Я. 225, 228, 296, 303
 Голобродько И. И. 80
 Голощекин Ф. И. 97, 98
 Голуб П. А. 233, 238, 242, 378, 406
 Гольденберг И. П. 121, 292
 Гольдман Л. И. 303
 Горев (Гольдман) Б. И. 12, 45, 225, 292, 303
 Горин (Галкин) В. Ф. 144
 Городецкий Е. Н. 8, 434
 Гоц А. Р. 244, 246, 251, 256, 257, 348, 393, 411, 422
 Гоц М. Р. 52
 Граве Б. 37
 Грачев Е. 55
 Григорьев Р. 304
 Грилянт 162
 Гриневич А. (Шехтер К.) 46, 48, 225, 228, 229, 231, 292, 301
 Гринцер Я. М. 229
 Гришин П. П. 11
 Гродзицкий М. О. 284
 Грунт А. Я. 84
 Губский Н. 196, 197
 Гуковский А. И. 244, 246, 247
 Гуревич Б. 327
 Гусев К. В. 8, 10, 12, 14, 406
 Гучков А. И. 35, 40, 92, 162, 201
 Дан Ф. И. 123, 215—218, 256, 270, 297, 299, 303, 369, 374, 390, 393, 409, 411—413, 415, 422
 Дантон Ж.-Ж. 425
 Дейч Л. Г. 304
 Дементьев (Кубиков) И. Н. 228, 401
 Деникин А. И. 326, 329—331
 Джапаридзе П. А. 351
 Дзержинский Ф. Э. 428
 Дзюбинский В. И. 257
 Диманштейн С. М. 11
 Долгоруков П. Д. 312, 319, 321
 Домашевский 167
 Дубосарский Э. А. 321
 Думова Н. Г. 16, 330—332, 339
 Дутов А. И. 327
 Дьякин В. С. 37
 Евлахов 321
 Егорова А. Г. 156
 Ежов В. 303
 Емельянов И. И. 225
 Ерицян Х. А. 13
 Ерманский А. — см. Ерманский О. А.
 Ерманский О. А. 46, 225, 228, 231, 402
 Ермолаев К. 292, 303
 Ерыкалов Е. Ф. 17
 Ефремов И. Н. 35, 209, 282, 284
 Желябов А. И. 148
 Жемчужин Б. А. 122
 Жордания Н. Н. 114, 346
 Зайцев А. Ф. 78
 Зайцев И. 279
 Закс Г. Д. 250
 Закс С. М. 277
 Залежский В. Н. 32, 101, 106, 107, 122, 153, 351, 352
 Залманзон А. Н. 363
 Зарецкая С. М. 47, 303
 Заславский Б. 276

- Землячка Р. С. 109, 110
 Зензинов В. М. 54, 55, 56, 58, 232, 239, 254, 273, 308
 Зиновьев Г. 395—396, 398, 425—427
 Злоказов 260
 Знаменский О. Н. 277, 283, 380
 Знаменский С. Ф. 257
 Зурабов 292
 Иваницкий П. Н. 251, 366
 Иванов 98
 Иванов В. И. 73
 Иванов Г. А. 74
 Иванов Н. Я. 16, 28, 312, 326, 331, 356
 Иванов-Разумник Р. В. 246
 Иванович Ст. 230
 Игнатов Е. И. 119, 279
 Изгоев А. С. 36, 175—177, 191, 192, 414
 Изотов Е. М. 137
 Иков (Миров) В. К. 228
 Ильин 415
 Ильин-Женевский А. Ф. 122
 Ильяшев 205
 Иорданский Н. И. 225
 Ираклионов 167, 168
 Исув И. А. 297, 303, 410
 И. Т. 118
 Иткина А. М. 137
 Каледин А. М. 287, 288, 327, 333, 417
 Калинин М. И. 106, 427
 Каменев Л. Б. 68, 99, 394—396, 399, 425—427
 Каминский Г. Н. 126
 Камков Б. Д. 244—247, 252, 306, 407
 Канатчиков С. И. 97
 Капелинский Н. Ю. 48, 301
 Капнист 321
 Карлинский А. П. 257
 Карпов Н. И. 430
 Карташев А. В. 257, 320, 337, 338, 340, 343, 349
 Каутский К. 44, 90, 91, 219
 Каюров В. Н. 396, 397
 Кедров М. С. 171
 Керенский А. Ф. 48, 59, 68, 92, 149, 167, 196, 201, 204, 206, 217, 218, 233, 239, 244, 251, 254, 259, 261, 268, 269, 283—290, 307, 312, 314—320, 326, 328—330, 332, 333, 335, 336, 338—345, 347—349, 358, 381, 388, 401, 410, 413, 414, 416, 421, 422, 424, 431, 433, 435
 Керженцев В. 239
 Кибрик Б. С. 260, 410
 Кизеветтер А. А. 41, 67, 175, 202, 208, 319
 Кин Д. 109
 Кириенко Ю. К. 192
 Киселев А. С. 430
 Кишкин Н. М. 315, 318, 319, 330, 341, 343—345, 347—349, 414, 416
 Кнорин В. Г. 128
 Коваленко Д. А. 156
 Коваленко П. 300, 301
 Козьмин А. И. 432
 Кокошкин Ф. Ф. 174, 195, 311, 320, 329, 340, 342, 417
 Колегаев А. Л. 308, 406
 Коллонтай А. М. 92
 Колокольников П. Н. (Дмитриев К.) 303
 Комин В. В. 17
 Комюсаренко Л. А. 15, 375
 Кон Ф. Я. 301
 Кондырев А. 148
 Коновалов А. И. 35, 40, 149, 263, 343, 349, 414
 Коренчевский В. Г. 415
 Корнилов А. А. 41, 186, 189, 196
 Корнилов Л. Г. 200, 202, 287, 312, 317, 322, 325—333, 335, 336, 338—344, 346, 349, 359, 415, 417, 418
 Королев Г. 237
 Коротков Е. Н. 145
 Кошинский В. А. 325
 Косиор С. В. 98
 Костеловская М. М. 99
 Костицын В. А. 225
 Кострикин В. И. 14
 Костылев Б. Н. 185
 Кочаков Б. М. 378
 Кравчук Н. А. 237
 Красильников Н. 176
 Кремьянский 241
 Крестинский Н. Н. 97
 Кривонос К. М. 137
 Кринский Б. И. 201
 Кристаловский И. 431
 Кроль Л. А. 185, 319
 Крохмаль В. Н. 293

- Крумин 261
 Крупская Н. К. 396, 437
 Крыленко Н. В. 280
 Крымов А. И. 330
 Кубиков И. — см. Дементьев И. Н.
 Кувшинов В. А. 35
 Кузнецов 292
 Кузько В. А. 144
 Куманев В. А. 9
 Кутлер Н. Н. 315
 Кутузов В. В. 387
 Куусинен О. В. 445
 Кучин Г. Д. 288
- Лаверьгчев В. Я. 16, 312
 Ладыженский И. И. 228
 Лапинский С. 394
 Лапшин С. Л. 137
 Ларин Ю. 228, 230, 299, 301
 Лассаль Ф. 148
 Лафарг П. 88
 Лейберов И. П. 28
 Лемешев Ф. А. 74
 Ленин В. И. 3—5, 7—10, 12, 13, 15, 16, 22, 24—27, 30, 32—36, 42—46, 52, 56, 57, 60, 61, 67—71, 75, 77, 78, 82, 83, 85, 86, 88—103, 107—110, 121—126, 129, 130, 135—137, 140, 143—145, 147—152, 154—161, 163, 164, 166, 169—171, 174, 176, 177, 179, 180, 182, 189, 194, 208—210, 213, 215, 217—224, 230, 231, 242, 244, 254, 256, 259, 261—263, 266, 267, 271—280, 281, 282, 286, 290, 291, 303, 304, 306, 310, 311, 324, 333, 335, 337, 338, 350, 351, 353, 356—361, 364, 367, 368, 370, 373, 374, 377—379, 384, 385, 388, 391—400, 403, 404, 409, 410, 417, 419, 421, 423—428, 432—435, 437, 438, 441, 442
 Леонтьев С. М. 417
 Лепешинский П. Н. 11
 Либер (Гольдман) М. И. 256, 269, 270, 299, 300, 303
 Линде Ф. Ф. 49
 Линдов (Лейтейзен) Г. Д. 214, 292, 293, 360
 Ломов А. 358, 410
 Лосский Н. О. 175
 Лукашев А. В. 108
- Лукин Н. М. 410
 Луначарский А. В. 12, 272, 361
 Львов В. Н. 40, 339, 340, 366
 Львов Г. Е. 256, 283
 Львов Н. Н. 366
 Любарский 321
- Магомедов Ш. М. 105
 Маевский Е. 43, 46
 Майнов И. И. 308
 Маклаков В. А. 178, 179, 204, 206, 269, 288, 330, 342
 Малашко А. М. 17
 Мальшев И. М. 141
 Мальков А. М. 16, 331
 Мандельштам М. Л. 203, 321
 Мануильский Д. З. 351, 352
 Мануйлов А. А. 182, 196, 207, 208, 324
 Маркс К. 5, 6, 14, 24, 67, 88, 91, 93, 95, 148, 176, 177, 213, 217, 219, 222, 243, 281, 425, 441
 Мартов Л. 45, 46, 63, 64, 213, 227, 228, 231, 259, 297, 299—303, 408, 409, 411, 413
 Мартынов А. Р. 43, 45, 46, 102, 228, 297, 300, 303, 402
 Марута И. 116
 Маслеников А. М. 272, 282, 283
 Маслов П. П. 230
 Маслов С. Л. 216, 217, 222, 223, 235, 241, 250, 251, 264, 421
 Махарадзе Ф. Е. 292
 Мейер А. (A. Meyer) 6, 71, 280
 Мельников 162, 167
 Менжинская В. Р. 307, 362
 Метельков П. Ф. 376
 Миллер В. М. 49
 Милюков П. Н. 36—41, 61, 62, 66, 72, 92, 149, 162, 176, 183, 184, 191, 196—199, 201—208, 217, 218, 262, 270, 271, 273, 283, 285, 288, 290, 291, 310—312, 314, 315, 317—323, 325, 329—333, 336, 338—344, 347, 349, 379, 383, 411, 412, 414, 416—420, 435
 Милотин В. П. 97, 353, 427
 Минин С. К. 430
 Минор О. С. 346
 Мицц И. И. 6, 9, 11, 17, 18, 136, 160, 280, 351, 394, 395
 Мицц С. 233
 Мительман М. И. 386

- Митин Ф. А. 225
 Митрофанов А. X. 101
 Михайлов Л. М. 106
 Михайловский Н. К. 177
 Мишаков В. П. 71
 Мстиславский С. Д. 246, 247, 408
 Мурашов С. И. 17
 Муштуков В. Е. 28
 Мякотин В. А. 54, 257, 258
 Мясликов А. Ф. 127, 436
 Мясоедов И. Н. 257
- Набоков В. Д. 8, 314, 315, 336, 340, 344, 348, 349, 411, 414, 416, 417, 420
 Найденов М. Е. 8
 Натансон М. А. 56, 248, 407
 Нахимсон С. М. 379
 Некрасов Н. В. 40, 205, 312
 Нестров Г. 215
 Нечаев А. П. 186
 Никитин А. М. 358
 Николаевский Б. И. 225
 Николай II 37, 39, 68
 Новгородцев П. И. 311, 319, 414, 415, 417
 Новиков З. 165
 Новоселов А. 116
 Новосильцев Л. 312
 Новоторжский Г. 53, 251
 Нопин В. П. 170, 259, 260, 351, 352, 437
 Нольде Б. Э. 314, 411, 420
- Обичкин О. Г. 131
 Оболенский В. А. 330—333
 Озеров И. X. 182, 287
 Ознобишин Д. В. 15
 Ольденбург С. Ф. 320, 340
 Ольминский М. С. 65, 281, 372
 Орлов К. Н. (Егоров И.) 102
 Осинский Н. 109
 Остолопов И. А. 374
- Павличкая Н. И. 375
 Панина С. В. 311
 Панков Г. Г. 46, 48, 225
 Панкратов В. С. 276, 308
 Панкратова А. М. 119
 Пекарский Э. К. 308
 Пельше Р. 165, 168
 Переверзев П. Н. 261
 Першин П. Н. 82
 Петраш В. В. 382, 387
- Петрашкевич 228
 Петрищев А. П. 54
 Петров И. Ф. 8, 17
 Петрункевич И. И. 324
 Пешехонов А. В. 53, 54, 261, 283, 346
 Пилецкий Я. А. 259
 Плетнев Б. Д. 185
 Плеханов Г. В. 43, 44, 63, 124, 177, 213, 214, 216—218, 221, 225, 226, 228, 231, 289, 408
 Подбельский В. Н. 110, 139
 Подвойский Н. И. 106
 Покровский М. Н. 12, 13
 Полковников Г. П. 432
 Половцев П. А. 276, 277
 Попов Е. И. 15
 Попов Н. Н. 15
 Попова Е. 132
 Пораделов 431
 Потехин М. Н. 376
 Потресов А. Н. 45, 63, 230, 299, 410
 Почебут Г. А. 28
 Преображенский Е. А. 351
 Прилежаев И. А. 249
 Протопопов А. Д. 66
 Прохватилов Ю. А. 170
 Прохоров С. П. (Иванов С.) 142, 143
 Прсынян П. П. 247, 248, 308
 Пуришкевич В. М. 188, 272, 283
- Раевский М. 219
 Разгон И. И. 81
 Ракитников Н. И. 232, 243, 249, 250, 308
 Раткин (Равкин) А. И. 79, 80
 Рафес М. Г. 4, 49
 Рахья И. А. 108, 132, 427
 Рахья Э. А. 75
 Резниченко А. Н. 15
 Рид Д. 420
 Ризоль Т. С. 136
 Рихтер В. Н. 411
 Ровио Г. С. 356
 Родзянко М. В. 35, 38, 39, 41, 66, 149, 269, 271, 288, 419
 Родичев Ф. И. 178, 179, 197, 322
 Рожицын В. 188
 Рожков Н. А. 109, 218, 292, 299, 303
 Розенблюм (Фирсов) Д. С. 216, 411
 Розенталь Н. Н. 41

- Розов В. А. 186
 Ромас Е. 387
 Ромм В. 261
 Рубан Н. В. 12, 303
 Руднев В. В. 241, 370
 Руднев С. П. 415
 Руэский Д. П. 285
 Рыков А. И. 68, 99
 Рысс/П. 335
 Рябушинский П. П. 35, 79, 327, 328, 419

 Савельев М. А. 97, 377
 Савельев Ю. С. 133
 Савинков Б. В. (Ропшин) 57, 59, 333, 338
 Савич Н. В. 188, 204, 209, 272
 Сазонов И. С. 276, 277, 375
 Самбуров П. 118
 Сан С. 110
 Сахаров А. Н. 6
 Свердлов Я. М. 307, 362, 372, 428, 433
 Святицкий Н. В. 4, 58, 376
 Севрук П. Н. 97
 Селицкий В. И. 156
 Семенов С. 121
 Семковский С. Ю. 45, 303
 Сивков П. З. 122, 153
 Сигов А. И. 308
 Сидоров А. Л. 6
 Склянский Э. М. 383
 Скобелев М. И. 48, 152, 156, 215, 218, 256, 261, 263, 264, 268, 269, 272, 283, 294, 346, 357, 358, 374, 389, 393, 411
 Скрыпник Н. А. 97, 351
 Славин Н. Ф. 16, 208, 331, 347, 413
 Слуцкий А. И. 98
 Смилович П. Г. 101, 110
 Смилга И. Т. 424
 Смирнов А. Н. 303
 Смирнов А. С. 406
 Смирнов С. А. 343
 Смолин И. С. 28
 Соболев Г. Л. 6, 7, 378
 Соболев П. Н. 82
 Соболева П. И. 15
 Совокин А. М. 8, 170
 Соколов Б. 240
 Соколов К. 195
 Соколов Н. Д. 48, 277
 Соколовский М. 48, 225
 Сорокин А. 126, 279

 Сорокин И. 116
 Сорокин П. А. 223, 244, 246, 247, 307, 402
 Сорский П. 251
 Соскис Д. В. 308
 Спиридонова М. А. 215, 244, 245, 306, 307
 Спирин Л. М. 8, 10, 17, 18, 187, 233
 Спундэ А. П. 434
 Сталин И. В. 97, 351, 352, 428
 Сталь Л. Н. 98
 Станкевич В. Б. 29
 Старостин П. Н. 97
 Старцев В. И. 356
 Старынкевич И. Ю. 308
 Стахович А. 311
 Стеклов Ю. М. 12, 13, 48
 Степанов В. А. 319
 Степанов З. В. 75, 385, 386
 Степанов (Скворцов-Степанов) И. И. 178, 430
 Степун Ф. 333
 Столыпин П. А. 36
 Сторожук Л. Л. 83
 Строев В. 292, 301, 360
 Струве П. Б. 43, 78, 100, 218
 Студитов-Парфенов П. И. 138
 Сурик (Емельянов А. В.) 110
 Суханов Н. Н. 29, 30, 48, 58, 226, 300, 353

 Тарасов-Родионов А. И. 149
 Тарногородский Н. 153
 Темкин Я. Г. 71
 Тепляшина Е. И. 9
 Терещенко М. И. 167, 267, 358, 411, 412
 Тимме Я. А. 114
 Титов И. В. 284
 Тихомирнов В. А. 111, 112, 122
 Токарев Ю. С. 48, 200
 Токарский М. А. 79
 Толстов В. Ф. 124
 Тома А. 198
 Третьяков С. Н. 79, 315, 327, 349, 419
 Троцкий Л. Д. 27, 44, 71, 101, 102, 361, 362, 395, 396, 398, 433
 Трубецкой Е. Н. 179, 201, 202, 205, 329
 Трукан Г. А. 429, 430
 Трутовский В. Е. 219, 245, 307, 408

- Туган-Барановский М. И. 176,
 177, 223
 Туманов 73
 Тыркова-Вильямс (Тыркова)
 А. В. 36
 Тютюкин С. В. 35
 Тяпкин 167
 Ульяновский А. Г. 386
 Урицкий М. С. 361, 428, 430
 Успенская 301
 Устинов А. М. 247, 248, 308
 Федоров Г. Ф. 106, 108
 Федоров М. М. 418
 Федченко П. 6
 Филипповский В. Н. 270
 Фирсов — см. Розенблюм Д. С.
 Флеккель Б. О. 58
 Фомин В. В. 114
 Фостер У. 443
 Френкель З. Г. 337
 Фрунзе М. В. (Михайлов) 158,
 159
 Харитонов М. М. 102
 Хаскина С. Е. 15
 Хатаевич М. М. 122
 Хесин С. С. 238, 382
 Хинчук Л. М. 258, 303, 436
 Ходоров 384
 Хрущов А. 317, 332
 Церетели И. Г. 45, 50, 51, 62—
 64, 71, 72, 103, 104, 107, 121,
 123, 149, 169, 170, 208, 215,
 223, 227, 231, 256—261, 264,
 265, 267, 268, 274, 275, 277,
 283, 288—291, 294, 297, 299,
 302, 316, 334, 344, 346—348,
 357, 374, 389, 390, 393, 414
 Чайковский Н. В. 257
 Чекоидзе 216
 Червяков И. А. 430
 Череванин Н. 45, 225
 Чернев А. В. 228
 Черницкий А. И. 363
 Чернов В. М. (Ю. Гарденин)
 52, 54, 56, 57, 59, 64, 72,
 206, 208, 215, 221, 223, 239,
 244, 246, 247, 249, 251, 253,
 254, 258, 261, 264, 265, 267,
 269, 270, 272, 273, 283, 290,
 291, 307, 316, 343, 346, 358,
 393, 436
 Чернов Н. А. 228
 Черномазов М. Е. 135
 Черномордик С. 13
 Черных А. Г. 220
 Чернышев В. Р. 225
 Чернышевский Н. Г. 281
 Черняков 156
 Чиркин 229
 Чулков Г. И. 337
 Чхеидзе Н. С. 45, 48, 51, 121,
 123, 231, 256, 267, 270, 277,
 288, 289, 303, 348, 393
 Чхенкели А. И. 303
 Шалагинова Л. М. 55
 Шаумян С. С. 44
 Шаховской Д. И. 62, 179, 183,
 194, 195, 202, 208
 Шидловский С. И. 330
 Шилов 152
 Шингаев А. И. 40, 208, 264,
 317, 324, 332, 338, 339, 344,
 349, 419
 Шишко П. И. 406
 Шляпников А. Г. 32
 Шмидт В. В. 32, 132
 Шотман А. В. 428
 Шрейдер 307
 Штейнберг И. З. 308, 407, 411
 Штернберг Л. Я. 308
 Штурмер Б. В. 41
 Шульгин В. В. 204, 209, 287,
 288
 Шумяцкий Б. З. 113
 Шутко К. И. 98
 Элиава Ш. З. 292
 Эльцин Б. М. 430
 Энгельс Ф. 14, 24, 67, 88, 91, 93,
 148, 213, 222, 281, 425, 441
 Эрде Д. И. 11
 Эрлих Г. М. 164, 292
 Югов М. 12
 Юдин Ф. 303
 Юренев П. П. 320
 Юренев К. К. (И. Юренев) 102,
 292, 351, 352
 Языков А. А. 430
 Яковлев В. Н. 113
 Яковлев Я. А. 98
 Яковлева В. Н. 117, 125, 429
 Ямайкер М. 296
 Ярославский Е. М. 9, 351, 352
 Яхонтов 97, 299
 Яхонтов В. И. 109, 303, 408

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
I. ПОБЕДА ФЕВРАЛЬСКОЙ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ И НОВАЯ РАССТАНОВКА КЛАССОВЫХ СИЛ В СТРАНЕ	
Глава первая. Политические партии в России и Февральская революция	23
1. Большевики: самодержавие свергнуто, революция продолжается	24
2. Кадеты. Их путь к власти	34
3. Меньшевики. Попытки обосновать право буржуазии на власть	42
4. Эсеры. Блок с меньшевиками	51
Глава вторая. Большевики и их политические противники о расстановке сил в стране	61
II. БОЛЬШЕВИКИ И ПРОТИВОСТОЯЩИЕ ИМ ПАРТИИ В ПЕРИОД ДВОЕВЛАСТИЯ	
Глава третья. Большевики	88
1. В. И. Ленин о перспективах социализма в России	88
2. Против объединения с меньшевиками	100
3. Новое пополнение партии	129
4. В борьбе за полномочия Советов	148
Глава четвертая. Кадеты	173
1. «Обновление» программы	173
2. Провал плана «демократизации» партии	183
3. В борьбе за единовластие буржуазии	194
Глава пятая. Меньшевики и эсеры	212
1. «Социалисты» против социалистической революции	213
2. Фракции в меньшевизме	224
3. «Мартовские» эсеры	232
4. Коалиция с кадетами — «союз для остановки революции»	255
5. Поддержка наступления на фронте	265
6. Соучастники антибольшевистских репрессий	269
III. ПАРТИИ ПОСЛЕ ИЮЛЬСКИХ СОБЫТИЙ. БОЛЬШЕВИКИ ОБРЕТАЮТ МАССОВУЮ ОПОРУ	
Глава шестая. Меньшевики и эсеры. Капитуляция перед кадетами. Дальнейшее обострение кризиса мелкобуржуазных партий	282
1. На Государственном совещании	282

2. Объединительный съезд меньшевиков	291
3. Назревание раскола у эсеров	305
Глава седьмая. Кадеты. Провал их плана установления военной диктатуры	310
Глава восьмая. Большевики. Курс на вооруженное восстание	350
1. Отношение к лозунгу «Вся власть Советам!»	350
2. Рост сплоченности партии	359
3. Партийность масс. Большинство политически активных рабочих и солдат — за РСДРП (большевики)	364
 IV. БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ПАРТИЯ И ЕЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОТИВНИКИ В КАНУН ОКТЯБРЯ	
Глава девятая. Большевики готовят восстание	391
Глава десятая. Идеологическая борьба в условиях общенационального кризиса	400
Глава одиннадцатая. Противоречия между партиями правительственной коалиции	405
Глава двенадцатая. Приход большевиков к государственной власти	423
1. По обе стороны баррикад	423
2. II Всероссийский съезд Советов вручает руководство страной партии большевиков	434
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	439
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	448

Ханан Маркович
Астрахан
**БОЛЬШЕВИКИ
И ИХ
ПОЛИТИЧЕСКИЕ
ПРОТИВНИКИ
В 1917 ГОДУ**

Редактор Ю. А. ПРОХВАТИЛОВ. Художник А. К. ТИМОШЕВСКИЙ
Художник-редактор О. И. МАСЛАКОВ. Технический редактор
В. И. ДЕМЬЯНЕНКО. Корректор Л. М. ВАН-ЗААМ

Сдано в набор 20/1 1973 г. Подписано к печати 29/VI 1973 г. М-37912
Формат 84×108^{1/2}. Бумага тип. № 2. Усл. печ. л. 23,94. Уч.-изд. л.
26,65. Тираж 6000 экз. Заказ № 17. Цена 1 р. 80 к.

Лениздат, Ленинград, Фонтанка, 59. Ордена Трудового Красного
Знамени типография им. Володарского Лениздата, Фонтанка, 57